

Варткес Тевекелян
РЕКЛАМНОЕ БЮРО ГОСПОДИНА КОЧЕКА

Ранней весной 1931 года из порта Пирей вышел небольшой пароход под греческим флагом, совершавший регулярные рейсы между Балканами и южным берегом Франции. Единственными пассажирами на его борту была супружеская чета из Чехословацкой республики. Молодые люди продолжали свадебное путешествие по Европе. Около месяца они прожили в Швейцарии. Потом побывали на земле древней Эллады — осмотрели бессмертные развалины Парфенона, восхищаясь гением народа, много давшего человечеству во всех отраслях искусства и науки, полюбовались пламенной синевой моря, окаймляющего берега Греции, и теперь ехали во Францию.

К вечеру подул крепкий норд-ост, началась качка. Огромные волны играли пароходом, как щепкой.

В отличие от своей жены, муж не страдал морской болезнью. И когда она, вконец измотанная, задремала в каюте второго класса, он поднялся на палубу, сел на скамью и с интересом стал наблюдать, как беснуется море.

Волны с ревом обрушивались на палубу, а потом, шипя и пенясь, скатывались с нее. Свинцовое небо то и дело прорезали молнии, грохотал гром.

Поеживаясь от холодных соленых брызг, молодой человек задумчиво смотрел вдаль. Проходивший мимо матрос крикнул ему по-французски:

— Смотрите, мсье, как бы вас не смыло за борт!..

«Ну уж нет, не для того я исколесил столько стран, чтобы на пороге к цели очутиться за бортом!» — подумал, усмехнувшись, молодой человек и в ту же минуту ясно представил себе, как он входит в кабинет своего начальника. Тот встает из-за большого стола, идет к нему навстречу и, пожимая руку, спрашивает:

— Как самочувствие, товарищ Василий?

— Отличное, — бодро отвечает он.

— Прекрасно! Значит, пора браться за новую работу. За трудную, интересную, а главное — очень нужную работу...

— Я как пионер — всегда готов!

Худое, усталое лицо начальника на мгновение смягчает улыбка.

— Сядем сюда, — он указывает на кожаный диван у стены. — Слушайте меня внимательно. Первоочередная задача — найти надежное прикрытие и, как говорят актеры, войти в роль. Когда справитесь с этим и пустите корни в стране, где вам предстоит работать, только тогда возьметесь за дело, ради которого едете. Только тогда!.. Вы отправляетесь за границу с единственной целью: быть в курсе всех событий, связанных с фашистской опасностью. Для вас, конечно, не новость, что правящие круги некоторых капиталистических стран настолько ослеплены ненавистью к Советскому Союзу, что не замечают, вернее, не желают замечать тучи, собирающиеся над Европой. Больше того, своей близорукой политикой они вольно или невольно помогают фашистским молодчикам, рассчитывая, что в конечном итоге сумеют направить фашистскую агрессию против нас...

Начальник замолкает на минуту, словно взвешивая все сказанное им. Молчит и он, Василий...

— На днях отправитесь в Чехословакию, — продолжает начальник. — Поедете с советским паспортом, поживете среди словаков, поближе познакомитесь с бытом, нравами. Главное — язык. Я знаю, вы изучали словацкий, но владеете им слабо. Поэтому вы хотя и будете словаком, но долго жившим с родителями в России, хорошо знающим русский язык и слабо родной. Получив чехословацкое подданство — в этом вам помогут, — поедете в Швейцарию и, только основательно акклиматизировавшись, попрактиковавшись во французском языке, отправитесь во Францию. Ваша внешность, обширные знания и опыт помогут вам войти в роль. Хочу еще раз напомнить: самое трудное в нашем деле — это прикрытие. Мобилизуйте все свое умение и не спеша создавайте такое прикрытие, чтобы, как говорится, комар носа не подточил!..

— В качестве кого я поеду в Швейцарию и когда, каким путем должен возвратиться на родину?

— В Швейцарию поедете с женой — в качестве молодоженов, совершающих свадебное путешествие. А когда и как вернетесь домой, вам сообщат в свое время...

Когда все это было? Почти год назад. Времени прошло немало, а кажется, что только вчера был этот день, послуживший поворотным пунктом в судьбе Василия...

Ветер начал стихать. Василий встал и, держась за канат, протянутый вдоль палубы, спустился в каюту. Жена его, Лиза, спала. Не зажигая света, он разделся и лег. В каюте было душно, пахло краской. Василий ворочался с боку на бок, но сон не шел: в памяти одна за другой вставали картины недавнего прошлого.

...До Словакии они добрались без всяких приключений. Словаки пришли им по душе: народ добродушный, с юмором, очень гостеприимный, во многом напоминающий украинцев. Все шло хорошо — Василий побывал и в том маленьком городке, где он якобы родился. Повидался со своими «родственниками», внимательно разглядывал их лица и запоминал имена, фамилии, прозвища. В Братиславе зашел в ремесленное училище, которое будто бы окончил, — по специальности он

автомеханик. Единственным затруднением был язык. Начальник оказался прав; его словацкого языка почти никто не понимал, — произношение никуда не годилось. Пришлось задержаться в Словакии дольше условленного срока — на целых три месяца, чтобы хоть немного освоить разговорную речь.

С получением чехословацкого паспорта не было особых затруднений. Голова городка, который Василий избрал местом своего рождения, жил около трех лет в России и горячо сочувствовал Советскому Союзу. Получив оттуда письмо с просьбой помочь Василию, он выдал ему официальную справку, в которой говорилось, что предъявитель ее действительно является Ярославом Кочек, 1897 года рождения, сыном Мореики Кочековой. Потом, вернувшись из Братиславы, куда ездил для переговоров с чиновником полицейского управления, голова вручил Василию бумагу, адресованную полицейскому управлению, с просьбой выдать заграничные паспорта Ярославу Кочеку и его жене Марианне, желающим совершить свадебное путешествие по Швейцарии и Франции.

Чиновник полицейского управления Братиславы, получив от головы двести крон (значительные деньги по тем временам), не стал утруждать себя излишними вопросами и, записав фамилию, имя и возраст, сличив фотокарточки с натурой, на следующий день выдал Василию и Лизе заграничные паспорта.

Первый шаг в предстоящем долгом пути был совершен: Василий Сергеевич Максимов стал подданным Чехословацкой республики, словаком по национальности, католиком по вероисповеданию, автомехаником по профессии, а его жена Елизавета Владимировна — Марианной Кочековой...

На вторые сутки ранним утром пароход под греческим флагом причалил к одной из торговых пристаней Марселя.

После соблюдения пограничных и таможенных формальностей, прежде чем возвратиться паспорта подданным дружественной Франции Чехословацкой республики, полицейский офицер счел необходимым поинтересоваться: надолго ли приехал во Францию мсье Кочек и имеет ли он намерение заняться коммерческой деятельностью? Есть ли у него во Франции родственники или близкие знакомые, если да, то где они проживают? Не состоит ли мсье Кочек в коммунистической партии? Получив исчерпывающие ответы, полицейский офицер повертел в руках паспорта и, не придумав ничего лучшего, спросил:

— Мне хотелось бы запросить Братиславское училище, в котором вы учились, о правилах приема иностранцев. Не скажете ли, мсье, на какой улице находится это училище?

Прием был явно неуклюжий, и «мсье Кочек», внутренне усмехнувшись, спокойно назвал адрес училища и добавил:

— Свой запрос вы можете адресовать директору училища, господину Кибалу. Несмотря на почтенный возраст, старик все еще продолжает руководить училищем.

Полицейский офицер, видимо вполне удовлетворенный ответом, возвратил паспорта и напомнил, что мсье Кочеку и его супруге разрешается проживать во Франции и свободно передвигаться по ее территории в течение двух месяцев, после чего они обязаны либо покинуть страну, либо продлить разрешение на право проживания во Франции в департаменте полиции или в его местных органах.

С тремя чемоданами и небольшим саквояжем Василий и Лиза вышли с территории порта и, наняв такси, попросили отвезти их в недорогой, но приличный отель.

Прогуливаясь после обеда по многоязычным, шумным улицам Марселя, они обсуждали дальнейшие планы поездки по Франции.

— Лучше всего купить подержанную машину и в ней совершать путешествие, если, конечно, удастся получить водительские права. Так будет и дешевле, и мы больше увидим, — негромко сказал Василий по-русски.

— А потом?

— Когда будем уезжать, машину продадим, выручим те же деньги. Ты ведь знаешь, в моих руках любая машина будет в целости и сохранности.

Василий тут же купил в газетном киоске карту автомобильных дорог Франции, изданную специально для туристов, и правила уличного движения. На следующий день, узнав в отеле адрес магазина, в котором продаются подержанные автомашины, они поехали туда.

Такси доставило их на окраину города, к воротам с огромной вывеской: «Автоателье». На огороженной площадке — ряды подержанных машин всех стран мира, всех марок. Подбежал юркий человечек, любезно осведомился; какую автомашину и примерно за какую цену хотел бы приобрести мсье?

— Хорошую, надежную, но не очень дорогую, — ответил Василий на сносном французском языке.

— Могу предложить почти совсем новые — «рено», «испано-сюиза», «паккард», «бьюик», «фиат».

После долгого осмотра Василий остановился на черном итальянском лимузине «фиат» выпуска

1929 года.

— Мсье понимает толк в автомашинах! — сказал юркий человечек и заломил такую цену, что Василий только рукой махнул.

— Какую цену желает предложить мсье?

Прежде чем ответить, Василий попросил заправить автомобиль бензином, сел за руль, проехал по площадке. Проверил тормоза, прислушался к работе мотора и, убедившись, что машина в хорошем состоянии, предложил за нее три тысячи франков. После утомительной торговли сошлись на трех тысячах восьмистах франках. Василий внес аванс с условием, что ателье берет на себя труд получить дорожные знаки и поможет ему достать любительские права.

Вечером, прежде чем лечь спать, Василий долго изучал правила уличного движения во Франции. Они оказались проще, чем у него на родине. Потом разложил на столе карту Франции и отметил карандашом дороги, по которым им предстояло ехать. Лиза, полулежа на кровати, читала книгу.

— А не завернуть ли нам по дороге на Лазурный берег? — предложил Василий. — Поживем там немного, поглядим, как проводят свой досуг состоятельные люди. Эта хитрая наука может пригодиться нам на будущее.

— Но жить там, наверно, очень дорого?

— Это уже зависит целиком от нас!..

На следующий день, к двенадцати часам, как было условлено, к дверям отеля подкатил черный «фиат» с номерными знаками.

Василий не поленился еще раз осмотреть машину. Убедившись, что все в порядке, уплатил продавцу остальные деньги и отправился с ним в дорожную полицию за правами.

Там ему сказали, что обычно права выдаются через два дня, но поскольку мсье иностранец, то в отношении его действуют иные правила...

Прошло три дня, Василий стал волноваться, — досадно было сидеть в Марселе без дела. Он снова отправился в «Автоателье» и разыскал знакомого продавца.

— Могу посоветовать только одно, — сказал тот, — выложите сотни две франков, и все будет в порядке. Чиновники дорожной полиции тоже хотят жить... Через два часа я принесу вам в гостиницу права — и не временные, а бессрочные!..

И он сдержал слово.

Дороги во Франции были отличные. По обеим сторонам тянулись фруктовые сады. Деревья стояли в полном цвету, и Лизе казалось, что машина мчится по сплошному цветнику. Поражала тщательность, с какой обрабатывался каждый клочок земли.

— Пока все идет отлично, да? — спросил Василий, не отрывая взгляда от дороги.

— Не будем испытывать судьбу. Ты ведь знаешь, я суеверная...

— Смешно это слышать от тебя!

— Ничего смешного нет. Я просто не люблю ничего загадывать вперед...

— Ерунда! За любое дело нужно браться как следует, и все сбудется.

— Завидую твоему характеру, уверенности в себе...

— Ну, это как сказать, — пробурчал Василий, и они замолчали, погрузившись каждый в свои мысли.

На ночь остановились в дорожном отеле. Не спрашивая документов, портье молча вручил им ключи от номера. Это понравилось Василию.

— Похоже, в этой благодатной стране можно жить без всяких разрешений и виз, — сказал он Лизе.

— Вряд ли из порядков в дорожном отеле следует делать такие выводы!..

На рассвете они снова пустились в путь. У Василия был адрес недорогого пансионата на Ривьере. Хозяйка, благообразная старуха, похожая на классную даму, приняла их очень любезно и предложила им две чудесные комнаты на втором этаже, с видом на море.

Курортный сезон еще не начался, но на Ривьере жизнь была ключом. В это еще нежаркое время года здесь отдыхали главным образом ушедшие от дел старики и молодящиеся старухи. Вода в море была уже достаточно теплой, и в дневные часы огромный пляж с золотым песком пестрел от разноцветных больших зонтов, кабинок, купальных костюмов. По вечерам пожилые люди, словно боясь упустить время, веселились до изнеможения. Из открытых окон ресторанов, казино и ночных клубов гремела музыка. Мужчины в вечерних костюмах, накрашенные старухи в сильно декольтированных платьях танцевали сколько хватало сил.

Василию скоро стало ясно, что, живя в недорогом пансионате, где останавливаются люди среднего достатка, главным образом иностранцы, невозможно завязать полезные знакомства. Переехать же в дорогой отель, посещать фешенебельные рестораны они не могли из-за ограниченности средств. Поэтому Василий решил не задерживаться на Ривьере. Впрочем, и здесь, в пансионате, он не терял времени даром.

Будучи по характеру сдержанным, даже замкнутым человеком, Василий умел, когда этого требовали обстоятельства, быть любезным и обходительным. Умел он быстро и правильно оценивать людей. Эти его свойства и помогли ему отыскать среди восемнадцати жильцов пансионата нужного человека и сблизиться с ним.

Василий в первый же день заметил стройного брюнета средних лет, одетого модно, со вкусом, веселого и, похоже, легкомысленного француза Жана Жубера.

Мсье Жубер всегда был в отличном настроении и, поднимаясь по лестнице в свою комнату, насвистывал оперные мелодии, что, нужно сказать, делал мастерски. Очевидно, он любил музыку, и Василий решил воспользоваться этим обстоятельством для знакомства.

Как-то вечером моросил мелкий, надоедливый дождь. Многие жильцы пансионата разошлись по своим комнатам, другие собрались в гостиной. Кое-кто сел за карты, большинство же скучало, не зная, чем себя занять. Василий попросил Лизу сыграть что-нибудь на рояле. Лиза, отличная пианистка, села за рояль, и вскоре все присутствующие повернулись к ней, — даже картежники отвлеклись от своего важного занятия.

Услышав звуки шопеновского полонеза, Жубер на цыпочках подошел к роялю. Видно было, что он искренне наслаждался музыкой, — слушал сосредоточенно, задумчиво. Когда Лиза кончила играть, Жубер схватил ее руку, поцеловал.

— Ах, мадам! — воскликнул он. — Вы прекрасная музыкантша! Своей великолепной игрой вы доставили мне, — впрочем, я смею думать, что не только мне, — он окинул взглядом сидящих в гостиной, — истинное наслаждение. Спасибо, большое спасибо!

Знакомство состоялось.

На следующий день Жубер пригласил Василия с женой в бар, угостил их коктейлем, а к вечеру того же дня Василий и Жубер были добрыми приятелями. Прогуливаясь с веселым французом, Василий узнал, что тот — владелец рекламного бюро в Париже. Дела идут хотя и не блестяще, но все же можно жить прилично, и он, Жан Жубер, жил бы припеваючи и даже сумел бы отложить кое-что на черный день, если бы не некоторые обстоятельства... После непродолжительной паузы он доверительно сообщил новому другу, что он женат, но отношения с женой у него натянутые: жена не понимает его. Поэтому у него есть другая — прелестная женщина. «К сожалению, в наше время это обходится очень дорого», — заключил он со вздохом.

Перед отъездом с Ривьеры Жубер вручил Василию свою визитную карточку и просил навестить его, когда тот будет в Париже.

Вскоре и чета Кочевых покинула Лазурный берег.

За то время, что Кочечки провели во Франции, они укрепились в решении остановиться на первых порах в окрестностях Парижа, осмотреться и потом уж решить, как действовать дальше.

И когда перед ними раскинулся маленький уютный городок, утопающий в зелени, чистенький, с мощеными улочками, черепичными крышами, им показалось, что они нашли именно то, что искали. В центре городка — небольшая площадь. На ней — мэрия, напротив — старенькая церковь со стрельчатыми окнами и высокой колокольней. Чуть подальше — пожарная каланча. На единственной торговой улице, начинавшейся от площади, разместились аптека, лавки мясника, булочника, бакалейщика, зеленщика, мастерские сапожника, портного, парикмахерская. Улицу украшали вывески универсального магазина и бара «Свидание друзей».

Словом, это был типичный провинциальный городок — хорошо знакомый по описаниям Бальзака, Флобера, Мопассана. В самом конце городка, у обочины шоссе, приютились заправочная станция, маленький гараж и мастерская для несложного ремонта автомашин.

Этот тихий городок находился всего в каких-нибудь двадцати пяти — тридцати километрах от Парижа, что дает свои неоспоримые достоинства.

— Кто знает, — сказала Лиза, — может быть, именно здесь, в «Свидании друзей» — когда-то наверняка это был постоялый двор, — останавливался по дороге в Париж д'Артаньян...

— Возможно, — весело отозвался Василий. — Только куда ему, д'Артаньяну, до нас с тобой!

С кем, если не с хозяином заправочной станции и ремонтной мастерской, найдет общий язык автомеханик? Василий поехал прямо туда, и не успел он выйти из машины, как около него выросла фигура коренастого, грузного, краснолицего человека лет сорока, в кожаном фартуке, клетчатой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

— Чем могу служить, мсье? — спросил он.

— Попрошу вас — смените масло, налейте в бак сорок литров бензина. — И, пока хозяин работал, Василий завязал с ним разговор: — Красивый у вас городок, уютный, тихий...

— О, мсье, такого города, как наш, не найти во всей Франции! — Хозяин оказался человеком общительным и патриотом своего городка. — Наша церковь святой Терезы, которую вы видели на площади, построена в середине шестнадцатого века. В ней есть фрески знаменитых итальянских мастеров. У нас не раз останавливались короли Франции, чтобы поохотиться в окрестных лесах. Позднее сюда приезжал маршал империи Мюрат. Вы обратили внимание на дом с мезонином у

пруда? Именно в нем и жил прославленный полководец. А вы чувствуете, мсье, какой у нас чудесный воздух? Нашим воздухом не надышишься, — он как целебный бальзам!

— Вы так расхвалили свой город, что мне захотелось пожить здесь немного, — сказал Василий.

— За чем же остановка?

— Если бы я мог снять небольшой домик или в крайнем случае меблированную квартиру...

— Это не проблема. Дом тетушки Сюзанн как раз пустует. Вон на том холме, — хозяин показал рукой. — Дом очень удобный, но вы туда не доберетесь на машине: нет дороги.

— Не беда, машину можно оставить у вас в гараже. Не так ли?

— Разумеется! — Хозяин еще больше оживился. — Можете быть совершенно уверены, что ваша машина будет у меня в целости и сохранности.

— Я не сомневаюсь в этом, — сказал Василий.

— Может быть, вы хотите осмотреть дом?

— Если возможно.

— Сейчас все устроим. — И хозяин крикнул: — Гастон!

На пороге мастерской появился смуглый лохматый мальчуган лет четырнадцати.

— Проводи мсье к тетушке Сюзанн и скажи ей, что мсье имеет намерение пожить у нас некоторое время.

Домик тетушки Сюзанн удовлетворил бы самый изысканный вкус. Три светлые, просторные комнаты на втором этаже, обставленные старинной мебелью, две комнаты и кухня на первом. И — прекрасный вид на город, на окружавшие его холмы и леса. Лиза была в восторге.

С тетушкой Сюзанн, пожилой добродушной женщиной, договорились быстро, и Василий сам внес чемоданы на горку в дом. Лиза распаковала чемоданы, и скоро все комнаты имели вполне жилой, уютный вид.

— Тихо здесь, хорошо! У меня такое ощущение, что после долгих странствий мы вошли в спокойную гавань, — негромко сказала Лиза. Она стояла у окна, глядя, как за дальними холмами угасала заря. Василий промолчал, только ласково провел рукой по мягким волосам жены. Он понимал, что тихий этот городок — лишь временная остановка на их большом и трудном пути...

Жизнь в маленьком городке налаживалась легко и быстро. При помощи того же мсье Ренара, владельца заправочной станции, они наняли служанку. «Сам юре рекомендует ее!» — сказал мсье Ренар. Последнее обстоятельство порадовало Василия: служанка, рекомендованная юре, невольно будет осведомителем полиции. Исповедуясь каждое воскресенье, она расскажет юре все, что делается и говорится в доме иностранца, а юре в свою очередь поставит об этом в известность комиссара местной полиции. Тем лучше: пусть убедятся, что Кочеки обыкновенные туристы, решившие провести свой отпуск в городке близ Парижа по той причине, что жизнь здесь значительно дешевле, чем в столице.

Вскоре Василий познакомился почти со всеми видными гражданами городка — с нотариусом, учителем, булочником, с хозяином бара «Свидание друзей» мсье Дюраном и с самим юре, не говоря уж о Франсуа Ренаре — владельце заправочной станции. С ним у Василия сложились самые дружеские отношения. По вечерам Василий ходил в бар, играл в карты или в домино с новыми знакомыми и не позже девяти часов возвращался домой. По воскресеньям они с Лизой отправлялись на утреннюю мессу и ни разу не забыли бросить мелочь в урну.

Местные жители вскоре привыкли видеть на улицах, в баре или в церкви хотя и молодого, но степенного иностранца атлетического телосложения и его хрупкую милостивую жену.

Все складывалось как будто удачно. Василий нашел подходящее место для временного пристанища, познакомился с нужными людьми и, кажется, завоевал их симпатии. Но время шло с катастрофической быстротой, — приближался конец разрешения на его пребывание во Франции. Еще немного, и его вышвырнут из страны. Тогда вообще всему конец. Василий думал об этом денно и ночью, но пока ничего практического придумать не мог. Он послал письмо «домой», подробно описав положение дел, просил у «отца» совета и помощи. В ответном послании «отец» писал, что способности людей, их умение находить выход из любого положения как раз и проявляются во время трудностей и сложных ситуаций. Намекал на то, что сам, мол, не маленький — думай собственной головой...

Положение казалось безвыходным, но помог случай. Предполагая, что ему скоро предстоит уехать и что нужно заранее подготовить машину, Василий зашел в мастерскую Ренара и попросил у него разрешения разобрать мотор и смазать узлы. Тот полюбостествовал:

— Неужели мсье собирается нас покинуть?

— Придется!.. Законы Франции по отношению к иностранцам очень строги, скоро кончается срок моей визы.

Василий надел комбинезон и занялся мотором. Он работал долго. Ренар не отходил от него, внимательно наблюдая за работой иностранца, и, когда тот снова собрал мотор, сказал с восхищением:

— Вы хотя и любитель, но работаете не хуже профессионала механика!
— Вы не ошиблись, у себя на родине я работал автомехаником, — ответил Василий, вытирая тряпкой руки.

— Вот бы нам объединиться и работать вместе! Я давно ищу себе компаньона... Подумайте, при небольших затратах нам удалось бы расширить дело, прилично заработать и отложить кое-что на старость.

— Я-то не прочь поработать с вами, да и кое-какой капитал у меня есть. Но, к сожалению, срок моей визы скоро кончится. К тому же иностранцам на территории Франции нельзя заниматься предпринимательством без особого разрешения...

— Все это пустяки, формальности! При желании мы бы нашли выход.

— Каким же образом?

— Очень просто. Мэр нашего городка и начальник полиции — мои друзья детства. Они не откажутся помочь, при условии, конечно, что мы с вами договоримся обо всем.

— Думаю, договоримся. Мне ведь все равно приходится зарабатывать на жизнь. Где же, как не во Франции, можно заработать прилично? Городок ваш и люди пришлись мне по душе. Почему бы мне и не остаться здесь?

— Только учтите, мсье Кочек, — для расширения дела нам придется приобрести некоторое оборудование. Ну, для начала, скажем, универсальный и шлифовальный станки, более мощный электромотор. Нужно заказать новую вывеску, поместить объявление в газетах. А все это стоит денег...

— Понимаю!

— Если станете моим компаньоном, то все пополам — расходы и доходы, не так ли? — спросил Ренар.

— Разумеется! — с готовностью согласился Василий. — Мы учтем капитал, вложенный вами в дело, подсчитаем предстоящие затраты, и если половина суммы не превысит мои скромные возможности, то я ваш компаньон. При условии, конечно, что будет продлена виза и получено официальное разрешение властей заняться мне здесь предпринимательством.

— Уверен, что мы с вами найдем общий язык! — заключил Ренар, и они направились в заведение Дюрана пропустить по стаканчику вина.

Василий пришел домой в веселом настроении.

— Ну, старушка, дела наши, кажется, налаживаются! В скором времени я стану совладельцем заправочной станции, гаража, ремонтных мастерских и буду загребать кучу денег. И превратимся мы с тобой в типичных буржуа! — Василий говорил по-русски, зная, что служанка давно ушла домой.

— О господи! Именно об этом я и мечтала всю жизнь... А еще что?

— А еще мы получим разрешение на проживание во Французской республике и на право заниматься предпринимательством! — И Василий рассказал ей о своем разговоре с Ренаром. — Ну что, стоящий парень твой муж?

— А иначе я бы за тебя и замуж не пошла! — рассмеялась Лиза.

— Только во всем этом есть одно «но», — сказал Василий.

— Какое?

— Войдя в компанию с Ренаром, мне придется много работать в мастерской, — свободного времени не останется вовсе. И получится, что я приехал за тридевять земель, чтобы жить как средней руки буржуа.

— И все-таки пока ничего другого не остается. Разве ты забыл, что мы должны пустить корни в стране и только потом...

— Сам знаю, что нужно ухватиться за это предложение, ухватиться обеими руками!

— А что, если ты поставишь Ренару условие, что сам работать не будешь? Можешь сослаться на меня, — жена, мол, не хочет, чтобы я работал простым механиком...

— Чудачка, Ренару нужны прежде всего мои руки. Компаньонов с деньгами он найдет, а вот высококвалифицированного механика... Кажется, впрочем, я уже придумал! По существующим правилам, иностранец, желающий получить разрешение, дающее право проживать на всей территории Франции, сперва получает квитанцию, которая называется «ресэ-писэ», подтверждающую подачу заявления, и имеет право жить во Франции до получения ответа. Случается, что ответ задерживается и владелец квитанции преспокойно живет здесь хоть до окончания века. Вот я и предложу своему будущему компаньону, что по получению квитанции внесу в дело свой пай и буду работать в мастерской три дня в неделю, — разумеется, с соответствующим уменьшением моей доли в прибылях. После же получения разрешения остаться во Франции — «карт-д'идентитэ» — стану полноправным компаньоном и начну работать в полную силу. К тому времени много воды утечет в Сене и мы придумаем что-нибудь еще!

— Вроде все получается логично, — ответила Лиза. — Все знают, что мы приехали во Францию, чтобы побывать в музеях, картинных галереях, посмотреть памятники архитектуры. А вот уже почти полтора месяца сидим здесь и, по существу, ничего не видели. Почему бы нам не воспользоваться случаем и до получения разрешения не бывать чаще в Париже, тем более что я,

твоя жена, изучаю историю искусства!..

Дня через два к Василию прибежал мальчуган из гаража.

— Мсье Кочек, вас просит зайти хозяин! Он сказал, что у него срочное дело.

— Хорошо, Гастон, сейчас приду. А это тебе на кино! — Василий бросил мальчугану серебряную монету.

Ренар сообщил Василию, что сегодня они могут встретиться с мэром города и начальником полиции.

— Мы условились встретиться в Сен-Клу, недалеко отсюда, и там, за ужином в ресторане, обо всем договориться. Такие дела, знаете ли, лучше всего решать подальше от посторонних глаз и ушей!..

Они приехали в Сен-Клу пораньше, чтобы встретить мэра и начальника полиции. Столик был заказан по телефону, метрдотель встретил их и провел в глубь зала.

Ренар заказал закуски, вина и доверительно сообщил Василию:

— Мои друзья вполне одобряют идею нашей с вами совместной работы. Они, как и все жители нашего городка, весьма высокого мнения о вас и о вашей очаровательной жене. Вы человек деловой, трезвый, скромный, к тому же религиозный. Не смотрите на меня так удивленно. Я знаю, что говорю!..

— Очень рад, что у вас и ваших друзей сложилось такое лестное мнение о моей скромной персоне. Я тоже сразу почувствовал к вам расположение и доверие, дорогой мсье Ренар!

Вскоре появились гости. Ренар представил мэру города и начальнику полиции будущего своего компаньона.

Ужин прошел непринужденно. Фурнье, мэр городка, он же директор отделения банка «Лионский кредит» и представитель страховой компании, господин лет сорока пяти, с заметным брюшком, оказался веселым и остроумным собеседником. Он много пил не пьянея, только лицо его стало багровым. Начальник полиции Руле, высокий, худой, подтянутый, был угрюм и малоразговорчив. На вопросы, обращенные к нему, отвечал вежливо, но односложно.

Во время десерта перешли к обсуждению деловых вопросов. Мэр сказал, что ему известно желание господина Кочека обосноваться в их городке и стать компаньоном всеми уважаемого мсье Франсуа Ренара, и тут же добавил, что стать самостоятельным предпринимателем или компаньоном подданного Французской республики иностранцу не легко. Все предприятия регистрируются в торговой палате департамента, и непременным условием регистрации является наличие у будущего предпринимателя достаточно солидного текущего счета в банке, указание об источниках состояния и доходов и рекомендация людей, пользующихся безукоризненной репутацией.

— У меня на родине, — сказал Василий, — кроме приданого жены есть небольшие сбережения. Приданое мадам Кочек составляет значительную сумму, но является для меня неприкосновенным: сами хорошо понимаете, всякое случается в жизни... Я напишу отцу, и он немедленно переведет мне тысяч семь-восемь франков. Думаю, что на первых порах такая сумма вполне достаточна для расширения дела. — Василий посмотрел на Ренара, и тот кивнул в знак согласия. — Кстати, если не ошибаюсь, господин мэр является директором местного отделения банка «Лионский кредит». Если разрешите, я открою свой текущий счет у вас и попрошу отца перевести деньги в ваш банк.

— Пожалуйста, вы можете открыть текущий счет хоть завтра! — сказал Фурнье и добавил: — Утром можете подать заявление через начальника полиции, нашего друга Руле, — он выдаст вам квитанцию. Не так ли, Жермен?

Тот молча кивнул.

— Как видите, мсье Кочек, все складывается вполне благоприятно. После поступления денег на ваш текущий счет я дам вам рекомендацию для представления в торговую палату. Думаю, что то же сделает по нашей просьбе и владелец бара, мсье Дюран. Я не ошибаюсь, Франсуа?

— Разумеется, — отозвался Ренар.

— Дюран весьма уважаемый в наших краях человек. Кроме бара он владеет еще большими виноградниками, — добавил мэр.

— О, Дюран денежный мешок! — вставил начальник полиции.

— Почему бы нам не отметить наши первые успехи? — Ренар позвал гарсона и велел подать бутылку шампанского.

Оплатить ужин хотел было он же, но Василий запротестовал:

— Мы с вами будущие компаньоны, мсье Ренар, — следовательно, все пополам — и доходы и расходы, так будет справедливо! — сказал он шутя и оплатил половину счета.

Его поступок не ускользнул от внимания мэра и начальника полиции. Они одобрительно переглянулись, что, похоже, должно было означать: «Этот Кочек, кажется, не скупой, но и не мот, — он себе на уме...»

Вернувшись домой, Василий занялся письмом «отцу» в далекую Словакию. Понимая, что хотя Франция и свободная страна, но начальник полиции наверняка захочет ознакомиться с содержанием письма иностранца, адресованного за границу, Василий писал с особой тщательностью, обдумывая

каждое слово.

Закончив письмо, он позвал Лизу и прочитал ей вслух:

«Дорогой отец!

Прежде всего, рад тебе сообщить, что мы с Марианной, слава богу, пребываем в добром здоровье и чувствуем себя здесь, на благодатной земле Франции, отлично. Мы молим бога, чтобы он послал тебе и всем нашим родственникам здоровья и благополучия.

Дорогой отец, как я уже писал тебе, я познакомился с хорошими людьми и решил обосноваться здесь. Хозяин здешнего гаража и заправочной станции, мсье Франсуа Ренар, на редкость достойный человек, предложил мне стать его компаньоном, вложить некоторую сумму денег и расширить дело — превратить гараж в ремонтную мастерскую. Сам понимаешь, это то, что мне нужно. Я ведь неплохой автомеханик, — во всей Словакии едва ли кто-нибудь сможет лучше меня отремонтировать моторы внутреннего сгорания всех систем.

Разумеется, я с большим удовольствием принял предложение мсье Ренара. Уверен, что дело у нас пойдет. Правда, я еще точно не знаю, сколько придется вложить в дело денег, но полагаю, что моя доля будет не такой уж большой — в пределах моих возможностей.

Надеюсь, ты одобришь и благословишь мое начинание. Если я не ошибаюсь в своих предположениях, то прошу тебя перевести на мой текущий счет в здешнем отделении банка «Лионский кредит» семь тысяч французских франков, по нижеуказанному адресу.

Тебе низко кланяется Марианна. Привет всем родственникам и знакомым, особенно тете Кларе.

Остаюсь твой любящий сын и покорный слуга

Ярослав Кочек.

26 мая 1931 года

город Н., близ Парижа».

Закончив чтение письма, Василий спросил:

— Ну как, достаточно ясно?

— Вполне. Хорошо бы скорее перевели деньги...

— Переведут, в этом я не сомневаюсь! Скоро мы перейдем с тобой на полную самокупаемость и не будем нашим в тягость!

— Это было бы чудесно, — ответила Лиза.

Как было условлено накануне, Василий явился утром к начальнику полиции Жермену Руле с просьбой выдать ему разрешение на проживание во Франции, так как он имеет намерение вложить значительную сумму денег в предприятие Франсуа Ренара, гражданина Французской республики, и стать его компаньоном.

Руле принял Кочека учтиво, усадил в кресло, внимательно прочитал заявление.

— Отлично, да, очень хорошо! — наконец изрек он, но решил все же продемонстрировать свою власть. — Не будет ли мсье Кочек любезен сказать: работая у себя на родине автомехаником, он состоял в профсоюзе? В каком?

— Что вы, мсье Руле, какой там еще профсоюз! Я ведь был младшим компаньоном, то есть в глазах профсоюзных руководителей презренным буржуа!

— Понятно, — полицейский одобрительно кивнул головой и, подумав немного, задал следующий вопрос: — Вы газеты выписываете?

— Нет, иногда покупаю в киоске «Матэн» или «Энтрансижан», чтобы практиковаться во французском языке и узнать новости.

— А за какую партию вы голосовали во время последних выборов у себя на родине?

— За нашего президента, господина Бенеша.

— Кажется, у вас в Чехословакии много коммунистов?

— Понятия не имею! Я вообще политикой не интересуюсь...

— Как вы думаете, мсье Кочек, можно ли установить на земле равноправие, как утверждают коммунисты?

— Чушь! Я работаю не покладая рук, берегу каждый сантиметр и, накопив небольшой капитал, открываю собственное дело. А другой, лентяй и лежебока, хочет равняться со мной, ничего не делая! Нет, мсье, это несправедливо!

— Я тоже так думаю, — заключил начальник полиции и выдал Василию квитанцию.

Недели через полторы пришел ответ от «отца». Кочек-старший писал, что он одобряет решение сына стать компаньоном достойного господина Франсуа Ренара, тем более в таком деле, которое он хорошо знает. Правда, коль скоро Ярослав решил обосноваться во Франции, было бы

лучше жить в Париже, где, без сомнения, гораздо больше возможностей для способного и делового человека. Конечно, нехорошо молодому человеку жить вдали от родины, но, с другой стороны, настоящая родина там, где хорошо живется. Старик извещал, что перевел семь тысяч франков по адресу, указанному сыном. «Пойми, — писал он, — семь тысяч франков — это целое состояние, потерять их легко, а вот заработать куда труднее».

Читая письмо «отца», Василий улыбался. «Молодцы, все понимают», — думал он. А слова о том, что в Париже больше возможностей, вполне ясны: ведь его конечная цель — Париж. Но для этого требуется солидная подготовка, — вот он и занят этой подготовкой.

Вскоре Фурнье известил господина Я.Кочека официальным письмом о том, что на его текущий счет поступило из Чехословакии семь тысяч франков.

Теперь Василию нужно было зарегистрировать в торговой палате департамента половину ремонтной мастерской на свое имя и тем самым окончательно упрочить свое положение. Человек, имеющий собственное дело, — фигура, столп общества. Власти относятся к нему с доверием.

Утром Василий, свежевыбритый, в белоснежной накрахмаленной рубашке с модным галстуком в полоску, бодро вошел в гараж. В этот ранний час шоссе пустует, — редко кто заправляет машину бензином. Ренар сидел за конторкой и, подперев рукой щеку, смотрел на дорогу. Увидев Василия, он сразу оживился.

— О, мсье Кочек, доброе утро! Как хорошо, что вы зашли! — Он крепко пожал руку будущему компаньону.

Василий приступил к делу.

— Отец перевел на мой текущий счет семь тысяч франков, — сказал он, — об этом известил меня вчера уважаемый мсье Фурнье. — Василий показал извещение и сразу понял, что весть о поступлении денег уже дошла до хозяина гаража.

— Очень рад! — Ренар вежливости ради пробежал глазами записку. — Надеюсь, мы с вами сегодня же договоримся обо всем и, не теряя времени, оформим наши взаимоотношения. Сами видите, гараж пустует, заправочная колонка бездействует. Другое дело — ремонт!

— Вы, вероятно, уже подсчитали средства, вложенные вами в дело, и дополнительные расходы на организацию ремонтной мастерской? — спросил Василий.

— Да, да, конечно! — Ренар подошел к конторке и достал толстую бухгалтерскую книгу. — Тут учтено все до сантима и, уверяю вас, ничего не преувеличено.

— Мсье Ренар, я вам верю, как самому себе. Не затрудняйте себя подробностями, достаточно будет, если вы назовете итоговые цифры.

Ренар выписал цифры аккуратной колонкой на отдельный листок и протянул его Василию.

— Мною вложено в дело шесть тысяч четыреста франков, — сказал он. — Я снимаю с этой суммы девятьсот франков — за то, что более пяти лет пользовался гаражом. Думаю, так будет справедливо. Остается пять тысяч пятьсот франков... — Затем он сказал, что на приобретение оборудования для ремонтной мастерской и прочие расходы, включая объявления в газетах, потребуется шесть тысяч шестьсот франков.

— Таким образом, мсье Кочек, — закончил он, — ваша доля составит шесть тысяч пятьдесят франков. Полагаю, целесообразно зарегистрировать наше предприятие в торговой палате с капиталом в сорок тысяч франков. Правда, это потребует некоторых дополнительных расходов на налог, но они оправдаются. Чем больше капитал у предприятия, тем солиднее оно выглядит, тем большим кредитом будет пользоваться. Вы согласны со мной?

— Я внесу свою долю сразу же, как только будет оформлена у нотариуса наша договоренность, — сказал Василий. — Однако у меня есть к вам просьба. Дело в том, что моя жена изучает историю искусства и сама немного рисует. Ей необходимо бывать в музеях и картинных галереях вашей страны, ознакомиться с памятниками архитектуры. В дальнейшем, может быть, она продолжит свое образование в Сорбонне. Поэтому я хотел бы на первых порах иметь свободными дня два-три в неделю, — разумеется, с соответствующим уменьшением моей доли в прибылях. Со временем в этом отпадет надобность. К тому же я получу положительный ответ на мое заявление, что окончательно упрочит мое положение во Франции.

Ренар задумался, почесал в затылке.

— Откровенно говоря, я предложил вам войти в дело после того, как увидел вашу работу и убедился, что вы действительно мастер. Конечно, деньги, которые вы вносите, тоже на улице не валяются... Но ведь и самой роскошной вывеской доброй славы не заработаешь. Впрочем, раз вы ставите такие условия, значит, так нужно. И мне остается только согласиться, с одной, правда, оговоркой: когда будет срочный заказ — работать вместе, потом уж выкраивайте свободные дни!

— Мсье Ренар, начнем работать, а там видно будет! Мы ведь друзья и всегда сумеем договориться!

На том и порешили. В течение ближайших дней были выполнены все формальности, и новое предприятие с основным капиталом в сорок тысяч франков было зарегистрировано в торговой палате департамента под названием «Ремонтная мастерская Франсуа Ренар и компания».

Лето в этом маленьком городке оказалось на редкость приятным. Даже в самые жаркие дни зной смягчало обилие зелени и воды, а по ночам порой бывало так прохладно, что приходилось укрываться пуховыми перинами — по здешнему обычаю. Высокие своды вековых каштанов смыкались над мощными улицами. У пруда, в котором старые плакучие ивы купали свои ветви, мсье Дюран открыл летний павильон, где кроме вина подавали прохладительные напитки и мороженое.

Чета Кочеков жила скромно и размеренно. В семь часов утра вставали. Чашка кофе с бриошами — и ровно в восемь на работу. В двенадцать часов завтрак, в шесть обед. Недолгая вечерняя прогулка у пруда, стаканчик-другой хорошего вина с друзьями в павильоне мсье Дюрана, легкий ужин, часа два чтения и — здоровый, крепкий сон при открытых окнах.

Дела в мастерской постепенно налаживались. Вывеска с аршинными буквами во весь фасад, объявление в газетах о гарантийном ремонте по умеренным ценам сделали свое дело. Но слава о замечательном иностранном механике распространилась по всей округе после того, как Василий отремонтировал старенький «форд» сельского врача.

Поломка была незначительная, но сама машина, что называется, дышала на ладан. Конечно, за восстановление этой развалины можно было заломить немалую сумму, но Василий уговорил Ренара в целях рекламы взять умеренную плату.

Точно в назначенный срок — через пять дней — машина была отремонтирована, сношенные детали заменены, тормоза подтянуты, мотор отрегулирован, а выкрашенный заново кузов блестел на солнце, как новенький. Хозяин машины пришел в полный восторг, когда сел за руль. Такой ремонт за такую сумму!

— Чудо как хорошо вы отремонтировали мою машину! — Врач долго тряс руку Василия и от полноты чувств отвалил ему пять франков чаевых.

Разъезжая по всему округу, врач этот стал лучшей рекламой мастерской «Ренар и компания». Он усиленно рекомендовал всем своим пациентам — владельцам машин — ремонтировать их только в этой мастерской и не жалел слов, расхваливая золотые руки чехословацкого мастера, который разбирается в моторе как бог.

Заказы сыпались со всех сторон, и у Василия почти не оставалось свободных дней.

Однажды, жарким солнечным утром, метрах в двухстах от мастерской остановился шикарный лимузин. Из него вылез элегантный молодой человек. Он долго копался в моторе, потом пошел в мастерскую за помощью. Увидев Василия за слесарным верстаком, владелец лимузина обратился к нему:

— Недалеко отсюда остановилась моя машина. К сожалению, все мои попытки исправить мотор не увенчались успехом... Помогите, пожалуйста!

Голос молодого человека показался Василию знакомым. Внимательно посмотрев на посетителя, он тотчас узнал его, хотя тот отпустил усики и изменил прическу.

— Сейчас, мсье, — ответил Василий. — Я только предупрежу компаньона! — И через несколько минут вышел с молодым человеком на улицу.

Отойдя с десятков шагов, тот, убедившись, что никого поблизости нет, тихо сказал Василию:

— Один ваш знакомый приехал в Париж и хочет встретиться с вами в среду, в три часа, в кафе «Ротонда» на бульваре Монпарнас. Если по каким-либо обстоятельствам в среду встреча не состоится, будьте в пятницу в тот же час на том же месте. Вы, конечно, узнаете вашего знакомого, как узнали меня. На всякий случай вот его приметы: одет в легкий фланелевый темно-серый костюм. На ярком галстуке золотая булавка с тремя маленькими камнями в форме подковы.

Разговаривая, они подходили к стоящей на обочине дороги машине, в которой сидела пышноволосяная блондинка. Молодой человек успел шепнуть:

— У меня совершенно случайная спутница — для отвода глаз. В машине мною нарушен контакт в электропроводке.

Василий открыл капот, покопался в моторе и сообщил молодому человеку:

— Мсье, беда пустяковая, нарушен контакт в электропроводке. Я присоединю контакт и подгоню машину к мастерской, а там закреплю надежно. Это займет не более четверти часа.

Вскоре все было готово. Василий вывел автомашину на дорогу, и молодой человек расплатился и уехал.

— Девочку подцепил первый сорт! — сказал Ренар, глядя вслед удалявшейся машине.

— Сколько взяли с него? — спросил Василий.

— Двадцать четыре франка.

— Ого! Двадцать четыре франка за соединение контакта в электропроводке!.. Если бы нам всегда удавалось так легко зарабатывать, мы с вами скоро стали бы крупными коммерсантами!

— Мы и стремимся к этому! — Ренар лукаво улыбнулся и принес из-за перегородки бухгалтерскую книгу. — За вычетом всех расходов, мы заработали в этом месяце тысячу четыреста шестьдесят франков — по семьсот тридцать франков на долю каждого. Для начала недурно, а? — Глаза его светились от удовольствия. — Если так пойдет, то через годик мы выречим основной

капитал, вложенный в дело.

— И я бы вернул отцу семь тысяч франков, порадовал бы старика! Он у меня прижимистый, цену деньгам знает. А получив обратно деньги, он поверит в коммерческие способности сына, сумевшего сколотить капиталец за короткое время, да еще на чужбине!..

— Какой смысл возвращать ему деньги? Они ведь ваши. Не лучше ли нам расширить дело? Купить дополнительное оборудование, организовать литейную, нанять нескольких рабочих, а там... — Ренар размечтался. Он смотрел на каштаны вдоль дороги и, как бы про себя, продолжал: — А там чем черт не шутит, со временем превратим нашу мастерскую в завод. Да, да, не смейтесь, в небольшой завод...

Встреча произошла в среду, в назначенный час. Чтобы изучить место будущего свидания и избежать всяких случайностей, Василий пораньше отправился на бульвар Монпарнас и без труда нашел «Ротонду». В этот дневной час и на бульваре и в кафе народу было немного — несколько человек за столиками на улице и двое молодых людей, видимо журналисты, внутри кафе. Они что-то усердно писали, сидя далеко друг от друга.

Василий занял столик в глубине зала, заказал пива, достал из кармана газету «Матэн» и углубился в чтение. Человек, которого он ждал, появился ровно в три часа — высокий, одетый с иголки. Василий сразу узнал его. Тот спокойно, не торопясь подошел к столику, за которым расположился Василий, и, не дожидаясь приглашения, уселся на стул рядом.

— Рад видеть тебя в полном благополучии, — сказал он по-французски и отодвинул бокал с пивом. — Слушай, ты ведь состоятельный буржуа, — закажи-ка что-нибудь более существенное. А то от пива только в животе бурчит, а толку никакого! — Гость говорил весело, непринужденно, с обаятельной улыбкой на лице. Василий подозвал гарсона, попросил принести салат, холодную телятину, сыр, бутылку бургонского.

— Мы встретились здесь потому, что мне не хотелось, чтобы нас видели вместе на улице. — Гость незаметно огляделся. — Ты слишком напряжен, держись свободнее! Ты встретился с другом и ведешь с ним дружескую беседу.

Гарсон принес еду и вино. Когда он отошел, гость продолжал:

— Я в курсе всех твоих обстоятельств. Хорошо пристроился, умно, для начала очень даже неплохо. А теперь слушай. Основная и главная твоя задача прежняя — пустить здесь, во Франции, глубокие корни. Ты приехал сюда не на месяц и не на год. Ничего, ровным счетом ничего пока от тебя не требуется — только вживайся в среду. Понял?

— Вернее, слышу. А понять этого я не могу... Если мне здесь делать нечего, то зачем я торчу здесь и зря трачу время?

— Не торопись. Придет время — узнаешь, тогда все и поймешь. Кое-что могу и сейчас сказать. Ты, надеюсь, и сам видишь некоторые новые обстоятельства... Экономический кризис, начавшийся в США в тысяча девятьсот двадцать девятом году, не утихает, наоборот — распространяется все шире. Капиталисты лихорадочно ищут выход, — они понимают, что держать обнищавшие массы в рамках старой буржуазной демократии нельзя. Отсюда — стремление к открытой диктатуре. Это относится прежде всего к побежденной Германии. Там не сегодня-завтра к власти придут фашисты, — придут при непосредственной помощи промышленников. И тогда начнется великая трагедия... Живя здесь, ты обязан быть в курсе умонастроений всех слоев общества — знать, как они относятся к фашистской опасности. Больше того, знать, как французское правительство намерено выполнять взятые на себя обязательства в отношении своих младших партнеров — Польши, Югославии, Чехословакии, Румынии — в случае серьезных политических осложнения в Восточной Европе... Ты пойми, нам не нужны чужие секреты — ни военные, ни экономические. Мы этим не занимаемся и заниматься не будем. Но бороться против злейшего врага рабочего класса и демократии — против фашизма — мы обязаны всеми доступными нам средствами! — Он замолчал, поднял бокал, разглядывая темно-рубиновое вино на свет. Потом проговорил, словно раздумывая вслух: — Кто знает, может, настанет и такое время, когда мы поможем французам, располагая необходимыми сведениями... Откроем им глаза на то, что их ожидает в случае прихода к власти в Германии фашистов. Немцы, проглотив в восемнадцатом году горькую пилюлю — подписав Версальский мирный договор, мечтают о реванше, мечтают неустанно!.. Они готовятся отомстить Франции за свой позор, отомстить безжалостно!.. Вот так-то, друг мой... Начал ты хорошо. Но ты должен перебраться в Париж. Заводи знакомства с нужными людьми, сделай все, чтобы быть постоянно в курсе событий. — Гость с удовольствием осушил бокал. — Хорошее вино, ничего не скажешь!..

— Да, вина здесь отличные. А вот к еде никак не привыкну, особенно скучаю по черному хлебу. По нашему свежему, пахучему ржаному хлебу...

— Человек ко всему привыкает, — сказал гость. — Веди себя незаметно, старайся ничем не выделяться. Каждую минуту помни: ты самый заурядный человек; кроме наживы и спорта, тебя ничто не интересует, и уж совершенно не интересует политика. Никогда, ни с кем никаких бесед на политические темы, если, конечно, это не нужно для дела... Впрочем, тебя не надо учить, — сам все

отлично знаешь.

— Знаю, конечно...

— Как Лиза? С ее знанием французского языка она, наверное, чувствует себя здесь как рыба в воде?

— Не совсем так... Что может быть хорошего в ее жизни? Четыре стены, кухня, церковь. Пустяковые разговоры с соседками о способах приготовления того или иного блюда. Торт по особому рецепту!.. Разве для этого она столько училась?

— Ничего, всему свое время. Передай ей от меня сердечный привет и скажи, что настанет и ее час. Как у вас с деньгами?

— Полный порядок! Я же предприниматель. Скоро, кажется, стану эксплуатировать чужой труд: мой компаньон мечтает нанять побольше рабочих — стать владельцем хоть и маленького, но все же завода. Мы и сейчас зарабатываем с ним неплохо. Возможно, в недалеком будущем накоплю те семь тысяч франков, что прислал мне «отец» из Чехословакии!..

— Вот видишь, оказывается, ты прирожденный коммерсант.

— Что ж, не боги горшки обжигают. Нужно будет — станем капиталистами. Дело, оказывается, не такое уж хитрое. К тому же уроки, полученные дома по коммерции и коммерческому праву, банковским и вексельным операциям, даром не прошли.

Условились, что сам Василий не будет делать никаких попыток связаться со своими, только в случае крайней необходимости напишет письмо или пошлет телеграмму «отцу» в Чехословакию. И терпеливо будет ждать связного. Василий просил передать привет родным, живущим под Москвой.

— Хорошо, передам. А теперь пошли. Расстанемся с тобой за углом, — сказал гость, и они вместе вышли из кафе.

— Ничего не рассказали, что делается там, у нас, — сказал Василий по дороге.

— Что же рассказывать? Трудимся, боремся с трудностями, строим...

— Завидую вам! — вздохнув, сказал Василий.

Василий направился было к стоянке, где оставил свою машину, но передумал. Почему бы не пройтись по бульвару? Дневной зной спал, пройтись было бы приятно, а подумать ему, слава богу, есть о чем...

Вот он просил приезжего товарища передать привет своим родным. Тот непременно исполнит эту просьбу — отправится в подмосковную деревню, отыщет сестру Василия Ефросинью и брата, колхозного механизатора, Александра.

Ефросинья удивится, встревожится: «Где ж сам-то Василий? Почему давно нет от него писем? И что это он вздумал приветы с оказией передавать, — почему сам не напишет?»

В ответ приезжий товарищ скажет:

«Вы, Ефросинья Сергеевна, за него не беспокойтесь. Василий жив, здоров, того и вам желает. Не пишет потому, что такие обстоятельства у него...»

«Какие такие обстоятельства, что нельзя даже письмецо родным написать?» — не унимается сестра.

Совсем, наверно, старенькая она стала!.. Года три назад, когда он видел ее в последний раз, она уж и тогда выглядела старухой. А какая была бойкая, живая! Заменяла ему мать, когда та умерла родами.

Брат Александр, медлительный, скупой на слова, промолчит, — что, мол, толку спрашивать чужого человека? Раз Василий не пишет, значит, так надо, видно, есть на то причина. И, только прощаясь с приезжим, он скажет:

«Передайте Василию, что мы его всегда ждем. Пусть приезжает хоть этой осенью. Боровка как раз заколем и вообще...»

Бесконечно далек был в эти минуты Василий в своих мыслях от Парижа, от бульвара Монпарнас!.. Он видел себя маленьким мальчуганом на русской печи, под овчиной, рядом с братишкой, в закопченной, покосившейся от времени отцовской хате, крытой соломой. Сестра Ефросинья хлопочет у печи, думая всегда только об одном: чем накормить троих мужиков? Отец-здоровяк ест за троих, они с братом тоже едоки не из последних — только давай! Земли у них нет, отец занимается извозным промыслом — ездит в Москву с грузом, домой возвращается молчаливый, злой, — заработка не хватает на то, чтобы сытыми быть.

С шести лет Василий ходит в церковноприходскую школу — ходит только осенью и весной. Зимой не может: школа далеко, а валенок у него нет. Но это не мешает ему через три года закончить школу с отличием. Учитель говорит на прощанье: «Большие способности у тебя и память феноменальная!.. Постарайся дальше учиться — авось человеком станешь». Он не понял, что значит «феноменальная», но учиться очень хотел. Только ничего из этого не выходит. Отец сурово говорит: «Тоже мне, новый Ломоносов нашелся. Хотел бы я знать, на какие такие шиши ты учиться собрался? Читать, писать умеешь — ну и хватит...»

Василий начинает помогать отцу — ездит с ним в Москву, ходит за лошадьми, таскает тяжелые

мешки. Ему до сих пор памятен кислый запах постоянных дворов, до сих пор видит во сне пьяных возчиков, а в ушах звенят их крики, брань...

Когда Василию стало невмоготу, он заявил отцу, что хочет поступить на завод.

«Мы хоть и плохо живем, — сказал отец, — зато мы свободные люди — нет над нами ни мастеров, ни надсмотрщиков. Я не против, — хочешь надеть себе на шею ярмо, надевай, только прежде хорошенько подумай...»

Долго думать не пришлось, — Василий узнал, что есть место ученика слесаря в механической мастерской в Москве. Платили мало — шесть рублей за двенадцать — четырнадцать часов работы. Но для него, никогда не державшего в руках денег, и шесть рублей были богатством.

К слесарному делу у Василия обнаружились большие способности, и в учениках он пробыл недолго. Через год хозяин положил ему четырнадцать рублей в месяц. Василий справил хромовые сапоги в гармошку, суконные брюки, пиджак, белую косоворотку и картуз с блестящим козырьком. Так в ту пору одевались мастеровые, и молодой слесарь старался не отставать от моды. Он до беспамьяства любил музыку, и еще он очень хотел знать иностранные языки. В этом был повинен учитель церковноприходской школы, который знал латынь и греческий и говорил, что истинно образованный человек должен знать языки. Василий купил учебники, словари и решил изучать два языка одновременно, — только не латынь и греческий, а английский и французский. Парень он был настырный — ежедневно запоминал по десять слов и никогда, ни при каких обстоятельствах не отступал от своего решения. Когда ему удалось скопить денег, он купил гармошку. Какая была это радость!..

Василий был уже квалифицированным слесарем, ремонтировал сложные машины. Он снял с товарищем комнату, прилично, по моде одевался, по-прежнему упорно изучал языки, много читал, два раза в неделю брал уроки музыки. Изредка ездил в деревню навещать родных, и каждый раз с подарками.

Началась война и перевернула все вверх дном.

Крестьянина Московской губернии, Загорского уезда, деревни Выселки Василия Максимова, сына Сергея, 1897 года рождения, призвали в армию в конце 1915 года. Как мастерового, «разбирающегося в разных механизмах», его, после трехмесячной маршировки в учебном батальоне, зачислили в автомобильную роту. Там Василий хорошо изучил автомобиль и вскоре стал шофером, — профессия в русской армии дефицитная и потому довольно привилегированная.

В автомобильной роте собрался народ мастеровой, грамотный, понимающий, что к чему. Когда начальства поблизости не было, давали волю языкам — говорили откровенно. Особенно толково говорил Забродин, механик с московской фабрики «Трехгорная мануфактура», участник баррикадных боев на Пресне, отсидевший за это восемь лет.

Про Забродина говорили, что он большевик, а кто такие большевики — Василий в то время не знал. Спрашивать же боялся, — еще нарвешься на кого не надо, беды не оберешься... Забродин много видел, много читал. Знай о его разговорах с солдатами начальство, не миновать бы механику военно-полевого суда. Солдаты автороты уважали Забродина и всячески оберегали его. Он был первым человеком, открывшим Василию глаза на истинное положение вещей, заставившим над многим задуматься.

Однажды осенью, когда все свободные от дежурства солдаты автороты собрались около раскаленной печурки, Забродин, затягиваясь табачным дымом, заговорил будто невзначай:

— Да, братцы, скверно... Третьи сутки не переставая льет дождь. Холодно, сыро, и на душе тоскливо. Нам-то вроде ничего — есть крыша над головой, начальство дров не жалеет...

— К чему ты это? — перебил его пожилой солдат из питерских рабочих.

— К тому, что очень уж мудрено устроен мир, одним достаются шишки, а другим пышки... Солдатики-то сидят в сырых окопах, мерзнут, вшей кормят, чтобы другие могли жить сытно и в тепле...

— После войны все изменится, — сказал один из солдат. — Не может несправедливость вечно продолжаться, — добавил он, помолчав.

— Как же, изменится, держи карман шире! Вернешься домой, если, конечно, жив останешься, все начнется сызнова, — сказал другой.

Вокруг печурки наступило тяжелое молчание. Люди, оторванные от дома, от родных, от привычной жизни, думали каждый о своем, но думы их, как и судьбы, были во многом схожи.

— Какой же выход? — нарушил наконец молчание пожилой солдат.

— Кончать войну — и айда по домам! Дел у нас и дома по горло, — сказал Забродин.

— А родную землю на поругание немцам оставить?

— Зачем? По ту сторону фронта тоже солдаты. Сказать им: братцы, так, мол, и так, давай кончать войну и марш до хауза. Они такие же горемыки, как и мы, поймут, — сказал Забродин...

Ночью Василию спалось плохо, — из головы не выходили слова Забродина: «Кончай войну — и айда по домам». Почему бы и нет? Очень даже просто, — если солдаты побросают винтовки, тогда и войне конец. В ту ночь Василий с тоской думал, как было бы хорошо вернуться домой, — хотя какой у него дом? Комнатенка, которую он снимал пополам с товарищем, да старая отцовская изба...

Вспомнил он голубоглазую девушку с косичками... Звали ее Лидой. Они познакомились в библиотеке, потом стали встречаться — ходили по улицам Москвы или по аллеям Сокольников, держась за руку. Василию казалось тогда, что он и дня не проживет без Лиды, и неизвестно, чем бы кончилась его первая любовь, если б по война... Позже, во время гражданской войны, когда после ранения под Перекопом он вернулся в Москву, разыскать Лиду он не смог...

На высокой башне часы пробили семь. Василий словно проснулся, — пора возвращаться домой! Уже сидя в машине, он подумал о том, что Лиза знает о его мимолетной любви к девушке с косичками и, кажется, немножко ревнует. Так уж устроены женщины: они могут ревновать и к далекому прошлому, ничего не поделаешь!..

Несмотря на поздний час, в мастерской горел свет: мсье Ренар дожидался компаньона.

— Наконец-то вы вернулись! — приветствовал он Василия.

— Что-нибудь случилось?

— Случилось!.. Я получил заманчивое предложение и хочу обсудить его с вами. Солидная парижская фирма по продаже подержанных автомашин предлагает нам договор на капитальный ремонт пятидесяти машин в месяц и на текущий ремонт от десяти до двадцати. Кажется, мои мечты на пути к осуществлению!

— Боюсь, что с нашими скромными возможностями такие масштабы нам не по плечу.

— А почему нам не расширить дело? Имея солидный заказ, мы без труда добьемся банковского кредита, поставим дополнительное оборудование, найдем рабочих.

— Стоит ли рисковать? Сейчас по всей стране в делах застой. Залезем в долги и не выберемся...

— Удивляюсь я вам, мсье Кочек! К нам в руки плывет золотое дело, а вы отказываетесь! — Ренар говорил раздраженно, без обычного своего добродушия.

— Я не отказываюсь от предложения — я не враг себе, — мягко сказал Василий. — Я только призываю вас, Франсуа, реально взглянуть на вещи. Капитальный ремонт в наших условиях — недостижимая мечта, как бы мы ни расширяли мастерскую. Мы только потеряем свое доброе имя, да и заказчиков тоже. Давайте возьмемся на первых порах за легкий ремонт, за окраску. И не более восьми — десяти машин в месяц, и то при условии, что у нас будет дополнительно пять-шесть квалифицированных помощников и недостающее оборудование.

— Что ж, как ни обидно, боюсь, что вы правы! — сказал Ренар после недолгого раздумья. — Ну ничего, со временем слава о нас пойдет по всей Франции!

— Будем надеяться, — согласился Василий. — Как бы только при найме новых рабочих не пришлось нам столкнуться с профсоюзными деятелями. Эти каналы способны у человека душу вымотать!..

Василий хорошо понимал, что в маленьком городке делать ему больше нечего, разве что помогать доброму толстяку Ренару сколотить солидный капитал и со временем стать заводчиком.

Он строил десятки планов переезда в столицу, но при серьезном анализе они рушились, как карточные домики. Как-то вечером, сидя в кресле у открытого окна, Василий отложил газету и сказал Лизе:

— Завтра поеду в Париж, разыщу Жана Жубера. Помнишь его?

— Конечно, помню. Как я могу забыть того, кто так восхищался моей игрой на рояле, да и мной, кажется, тоже...

— Вот-вот!.. Стоит, по-моему, попытаться сблизиться с ним и, может быть, при его помощи перебраться в Париж.

— Во всяком случае, ты ничем не рискуешь!

Рано утром, как обычно, Василий пошел в мастерскую, проинструктировал мастера и, сев в свой «фиат», укатил в Париж. Там он легко разыскал рекламное бюро мсье Жубера — маленькую, убого обставленную контору.

— О... о, кого я вижу, — мсье Кочек! Какими судьбами? — Жубер поднялся навстречу Василию. — Рад, очень рад видеть вас в добром здоровье. Садитесь, садитесь вот сюда, — Жубер показал рукой на кресло рядом с письменным столом, — рассказывайте, как поживаете, что поделяетесь? Я часто вспоминаю вас и вашу прелестную жену.

Василий рассказал о себе и пригласил Жубера приехать к ним как-нибудь на воскресенье.

— У нас очень мило — уют, тишина. После Парижа вы отлично отдохнете. А какие хорошие люди! Узнавая французам ближе, я становлюсь горячим патриотом Франции!..

— Мне приятно слышать это. В истории моей родины немало примеров, когда иностранцы становились патриотами Франции и даже с оружием в руках сражались за ее интересы. — Жубер посмотрел на часы. — Надеюсь, вы располагаете временем? Что, если мы пообедаем вместе? Отличная идея, не правда ли? Я знаю чудный ресторанчик! Минут через двадцать я освобожусь. Посмотрите пока альбом с образцами нашей продукции, — я сейчас вернусь. — Жубер подал гостю альбом в сафьяновом переплете и вышел.

Альбом был заполнен похожими одна на другую фотографиями толстощекого улыбающегося коротыша в белом фартуке, в поварском колпаке, с подносом на вытянутой руке. Только на подносе менялись продукты — куры, колбасы, рыба, фрукты, бутылки с вином.

В шкафу за стеклом стояли фигурки таких же коротышей, сделанные из папье-маше и раскрашенные.

Рассматривая эти фигурки, Василий невольно подумал, что у владельца рекламного бюро не такая уж богатая фантазия. А ведь при некоторой инициативе и выдумке можно, пожалуй, создать интересное дело...

В «фиате» Василия они поехали на Монмартр и, оставив машину на стоянке, зашли в небольшой уютный ресторан. Жубера здесь знали. Не успели они сесть за столик, как к ним подошел сам хозяин, осведомился о здоровье, сообщил, что получены отличные омары.

Жубер продуманно заказал обед. Он был в хорошем настроении, так и сыпал анекдотами и смеялся от всей души. Немного захмелев, он поведал другу — так теперь он называл Василия — историю своей невеселой жизни.

— В наше время, имея семью, содержать любовницу — весьма дорогое удовольствие!.. Дела же, скажу вам по совести, не блестящие. Проклятый экономический кризис, конца которому не видно, основательно парализовал деловой мир. И я тоже едва свожу концы с концами. А тут еще рабочие, — они все социалисты или коммунисты, парод отпетый. С каждым днем предъявляют все новые и новые требования, как будто я содержу мастерские единственно для того, чтобы создать им приличные условия жизни... Жена моя — она намного старше меня — часто болеет, вечно ворчит. Все-то ей не нравится, и, вероятно, догадывается о существовании крошки Мадлен. А что из того, бог мой? Неужели трудно понять, что в современном мире ни один уважающий себя мужчина не обходится без любовницы, если, конечно, он не кретин и не скряга!..

Василий молча, с выражением сочувствия на лице, слушал излияния Жубера. И его материальные затруднения, и беспорядочная жизнь давали повод думать, что рано или поздно можно будет с ним столкнуться. Но — только не спешить, не пороть горячку!..

— Хотите, я познакомлю вас с Мадлен? — спросил Жубер. — О, вы увидите, как она очаровательна!

— Не сомневаюсь, у вас отличный вкус!.. Вот что — приезжайте к нам с мадемуазель Мадлен! Моей жене представьте ее... ну, скажем, как вашу кузину, племянницу...

— Замечательная идея! — еще больше оживился Жубер. — Надеюсь, в вашем городишке есть приличная гостиница, где можно было бы остановиться?

— Зачем вам гостиница? Наш дом в вашем распоряжении.

— Ну, это неудобно...

— Очень даже удобно! Мы предоставим в ваше распоряжение две комнаты. Приезжайте в субботу, чтобы пробыть у нас до понедельника. Покатаемся по нашему пруду, погуляем, а вечером будем музицировать. Я взял напрокат приличный инструмент. Отлично проведем время! — Василий написал адрес, номер телефона и протянул листок Жуберу. — Позвоните, когда надумаете приехать, — я вас встречу.

На старых каштанах появились тронутые желтизной листья. Ветер срывал их и, покружив в воздухе, мягко опускал на землю. С утра и до позднего вечера гомонили перелетные птицы. Они кружились над городком, словно совершали круг почета, прежде чем улететь на юг, в теплые края. Луга и сады меняли свою окраску — постепенно все вокруг приобрело красновато-золотистые тона. Ветви фруктовых деревьев гнулись под тяжестью плодов. В садах и виноградниках мелькали белые чепчики женщин-сборщиц, похожие на белые ромашки. Наступила осень — прекрасная, щедрая осень Франции.

Жители городка были поглощены заботами о зиме. Запасали дрова и уголь. Хозяйки варили в медных тазах варенье, солили огурцы, капусту, мариновали помидоры, перец, баклажаны. Василий с Лизой тоже вынуждены были сделать кое-какие запасы на зиму и, главное, утеплить свой дом, поскольку план переезда в Париж пока повис в воздухе.

Жубер словно в воду канул. Являться же самому в рекламное бюро еще раз Василий считал неудобным: не хотелось показаться навязчивым. Он терзался тем, что рушился и этот его план. Значит, он в чем-то просчитался. Конечно, осечки могут быть всегда — от этого никто не застрахован. Беда в том, что этак он может потерять веру в свои силы, интуицию, никогда не подводившие его до сих пор.

«Зря потеряно столько времени!» Но разве время потеряно зря? Если судить объективно, ответ может быть только один — нет, не зря. Он сумел обосноваться во Франции, даже вернул половину денег, вложенных в дело Ренара. Правда, потребовалась жесточайшая экономия во всем, но это уже никому не интересная деталь. Деньги он отослал «отцу» в Чехословакию с хвастливым письмом: полюбуйте, мол, батя, на своего удачливого сына, сумевшего не только пристроиться в чужой стране, но еще и зарабатывать хорошие деньги!..

Конечно, имея хотя и временное разрешение на проживание во Франции, можно перебраться в Париж хоть завтра. Снять квартиру и жить себе потихонечку. Можно, — но какой в этом толк? Неизбежно возникнет множество нежелательных вопросов: «На какие средства живет в Париже этот иностранец?.. Зачем пожаловал во Францию этот подозрительный тип? Не югославский ли он террорист с чехословацким паспортом в кармане? А может быть, анархист или даже коммунист?..» На человека пала тень подозрения — репутация испорчена. А как оправдаться в глазах людей, подозревающих тебя во всех смертных грехах?

Нет, Василий не станет делать опрометчивый шаг и без основательной подготовки перебираться в столицу... С рекламным бюро, похоже, не получается, — ну что ж, бывает!.. Очень жаль, конечно, но ничего не поделаешь. В таких случаях полагается не киснуть, не опускать руки, а искать и найти другой выход. Признаться, идея с рекламным бюро была вовсе не плоха. Стать совладельцем перспективного дела в центре Парижа, развернуться вовсю... Найти нечто подобное будет, кажется, очень трудно, но попытаться надо. Известно ведь, что под лежащий камень и вода не течет.

И вот однажды утром, когда Василий, осматривая зажигание ремонтируемой автомашины, не переставая думал о своих делах, его позвали к телефону.

— Алло, мсье Кочек, добрый день! — Это был голос Жубера. От радости у Василия даже руки вспотели. — Извините, старина, что я долго не звонил вам, — меня тоже не обошла проклятая испанка. Как поживаете?.. Спасибо, если ничего не будете иметь против, я приеду к вам в субботу со своей племянницей Мадлен... Приеду четырехчасовым поездом. Итак, до субботы. Сердечный привет супруге!..

Василий медленно повесил трубку на рычаг. Значит, его тревоги были напрасны и он зря занимался самобичеванием!..

— Звонил один приятель из Парижа, — сказал он Ренару. — В субботу собирается приехать к нам.

— Я не знал, что в Париже у вас друзья.

— Вы просто запамятовали, я как-то говорил вам о нем. Это владелец рекламного бюро, мсье Жубер. Очень приятный человек!..

Вечером, обсуждая с Лизой, как они устроят у себя парижского гостя, Василий рассказывал ей о том, как он мучился.

— Недаром говорится: веру в себя потеряешь — все потеряешь! — перефразировал он восточную поговорку. — Полагаю, теперь все будет в порядке. Впрочем, не будем забегать вперед, хотя очень многое и теперь зависит от нас. Все дело в выдержке!

— Хладнокровия и выдержки тебе не занимать — на двоих хватит, — сказала Лиза.

— Ну, и тебе жаловаться на отсутствие выдержки не приходится!

— Ты так думаешь? А мне часто кажется, что я не выдержу и удеру отсюда... Брошу все и удеру без оглядки! — Лиза отвернулась, чтобы он не видел ее лица. — Ты даже не представляешь, как мне все здесь осточертело. День-деньской сижу в четырех стенах и все думаю: за какие наши грехи судьба так неласково поступает с нами? В этой дыре мне опротивело все: пустые разговоры с соседками, ханжеское лицо служанки, ерундовые романы модных писателей... Я хочу домой, к своим! Пойми меня, — тяжело вечно притворяться, каждый раз, прежде чем слово сказать, обдумывать, что и как ты скажешь. И так месяцами, годами... — В голосе Лизы звучали слезы.

— Что ты, что ты, родная? — встревожился Василий и обнял жену за плечи. — Так нельзя, ты же знаешь, во имя чего мы здесь. И куда, наконец, девалось твое чувство юмора? Подумаешь, соседки, служанка! Ну, улыбнись, улыбнись скорей! Ты же у меня умница, все понимаешь...

— Понимаю, а сердце истомилось. Знаешь, как это трудно, когда разум и сердце не в ладу... Для чего я столько училась? Чтобы вышивать салфетки, варить абрикосовое варенье, мариновать перец?

— Ничего, родная, чуточку потерпи, отдохни. Придет и твоя очередь. Мне ведь тоже не очень-то весело торчать в захолустном городке без серьезного дела, с утра до вечера ремонтировать машины и сколачивать капитал для мсье Ренара... И все-таки мы с тобой не зря тратим здесь время. Все это окупится, вот увидишь!

— Ну хорошо... извини меня... Забудем об этом разговоре! Давай лучше подумаем, как нам принять дорогого гостя и его племянницу...

— Привезем их домой, дадим отдохнуть, накормим хорошим ужином. После ужина, если у них будет желание, пройдемся к пруду или останемся дома, помузицируем. Жубер ведь большой любитель музыки.

— А в воскресенье пойдем в церковь? — спросила Лиза.

— Непременно! Мы с тобой добрые католики и не можем пропустить мессу даже из-за гостей! Если и они захотят пойти с нами, — пожалуйста! А вот как быть с обедом — не знаю. Мне бы хотелось пригласить на обед мэра, начальника полиции, Франсуа, да и самого мсье Дюрана. Пусть Жубер посмотрит, как они относятся ко мне. Но где устроить обед? В ресторане Дюрана неудобно, — он будет в числе приглашенных. Дома у нас — канительно.

— Обед можно устроить в павильоне на берегу пруда. Там есть довольно просторные кабинеты, огражденные вьющимся виноградом.

— Так и сделаем!..

В субботу Василий и Лиза встретили на станции Жубера и его спутницу — миловидную, в меру намазанную, стройненькую шатенку лет двадцати — двадцати трех, в легком, красивом платье.

Увидев Василия, Жубер приветствовал его шумно и многословно, галантно поцеловал руку Лизе и представил им спутницу.

— Моя бедная жена захворала, и племянница согласилась сопровождать меня!..

Дома Мадлен удалилась с Лизой в отведенную ей комнату, чтобы привести себя в порядок, а Василий с Жубером выпили перед ужином аперитив.

— У вас прекрасно, удивительно легко дышится, — сказал Жубер, подходя к открытому окну. — Всю жизнь мечтал иметь загородную виллу и собственный автомобиль, но, видно, так и умру, ничего не добившись! — Он невесело усмехнулся.

— Откуда у вас такой пессимизм?

— Для пессимизма у меня есть все основания... В последнее время почти прекратился спрос на мою продукцию. Мне приходится туго, тут уж не до вилл и автомашин! — Жубер повернулся к Василию. — Интересно, а как идут ваши деда?

— Нам с компаньоном жаловаться на судьбу не приходится. На наш век хватит поношенных и разбитых автомобилей, — только успевай ремонтировать!.. Не может быть такого экономического кризиса, который заставил бы людей перестать ездить. К тому же фирма наша солидная, мы ремонтируем на совесть, заказчики всегда лестно отзываются о нашей работе. Мы завоевали прочное положение.

— Вы просто счастливчик!

— К сожалению, человеческое счастье никогда не бывает полным...

— Неужели и у вас есть основания быть недовольным судьбой?

— Есть!

— Какие же?.. Если, конечно, не секрет.

— Никакого секрета, обыкновенные житейские заботы. Моя жена — искусствовед. Она единственная дочь состоятельных родителей и намерена получить ученое звание при Венском университете. Обосновавшись во Франции, мы надеялись, что она сможет совершенствоваться по своей специальности. Но мы застряли в этом маленьком городке, а часто бывать в Париже и подолгу оставаться там, чтобы посещать музеи, слушать лекции в Сорбонне...

— Так вам необходимо перебраться в Париж! — перебил Жубер.

— Не так-то это просто. Помимо того, что здесь у меня налаженное дело, остается еще главное, не забывайте, что я иностранец и мне устроиться в Париже и прилично зарабатывать почти невозможно... Не могу же я работать простым механиком или поступить рабочим на автомобильный завод! Безработных в Париже и без меня хватает. Потом, признаться, отвык я работать по найму...

Лиза позвала мужчин ужинать, и на этом деловой разговор оборвался.

Как и можно было ожидать, Жубер и мадемуазель Мадлен отказались от посещения утренней мессы. Когда Василий и Лиза вернулись из церкви, гостей дома не оказалось. По словам служанки, они позавтракали и пошли прогуляться по городу. Вид у служанки был смущенный, растерянный. Лиза спросила:

— Что с вами, Рози? Вы чем-то расстроены?

— Ах, мадам, лучше не спрашивайте! Это просто ужасно... Я видела... Видела, как они целовались! — Служанка стыдливо опустила глаза.

— Что же в этом дурного? Почему мсье Жубер не мог поцеловать свою племянницу?

— Мадам, это был совсем не родственник поцелуй! — прошептала Рози и выбежала из комнаты.

Намеченная заранее программа была выполнена полностью. Все было мило, пристойно и скромно, хотя и не скупое.

Возвращаясь домой после обеда с местной знатью, Жубер взял Василия под руку.

— Вы просто волшебник, Кочек! Чтобы завоевать сердца моих соотечественников, как вы сумели это сделать, нужно быть поистине волшебником. Я видел, с каким уважением относятся к вам жители городка, и порадовался за вас...

После отъезда гостей Василий засел за литературу по декоративному и прикладному искусству, стал усердно изучать все тонкости рекламного дела. Большую помощь в этой работе оказывала ему Лиза — она увлеклась искусством рекламы. Василия удивляли размах и значение, какие имела реклама в Соединенных Штатах Америки, и он невольно думал, что, если бы существовала «Рекламная фирма Жан Жубер и Къ», она могла бы сказать новое слово в рекламном деле во Франции...

Он был теперь настолько уверен в возможности переезда в Париж, что несколько раз ездил туда с Лизой, чтобы подыскать подходящее жилье: небольшую, в две-три комнаты, не очень дорогую, но вполне приличную квартирку недалеко от центра.

Постепенно начал он подготавливать своего компаньона к мысли о том, что им рано или поздно придется расстаться.

3

Василий не спешил делать Жуберу конкретные деловые предложения. Он даже длительное время не появлялся у него. Он терпеливо ждал, понимая, что крах рекламного бюро Жубера не за горами.

Заехав однажды в банк по своим делам, Василий, как бы между прочим, попросил одного расторопного служащего навести справку о финансовом положении рекламного бюро мсье Жубера в Париже, объяснив законное свое любопытство тем, что предполагает завязать с этим бюро деловые отношения.

— Вообще-то принцип всех банков — держать в строгом секрете финансовое положение клиентов... Но для вас, мсье Кочек, я сделаю невозможное и, если узнаю, немедленно сообщу вам, — ответил служащий.

Через несколько дней Василию стало известно, что финансовое положение Жубера самое печальное и что векселя его скоро будут опротестованы. Крах неизбежен!..

Решив, что настало время действовать, Василий поехал в Париж. Он застал Жубера в подавленном состоянии. Живой и веселый француз как-то поблек, осунулся, даже мешки появились под глазами.

— Что с вами, не заболели ли? — участливо спросил Василий, пожимая его руку.

— Не спрашивайте, друг мой!.. Скоро, кажется, я буду конченным человеком...

— Случилось несчастье?

— Смотря что называть несчастьем... Сбыта не стало, склады забиты готовым товаром. Нечем платить рабочим. Я должен за аренду помещения, должен поставщикам сырья. А тут еще подходит срок погашения векселя в банке. Вы деловой человек, знаете: опротестовали вексель — конец всему, ты банкрот и надеяться тебе больше не на что.

— Положение действительно такое критическое или вы сгущаете краски? — сочувственно спросил Василий.

— Сгущаю? Нисколько, — все потеряно, и у меня нет никакого выхода.

— Не отчаивайтесь, мой друг. На свете не бывает положения, из которого нет выхода. Давайте подумаем вместе, что можно предпринять.

— О чем тут думать? Все ясно. Вы же не заплатите по моему векселю. А даже если бы и заплатили, все равно я не в состоянии вернуть вам ваши деньги... Лучше уж сразу — пусть объявляют банкротом, опишут имущество! — Жубер безнадежно махнул рукой.

— И все-таки давайте обсудим положение, — настаивал Василий. — На какую сумму вы выдали вексель?

Жубер неохотно назвал сумму: три тысячи восьмьсот франков. Есть и еще векселя: на тысячу двести франков и на тысячу. Всего — шесть тысяч франков. Но есть и другие долги — поставщикам за папье-маше, краски, клей. Рабочим не выплачено за два месяца. За аренду помещения, электричество, мало ли еще за что...

— А конкретнее? — настаивал Василий.

Жубер впервые пристально и заинтересованно посмотрел на собеседника.

— Уж не собираетесь ли вы оплатить мои долги? — хмуро пробормотал он.

— Может быть, — невозмутимо ответил Василий.

— С какой стати? Времена добрых волшебников, кажется, давно прошли...

— Волшебников — прошли. Друзей и деловых людей — нет. Так, другие ваши долги...

— Портному, мяснику, бакалейщику, булочнику — им я, кажется, не платил за последние два месяца.

— Все понятно. А теперь выслушайте меня. Я оплачу все ваши долги, крупные и мелкие, и вложу в дело некоторую сумму, при условии, конечно, что вы возьмете меня в компаньоны!

— Вас? В компаньоны? Да с величайшим удовольствием! — воскликнул Жубер. Потом, как бы опомнившись, спросил: — Но, бог мой, зачем вам рисковать деньгами, вкладывая их в безнадежное предприятие?

— Я не думаю, что ваше предприятие безнадежное. Не обижайтесь на меня, ради всех святых, — просто вы ведете дело не совсем так, как требуется в наше время. Может быть, я не прав, но у меня сложилось такое впечатление...

Самолюбие Жубера было задето.

— Интересно все же знать, в чем же, по-вашему, заключается мое неумение правильно вести дело и на чем основаны ваши впечатления? Скоро десять лет, как существует бюро. Разве моя вина, что во всех областях торговли застой и число банкротств растет ежедневно?

— Я знаю, мой друг, что ваше бюро существует давно. Знаю и другое; по инерции вы продолжаете выпускать одну и ту же продукцию — симпатичного коротыша с подносом. Когда-то он

пользовался успехом, но ведь им вы заполнили всю Францию! А ваши очень дорогие кошки и собаки из папье-маше не находят сбыта вообще, — спокойно и мягко сказал Василий.

— Что же вы можете предложить?

— Думаю, что сейчас в рекламном деле следует исходить именно из того печального факта, что в торговле застой. Следовательно, все, буквально все, кровно заинтересованы в сбыте своей продукции. Все нуждаются в рекламе, но в рекламе разнообразной, доходчивой, неожиданной и в то же время конкретной. Я перестроил бы работу рекламного бюро — подыскал бы для рекламы новые, более солидные объекты, чем гастрономия и бакалейные лавки. — Василий говорил неторопливо, уверенно. — Наши дела могут поправиться в течение ближайших трех-четырех месяцев, при условии, что мне будет предоставлена свобода действий. Было бы целесообразно временно прекратить работу бюро и возобновить ее после основательной реорганизации.

— Прекратить?! А на что мы жить станем, позвольте вас спросить?

— Какую сумму вы брали из кассы на личные расходы? — перебил Василий.

— Тысячу, тысячу двести франков в месяц. Впрочем, так было раньше, — поспешил разъяснить Жубер, — за последние месяцы не больше пятисот...

— Отлично! Вы получите свою тысячу франков в месяц.

— Как? — Жубер недоверчиво пожал плечами.

— Очень просто, будете получать из кассы тысячу франков за счет временного уменьшения основного капитала фирмы... Не думайте, Жубер, что я какой-то филантроп. Я деловой человек и сознательно иду на определенный риск, надеясь на наши с вами силы. Мне приходится поступать так еще ради будущности Марианны, — ей необходимо жить в Париже. Иначе, конечно, я не стал бы бросать налаженное, достаточно прибыльное дело, которым занимаюсь сейчас. Недавно мы с моим компаньоном Ренаром подвели итоги — и можете себе представить? Оказывается, меньше чем за год нам удалось почти удвоить основной капитал предприятия, не принимая в расчет денег, которые мы брали ежемесячно на жизнь.

— Что ж, мне раздумывать не приходится!.. Давайте попробуем. Лично мне терять нечего, — в случае неудачи еще на несколько месяцев оттянется крах. Выигрыш во времени тоже ведь кое-что значит!..

— Не будем говорить о крахе! На днях я дам вам деньги, и вы досрочно выкупите вексель. Это произведет хорошее впечатление в финансовых кругах: фирма, испытывающая денежные затруднения, не станет учитывать векселя раньше времени.

— Что требуется от меня? — спросил Жубер.

— Да, собственно, ничего... Если не считать того, что нам нужно будет оформить наши взаимоотношения у нотариуса и зарегистрировать новое предприятие в торговой палате Парижа. У меня могут возникнуть кое-какие трудности, — я ведь иностранец. Поэтому я всецело полагаюсь на вашу помощь.

— Я сделаю для вас все, что в моих силах. В деловых кругах у меня обширные связи! — Впервые за весь этот разговор в голосе Жубера послышались бодрые нотки.

Ренар, хотя и был в известной мере подготовлен к тому, что Кочек выйдет из дела, был очень огорчен сообщением компаньона. Расстроенный, он молча стоял перед Василием, потом спросил, как ребенок:

— А как же я?

Василию стоило больших трудов успокоить толстяка.

— Все будет в порядке, не волнуйтесь! А чтобы на первых порах вам не пришлось испытывать финансовых затруднений, я оставляю свою долю капитала, ну, скажем, на полгода, не требуя процентов. Думаю, что этим я оплачу вам, хоть частично, за добро, которое вы сделали для меня. Что бы потом ни случилось, я всегда буду хранить в сердце благодарность вам!..

— Это великодушно с вашей стороны, — растроганно сказал Ренар. — Но сумею ли я один справиться с делами без вас — вот в чем вопрос?

— Несомненно справитесь! Дело налажено, заказами мастерская обеспечена на полгода вперед. Будем откровенны: какой вам смысл теперь иметь компаньона и делить с ним прибыль, когда вы и один можете расширить дело? А я, я не могу не считаться с интересами жены. Она, бедняжка, страдает здесь, хотя и старается скрывать это от меня и от всех. Марианна молода, ей необходимо завершить образование в Париже. С чем, с каким багажом она вернется рано или поздно на родину? Привезет с собой парижские туалеты? Этим никого не удивишь в наше время!..

На следующий день они посетили нотариуса и аннулировали договор на совместное владение ремонтной мастерской. Ренар вручил Василию вексель на семь тысяч франков, который тут же учел директор отделения банка «Лионский кредит». Таким образом, Василий мог перебраться в Париж, имея в кармане кругленькую сумму — одиннадцать тысяч франков наличными.

Рекомендация мэра городка, лестные отзывы Ренара и кюре, обширные связи Жубера в деловых кругах — все это сыграло свою роль, и вскоре Василий стал равноправным компаньоном

рекламной фирмы.

С переездом в Париж он не торопился. Он все еще подыскивал подходящую квартиру, а пока каждое утро ездил на работу из городка и возвращался вечером. Нередко вместе с ним ездила Лиза, по-прежнему интересовавшаяся искусством рекламы.

Прежде всего Василий прекратил выпуск коротышек, собак, кошек и рассчитал весь персонал. Без усталости бродил он по улицам Парижа, иногда в сопровождении Лизы, подолгу простаивал у витрин больших универсальных магазинов, у рекламных щитов возле кинотеатров, у театральных афиш.

Жубер безучастно наблюдал за действиями компаньона, меланхолически насвистывая арии из опер и модные песенки.

Как-то Василий и Лиза, проходя по набережной Сены мимо ларьков букинистов, увидели бледного длинноволосого молодого человека в черном свитере, рисующего цветными мелками на тротуаре уличные сценки. Некоторые из прохожих бросали мелкую монету в его кепку. Рисовал молодой человек быстро, уверенно. На сером асфальте оживали то молоденькая цветочница, то шофер такси, то подвыпивший посетитель бистро.

— Посмотри, он необыкновенно талантлив, — негромко сказала Лиза, замедляя шаги.

Некоторое время они молча наблюдали за работой художника.

Когда художник закурил, отдыхая, Василий подошел к нему ближе и спросил:

— Скажите, вы самоучка или учились где-нибудь?

У молодого человека было подвижное, живое лицо, насмешливые глаза.

— Собственно, почему это интересует вас? — Он оглядел Василия с головы до ног.

— Мне кажется, для самоучки вы рисуете слишком хорошо, а для профессионала...

— А для профессионала ничего другого не оставалось! Я пять лет учился в студии... Очевидно, мсье иностранец, если он не знает, что последнее ничего не значит!.. У меня нет мастерской, нет денег на холст и краски! — Он говорил резко, с вызовом, но, взглянув на Лизу, изменил тон. — Мать моя прикована к постели, — негромко проговорил он, — а я единственный ее кормилец. Да и самому мне тоже нужно есть и пить. Вот и добываю себе на пропитание, как могу...

— А хотели бы вы иметь постоянную работу? — спросил Василий.

— А вы знаете кого-нибудь, кто мне предложил бы ее? Кстати, учтите, меня даже гарсоном в ресторан не взяли. Говорят, слишком выразительная физиономия и выражает не то, что нужно!..

— Загляните ко мне завтра. — Василий протянул ему визитную карточку. — Скажем, в десять утра.

Молодой художник долго смотрел вслед Василию и Лизе. И, увидев в кепке кроме мелких серебряных монет трехфранковую бумажку, подумал: уж не появился ли в Париже новый граф Монте-Кристо?

Утром, в условленный час, он стоял перед Василием в его конторе.

— Садитесь и слушайте. — Василий указал рукой на кресло. — Здесь рекламное бюро, которое пока ничего не рекламирует. К сожалению, вышло так, что нужно начинать все сызнова. Вот я и пытаюсь. Прежде чем взять вас на работу, мне хотелось бы убедиться, что вы способны трудиться в области рекламы.

— Попробуйте! — У художника оказалась неожиданно широкая и добрая улыбка.

— Надеюсь, вы не чванливы и не считаете, что реклама — дело второсортное, не имеющее ничего общего с искусством, — продолжал Василий. — Моя жена, например, считает рекламу искусством, а ей и книги в руки — она искусствовед. Конечно, этот вид искусства имеет свою специфику. Но ведь не случайно, что в Америке рекламой занимаются весьма одаренные, даже признанные художники. Даю вам пять дней, — походите по Парижу, подумайте хорошенько над оформлением витрин универсальных магазинов, как рекламировать в кинотеатрах новые фильмы. Нам нужно найти оригинальные формы рекламы, но отвечающие высоким художественным требованиям. Я буду платить вам десять франков в день. — Василий достал бумажник и отсчитал художнику пятьдесят франков. — Разумеется, это на первых порах. Потом мы установим вам оклад в зависимости от ваших способностей.

— Через пять дней я буду у вас! — Молодой человек откланялся.

— Думаете, он вернется? — с иронической улыбкой спросил Жубер, молча слушавший разговор.

— Непременно!

— Святая наивность! Друг мой, вы плохо знаете парижскую богему. У этих волосатых бродяг ничего нет святого, нет ни чести, ни совести. Сегодня же ночью он промотает ваши пятьдесят франков в компании девиц легкого поведения и разве что, вспомнив вашу щедрость, выпьет бокал за ваше здоровье!..

— Я действительно плохо знаю Париж, но хорошо разбираюсь в людях. Этот парень талантлив. Он не только вернется, но и принесет стоящее предложение.

— Поживем — увидим...

Молодой художник пришел на третий день. Он принес миниатюрный объемный макет рекламы старого американского боевика «Багдадский вор». Картина эта опять шла в одном из кинотеатров

города.

На макете был изображен прославленный Дуглас Фербенкс, смуглый, обнаженный до пояса, в широких шароварах. Он притаился на крыше ажурного дворца восточного владыки. Ниже, в глубине комнаты со сводчатым потолком и узкими окнами, сидела, поджав под себя ноги, молодая девушка в легком восточном одеянии — пленница гарема. За высокими стенами дворца виднелись иглы-минаретов. На небе висел большой диск розовой луны. Все это было дано в привычных традициях «восточной романтики». Забавным и неожиданным было то, что художник включил в эту экзотическую обстановку современных парижан — тех, кто заполняет улицы, бульвары, магазины. Он как бы говорил этим: «Посмотрите фильм — и каждый из вас переживет необыкновенные приключения, вообразит себя героем!»

Василий некоторое время молча разглядывал макет. Потом позвал компаньона.

— Посмотрите-ка, Жубер, если все исполнить, ну, скажем, в половину натуральной величины, хорошо осветить, это не может не остановить внимания. Ни так ли?

— Да, неплохо...

— Работа увлекла меня, — взволнованно сказал художник и достал из папки несколько листов плотной бумаги. — Здесь наброски рисунков для рекламы кое-каких товаров...

На одном рисунке была изображена обставленная элегантно мебелью комната. Возле изящного полированного секретера стоял в полной растерянности громил с фомкой в руках. «Он так хорош, что рука не поднимается взломать его!» — гласила надпись. На другом рисунке тощий Диоген с фонарем в руках разглядывал выставку современной керамики: «Если бы я дожил до этого времени, я бы знал, где мне купить хорошенькую бочку для жилья!»

— Все это не лишено остроумия, — сказал Жубер. — Во всяком случае, свежо и ново!

— Вы молодчина, мой друг! Для начала совсем неплохо. Как ваше имя? — спросил Василий.

— Меня зовут Анри Борро.

— Так вот, Борро, сколько времени вам нужно, чтобы изготовить объемный макет «Багдадского вора»? И что для этого вам потребуется?

Лицо художника на мгновение озарилось радостью, потом снова стало сосредоточенным.

— Если дадите помощника и обеспечите необходимыми материалами, думаю, дня за три справлюсь!

— Отлично. Материалы вы найдете внизу, в мастерской. Помощника пригласите сами. Вам известны размеры витрины кинотеатра?

— Да, мсье. Я измерил витрину.

— Есть ко мне вопросы?

— Пожалуй, пока нет...

Отпустив художника, Василий поехал к владельцу кинотеатра, в котором демонстрировался «Багдадский вор». В маленьком кабинете, со стенами, сплошь завешанными афишами, произошел нелегкий для Василия разговор.

— Я пришел с деловым предложением, — сказал Василий владельцу кинотеатра.

— Слушаю вас, — ответил тот, не предложив даже сесть.

— Я совладелец рекламной фирмы «Жубер и компания». Наша фирма, помимо других дел, занята в настоящее время разработкой новых методов рекламы кинокартин. Вместо устаревших, приевшихся фотовыставок и панно мы предлагаем объемные рекламные установки, изображающие отдельные эпизоды демонстрируемых фильмов, интригующие зрителя.

— Чего же думаете достичь этим?

— Привлечь внимание публики, вызвать интерес к фильму...

— Гм... Сколько же будет стоить ваша установка?

— Примерно, тысячу — тысячу двести франков.

— О-го-го! — Владелец кинотеатра махнул рукой. — Тысячу франков! Это почти четверть дневной выручки. Какой смысл выбрасывать такие деньги, когда фирма кинопроката обязана снабжать нас рекламным материалом бесплатно? Нет, мсье, ничего у вас не получится.

— Думаю, что вы ошибаетесь. Наш метод рекламы поможет вам по крайней мере удвоить сбор. Почему бы вам не попробовать?

— Мне некогда заниматься экспериментами, да и нет у меня лишних денег... Если уж «Багдадский вор» не дает полных сборов, не поможет никакая реклама!

— В таком случае разрешите нам рекламировать картину бесплатно, в порядке опыта.

— Бесплатно? — удивился хозяин. — Зачем вам это?

— Хотя бы затем, чтобы доказать всем — в первую очередь вам — преимущества нашего метода. От вас потребуется только одно — осветить установку. Больше того, мы даем обязательство снять рекламу по первому вашему требованию.

Настойчивость Василия, его убежденность произвели впечатление. Владелец кинотеатра пожал плечами:

— Ну что ж, действуйте... Витрина в вашем распоряжении. Об освещении я позабочусь. Но помните — ни одного сантима...

— Благодарю вас! — И Василий вышел.

Из кинотеатра он отправился к директору-распорядителю большого универсального магазина и предложил оформить витрину мебельного отдела.

В отличие от хмурого хозяина кинотеатра, молодой директор-распорядитель универмага оказался приветливым и разговорчивым человеком. Он поинтересовался, как именно предполагает рекламная фирма «Жубер и компания» оформить витрину. А увидев рисунок Борро, рассмеялся и сказал:

— Это необычно и остроумно. Парижане любят такое!.. Мы меняем оформление витрин каждый месяц и вообще тратим на рекламу кучу денег. Попробуем потратить немного и на ваш эксперимент. За оформление мебельной витрины предлагаю вам триста франков, а там видно будет. К работе можете приступить хоть завтра.

— Что вы, мсье! Такой суммы не хватит даже на покупку нужных материалов.

— Ваша цена!

— Тысяча двести франков. И то только для начала. Уверен, что со временем, убедившись в преимуществах нашего метода рекламы, вы сами увеличите размер гонорара.

— Нет, нет, это слишком дорого! Обычно оформление витрины обходится нам от трехсот до семисот франков. Даю вам шестьсот, согласны?

— Чтобы иметь возможность продемонстрировать вам нашу рекламу, я, пожалуй, соглашусь... Надеюсь, мы подпишем соглашение, гарантирующее выплату обусловленной суммы?

Директор позвонил, вошла секретарша, и он распорядился подготовить соглашение.

Образовалась небольшая пауза, и, чтобы заполнить ее, директор решил занять посетителя разговором.

— Вы, по-видимому, иностранец, сударь? У вас легкий акцент...

— Совершенно верно, я из Чехословакии.

— И вы уже испробовали свои методы рекламы?

— О да, у себя на родине!.. Большой, я бы даже сказал, шумный успех, которым сопровождались мои опыты, и привел меня сюда, во Францию. Чехословакия прекрасная, но маленькая страна, и там негде развернуться человеку с размахом. Другое дело — Франция!..

— Буду рад, если наши деловые отношения получат продолжение! — Директор-распорядитель явно симпатизировал Василию. — В наше время вести торговлю нелегко!.. Вот в скором времени, при наступлении весенне-летнего сезона, предстоят новые хлопоты — о распродаже не проданных за зиму товаров, о рекламе новых к сезону... Подумайте об этом и, если у вас появятся оригинальные идеи, поделитесь со мной!..

— С величайшим удовольствием! У нас для этого есть все возможности. Наша фирма пригласила на работу лучших специалистов рекламного дела в Париже, талантливых художников. Они молоды, энергичны и, главное, не хотят идти проторенными путями!

Секретарша принесла соглашение, Василий подписал его и простился с директором-распорядителем.

Ярослав Кочек из Чехословакии, возглавляющий рекламную фирму в Париже, был на десятом небе от успешно завершенных переговоров. Направляясь к себе в контору пешком, он мысленно подводил итоги проделанной работы. Что ж, сделано немало. Он — полноправный совладелец рекламной фирмы. Художник Борро — несомненная находка. Парень очень талантлив, полон идей, у него есть вкус, выдумка. Через несколько дней у витрины кинотеатра будут толпиться зеваки. Надо думать, хозяин оценит силу рекламы, и тогда он, Василий, снимет установку или заломит такую цену, что у того глаза на лоб полезут!..

Пусть Жубер получает тысячу франков в месяц и не вмешивается ни во что. Только бы не мешал... Вообще-то он славный малый и, конечно, будет счастлив, когда Василий преподнесет ему на блюдечке кучу денег.

Нужно укрепить свои позиции в деловом мире, зарекомендовать себя солидным дельцом. Недаром он потратил столько времени на изучение рекламного дела, да и Лиза помогла ему... Его реклама будет тематической, зрительно интересной, яркой, всегда новой, оригинальной. Она будет привлекать к себе внимание и как произведение искусства... Впрочем, хватит строить воздушные замки! Еще неизвестно, как пойдут дела.

В конторе Василий узнал, что Борро пригласил себе в помощь своих друзей.

— Они, мсье, великие выдумщики! — Черные глаза художника блестели. — Они рождены для рекламного дела.

— Все это прекрасно, но учтите, что нам нужно спешить, очень спешить! — сказал Василий.

— Ах, мсье, мы истосковались по настоящей работе! Мы готовы работать день и ночь, были бы заказы...

— Я только что от владельца кинотеатра. Он отказался от наших услуг.

— Ему не понравился мой макет? — растерянно спросил художник.

— Не огорчайтесь, дело не в этом. Он просто трус и скряга... Я договорился, что мы смонтируем вашу установку бесплатно.

— Бесплатно?!

— Да, бесплатно. Тут удивляться нечему: ведь никто в Париже не знает ни нас, ни нашу работу. Вот когда ваше оформление произведет впечатление, у нас появятся заказы.

— В таком случае мы постараемся!

— А ваш страшный громила произвел самое хорошее впечатление. Вот соглашение с универсальным магазином. Это наш первый успех, Анри!

В контору вошли двое весьма скромно одетых молодых людей.

— Вот и мои друзья! Разрешите, мсье Кочек, представить их вам. Это — Доминик, — Борро указал на высокого блондина. — Вообще-то он график, по мастер на все руки. И темперамент у него как у Бенвенуто Челлини! А это Клод Гомье, — Борро положил руку на плечо коренастого парня с широкой грудью и здоровыми кулачищами. — С этим чудовищем приходится быть осторожным, и не только потому, что он первоклассный боксер, но еще и потому, что он карикатурист!

Клод был жгучий брюнет с густыми, как у негра, вьющимися волосами.

— Очень рад. Садитесь, пожалуйста! — Василию приятно было общество молодых энергичных парней. — Думаю, Анри говорил вам, что мы только-только начинаем дело и что пока у нас ничего — ни заказов, ни ясных перспектив. Но мы оптимисты, полагаемся на свои силы и на ваш талант. Подумайте сами: мы собираемся рекламировать чужие товары, так неужели у нас не хватит ума-разума разрекламировать свою работу? Для начала могу предложить вам не более четырехсот франков в месяц. В дальнейшем, по мере процветания нашей фирмы, будет увеличиваться и ваш заработок. Общее руководство мастерской возлагаю на Анри Борро. Надеюсь, вы согласны с этим?

— Вполне! — ответили в один голос молодые люди.

— Можете начать работу хоть сегодня.

Рекламная установка для кинотеатра была готова в назначенный срок. Спустившись в мастерскую, Василий не поверил своим глазам, увидев панораму восточного города, утопающего в розоватом свете луны. Неожиданными и чем-то даже трогательными выглядели на этом фоне фигуры парижан, выполненные Клодом Гомье в несколько шаржированной, гротескной манере. Каждому, кто войдет в кинозал, предоставлялась возможность забыть прозу жизни, окунуться в экзотику Востока, пережить приключения... Рядом стояло готовое оформление витрины мебельного отдела универмага. Перепаханные краской, веселые, оживленные художники нетерпеливо поглядывали на Василия.

— По-моему, очень хорошо. Поздравляю вас! — сказал Василий, садясь на табуретку. — Надо отвезти оформление по адресам и приступить к монтажу. Вечером посмотрим, какое впечатление все это произведет на публику.

Василий вернулся к себе.

Последние дни Жубер не появлялся в конторе. Казалось, он совсем перестал интересоваться делами. Его безразличие немного тревожило Василия. Что это — усталость, ревность или неверие в успех?.. Человек долгие годы единолично возглавлял рекламное бюро и под конец, доведя его до катастрофы, опустил руки, а тут вдруг появляется какой-то иностранец и перестраивает всю работу по-своему...

Василий поднял трубку телефона.

— Здравствуй, Жубер, это я, Кочек. Да нет, ничего не случилось... Я так и думал, что вы нездоровы. Надеюсь, ничего серьезного?.. Дела у нас?.. Как вам сказать, в общем идут. Завтра узнаем первые результаты, посмотрим, какое впечатление произведет наша объемная реклама на публику... Заметка в газете? Это было бы чудесно! Если вам не трудно, то, пожалуйста, организуйте... До свидания, желаю скорейшего выздоровления.

Вечером Василий с художниками отправились к кинотеатру.

Еще издали они увидели толпившихся у входа в кино и у ярко освещенной витрины людей. Встав в сторонке, они наблюдали, как постепенно толпа зевак увеличивалась. Появился ажан. Он тоже взглянул на витрину и улыбнулся.

— Это уже успех! — прошептал Доминик.

— Мсье Кочек, — негромко сказал Анри, — мне кажется, это... — Он указал на высокого, стройного человека в модном пальто и без шляпы, который в эту минуту подошел к витрине. Да, это был Жубер. Несколько минут стоял он, разглядывая витрину, а потом медленно пошел по улице. Василий молча проводил его взглядом.

— Отправимся к универмагу, — сказал он.

У витрины мебельного отдела останавливались лишь некоторые из прохожих, хотя оформление выглядело не хуже, чем в кинотеатре.

— Странно, почему так? Чем объяснить отсутствие у людей интереса к этой нашей работе? — сокрушенно спрашивал Борро.

— Вечером у кинотеатров всегда больше публики. Потом — экзотика! Я думаю, что у этой витрины днем будет больше людей, чем сейчас. Но обратите внимание, мой милый Анри, — редко кто смотрит на эту вашу витрину не улыбнувшись!.. К тому же люди покупают мебель не каждый день, — сказал Василий.

— Может быть, вы правы, мсье, но я ожидал большего успеха!

— Об успехе, друзья, будем говорить тогда, когда у дверей нашей конторы владельцы магазинов и кинотеатров часами будут ждать очереди, чтобы заказать нам оформление! — пошутил Василий. — А сейчас я предлагаю отправиться в ближайший ресторан и отметить наш первый, пока еще скромный успех!

Молодые люди не заставили долго уговаривать себя. Они готовы были сидеть в ресторане хоть до утра, но Василий спешил. Он позвал гарсона, расплатился за ужин и встал.

— Мне ведь ехать за город, — объяснил он.

Молодые люди проводили патрона до стоянки машин.

— Почему вы живете за городом? — спросил Борро.

— Не могу подыскать в Париже подходящую квартиру.

— Хотите, я вам помогу? Я знаю, в нашем квартале сдаются очень удобные квартиры.

— Буду весьма признателен, если, конечно, подойдет цена, — сказал Василий и простился с художниками.

Через два дня, под вечер, Василий зашел к владельцу кинотеатра, в котором шла картина «Багдадский вор», и попросил разрешения снять с витрины свою рекламную установку.

— Снять? Зачем? — с недоумением спросил тот.

— Мсье, вероятно, помнит, что я безвозмездно установил у вас рекламу, чтобы доказать вам ее эффективность. По-моему, цель достигнута, и я не вижу смысла оставлять у вас рекламу.

— Я не позволю вам снять ее! — Владелец кинотеатра был явно раздражен. — Картина будет демонстрироваться еще не меньше недели!..

— Боюсь, что это не в вашей власти. У нас с вами нет договора... Впрочем, если желаете воспользоваться услугами нашей фирмы...

— Сколько хотели бы вы получить?

— Три тысячи франков за рекламное оформление до конца демонстрации фильма «Багдадский вор»!

— Вы с ума сошли?! Позавчера вы просили тысячу двести франков!

— Во всякой торговле спрос порождает предложение. Позавчера мало кто знал о нашем существовании, а сегодня весь Париж желает пользоваться нашими услугами. Вы пошли нам навстречу — разрешили смонтировать оформление на витрине своего кинотеатра. Поэтому фирма готова сделать вам значительную скидку. Две тысячи франков. И ни сантима меньше!

Владелец кинотеатра молча отсчитал две тысячи франков и хмуро спросил:

— Дадите расписку или подпишем соглашение?

— Как вам угодно!

Насчет «всего Парижа» Василий преувеличил. Но слухи об успехах новой рекламной фирмы распространились по городу довольно быстро, заказчиков становилось все больше.

В конторе беспрерывно звонил телефон, заходили представители кинотеатров, магазинов. Всех интересовал один вопрос: нельзя ли заказать объемную рекламу на ту или иную кинокартину, на товар. Среди заказчиков были даже хозяева булочных, галантерейных и рыбных лавок. За несколько дней рекламная фирма «Жубер и компания» заключила двадцать шесть договоров и в кассу поступило в виде авансов более четырех тысяч франков.

Главный художник фирмы Анри Борро поставил вопрос о расширении мастерской. Но Василий не спешил с расширением дела и принимал наиболее интересные, выигрышные заказы. Отказ от ряда других заказов служил своеобразной рекламой фирме. Василий не знал твердо, действительно ли это прочный успех или временный «бум», как это часто бывает во Франции, да и не только в ней одной. Настоящий, бесспорный успех пришел после оформления витрины другого кинотеатра, в котором была возобновлена демонстрация известного фильма Рене Клэра «Под крышами Парижа».

Художники работали над рекламой этого фильма с таким вкусом, с таким удовольствием, словно оформляли любимый спектакль. Под их руками оживал прекрасный, немного грустный Париж с его старыми узкими улочками, черепичными крышами домов, тесными дворами. И, судя по тому, что по вечерам, когда зажигались огни, и парижане совершали настоящее паломничество к кинотеатру, молодым художникам удалось передать суть и настроение этого тонкого и умного фильма.

Одна серьезная газета посвятила работе художников рекламной фирмы «Жубер и компания» довольно большую статью. Отметив достоинства фильма, «подкупающего своей простотой, лиричностью и реалистическим изображением подлинной жизни», автор статьи отмечал, что «нашлись молодые талантливые художники, сгруппировавшиеся вокруг рекламной фирмы „Жубер и компания“, сумевшие передать в своем оформлении витрины кинотеатра, где идет этот замечательный фильм, всю прелесть картины. Нужно сказать, что деятельность фирмы „Жубер и компания“ вообще заслуживает всякой похвалы. Можно без преувеличения утверждать, что молодая эта фирма сказала новое слово в рекламном деле Франции. Хороший вкус, изобретательность, отличное исполнение дают возможность художникам, работающим в этой фирме, поднять рекламу до высокого уровня мастерства. Пожелаем им новых успехов». Под статьей стояла подпись — Жюль

Сарьян.

Лучшего нельзя было и желать. Василий не знал только, появилась статья в результате старания Жубера или это личное мнение одного из парижских журналистов. Теряясь в догадках, он не вытерпел и позвонил компаньону.

— Вы читали статью о нас, Жубер?.. Отличная, не правда ли?.. Большое спасибо вам, после такой статьи на страницах солидной газеты дела паши пойдут в гору и мы сможем расширить мастерскую без большого риска... Как, вы ни при чем?.. Я спрашиваю потому, что вы хотели организовать статью... В таком случае это еще лучше, — значит, мы действительно заслуживаем внимания прессы!.. Очень рад, что вы поправляетесь, — надеюсь скоро увидеть вас в конторе... Вы правы, работы, что называется, непочатый край...

«Бывают чудеса на свете, — думал Василий, — журналист рекламирует работу нашей фирмы без всякой корысти!..»

Днем к нему зашел Борро.

— Я обещал помочь вам подыскать удобную квартиру и, кажется, могу исполнить обещание. На улице Сакре-кер сдается квартира из трех комнат на четвертом этаже. Хотите посмотреть?

— Конечно.

— Мы могли бы отправиться туда хоть сейчас, если вы свободны.

— Поедем сейчас!

Не успели Василий и Борро перешагнуть через порог парадных дверей большого коммерческого дома, как им преградила путь полная краснощекая женщина лет пятидесяти, в чепчике.

— Ах, это ты, Анри! — сказала она. — Как здоровье твоей матушки?

— Спасибо, тетушка Эжени. Ей немного лучше. С тех пор как я на постоянной работе, она чувствует себя спокойней... А это мой патрон, мсье Кочек. Он хотел бы осмотреть квартиру номер тридцать шесть на четвертом этаже, если, конечно, вы не будете возражать.

— Как я могу возражать? Квартиры для того и существуют, чтобы сдавать их внаем порядочным жильцам. Я только возьму ключи от квартиры...

Поднимаясь по лестнице, тетушка Эжени не замолкала ни на минуту.

— Мсье, в нашем доме живут исключительно порядочные люди. Еще не было случая, чтобы кто-нибудь задерживал плату за квартиру. Никогда никаких недоразумений за восемнадцать лет, что я служу здесь... До этого консьержкой в этом доме была моя мать... Квартира номер тридцать шесть — одна из лучших. Три просторных комнаты с высокими окнами, выходящими на восток, большая кухня, все удобства...

— И центральное отопление и ванна? — перебил консьержку Василий, хотя и знал, что в парижских домах они редко где имелись.

— О, мсье! Если вы давно живете в Париже, то должны знать, что дома с центральным отоплением, а тем более с ванной бывают только в аристократических кварталах и стоят очень дорого! И потом, зачем в Париже центральное отопление? Слава богу, у нас здесь не Северный полюс, где бродят белые медведи. До вас в этой квартире жил богатый вельможа из Алжира — не то бек, не то принц. Он был весьма доволен. У вельможи было одних слуг шесть человек, и он никогда не показывался на улице без телохранителя. Ходили слухи, что у него в Алжире есть гарем со множеством красавиц. Дикость, мсье, ничего не поделаешь!..

Квартира действительно оказалась удобной и прилично обставленной. Но и цена была приличная — шестьсот франков в месяц.

По тому, как расхваливала ее консьержка, Василий понял, что рассчитывать на скидку не приходится, и торговаться не стал.

— Завтра мы приедем с женой, и, если ей квартира тоже понравится, мы снимем ее, — сказал он, закончив осмотр.

Лизе квартира понравилась, особенно камин. Она уже представляла себе, как в ненастную погоду будет сидеть вечерами возле камина с книгой, прислушиваться к веселому потрескиванию горящих поленьев и поджидать Василия.

— Квартира отличная, но цена! — сказала она.

— Париж стоит мессы! — пошутил Василий и сказал тетушке Эжени, что оставляет квартиру за собой.

Возвращаясь в этот вечер домой. Василий и Лиза обсуждали важный вопрос: как им проститься с людьми в маленьком городке, — с людьми, которым они были многим обязаны.

— Ты считаешь, что обязательно нужно устроить ужин? — спрашивала Лиза.

— Что значит — обязательно? Можно уехать, ограничившись визитом вежливости, — попрощались и уехали. Но нам нужно, чтобы у этих добрых людей остались хорошие воспоминания о нас. Кто знает, как сложатся наши дела дальше, — не пригодятся ли нам провинциальные друзья?

Ужин заказали в ресторане мсье Дюрана. Приглашены были все знакомые — мэр, юре, начальник полиции, Ренар, сам Дюран, — на этот раз все с женами.

Мужчины отдали дань хорошим винам, слегка захмелели. Языки развязались, все наперебой

старались сказать что-либо приятное Кочеку и его милой жене. Особенно усердствовал Франсуа Ренар.

— Скажите, друзья, разве у меня по особый нюх на людей? Мне достаточно было заговорить с мсье Кочек, чтобы узнать, что он за человек. Это ведь я уговорил его остановиться в нашем городе. За ваше здоровье, дорогой мсье Кочек! — Толстяк поднялся с бокалом в руке. — Желаю вам всяческих успехов. Надеюсь, что наша дружба не закончится сегодняшним днем. Всегда, при любых обстоятельствах можете рассчитывать на меня и на моих друзей.

— Франсуа прав, — взял слово мэр. — Вы, мсье Кочек, всегда можете рассчитывать на нашу поддержку. Наш город хоть и маленький, но люди здесь благородные!..

— Мсье Кочек добрый христианин! — сказал кюре.

Даже мрачноватый, скупой на слова начальник полиции расчувствовался и стал распространяться на тему о том, что лично он всегда относился к иностранцам, живущим во Франции, с определенным подозрением. Что же касается всеми уважаемого мсье Кочека, то он составляет счастливое исключение — он вполне благонадежный человек. Такие люди, как мсье Кочек, глупостей не делают и политикой не занимаются! В заключение он сказал, что у него есть приятный сюрприз для господина Кочека и его жены: по представлению господина мэра и его скромной просьбе полицейское управление удовлетворило ходатайство господина Кочека и постановило выдать ему и его супруге разрешение на постоянное жительство в республике, за исключением ее заморских владений.

Эти слова начальника полиции были встречены дружными аплодисментами и звоном бокалов.

А в воскресенье рано утром, когда городок еще спал, Василий и Лиза выехали в Париж.

4

Каждое утро Василий и Лиза жадно набрасывались на газеты. В парижских киосках были, конечно, и «Известия» и «Правда», но они лишь с жадностью поглядывали на них, не смея купить. Хотя и считалось, что Василий, прожив несколько лет с родителями в России, знает русский язык, все же рисковать не хотелось.

Они читали газеты на французском, немецком, английском языках, — в то время английским языком хорошо владела одна Лиза. Разумеется, они не обманывались, для них было ясно, что официальные сообщения никогда не введут их в круг действия таинственных пружин,двигающих политику европейских стран. Но более надежных источников информации у них пока не было, и это вынуждало, до поры до времени, довольствоваться газетными сообщениями. А хотелось знать больше и, главное, точнее, потому что события в мире развивались в те годы с небывалой тревожной быстротой.

Всем, даже людям, далеким от политики, было ясно, что Лозаннская конференция по разоружению, организованная в 1932 году великими державами с единственной целью отвлечь внимание народов от надвигающейся военной опасности, провалилась. На этой конференции представители двух держав, потенциальных союзников в будущем, Японии и Германии, маневрировали как могли. Дело кончилось тем, что Япония вышла из Лиги наций, а представитель Германии покинул конференцию.

До этого немцы настоятельно требовали пересмотра Версальского договора, настаивали на равноправии в вооружении, — как будто члены Лиги наций собрались в Лозанне не ради упрочения мира, а с целью скорейшего вооружения государств. Свои требования немцы объясняли чувством национальной гордости. Как ни странно, военные претензии побежденной страны встречали сочувствие у большинства союзников Антанты. Это сочувствие с наибольшей откровенностью проявили на конференции американцы. Больше того, правительство Соединенных Штатов рекомендовало Англии оказать поддержку Германии, да и Францию уговаривало не упрямыться. Что касается Италии, то она открыто поддерживала Германию.

Франция не была еще послушным партнером США. Премьер-министр Эррио, понимая опасность перевооружения Германии, делал отчаянные попытки, чтобы если не остановить, то хотя бы отсрочить пересмотр Версальского договора.

Немцы, в свою очередь, старались усыпить бдительность политических деятелей Франции разговорами об угрозе коммунистической революции. В то время, когда канцлер фон Папен предлагал Франции вечный союз, объединенный генеральный штаб, военный министр фон Шлейхер и министр иностранных дел фон Нейрат старались внушить всем, что если союзники не пойдут на пересмотр унизительного для «Великой Германии» Версальского договора и не согласятся на равноправное ее участие в вооружении, то для Германии останется единственный путь — договор о дружбе с Советским Союзом.

Нехитрый этот маневр удался. США и Англия стали обвинять правительство Франции в неговорчивости и весьма прозрачно намекнули, что в результате своей нетерпимости Франция рискует остаться в изоляции.

Недальновидных этих политиков ничуть не смущало, что внешнюю политику Германии

направлял председатель весьма могущественного в Берлине «Клуба господ» фон Папен, скандальная деятельность которого в прошлом всем была достаточно хорошо известна. Молодой, стройный, голубоглазый, хитрый, склонный к интригам, он был накануне первой империалистической войны военным атташе в Вашингтоне. А во время войны, обосновавшись в Южной Америке, развил бешеную деятельность, помогая германскому адмиралтейству потопить многие морские транспорты и конвои союзников.

Правая рука канцлера — но менее одиозная фигура. Толстый, неповоротливый министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат только казался сонным и флегматичным. О его деятельности в Риме (он был послом Германии в Италии) ходило множество слухов. В частности, говорилось, что в сейфе германского посольства хранится кожаная папка, в которой собраны секретные документы, свидетельствующие о тайных связях посла с крупными политическими деятелями Италии. Говорилось также, что для Муссолини это не было тайной.

Фон Нейрат, информированный о том, что агенты Муссолини собираются похитить папку с драгоценными документами, постарался перехитрить дуче. Он заменил документы пачкой чистой бумаги и дал возможность похитителям беспрепятственно проникнуть в здание посольства, открыть сейф и завладеть кожаной папкой. В два часа ночи сотрудники посольства задержали похитителей. При проверке оказалось, что один из похитителей был лейтенантом, а другой комиссаром полиции. На следующий день посол устроил грандиозный скандал итальянским властям...

Военный министр фон Шлейхер, выступая с речью по радио 26 июля 1932 года, заявил, что отныне Германия не нуждается ни в чьих разрешениях и сама позаботится о своей безопасности. А канцлер фон Папен недвусмысленно дал понять представителям прессы, что немецкая армия будет иметь современное вооружение. Эти выступления вызвали бурю негодования во Франции. Французский посол в Берлине, Франсуа Понсэ, по поручению своего правительства потребовал объяснений. Как бы в ответ на это, Гитлер, играя на шовинистических чувствах немцев, развернул крикливую кампанию против «унизительного Версальского диктата»...

Василий, всерьез обеспокоенный своим бездельем в этой тревожной международной обстановке, не знал, что он должен предпринять, — указаний почему-то все не было. Потеряв терпение, он написал письмо «отцу» в Чехословакию. Подробно описав свое житье-бытье в Париже в качестве компаньона рекламной фирмы, он между прочим упомянул о мировых событиях и пожаловался в этой связи на свою вынужденную бездеятельность. Все это, разумеется, эзоповским языком, но достаточно ясно.

В ответном письме «отец» сообщил, что он и все родные очень довольны тем, что Ярослав наконец-то перебрался в Париж, — это начало успеха! Они рады также его коммерческим достижениям. «Отец» настоятельно рекомендует расширять дела рекламной фирмы, постараться завязать деловые отношения с другими странами, в частности с Германией, Англией, а может быть, даже с Америкой. Вот было бы здорово, если бы сынок сумел проникнуть со своими новыми идеями на родину рекламы! В том случае, если в этих странах окажутся солидные заказчики, неплохо было бы иметь там своих представителей. Главное — завязать деловые отношения с нужными людьми, в особенности с сильными мира сего. Пусть Ярослав усвоит одну простую истину: без их поддержки достигнуть больших успехов в коммерции нельзя. В конце письма «отец» писал: «Пусть Марианна воспользуется пребыванием в Париже, послушает лекции профессоров Сорбонны. Знания ей пригодятся в будущем...»

Прочитав письмо, Василий задумался. Что ж, как говорится, с горы виднее... Он сумеет расширить дело, завязать деловые отношения с другими странами. Понятно и желание «отца», чтобы он завязал знакомства с сильными мира сего. Будет сделано!..

Принять такое решение трудно, но где, каким образом он сможет найти этих людей и сойтись с ними близко? Будучи фактически хозяином рекламной фирмы, ставшей за последнее время модной, Василий общался со множеством парижан, но это были коммерсанты, владельцы разных торговых предприятий или их представители, которых интересовало только одно — торговля, сбыт, реклама. Тратить время на таких людей не имело смысла.

Он подумал, что одним из средств связи и знакомства с людьми может служить церковь. Кстати, неплохо зарекомендовать себя верующим человеком. Узнав у тетушки Эжени адрес приходской церкви святого Варфоломея, он однажды под вечер направился туда. В церкви никого не было, кроме нескольких старух в черном, но Василий скорее почувствовал, чем увидел, что его приход не остался незамеченным. Подойдя к алтарю, он опустил на колени и долго усердно молился. А поднявшись, увидел перед собой пожилого аббата.

— Здравствуйте, мсье, — приветливо сказал тот. — Если не ошибаюсь, я вижу вас впервые в своем приходе...

— Благословите, отец мой! — Василий наклонил голову и, когда аббат закончил молитву, ответил на его вопрос: — Вы правы, я несколько дней тому назад поселился в этом квартале и поспешил к вам, чтобы просить вас быть моим духовником.

— С удовольствием... Судя по вашему акценту, вы иностранец?

— Я — подданный Чехословацкой республики, словак по национальности, католик по

вероисповеданию. Занимаюсь коммерческой деятельностью — компаньон рекламной фирмы. Женат, детей бог не дал, живу недалеко отсюда...

Аббат достал из кармана книжку и, записав адрес нового прихожанина, сказал:

— Вы и ваша жена, если она тоже католичка, можете исповедоваться у меня в любой из вторников, четвергов и воскресений после службы.

Василий поблагодарил, бросил в тарелку для пожертвований пятифранковую бумажку и вышел на улицу.

Проходили день за днем.

Директор-распорядитель универмага, Шарль де ла Граммон, поручил фирме «Жубер и компания» оформить еще несколько витрин. Он позвонил Василию по телефону и попросил заглянуть к нему для делового разговора.

— Должен признаться, — сказал он Василию, когда тот удобно расположился в кресле у его стола, — что тематические рекламы вашей фирмы оказались очень действенными! Публике нравится новая, красочная витрина, но... — де ла Граммон сделал паузу, — но мы тратим на рекламу слишком много денег. Нам приходится довольно часто менять оформление витрин — обязательно раз в месяц. Дорогое это удовольствие, скажу я вам! Я пригласил вас, чтобы посоветоваться — нельзя ли изготовить более фундаментальную декоративную установку, в которой можно было бы менять только детали?

— Полагаю, что можно. Правда, это обойдется вам немного дороже, но расходы оправдаются с лихвой. Дайте нам несколько дней — и я представлю вам эскизы и примерную калькуляцию.

— Отлично! С человеком, который сразу вас понимает, приятно иметь дело!..

Прощаясь, Василий увидел теннисную ракетку в чехле, лежавшую на подоконнике.

— Вы играете в теннис, мсье? — спросил он.

— Я имею честь состоять вице-президентом клуба, где очень увлекаются теннисом, — ответил де ла Граммон.

— Завидую вам! — Василий вздохнул. — Я больше года не держал в руках ракетку.

— Ну, это ничего не значит! Навыки быстро восстанавливаются. Хотите, сыграем как-нибудь?

— С удовольствием! У себя на родине когда-то считался неплохим теннисистом, не раз брал призы. А вот что получится сейчас...

— Если вы сможете, то завтра, в шесть вечера, я жду вас в клубе. Вы только назовите свою фамилию, — швейцар будет предупрежден. Адрес знаете?

— Увы, нет! Я ведь провинциал...

Де ла Граммон записал адрес клуба и протянул листок Василию.

По пути в контору Василий купил самую дорогую ракетку. Сегодня все шло удачно. Заказ на оформление всех витрин большого универсального магазина в центре Парижа — не только выгодная сделка, дающая почти полную нагрузку мастерской, но и прекрасная реклама для фирмы. А посещение спортивного клуба позволит ему наконец расширить круг знакомств. Вот только сумеет ли он сыграть так, чтобы обратить на себя внимание? С плохим теннисистом никто играть не захочет...

В конторе Василий застал Жубера. Видя бесспорные успехи фирмы, а главное, растущие с каждым днем доходы, Жубер, хотя по-прежнему и не вникал в дела, все же стал каждый день аккуратно являться в контору. Иногда он даже спускался вниз, в мастерскую, беседовал с художниками.

Василий рассказал компаньону о своем разговоре с директором-распорядителем универсального магазина.

— Наша мастерская будет обеспечена постоянной работой, и мы спокойно сможем подумать о новых заказах. Может быть, даже за пределами Франции...

Жубер встал, зашагал по конторе, тихонько насвистывая арию из оперетты.

— Знаете, дорогой Кочек, у вас несомненный талант организатора! И я, не будучи пророком, предсказываю вам блестящую будущность. Поверьте мне, через несколько лет вы будете ворочать грандиозными делами!..

— Благодарю. Но почему ворочать грандиозными делами буду только я, а не мы с вами?

— Разно я буду вам нужен? Когда вы освоите подводные камни Парижа, я вряд ли понадобится вам...

Вот, оказывается, где собака зарыта! Боязнь остаться опять одному, страх снова потерять все. Василий не дал компаньону договорить.

— Я до конца дней своих останусь признателен вам! — сказал он. — Если бы не вы, мне не видать Парижа... давайте обсудим другое. За прошлый месяц наши доходы составили сорок три тысячи франков. Теперь мы сможем позволить себе купить новое оборудование. Я веду переговоры с владельцем соседнего дома об аренде подвального помещения для расширения мастерской, по было бы разумнее перенести мастерскую куда-нибудь за город, — там арендная плата меньше. Проектное бюро во главе с Борро и Домиником останутся здесь, а Гомье можно поручить руководство мастерской. И еще, — как вы думаете, Жубер, не пора ли нам прибавить жалованье художникам?

— Но мы ведь совсем недавно повысили его!..

— Они согласились в свое время на мизерную оплату потому, что видели — у нас самих еще ничего нет. Они не роптали. Потом мы установили по тысяче франков Доминику и Гомье, а Борро, как главному художнику, тысячу пятьсот франков в месяц. Теперь будет справедливо прибавить всем хотя бы по пятьсот франков. Они хорошо работают, и такой жест с нашей стороны еще больше подбодрит их!

— Я не возражаю. Только не следует баловать их. Этому сорту людей чуждо чувство благодарности, — сколько бы вы им ни давали, они все равно будут считать, что вы эксплуатируете их труд. Хочу напомнить вам, что не так давно я, владелец бюро, брал себе на жизнь тысячу, тысячу двести франков в месяц...

— Теперь вы имеете возможность брать по три тысячи!

— Вы думаете, это не повредит финансовому положению фирмы? — Жубер впился глазами в компаньона.

— Нисколько! Ведь наш основной капитал перевалил за сто тысяч франков и мы теперь не пользуемся банковским кредитом, чтобы не платить лишние проценты. Если не произойдет ничего чрезвычайного и мы сумеем завязать деловые отношения с другими странами, думаю, что через год наш капитал составит не меньше четверти миллиона. С учетом всего имущества, разумеется...

— Вы просто гений, Кочек!.. За десять лет моих трудов здесь я ни разу не мог позволить себе брать на личные расходы столько денег... Что же касается ваших предложений о переносе за город мастерской и покупке нового оборудования — поступайте, как найдете нужным!..

Вечером, вернувшись домой, Василий обнял Лизу и закружился с ней по комнате.

— Ну, старушка, все идет, как говорят стратеги, по заранее намеченному плану!

— Пусти, пусти, сумасшедший!.. Думаешь, я девчонка?.. Даже голова закружилась!

— Скоро у нас с тобой еще не так закружится голова.

— Это почему?

— Завтра у меня экзамен. — Он достал из чехла ракетку и помахал ею.

— Ничего не понимаю!

— Попробуем этой ракеткой открыть двери за семью замками. Короче, директор-распорядитель универсального магазина, он же вице-президент весьма привилегированного спортивного клуба, пригласил меня сыграть с ним завтра партию в теннис. Если сумею показать себя, считай, что наказ «отца» будет выполнен. В том клубе собирается избранная публика, — уж среди них-то найдутся нужные нам люди.

— А у меня тоже радостная новость. Я получила разрешение посещать лекции на восточном факультете Сорбонны.

— Поздравляю!.. Но играть в теннис — это тебе не лекции в Сорбонне слушать! Где бы мне помахать ракеткой, хотя бы часика два? Может, поехать за город?

— Что ты, уже поздно, скоро стемнеет!

— Знаешь, я просто побросаю мяч здесь, в комнате. А завтра утром, пораньше, съездим все-таки за город. Хоть немного форму восстановлю.

Хотя Василий и надеялся познакомиться в клубе с нужными людьми, он прекрасно понимал, что это не так-то просто. Особенно после того, как белогвардеец Горгулов убил президента республики Поля Думера. Отношение к иностранцам — тем более к славянам — резко ухудшилось. В правых реакционных кругах Парижа все громче поговаривали о необходимости выселения из страны всех иностранцев, в первую очередь цветных и славян, которых «слишком много развелось во Франции». Правые газеты изо дня в день печатали на своих страницах резкие статьи о том, что русские белогвардейцы отплатили французам черной неблагодарностью за их великодушие и гостеприимство.

Естественно, что славянину Ярославу Кочеку трудно было рассчитывать на радушный прием со стороны членов аристократического спортивного клуба. Но терять ему было нечего, да и выхода другого у него тоже не было. Поэтому нужно было во что бы то ни стало произвести на членов клуба самое благоприятное впечатление.

Василия не интересовали русские белогвардейцы, наводнившие Францию. Он считал их живыми мертвецами, вычеркнутыми из жизни самой историей, но время от времени, в силу разных обстоятельств, ему поневоле приходилось сталкиваться с ними.

Однажды, когда фирме потребовались разнорабочие для работы в мастерской, на объявление, в числе других безработных, откликнулся белогвардеец — усатый человек с военной выправкой, в потрепанной одежде. Василий заговорил с ним, — разумеется, по-французски. «Видимо, мсье был в прошлом офицером?» — спросил он и, получив утвердительный ответ, поинтересовался, как живет ему на чужбине.

— Разве от хорошей жизни люди пойдут наниматься в чернорабочие? — в свою очередь хрипло спросил усач.

— Нужно полагать, что в прошлом вам жилось недурно?

— Мсье, в прошлом я имел честь служить в гвардейском кирасирском полку, в чине штабс-капитана. От отца наследовал большое имение, от тетушки деньги и ценные бумаги...

— Каковы ваши убеждения и есть ли у вас надежды на лучшее будущее?

— К черту идеи и убеждения! — со злобой ответил бывший штабс-капитан. — Когда вы продаете последний серебряный портсигар с монограммой, подарок вашей матушки, и когда ваша горячо любимая жена уходит с другим, потому что у того в кармане деньги, уверяю вас, вам будет не до убеждений... Идеалы, убеждения — пошлая выдумка бездельников!.. Надежд на будущее тоже никаких. Разговоры о том, что мы разобьем большевиков и вернемся домой, — миф.

— По поводу работы обратитесь, пожалуйста, к главному художнику мсье Борро. — Василий отпустил белогвардейца.

Вечером он спросил у Борро, принял ли он на работу усатого русского.

— Нет, мсье, ни его, ни других русских, обратившихся к нам, я не принял...

— Почему? Они плохие работники?

— Да нет... Честно признаюсь, я презираю русских белогвардейцев. Нам, французам, они чем-то напоминают сторонников Бурбонов, изгнанных из страны, и ждать от них чего-либо хорошего не приходится. Они ничего не забыли и ничему не научились...

Ровно в шесть часов вечера Василий в легком спортивном костюме, с элегантно-модным чемоданчиком в руке появился у парадных дверей клуба. Швейцар в расшитой золотом ливрее низко поклонился ему, когда он назвал себя, и сообщил, что господина Кочека ждут в открытом корте номер два.

Шарль де ла Граммон, увидев Василия издали, поспешил ему навстречу.

— Если ничего не имеете против, можем начать!

— Сейчас буду готов! — Василий переоделся, взял ракетку и пошел на корт.

Игра началась в стремительном темпе. Де ла Граммон был хорошим игроком. Вначале Василий волновался, бил неточно и допускал ошибки.

Выиграв первый сет, соперник, снисходительно улыбаясь, сказал Василию:

— Не огорчайтесь, друг мой! Я ведь призер прошлогоднего чемпионата нашего клуба и редко проигрываю. Согласитесь, я недурно играю! — Он самодовольно рассмеялся.

Василий промолчал.

Во втором сете Василий обрел спокойствие и начал играть так, как играл когда-то в Москве, завоевав звание чемпиона «Динамо» по теннису. Уверенный же в своем превосходстве де ла Граммон был благодушен, снисходителен и небрежен.

За стальной сеткой корта толпились люди. Кто-то громко сказал:

— Смотрите, господа! Какой-то новичок обыгрывает нашего вице-президента.

— Кто он, этот новичок? Удар у него мощный.

— Он здесь первый раз. Видимо, иностранец...

Игра пошла с явным преимуществом Василия. Настала очередь волноваться де ла Граммону. Под конец он растерялся, а Василий усиливал натиск, не давая противнику опомниться.

По окончании третьей партии раздались аплодисменты, — следившие за игрой поздравляли Василия.

К нему подошел высокий худощавый господин с седеющими висками.

— Жан-Поль Маринье, — назвал он себя, — начальник канцелярии министра. Вы, мсье, сыграли отлично и вызвали общее восхищение!

— Благодарю за лестные слова! Случайная удача, не больше...

— Не думаю, что это так! Впрочем, легко проверить. Случайной удачи дважды не бывает. Не согласитесь ли сыграть со мной четыре партии по пяти геймов каждая?

— Сочту для себя честью!.. Минут через двадцать начнем.

Через двадцать минут матч начался, Василий, понимая, что от его успеха многое зависит в будущем, был собран и играл отлично. Первый сет был за ним. Однако второй сет выиграл Маринье. Взяв два гейма подряд и в третьем сете, Маринье позволил себе небольшую передышку, чем сразу же сумел воспользоваться Василий. Выиграв подряд две подачи противника, а затем и гейм, он уверенно довел партию до победы. Когда он выиграл две партии, к нему подошел его партнер и пожал ему руку.

Сенсационная победа новичка над первым игроком клуба произвела сильное впечатление.

Единственный человек, знавший Василия лично, был де ла Граммон, и он, утешенный поражением Маринье, с охотой давал пояснения:

— О, это весьма опытный коммерсант и богатый человек! Вы, конечно, слышали о рекламной фирме «Жубер и компания»? О ней недавно снова писали газеты. Так он там — главная фигура. Денег загребает кучу. Не пройдет и полгода, как этот славянин станет королем рекламного дела во Франции. Мы заключаем с его фирмой соглашение на оформление всех витрин нашего магазина!..

— Это не тот, кто прославился рекламой фильма «Под крышами Парижа»?

— Да, это он!..

В дверях зала появился Василий. После теплого душа он выглядел бодрым и свежим. Маринье

пригласил его, де ла Граммона и еще нескольких членов клуба поужинать в ресторане.

Из числа приглашенных Василий обратил внимание на человека, говорившего по-французски с сильным акцентом. Позднее он узнал, что это секретарь генерального консульства Германии в Париже Ганс Вебер.

В отличие от большинства своих соотечественников, степенных и надутых немцев, Вебер оказался общительным, веселым собеседником. Он рассказывал забавные истории, шутил и громко, от всей души, первый хохотал над своими шутками. Вдруг, приняв серьезный вид, он обратился к Василию, сидевшему напротив него:

— Господин Кочек, я имел честь жить некоторое время на вашей родине. Даже язык ваш попытался изучить, — к сожалению, не совсем удачно... Не думаете ли вы, что это дает мне основание претендовать на первую игру с вами, если, конечно, вы пожелаете играть с весьма посредственным игроком?

— Качества игрока познаются в игре! — ответил Василий.

— Учтите, мсье Кочек, господин Вебер отличный игрок. К тому же — неутомимый, ему ничего не стоит сыграть матч из пяти партий! — предупредил Василия де ла Граммон.

— Мы замучаем нашего гостя, если каждый из нас непременно захочет играть с ним, — сказал Маринье. — Не лучше ли организовать небольшой турнир по случаю появления у нас нового достойного партнера? Что думает на этот счет наш уважаемый вице-президент?

— Вице-президент полагает, что вас осенила блестящая идея, мой друг. Организуем в самое ближайшее время турнир в одиночном разряде, проведем предварительно жеребьевку...

— И установим три приза для победителей, — перебил де ла Граммона молодой человек с перстнем на указательном пальце.

— Насколько я понимаю, наш друг Луи претендует на один из этих призов! — пошутил Вебер.

— Почему бы нет? — Луи пожал плечами. — Скажите-ка лучше, Вебер, — правда ли, что фон Папен, выступая с правительственной декларацией, заявил: немцы хотят прежде всего уничтожить парламентский режим в Германии, а в международной политике добиваться свободы экспансии и перевооружения?

— Помнится, газеты писали нечто подобное, и, кажется, официального опровержения не последовало, — уклончиво ответил немец.

— А как могло случиться, что Геринг, правая рука Гитлера, стал председателем рейхстага? — не унимался Луи.

— На последних выборах победила партия национал-социалистов!

— Следовательно, приход к власти Гитлера вопрос дней? — вмещался в разговор де ла Граммон.

— К сожалению, я лишен возможности удовлетворить ваше любопытство, дорогой друг. Мне нужно прежде посоветоваться с нашим президентом, господином Гинденбургом... Может быть, он доверительно сообщит для вас, думает ли он поручить формирование правительства руководителю партии национал-социалистов господину Гитлеру или другому лицу, — попытался пошутить Вебер.

Шутка не удалась. Французы, встревоженные последними событиями в Германии, не приняли ее, и это не ускользнуло от внимания Василия.

За столом наступила тягостная пауза.

— Господа, хватит о политике! Мы и так сыты ею по горло! — сказал де ла Граммон. — Предлагаю выпить за здоровье сегодняшнего победителя и пожелать ему успехов в предстоящем турнире. Но имейте в виду, мсье Кочек, на этот раз мы так легко не уступим вам пальму первенства.

Вскоре стали расходиться. Когда остались втроем — де ла Граммон, Кочек и Маринье, — последний мрачно сказал:

— Вебер знает куда больше, чем говорит. Дипломат, к тому же немец... События принимают более зловещий характер, чем мы думаем. Вчера, например, фон Папен нагло требовал аннулирования долгов и равноправия во всем. Позже Эррио обратился к своим сотрудникам и сказал им дословно следующее: «Сегодня у меня нет больше иллюзий в отношении Германии. За семь лет многое изменилось! Германия будет требовать от нас уступку за уступкой, до самой катастрофы».

— К несчастью, Эррио прав. Так и будет! — Де ла Граммон подошел к окну и долго смотрел в темноту, потом повернулся к Василию: — Бедный мой друг, и над вашей родиной тоже нависнет смертельная опасность. Боюсь, как бы вас не продали политиканы!..

Василий промолчал. «Французские патриоты всерьез встревожены возможностью прихода к власти в Германии фашистов, — подумал он. — Можно, кажется, рассчитывать в дальнейшем на помощь де ла Граммона и других...»

Слухи о предстоящем турнире в спортивном клубе просочились в прессу. Газеты помещали портреты игроков, взвешивали шансы того или иного спортсмена на успех, приводили примеры из прошлого и приходили к заключению, что победа, по всей вероятности, достанется первой ракетке клуба де ла Граммону, а может быть, мсье Маринье, находящемуся в отличной спортивной форме. Упоминали и молодого Луи, хотя особых надежд на него не возлагали. Одна спортивная газета сообщила, что Ганс Вебер, секретарь германского генерального консульства в Париже, изъявил

согласие участвовать в турнире. Правление спортивного клуба пошло ему навстречу, и но исключено, что он-то и будет одним из вероятных претендентов на призовое место...

Сообщали газеты и о новичке из Чехословакии, о том, как накануне он в трех сетах нанес поражение де ла Граммон. Не обошлось и без шовинистических выпадов, — один спортивный обозреватель задавал вопрос: «Неужели Франция оскудела выдающимися спортсменами и победа в предстоящем турнире достанется одному из чужестранцев — немецкому дипломату или словаку, о котором так много говорят?..»

Шумиха, поднятая вокруг турнира, сослужила хорошую службу и фирме. Газеты, писавшие о Кочке, каждый раз упоминали о его успехах в рекламном деле. Радуюсь тому, что парижские газеты создали фирме бесплатную рекламу, Василий в то же время опасался слишком широкой гласности. Однако воспрепятствовать распространению слухов о себе он не мог.

За три недели до турнира он получил извещение клуба о том, что турнир назначается на вторую субботу октября, в пять часов вечера.

Василий снял частный корт и усиленно тренировался — играл со случайными партнерами, но главным образом с Борро, прилично владеющим ракеткой. Как ему хотелось добиться победы! Она распахнула бы перед ним двери клуба и упрочила бы его положение в Париже.

Настал день турнира. В клуб приехало множество болельщиков и представителей прессы.

Турнир проводился по олимпийской системе, поэтому многое зависело от жеребьевки. Василию не повезло: в первом же круге он встречался с Вебером. Правда, в случае победы он мог рассчитывать выйти в полуфинал — остальные соперники были не столь опасны.

В спорте бывает всякое, — это общеизвестно. Иногда сильные спортсмены проигрывают слабым. Но — только иногда. Как правило, побеждает сильнейший. Василию явно не повезло: в первый же день турнира ему придется сразиться с первоклассным теннисистом. А проиграть нельзя! Для Вебера победа — дело самолюбия. А для него?..

Ровно в шесть часов раскрылись двери всех пяти крытых кортов. Участники турнира заняли свои места, и по сигналу президента спортивного клуба соревнование началось.

С первых же минут внимание зрителей привлекла игра двух пар: де ла Граммон — Маринье, Кочек — Вебер. Мощные, молниеносные удары следовали один за другим. Игра приобретала все более ожесточенный характер, становилось ясно, что в этих парах встретились не только мастерство, но и воля.

Уже в конце второго сета выявилось превосходство Василия над Вебером и более молодого, подвижного де ла Граммона над Маринье. Василий победил Вебера в двух сетах из трех. Де ла Граммон одержал верх над Маринье. Победителем в третьей паре оказался молодой Луи.

Победа над опытным Вебером окрылила Василия, — он играл собранно, энергично, напористо и выиграл свою встречу. В газетных отчетах о ходе соревнований в спортивном клубе часто упоминалось его имя. Спортивные обозреватели даже предсказывали ему окончательную победу, хотя многие верили и в победу де ла Граммона.

Лиза, каждый день бывавшая на турнире, старавшаяся дома окружить Василия особой заботой, ни минуты не сомневалась в его победе. Не сомневались в победе патрона и молодые художники, особенно Борро, испытывавший на себе мастерство Василия.

Как и можно было ожидать, в полуфинал вышли трое — де ла Граммон, Луи и Василий.

В субботу, в заключительный день турнира, клуб был заполнен до отказа. Кроме любителей спорта сюда понаехало множество богатых бездельников, не знающих, как убить время. Дамы из аристократических сомой пользовались случаем продемонстрировать дорогие туалеты. Спортивные обозреватели и представители большой прессы всех направлений готовили приложения к воскресным номерам своих газет. Во всех залах, коридорах, даже на лестницах толпились люди, шумели, спорили, заключали пари.

Минут за двадцать до начала соревнований в раздевалку к Василию вошел элегантно одетый смуглый человек восточного типа, с проседью в густых вьющихся волосах.

— Жюль Сарьян, журналист, — отрекомендовался он. — Может быть, вы помните — я писал о вашей рекламе и предсказал вам успех. Рад, что не ошибся!.. Сегодня предсказываю вам победу и уверен, что опять не ошибусь. Имейте в виду, мсье Кочек, из всех заключенных пари в вашу пользу заключено более семидесяти процентов.

— Я очень рад познакомиться с вами, мсье Сарьян, — давно хотел поблагодарить вас. Ваша статья помогла нам тогда. Хочу верить, что ваше предсказание сбудется и сегодня! — Василий крепко пожал худую, с длинными пальцами руку журналиста. — Прошу вас поужинать со мной сегодня после соревнований.

— С большим удовольствием поужинаю с вами, только не сегодня. Мне нужно сдать материал об итогах турнира в завтрашний номер. — Журналист достал из бумажника визитную карточку и протянул Василию. — Вы можете звонить мне по этим телефонам когда угодно. До двух часов дня на квартиру, после двух в редакцию. И мы условимся с вами о встрече. А теперь не буду вам мешать. Еще раз желаю успеха!..

В полуфинальной встрече соперником Василия был молодой Луи — неутомимый, напористый.

Обыграть его было нелегким делом. Игра протекала остро, с переменным успехом, то один заканчивал очередной гейм в свою пользу, то другой, и только в третьем сете Василию удалось вырвать победу. Таким образом, Василий обеспечил себе почетное второе место. Предстояло самое трудное — одолеть многоопытного де ла Граммона. Правда, психологическое преимущество в данном случае было на стороне Василия, — он однажды уже одержал верх над ним, но то была товарищеская встреча. Де ла Граммон был человек волевой, и у него были многочисленные болельщики, всячески подбадривающие его.

После часового перерыва начался финальный матч. Первые два сета соперники поделили между собой. В начале третьего сета чаша весов явно склонялась в сторону де ла Граммона. Но Василию победа нужна была больше, чем вице-президенту клуба, и он собрал все силы свои, чтобы сломить волю противника. И победил.

Гремели аплодисменты, оркестр играл туш. Болельщики, репортеры газет и фотокорреспонденты окружили Василия. На секунду в толпе мелькнуло радостно-взволнованное лицо Лизы, которая не могла протолкаться к нему.

Увидев направленные на себя фотообъективы, Василий подумал о том, что было бы весьма нежелательным появление его портрета на страницах парижских газет. Он уронил ракетку, нагнулся, поднял ее и быстро побежал в душ.

Стоя под теплым душем, Василий почувствовал страшную усталость, болела поясница. Но не это беспокоило его. Первый раз он счастливо избежал фотографирования. И все-таки его непременно сфотографируют во время церемонии вручения приза. По простой логике вещей, каждому лестно покрасоваться на страницах большой прессы. Это — популярность, реклама. И вдруг появляется какой-то чудак, который не дает фотографировать себя. Тут что-то не так, скажет каждый здравомыслящий человек. Пойдут пересуды, догадки... Как же быть?..

В раздевалку снова зашел Сарьян и прорвал размышления Василия.

— Ну как, убедились теперь, что я если и не пророк, то ясновидец наверняка? — сказал он, смеясь, и сердечно поздравил Василия с победой.

— Готов считать вас добрым ангелом, приносящим счастье!

— Насчет ангела не знаю. Но я действительно приношу счастье тем, к кому хорошо отношусь.

Этот человек с открытым лицом, доброй улыбкой вызывал у Василия симпатию. Но обратился он к журналисту не без некоторого колебания:

— Хочу попросить у вас совета: как бы мне избежать фотографирования во время вручения призов победителям?

— Когда вы уронили ракетку и нагнулись, чтобы поднять ее, у меня мелькнуло подозрение, что это сделано нарочно, — сказал Сарьян. — Раз уж пошло на откровенность, скажите, почему вам не хочется появиться завтра на страницах утренних газет?

— Как бы вам объяснить это? — ответил Василий. — Я иностранец, к тому же славянин... Приехал во Францию туристом и вот осел здесь... Я имею разрешение проживать во Франции, но ведь каждую минуту меня могут и выселить... Зачем же мне, в моем положении, вызывать зависть, дразнить гусей?... Потом я опасаясь, что мои теннисные успехи могут подорвать доверие ко мне со стороны делового мира... Может быть, мне поговорить с вице-президентом клуба?

Сарьян с улыбкой покачивал головой, и Василий не мог понять — то ли журналист одобряет ход его мыслей, то ли не верит ни единому его слову.

— Видите ли, мсье Кочек, никто не может у нас запретить фоторепортерам снять любого человека, а потом напечатать его портрет на страницах газеты или журнала. Не может этого и вице-президент клуба... Есть единственный выход — заболеть. Вполне естественно, что после тяжелого и продолжительного состязания с вами мог случиться сердечный припадок, могли заболеть мышцы под правой лопаткой. Я схожу за врачом, — он окажет первую помощь, и через него вы передадите вице-президенту свои извинения в том, что не можете присутствовать на церемонии. И поедете домой... Ну как, действуем?

— Действуем! Другого не придумаешь. — Василий лег на кушетку, а Сарьян поспешил за врачом.

Молодой, франтоватый врач долго успокаивал Василия:

— Не волнуйтесь, мсье, боли в мышцах обычное явление после тяжелых соревнований. Необходимы легкий массаж плеча и полный покой. Отправляйтесь домой, ложитесь в постель, пригласите массажистку, — говорил он, выписывая рецепт. — Дня через два-три все пройдет, но в дальнейшем вы должны быть предельно осторожны, избегать переутомления. Микстуру принимайте три раза в день... Если вам понадобится моя помощь, позвоните. — Врач протянул визитную карточку. — А теперь, надеюсь, вы не станете возражать, если я пошлю за такси?

— Благодарю вас, доктор, не беспокойтесь. Моя машина стоит недалеко, и я надеюсь, что мсье Сарьян проводит меня.

— Большая к вам просьба, доктор, — сказал журналист, — предупредите, пожалуйста, господина вице-президента, что мсье Кочек почувствовал себя плохо и вы отправили его домой.

— Разумеется, это мой долг!

Мнимая болезнь вынудила Василия в течение нескольких дней сидеть дома. Он и вправду чувствовал себя если не больным, то усталым и бездельничал не без удовольствия.

Лиза вставала рано. Накормив его на скорую руку, спешила на лекции в Сорбонну. Оставшись один, Василий удобно устраивался в кресле и читал.

В общем-то у него не было оснований жаловаться на судьбу. Кто, когда жил такой бурной, полной разных приключений жизнью, как он, Василий? На долю многих ли выпадало счастье участвовать в революции, свержении царя, грудью защищать правое дело от злейших врагов?..

У Василия было счастливое свойство характера — он умел не унывать при любых обстоятельствах. А сейчас у него и вовсе нет причин быть недовольным тем, как все складывается. Единственное, чего не хватает, — так это родных просторов, друзей, товарищей. Здесь он даже не имеет возможности читать книги на родном языке. Он говорит с женой по-русски только дома, при закрытых дверях, да и то понижая голос до шепота.

Василий подошел к окну, долго смотрел на улицу. Конец октября, а небо над Парижем голубое, без единого облачка. Дни стоят теплые, ласковые, солнце не только светит, но и греет, как летом. Листья на деревьях вдоль широких улиц и в парках едва тронуты желтизной...

Именно в это время года Париж бывает особенно оживлен. Спадает жара, возвращаются домой из путешествий и с морских курортов состоятельные люди. Афиши извещают о начале театрального сезона. За зеркальными стеклами витрин демонстрируются зимние моды. По вечерам улицы полны празднующейся публикой. Говор, смех, крики торговцев жареными каштанами, песни...

А дома уже листопад. Деревья стоят обнаженные. Может быть, уже выпал первый снежок и сразу же растаял. В деревнях топят печи, пахнет хлебом, яблоками. Скоро праздник — пятнадцатая годовщина великой революции, а они с Лизой могут только тайком думать, вспоминать об этом...

Пятнадцать лет!.. А начнешь вспоминать — как будто вчера все было... Февральские дни на фронте взбудоражили армию. Солдатам осточертела бессмысленная бойня, сырые окопы, холод, голод, грязь. В далеком Петрограде скинули царя, и люди ждали быстрых перемен, но пока ничего не менялось. Агитаторы Временного правительства дули в прежнюю дуду: «Выполнять союзнические обязательства! Война до победного конца!..»

Сарай, где помещалась авторота, конечно, не окопы, — тепло, крыша над головой, да и пули не долетают. Голодать тоже особенно не приходится: правду говорят — «около начальства не пропадешь». И все же в автороте неспокойно. Спорят до хрипоты, митингуют. Солдаты жалели, что нет среди них Забродина: его давно убрали из автороты — угнали на передовые позиции.

Но, оказывается, у большевика Забродина были в автороте единомышленники, таившиеся до поры до времени. Теперь это время настало, — они заговорили вслух. Скоро и Василий вместе с ними кричал: «Долой войну!» А в Октябрьские дни, участвуя в демонстрации, нес лозунг, написанный крупными белыми буквами на кумаче: «Вся власть Советам!».

Как-то его спросил автомеханик Кожухин: «Ты, браток, какой партии сочувствуешь?» — «Партии Ленина!» — не задумываясь ответил Василий, уверенный, что Забродин состоял именно в этой партии. «Чего ж тогда не вступаешь в партию большевиков?» — «Я-то со всем удовольствием, не знаю, как это делается», — чистосердечно признался Василий. «Подавай заявление! Напишешь — так, мол, и так, хочу стать членом партии большевиков и вместе со всеми бороться против буржуев и помещиков, идти до самой мировой революции. А мы соберемся и на ячейке обсудим. Ты из рабочих, сознательный — твое место с нами...»

Василий вернулся в Москву молодым коммунистом, поступил на свой завод, встал на учет в партийной ячейке.

Время было трудное, голодное. Рабочим выдавали в день фунт тяжелого, как глина, хлеба; три селедки, пачку махорки и коробку спичек — на неделю. Цехи не отапливались, трамваи ходили с перебоями. После работы шли в завком, грелись около печки-буржуйки, там же брали винтовки — патрулировали улицы, охраняли советские учреждения.

И вот в один прекрасный день — Василий никогда его не забудет — в цех вбежал связной, громко крикнул:

— Максимова Василия срочно в партячейку!

Секретарь ячейки, заросший рыжей щетиной, в гимнастерке, с наганом на боку, протянул ему запечатанный конверт и сказал:

— Партийная ячейка решила направить тебя на работу в Чека. Сам понимаешь, какое теперь время... Явишься на Лубянку, к товарищу Дзержинскому. Смотри, Василий, не подкачай!

Василий растерянно бормотал, — какой, мол, из него чекист? Но секретарь не стал и слушать его.

— Какой, какой!.. Тоже мне, капризный интеллигент нашелся! Что ж, по-твоему, чекистами рождаются или прикажешь их из заморских стран выписывать? Иди работай и много не рассуждай.

Мы с тобой большевики и должны уметь делать все!

Дзержинский принял его в своем маленьком, похожем на келью кабинете и, прочитав направление, улыбнулся:

— Отлично, нашего полку прибыло! Очень хорошо, когда наши ряды пополняются рабочими-большевиками. Учтите, товарищ Максимов, отныне вы — солдат революции и ее грозный защитник. Будьте беспощадным к врагам и оберегайте друзей! — После короткого раздумья Феликс Эдмундович добавил: — Направим вас на Павелецкий вокзал, — там в паровозном депо окопались эсеры и меньшевики, они стараются восстановить рабочих против советской власти. Специалисты исподтишка саботируют... Мой вам совет: прежде чем принимать какие-либо меры, присмотритесь к людям, хорошо бы разберитесь в обстановке. Главное — не путайте заблуждающихся с врагами! Желаю успеха, чекист Василий! — Дзержинский вызвал помощника и приказал ему оформить товарища Максимова уполномоченным по Павелецкой железной дороге...

Телефонный звонок оборвал нить воспоминаний. Василий поднял трубку.

— О, мсье Сарьян!.. Ну как же, конечно, узнал... Здоровье?.. Как всегда, отличное. Рад буду видеть вас у себя... Что за вопрос? Приезжайте, жду!

Василий был рад звонку журналиста: этот человек был приятен ему, хотя он ровным счетом ничего о нем не знал.

В ожидании гостя Василий немного прибрал квартиру, достал из буфета мартини, бокалы, жареные фисташки.

Журналист не заставил себя долго ждать.

— После своего припадка вы выглядите просто отлично! — сказал он смеясь.

— Микстура оказалась чудодейственным средством... Видите там, на тумбочке около кровати, полупустой пузырек?

— Неужели вы в самом деле принимали какую-то патентованную дрянь?

— А как же иначе? Доктор навел меня на следующий день и, выслушав сердце, сказал, что глухие тона совсем исчезли, — разумеется, благодаря его лекарству... Обещал приехать сегодня. Зачем его разочаровывать? Впрочем, бог с ним, с доктором! Садитесь вот сюда, в кресло, здесь вам будет удобно.

Сарьян сел и, увидев на столе бутылку, пошутил:

— Разве вам можно пить?

— Умеренно. Но вы-то здоровы, вам наверняка можно выпить. Позвольте налить?

— Пожалуйста!

Наполнив бокалы, Василий спросил:

— Что творится в мире? Я ведь уже четвертый день сижу дома!

— Что вам сказать? В общем, все идет своим чередом... Ваша победа на турнире произвела немалое впечатление. Газеты писали о пей со всеми подробностями. Впрочем, нужно полагать, вы сами читали. Я очень рад вашей победе, — вы утерли нос этим снобам. Желаю вам новых успехов! — Журналист медленно выпил вино.

— Спасибо!.. А если говорить не только о моих спортивных успехах?

Сарьян откинулся на спинку кресла и некоторое время молчал, как бы собираясь с мыслями.

— Все довольно сложно в этом лучшем из миров, — проговорил он, — после войны люди как-то сразу успокоились, постарались забыть о ней... К тому же газетчики, политики, служители церкви кричали на всех перекрестках, что жертвы были не напрасны, что война больше никогда не повторится, — человечество не допустит!.. И что же? Прошло каких-нибудь четырнадцать лет, и над миром снова нависли черные тучи. Да, дорогой Кочек, война снова стучится в двери. И ее опять подготавливают немецкие генералы, служившие когда-то кайзеру, а теперь республике. Политики Франции показали себя до удивления беспечными. У них одна забота: что угодно, лишь бы не революция, наподобие русской!.. Поэтому они и делают вид, что не замечают, что творится сегодня по ту сторону Рейна. Фон Папен требует аннулирования долгов, равноправия во всем — в первую очередь в вооружении. Но это только камуфляж. Германия давно в одностороннем порядке аннулировала Версальский договор и вооружается на глазах бывших союзников-победителей. Впрочем, все это полбеда, — самое страшное впереди. Я имею в виду приход к власти фашистов во главе с Гитлером. Это случится в ближайшее время, можете не сомневаться. И тогда ничто не предотвратит войну... Страшно даже думать об этом!

— Я далек от политики, — сказал Василий, — но все же мне кажется, что вы несколько преувеличиваете опасность. Может быть, немецкие генералы и петушатся, мечтая о реванше. Не исключена возможность и прихода к власти Гитлера. Недавно в клубе герр Ханс Вебер на вопрос, как могло случиться, что Геринг оказался председателем рейхстага, невозмутимо ответил: «Очень просто, — партия национал-социалистов получила большинство на последних выборах». Все это так. Но захотят ли простые люди снова проливать свою кровь за чьи-то интересы? — Василию хотелось вызвать журналиста на большую откровенность.

— Вы знаете, что такое религиозный фанатизм? Что такое шовинистический угар? Приходилось ли вам когда-либо сталкиваться лицом к лицу с этим злом? — нетерпеливо спросил

Сарьян.

— Нет. Но теоретически представляю себе, что это такое.

— Теоретически? Этого мало... Слишком мало. Нужно испытать на собственной шкуре, чтобы понять, что это такое!

— А вы испытали?

— Испытал... И очень хорошо знаю, как под воздействием разнузданной шовинистической пропаганды с людей спадает тоненькая оболочка цивилизации. Я хочу, чтобы вы поняли: идеи фашизма формировались не сегодня и не вчера, а еще в недрах кайзеровской Германии, когда пруссачество решило завоевать мировое господство... Да, благодарю вас, налейте мне еще. Отличное martini!.. Вы, наверное, догадались, что я не француз. Никак не могу совсем избавиться от акцента, хотя живу во Франции давно и говорю по-французски с детства. Я — армянин, родился в Стамбуле, в состоятельной, интеллигентной семье. Отец был преуспевающим архитектором. Он получил образование здесь, в Париже. Мать тоже была образованной женщиной, владела кроме родного языка английским, турецким, свободно изъяснялась по-французски. В нашем доме господствовал культ Франции, — мои родители говорили между собой по-французски.

Я был единственным сыном. В раннем детстве меня воспитывала гувернантка-француженка, а когда мне исполнилось семь лет, родители определили меня во французский коллеж в Стамбуле, который я окончил накануне первой мировой войны. Собирался продолжать образование в Сорбонне, но не успел: помешала война...

Жили мы тихо, уединенно, в собственном особняке на берегу Босфора, в живописном местечке Бебек. Родители были далеки от общественных интересов — любили музыку, живопись, много читали, собирали картины, часто ездили в Италию и, по-своему, были счастливы... Грянула война, и ничего не осталось от тихого благополучия. Отца мобилизовали, как специалиста, присвоили ему офицерский чин и отправили в крепость Чанак-Кале руководить фортификационными работами.

Меня тоже мобилизовали, хотя я еще не достиг призывного возраста. Имея среднее образование, я после трехмесячной учебы должен был получить офицерский чин. Но я все равно подвергался неслыханным издевательствам: ведь я был гяур, другими словами — иноверец, враг ислама, да еще армянин по национальности. Мне поручали самую тяжелую, самую грязную работу, били по лицу за малейшую провинность. Били офицеры, били чавуши и баш-чавуши (фельдфебели и главный фельдфебель), ругали как могли, сажали в карцер, морили голодом. Я, избалованный юноша, воспитанный в гуманном представлении о мире, был потрясен, часто думал о самоубийстве. Поддерживали меня письма матери, умолявшей моля только об одном: выжить, выжить во что бы то ни стало!..

Он замолчал, выпил глоток вина.

— Вам но наскучило?

— Разве такое может наскучить? В юности мне тоже пришлось помыкать горя... И я был солдатом и терпел, пожалуй, больше, чем положено терпеть человеку...

— Тогда слушайте... Порабощенные, измороженные армяне — их было в Турции более двух с половиной миллионов, — пережив несколько раз резню, были на стороне русских, страстно желали победы русского оружия, надеясь таким образом избавиться от турецкого гнета и получить если не автономию, как обещало им царское правительство, то хотя бы относительную свободу, которой пользовались их соплеменники в России. Армянская молодежь, живущая в Турции, отказывалась воевать против русских, армяне, разбросанные по всем уголкам земного шара, сколачивали добровольческие отряды, из которых впоследствии складывались целые дивизии, сражавшиеся бок о бок с русской армией под командованием легендарного армянского полководца генерала Андраника...

Младотурки, вместо того чтобы найти общий язык со своими христианскими подданными, попытаться если не переманить на свою сторону, то хотя бы нейтрализовать их, принялись за старое — резню. По делам ото кустарно... Вот тут-то и пришла им на помощь Германия. Теперь документально доказано, что немецкие генералы посоветовали младотуркам истребить всех армян поголовно, чтобы в случае поражения в войне не возникал вопрос об армянской автономии и великие державы Антанты не могли спекулировать на армянском вопросе, как бывало раньше, и не добились бы от Турции чрезмерных уступок. Так и сделали, — на обширной территории бывшей Армении не оказалось армян, и, естественно, мирные конференции не обсуждали армянского вопроса...

По всей Турции началась разнузданная агитация за истребление гяуров-армян. Муллы в мечетях, представители партии младотурок на базарах, в караван-сараях, на крестьянских сходках, чиновники, офицеры и жандармы, играя на шовинистических чувствах турок, уверяли их, что спасение страны заключается только в уничтожении всех иноверцев — в первую очередь армян. Они старались пробудить в народе звериные инстинкты и вполне преуспели в этом. Мусульманское духовенство доказывало своей пастве, что по велению аллаха и его пророка земля и имущество истребленных гяуров принадлежат правоверным по закону, а на том свете им уготованы райские наслаждения и по одной гурии за каждого убитого христианина. Разве этого было не достаточно для фанатиков, чтобы они принялись за дело?..

Весной тысяча девятьсот пятнадцатого года началось избиение армян по всей султанской Турции. В течение трех-четырёх месяцев было истреблено более полутора миллионов мужчин, женщин, стариков и детей. Оставшиеся в живых женщины и дети были высланы в пустыню Дор-Зор на медленное, голодное вымирание. В таких городах, как Ван, Муж, Битлис, Шабип-Кара-Псар, армяне оказывали вооруженное сопротивление, но что могла сделать горсточка плохо вооруженных людей против регулярной армии? Только погибнуть с честью, как свободные люди. Мало, очень мало кому удалось уцелеть и уехать в Армению с отступающей после революции русской армией...

Жители турецкой столицы тоже не избегли ужасов резни. Стамбульские власти в одну ночь собрали всю армянскую интеллигенцию — адвокатов, врачей, инженеров, учителей, журналистов, писателей, всех видных людей, посадили их в товарные вагоны и под охраной жандармов отправили в глубь страны, подальше от глаз представителей иностранных государств. Среди погибших было множество высокообразованных, талантливых людей...

Солнце давно село. В комнате сгустились сумерки, но Василий не зажигал света.

— Вас, наверно, интересует, каким образом уцелел я? — продолжал после короткой паузы журналист. — До меня доходили страшные слухи, по я не придавал им особого значения. Не верил, что правительство Турции может решиться на истребление целого народа... По-настоящему я встревожился, когда перестал получать письма сперва от отца, потом и от матери. На мои телеграммы никто не отвечал, в голову лезли страшные мысли. Я не знал, как быть. Наконец решил просить у начальства отпуск дней на десять-двенадцать, чтобы съездить домой и узнать, что случилось. А в случае отказа — просто дезертировать.

Мне казалось, что в просьбе об отпуске нет ничего из ряда вон выходящего: я прослужил в армии более года, был произведен в младшие офицеры, — следовательно, мог рассчитывать на отпуск, тем более что у меня были особые обстоятельства. В то время наша часть стояла за тридевять земель от фронта, — мы несли гарнизонную службу в городе Измире.

Командовал нашей ротой присланный из действующей армии после ранения пожилой добряк из резервистов бинбаши Азиз-бей. Он никогда не бил аскеров, не оскорблял их, как делали другие офицеры. Аскеры прозвали его Ата — отец.

Выслушав мою просьбу, Азиз-бей посмотрел по сторонам и, убедившись, что никто не подслушивает, сказал: «Зайдешь ко мне после учебы, тогда поговорим!..»

Ровно в полдень раздалась долгожданная команда: «Разойдись!» — и вмиг огромный плац опустел. Я поспешил к командиру. «Неужели, — думал я, — Ата откажет в моей просьбе и мне придется дезертировать?» Это было равносильно самоубийству. В те годы на площадях турецких городов дезертиров вешали десятками. Я видел их и читал своими глазами надписи на картонах в форме полумесяца, повешенных на шею несчастным: «Всех изменников родины — дезертиров — ждет такая участь».

В кабинете я еще раз изложил Азиз-бею свою просьбу. «Ты что, действительно такой наивный или изображаешь из себя наивного? — спросил он сердито. — Неужели ты ничего не знаешь о том, что творится вокруг?» — «А что творится?» — «У меня даже язык не поворачивается, чтобы все рассказать тебе... В общем, у нас в благословенной Турции люди походили с ума. Не одолев врага на фронте, они принялись за мирных людей, стали уничтожать своих подданных — армян. Здесь, в армии, под моей защитой, ты в относительной безопасности. Но если я отпущу тебя, то живым вряд ли вернешься. Понял теперь?» — спросил он. Повесив голову, я стоял перед ним. Я и раньше о многом догадывался. Но так уж устроен человек: он всячески отгоняет от себя все неприятное, страшное. Наконец я пробормотал: «Все равно, пусть убьют! Мне нужно знать правду, что с моим отцом, с матерью?..» — «Все равно... Все равно!» — передразнил меня Ата. — Ишь какой храбрый нашелся! Что ты предпримешь, если я не отпущу тебя?» — «Уйду так!» — ответил я. «Станешь дезертиром? А ты знаешь, что тебя ожидает, если поймают?» Азиз-бей шагнул по кабинету из угла в угол. Потом он остановился. «Итак, решение твое твердое, — ты обязательно хочешь ехать домой, в Стамбул?» — «Твердое, — ответил я не задумываясь. — Я должен знать, что с моими родителями...» — «Повесь уши на гвоздь терпения и слушай: выбери себе турецкое имя, а я выправлю документы на него. У тебя на лбу не написано, что ты армянин. Поезжай в Стамбул, разузнай про родителей и, если разыщешь себе надежное убежище, не возвращайся — жди конца войны. Не будет же продолжаться эта проклятая война до скончания века... Если не найдешь, приезжай обратно. Пока я здесь, никто не посмеет тронуть тебя пальцем!..»

Дня через два после этого разговора я покинул казарму Измира, имея в кармане отпускные документы на имя младшего офицера Али Фикрета, сел на пароход и направился в Стамбул. Офицерские патрули дважды проверяли мои документы и не обнаружили в них ничего подозрительного.

Добравшись до местечка Бебек, я пустился бежать по направлению к нашему дому. Открыл калитку и с бьющимся сердцем заглянул в сад. Там были чужие люди. Отступать было поздно, меня увидели, и, чтобы не вызывать подозрений, я спросил не сдастся ли здесь комната. «Нет, господин офицер, не сдастся, — ответила пожилая женщина и добавила: — Мы сами недавно живем здесь».

Мама здесь нет... Что с нею случилось? Шатаюсь как пьяный, я бесцельно бродил по

набережной, пока не вспомнил про дядю Яни, приятеля моего отца, веселого грека, содержавшего маленькую закусочную на берегу моря. Отец любил посидеть у него, иногда брал с собой и меня.

В закусочной никого не было. Сам дядя Яни, в белом фартуке, в рубашке с закатанными до локтей рукавами, дремал за стойкой. Я присел за столик. Он нехотя встал и подошел ко мне. «Что пожелает господин офицер, кефаль или скумбрию?» Он меня не узнал в военной форме. «Дядя Яни, неужели вы не узнаете меня?» — «Жюль! Неужели ты? Какими судьбами очутился ты здесь?» — «Дядя Яни, где мои родители? Где мама? Почему в нашем доме живут чужие?» — «Ох, тяжелую задачу задаешь ты мне, сынок! — Дядя Яни вздохнул. — Месяца два назад жандармы привели сюда твоего отца в наручниках, — они хотели, чтобы господин Сарьян указал место, где зарыт клад. Его жестоко били, но он ничего не сказал им, а может быть, никакого клада и не было, — жандармы выдумали... Потом забрали твою мать, отвезли ее с отцом на станцию Скутари, там посадили всех армян в товарные вагоны и отправили куда-то, — куда, никто не знает... Дом ваш разграбили, потом в него переехал какой-то чиновник со своим семейством...» Дядя Яни умолк, отвернулся от меня...

Совершенно подавленный услышанным, я коротко рассказал ему, как добрался до Стамбула. «Видишь ли, сынок, возвращаться тебе в казармы опасно, — невесело сказал он. — Сегодня командиром у вас добряк, а завтра на его место пришлют зверя. Мой тебе совет — постарайся перебраться в соседнюю Болгарию. Болгары армян в обиду не дадут... Поживешь у меня несколько дней, а там подумаем, — может быть, и найдем выход».

В течение десяти дней прожил я в доме дяди Яни. Жена его, София, кормила и поила меня, старалась, чтобы я не скучал, доставала мне откуда-то французские книги. Однажды вечером дядя Яни сказал, что сведет меня с одним контрабандистом, — хотя и турком, но человеком честным и надежным. Тот обещал за определенную сумму переправить меня в Болгарию.

В Болгарии мне пришлось жить до конца войны. Нанимался я чем попало — даже грузчиком был в Варненском порту. Потом перебрался сюда, во Францию. По счастью, мой отец оказался дальновидным человеком — положил во французский национальный банк значительную сумму на мое имя. Эти деньги дали мне возможность окончить Сорбонну. Еще студентом я активно сотрудничал в газете «Пари суар» и, совмещая учебу с практикой, стал со временем журналистом...

— Да, нелегкую жизнь вы прожили! — сказал Василий, испытывая еще большую симпатию к Сарьяну.

— Что и говорить!.. Но я рассказал вам все это не для того, чтобы вызвать у вас сочувствие, а для того, чтобы доказать простую истину, которую до сих пор многие не понимают. Фашизм — страшное явление нашего века. Звериная идеология его зарождается и развивается параллельно с разнузданным шовинизмом, а впоследствии первое поглощает второе. Если люди хотят сохранить накопленную веками культуру, если им претит уподобиться пещерному человеку, они должны самоотверженно бороться с фашизмом, преграждать ему путь всеми доступными средствами, — иначе будет поздно. Иногда мне делается страшно от одной мысли, что фашизм победит. Мне жалко прекрасную Францию, ставшую моей второй родиной, у меня болит сердце за все человечество!..

Журналист умолк. Василий, разумеется, полностью разделял его мысли и чувства. Однако, соблюдая осторожность, проговорил, как бы раздумывая:

— Вы, вероятно, правы. Но я деловой человек и очень далек от политики... Мне трудно судить о таких сложных делах и тем более разобраться, с кем и как следует бороться...

— Все так говорят, пока эта самая политика не схватит их за горло! — резко сказал Сарьян. — Вам, славянину, а тем более словаку, следует быть особенно бдительным. Не хочу быть пророком, но почти уверен, что немецкий фашизм первый удар обрушит на вас, чтобы открыть себе путь к богатствам России!

— Французы не допустят этого. Вы забываете, что Франция наша союзница.

Журналист молча покачал головой.

Раздался звонок. Вернулась Лиза, и Василий представил ей Сарьяна.

— Очень рада познакомиться, — мне муж рассказывал о вас! — сказала Лиза. — Сейчас приготовлю что-нибудь, мы вместе поужинаем.

Но Сарьян, сославшись на то, что жена его одна дома, от ужина отказался.

— Я и так засиделся у вас, рассказывая вашему мужу скучнейшие истории!

После ухода журналиста Василий сказал Лизе:

— Он не только приятный, но, по-моему, и надежный человек. Он немало выстрадал на своем веку и очень правильно оценивает опасность фашизма. Нам следует сблизиться с ним!..

Утром Василий застал Жубера в конторе. Как всегда элегантно одетый, чисто выбритый, тот сидел за столом и что-то писал.

— О-о, дорогой Кочек! — воскликнул он, увидев Василия. — Очень рад, что вы наконец выздоровели. За эти три-четыре дня, что вы отсутствовали, накопилась уйма дел!

— Что ж, может быть, это и хорошо?

— Еще бы! Поступили заказы из Лондона, Рима и Берлина. Подумать только, наша фирма

завоевывает международные рынки! Отныне банковский кредит нам обеспечен. Потом новые заказы со всех концов Франции. Заказывают, просят, требуют, пишут все — хозяева кинотеатров, лавочники, даже владельцы казино. Вот смотрите, — Жубер показал на стопку конвертов, лежавших перед ним, — послушайте-ка: «Пришлите вашего представителя для переговоров»... «Сообщите ваши условия»... «Примите заказ на рекламу сосисок и новые сорта колбасы»... «Наши вина лучшие в мире, но сбыт неудовлетворителен, необходима хорошая реклама. Перед расходами не постоим»... Вчера мы с Борро подсчитали наши производственные возможности. Необходимо снова расширяться — в особенности сейчас, когда поступают заказы из-за границы. Мне хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу.

Василий задумался. Конечно, Жубер прав, — какой предприниматель откажется от расширения дела, если есть надежные заказы? Что касается Василия, то ему новое расширение ни к чему, — и так в мастерских фирмы работало более двухсот человек. Единственно, что привлекало Василия, так это заказы из-за границы. Их он давно ждал с нетерпением. Деловые связи с Англией, Италией, Германией, а в будущем и с Америкой могли открыть заманчивые перспективы. И Василий ответил Жуберу:

— Прежде чем принять решение о расширении производства и найме новых рабочих, нам надо взвесить все «за» и «против». По-моему, было бы целесообразно собраться нам вместе с директором-распорядителем (недавно они ввели такую должность и пригласили занять ее энергичного, с большими связями в деловом мире человека по фамилии Лярош), с художниками, старшим мастером и посоветоваться с ними... Сами знаете, чрезмерное расширение дела всегда связано с определенным риском. Можно потерять все за несколько дней, тем более что деятельность нашей фирмы целиком зависит от конъюнктуры рынка. Любые колебания рынка немедленно отразятся на наших делах...

— Но сейчас-то фирма процветает! Не забывайте, что наш оборот за прошлый месяц составил кругленькую сумму — двести тысяч франков!.. Конечно, осторожность не помешает. Я ничего не имею против того, чтобы собраться и посоветоваться.

— Тогда — завтра, в одиннадцать утра. Что касается заказов из-за границы, их следует принять независимо от наших завтрашних решений. Как вы правильно отметили, дорогой Жубер, деловые связи с заграницей поднимут престиж фирмы. Кстати, вы не хотели бы посетить одну из этих стран? — Василий знал, что его компаньон мечтает о путешествии.

— С превеликим удовольствием поехал бы в Италию! Я давно обещал Мадлен повезти ее в Венецию. Вот удобный случай совместить приятное с полезным!

— Ну и поезжайте! А когда вы вернетесь, я, может быть, поеду в Лондон. В Англии мы можем заключить выгодные сделки. Что же касается Германии, боюсь, что немцам сейчас не до коммерции!..

Жубер, как говорил художник Борро, снова приобрел былую «спортивную форму» — стал шумно-приветлив, старался вникать в дела фирмы и не раз давал толковые советы. Несомненно, причиной такой перемены в Жубере были и большие заработки и успех в делах. Ведь с недавних пор о рекламной фирме «Жубер и компания» заговорил почти весь деловой Париж.

Жубер был добрый малый — слабхарактерный, без большого делового размаха, но на редкость честный, доброжелательный к людям. Как истый француз, он любил пожить: имел холостяцкую квартиру, содержал красивую любовницу, делал ей дорогие подарки, одевался у лучших портных, был постоянным посетителем концертов и ресторанов. Он был и скуп и расточителен одновременно. Василий, хорошо разбираясь в его слабостях, относился к нему с симпатией.

Совещание, созванное Василием, проходило довольно бурно. Директор-распорядитель Лярош с пеной у рта доказывал, что в коммерции нельзя упускать благоприятный момент — это подобно самоубийству. Когда заказы сыпятся со всех сторон словно из рога изобилия, преступно отказываться от них.

— Финансовое положение нашей фирмы настолько устойчиво, — доказывал он, — что для расширения дела мы не нуждаемся в банковском кредите — у нас имеются свободные средства, не участвующие в обороте. Нужно расширяться не раздумывая!

Художник Клод Гомье говорил о том, что фирма не должна разминиваться на мелочи, вроде рекламирования сосисок и откормленных гусей. Нужно специализироваться на крупном — на кинорекламе, тематическом оформлении витрин больших универсальных магазинов. Это не только выгодно с коммерческой точки зрения, но и солидно.

Анри Борро выдвинул новую идею:

— Почему бы нам не взяться и за изготовление театральных декораций? То, что сейчас делается в этой области, просто позор! Даже такой всемирно известный театр, как Комеди Франсез, и тот стал забывать, что в доброе старое время театры приглашали выдающихся художников. Не сомневаюсь, что, создавая оригинальные декорации для спектаклей, наша фирма не только возродит былые традиции, но завоеует еще большую популярность в глазах просвещенной Франции!

— И вылетит в трубу! — добавил Лярош.

— Анри может возразить, что искусство требует жертв, — пошутил Жубер. — Но надеюсь, он все-таки помнит, что у нас не общество любителей сценического искусства и не благотворительное

учреждение! Пусть театральными декорациями займутся другие, более компетентные организации... Не могу не возразить также нашему юному другу Гомье: в коммерции мелочей не бывает. То, что приносит прибыль, уже тем самым перестает быть мелочью. Конечно, оформление витрин и реклама кинокартин дело почетное, но не забывайте, друзья, что более сорока процентов доходов наша фирма получает от заказов мелких торговцев, ресторанов и бакалейщиков — от рекламы гусей, уток, колбасных изделий, и нам вряд ли стоит пренебрегать ими!..

В спор вступил пламенный сторонник высокого искусства Доминик. Способный живописец, не сумевший, однако, продать ни одной своей картины, он был убежден, что деньги дело преходящее, что вечно только искусство. Какие бы ни были созданы оригинальные рекламы гусей и индюшек, они не принесут славы ни художникам, ни фирме. А вот их декоративная установка к кинокартине «Под крышами Парижа» останется в истории прикладного искусства...

Василию пришлось воспользоваться правом председательствующего, чтобы и успокоить спорщиков и подвести некоторые итоги.

— Думаю, нам целесообразно придерживаться той же линии, что до сих пор. Ни у кого нет сомнений в том, что именно наши талантливые художники определили лицо фирмы. Не исключена возможность, что в недалеком будущем мы сумеем расширить рамки нашей деятельности и завоюем заграничные рынки. Не следует забывать и о конкурентах. Впереди немало всяких испытаний, — чтобы выдержать их, нужно создать солидную финансовую базу. Поэтому было бы легкомысленно пренебречь уже сегодня мелкими заказами. Мои предложения коротко сводятся к следующему: установить дополнительное оборудование и нанять новых рабочих только в том случае, если поступят солидные заказы из-за границы. Разделить работу мастерской на три самостоятельных отдела: оформление витрин больших универсальных магазинов, реклама кинокартин и так называемые мелкие заказы. Сохраняя общее руководство мастерской по-прежнему за Борро, поставить во главе каждого отдела способного, инициативного художника. Первые два отдела могли бы возглавлять Гомье и Доминик. Еще и еще раз прошу не пренебрегать мелкими заказами...

Вошел курьер и, протягивая Василию запечатанный конверт, сказал:

— Прошу прощения, мсье, приказано вручить это письмо в ваши собственные руки!

Василий поспешил закрыть совещание, предложив Борро совместно с Лярошем составить проект разделения мастерской.

Когда все вышли из кабинета, Василий вскрыл конверт.

«Господину Я.Кочеку

Совладельцу рекламной фирмы «Жубер и компания», г.Париж.

Имею честь довести до Вашего сведения, что решением жюри Вам, победителю в большом теннисном турнире 1932 года, присужден первый приз клуба — хрустальная ваза.

Прошу Вас пожаловать на торжественное заседание правления клуба, имеющее быть в субботу 21 декабря с.г. в семь часов вечера, где Вам будет вручен приз и диплом нашего клуба.

Примите, господин Кочек, заверения в моем глубоком к Вам уважении и пожелания больших спортивных успехов.

Ваш де ла Граммон, вице-президент спортивного клуба».

Василий был рад этому письму: лишний раз подтверждалось, что не слепой случай руководит его жизнью...

Давно ли он высадился с Лизой в Марселе как турист, а сегодня Ярослав Кочек не просто парижанин, но и совладелец процветающей фирмы, богатый, уважаемый всеми человек. Да, богатый — капитал его измеряется шестизначными цифрами. Лично ему принадлежит не менее двухсот пятидесяти тысяч франков. И все это достигнуто собственной смекалкой, без чьей бы то ни было помощи, — достигнуто во имя той большой цели, служению которой он посвятил свою жизнь. Его, несомненно, примут в члены аристократического спортивного клуба. Это — определенное положение, туда принимают не всякого. Ему необходимо завоевать еще симпатии и поддержку церковников. Даже в такой, казалось бы, свободомыслящей стране, как Франция, католическая церковь — сила, и пренебрегать ею не следует. Лиза — умница, не пропускает ни одной воскресной мессы. Она успела завязать знакомство с местным юре и хочет купить постоянные места в церкви.

Если быть до конца честным перед самим собой, то нужно признать, что своими успехами он наполовину обязан жене. Она — чудо. Трудно даже представить такое удивительное сочетание различных качеств в одном человеке, как у Лизы: природный ум, широкая образованность, необыкновенная выдержка, хладнокровие, нежное сердце. Она — настоящий друг. С нею можно в огонь и в воду, — она не отступит, не подведет. С того самого дня, когда Лиза соединила свою жизнь с ним, она не знает ни беспечных радостей, ни покоя. Не всякий человек может вынести скитальческую жизнь, полную всяких неожиданностей...

В субботу, за десять минут до назначенного срока, Василий поставил машину на стоянке в переулке и направился в клуб.

Уже знакомый швейцар, похожий на генерала в своей ливрее с галунами, узнав Василия, поклонился и широко распахнул перед ним массивные дубовые двери.

В маленькой гостиной второго этажа его встретил де ла Граммон. Он сердечно приветствовал гостя:

— Рад видеть вас в добром здоровье! Мсье Кочек, без длинных предисловий хочу сообщить, что нам — мне и моим коллегам — было бы приятно иметь членом нашего клуба такого выдающегося спортсмена, как вы. Правда, вступительный и годичный взносы у нас довольно обременительные, но я надеюсь, что это обстоятельство не может служить препятствием для преуспевающего коммерсанта!

— Разумеется! Я весьма признателен вам, дорогой мсье де ла Граммон, за оказанную мне честь.

— Надеюсь, вы не будете возражать, если я стану одним из ваших поручителей?

— Я буду бесконечно благодарен вам! — Василий поклонился.

— Любезно согласился дать за вас поручительство также мсье Жан-Поль Маринье.

— Мне весьма приятно слышать это!

В небольшом круглом зале, за длинным столом, покрытым зеленым сукном, разместились члены правления. Они чинно восседали на стульях с высокими спинками, словно судьи. Впереди — немногочисленные гости, среди которых Василий заметил своих знакомых — Ганса Вебера и Сарьяна.

Де ла Граммон открыл заседание. Первым он предоставил слово председателю жюри, который огласил решение и вручил Василию хрустальную вазу и грамоту в сафьяновой папке.

— Я счастлив, — сказал Василий, — что удостоен чести быть принятым в число членов спортивного клуба, в котором собраны выдающиеся спортсмены Франции. Позволю себе заверить вас, господин президент, господа члены правления и уважаемые гости, что постараюсь высоко держать знамя — теперь я могу уже сказать — нашего клуба и свято блюсти честь спортсмена!

По существующим традициям был дан банкет в честь победителя турнира и нового члена клуба.

Позднее, когда Василий направлялся к своей машине, его догнал Сарьян и взял под руку.

— Вам здорово повезло! — сказал он. — Быть принятым в число членов спортивного клуба Парижа — этого удостаиваются не все смертные, не говоря уж об иностранцах.

— Чем же это объяснить?

— Прежде всего тем, что вы показали отличную игру, а клубу важно заполучить первоклассного игрока. Да и личное обаяние играет не последнюю роль почти во всех делах...

Мимо прошел Ганс Вебер и попрощался, приподняв шляпу.

Когда он удалился на достаточное расстояние, журналист, понизив голос, сказал:

— Учтите, Ганс Вебер хоть и немец, но достойный человек. Он убежденный антифашист, но вынужден это скрывать...

— Откуда вы знаете?

— Я знаю многое, не только о Вебере. Такова уж моя профессия... Между прочим, по словам Вебера, — а его словам можно верить, — вопрос о приходе в Германии к власти Гитлера предreshен. В последние дни ведутся переговоры между представителями фон Папена и Гитлера. Как предполагают, в самое ближайшее время они организуют личную встречу и договорятся обо всем... И знаете, что самое пикантное? Французское правительство, не встретив поддержки у англичан и боясь оказаться в изоляции, очутившись лицом к лицу со страшным врагом, заранее примирилось с возможностью фашизации Германии. Вчера поздно ночью состоялось закрытое заседание французского кабинета, где было решено не предпринимать ничего, что могло бы раздражить главарей национал-социалистского движения в Германии. Уже даны соответствующие инструкции французскому послу в Берлине Франсуа Понсэ...

— Но это же равносильно самоубийству!..

— Видите ли, есть во Франции политики, которые надеются, что Гитлер, придя к власти, будет искать жизненные пространства для Германии на Востоке. Другими словами, национал-социалисты, ярые враги большевизма, прежде всего нападут на Советский Союз. А это на руку кое-кому во Франции.

— Я, кажется, имел случай говорить вам, что плоховато разбираюсь в политике. И все же я боюсь, как бы со временем все это не обернулось против самой Франции.

— Ах, боже мой, все может быть! — Журналист остановил проезжавшее мимо такси, попрощался с Василием и сел в машину.

Уныло падал мокрый снег с дождем, пронизывал холодный ветер. В этот поздний час, когда окончились спектакли в театрах, погасли лампочки в концертных залах, опустели кафе и рестораны, пешеходов было сравнительно мало. Но зато машины разных марок, окрасок, форм и размеров

запрудили центральные улицы, и Василию приходилось соблюдать величайшую осторожность, — он двигался со скоростью не более пятнадцати километров в час, проклиная тесноту современных городов.

Сидя за рулем и напряженно, до рези в глазах, следя за мигающими фарами ползущих впереди автомашин, Василий думал о том, что отныне он регулярно будет получать по почте корреспонденцию — письма, приглашения клуба — и это немаловажное обстоятельство в его положении. Обилие корреспонденции поднимет его престиж в глазах соседей, особенно в глазах консьержки. И теперь он сможет добавить к слову «коммерсант» на своей визитной карточке еще слова — «член спортивного клуба». Это уже звучит: весь Париж знает, что в этот привилегированный спортивный клуб несостоятельных людей не принимают, — там членские взносы составляют годовой заработок рабочего средней квалификации.

На площади Согласия образовался небольшой затор, и Василий вынужден был затормозить. Он вспомнил слова Сарьяна: Вебер хоть и немец, но достойный человек, убежденный антифашист... Вчера поздно ночью состоялось закрытое заседание кабинета... Удивительная осведомленность! Положим, если судить трезво, в этом нет ничего из ряда вон выходящего: журналисты народ проницательный, у них нюх на сенсации, как у охотничьей собаки на дичь. Все это так, но почему Сарьян считает возможным делиться новостями именно с ним, с Василием?

Ажан на перекрестке, отчаянно жестикулируя, восстановил порядок, и машины медленно тронулись с места.

Почему!.. Неужели он, Василий, неплохо разбирающийся в людях, ошибся в Сарьяне? Но понял его истинную сущность... Если так, то ему нужно немедленно собирать манатки, возвращаться на родину и заняться чем-нибудь другим, — скажем, слесарить, ремонтировать машины и не соваться больше в дела, требующие смекалки и проницательности... А почему не предположить и такое: проницательный журналист разгадал, что Ярослав Кочек такой же словак, как сам Сарьян японский микадо, и ищет теперь путей сближения с ним, как со своим единомышленником? В этом тоже мало радости: значит, не сумел сыграть свою роль до конца или сболтнул такое, что дало повод журналисту строить всякие предположения... А вообще-то в одиночку многого не сделаешь, — нужны помощники. О лучшем же помощнике, чем Сарьян, и мечтать нельзя, тем более что он, как видно, в близких отношениях с Вебером. Секретарь генерального консульства Германии в Париже — убежденный антифашист! Это же источник такой информации... Главное — не горячиться, действовать расчетливо. Прежде чем рискнуть открыться журналисту и установить связь с Вебером, следует связаться с «отцом» и получить его согласие на такой шаг.

Увлечшись своими мыслями, Василий чуть не поехал на красный свет, — хорошо, что у его машины отличные тормоза, иначе не избежать бы ему объяснений с блюстителем порядка!..

Открыв двери своим ключом, Василий тихонько вошел в квартиру. Так и есть. Лиза мирно посапывает в спальне. Он разделся и на цыпочках прошел в кабинет.

«21.XII 1932 года, Париж.

Дорогой отец!

Извини, что долго не писал, — был очень занят, да и особых новостей не было. Но сегодня у меня большая радость. Сейчас хоть и поздно, час ночи, все же решил поделиться ею с тобой.

Итак, о моих успехах: недавно в большом турнире по теннису, устроенном Парижским клубом, мне повезло: я занял первое место. Мне вручили приз — хрустальную вазу. Это не все, — сегодня, всего несколько часов назад, я был удостоен большой чести — принят в члены спортивного клуба. Вижу улыбку на твоём лице: «Подумаешь, большое дело, приняли в члены какого-то клуба, есть чему радоваться». Это не так, отец. В этот парижский клуб принимают далеко не всякого, и членство в этом клубе создает человеку определенное положение в обществе. Знаешь, кто были моими поручителями? Весьма уважаемые люди — директор-распорядитель большого универсального магазина, отпрыск аристократической фамилии де ла Граммон, о котором я писал тебе раньше. Второй поручитель — генеральный секретарь министерства мсье Жан-Поль Маринье.

Мои коммерческие дела тоже в отличном состоянии. От заказчиков отбою нет. К чести наших молодых художников должен отметить, что они вполне оправдали мои надежды: у них бездна выдумки, вкуса, неисчерпаемая энергия. Шутка сказать, наша фирма добилась монопольного положения на рынке по части объемной и тематической рекламы. Правда, есть дельцы, пытающиеся конкурировать с нами, но пока они нам не опасны. Недавно начали поступать заказы из-за границы — из Англии, Италии и Германии. На днях мой компаньон, мсье Жубер, выедет в Рим для оформления заказов и изучения итальянского рынка. После его возвращения я, возможно, поеду в Лондон. Нужно расширять

международные связи нашей фирмы. Отец, мне очень хотелось бы услышать твое мнение по всем этим вопросам.

Здесь я познакомился с одним журналистом, Жюлем Сарьяном. Ты знаешь, отец, я трудно схожусь с людьми, но с ним, кажется, подружился всерьез.

А еще хочу тебе сказать, что у меня накопилось некоторое количество свободных денег: то, что мы берем с компаньоном из кассы на наши личные расходы, я полностью не трачу, — ты ведь знаешь, какая хозяйка Марианна. Так вот напиши, — если тебе нужны деньги, могу выслать на первых порах тысяч десять — пятнадцать франков.

Пиши, пожалуйста, подробно, что делается у нас дома. Как здоровье тети Клары? Не собирается ли кто из наших родичей к нам в гости? Мы с Марианной приняли бы дорогого гостя с великой радостью. Показали бы Париж. Ты даже не можешь себе представить, как мы соскучились по вас и по дому. Весною, если ничто не помешает, обязательно приедем навестить вас.

Передай привет всем. Тебе и всем нашим кланяется Марианна.

Остаюсь твой любящий сын

Ярослав Кочек.

P.S. Отец, совсем забыл: в клубе я познакомился с секретарем генерального консульства Германии в Париже господином Гансом Вебером. По словам мсье Сарьяна, Вебер приличный человек. На меня он тоже производит благоприятное впечатление, хотя не знаю, бывают ли среди дипломатических работников приличные люди. По-моему, на то они и дипломаты, чтобы притворяться. Вообще-то мне это абсолютно безразлично, просто не хочется ошибаться в людях, а потом винить себя самого. Вот и все.

Я.К.»

Закончив письмо, Василий достал из тайника бесцветные чернила и особую ручку с тоненьким пером. Между строк письма он написал «отцу» обо всем, что узнал сегодня от Сарьяна о заседании французского кабинета, связанном с опасностью прихода к власти нацистов, о том, что Ганс Вебер убежденный антифашист, и попросил разрешения установить тесную связь с Сарьяном и Вебером. В конце Василий добавил, что, поскольку события в Германии могут принять стремительный характер, а у него появятся надежные источники информации, было бы целесообразно наладить более надежный способ связи. Может быть, даже через специального курьера.

Когда Василий кончил писать, за окном брезжил серый рассвет.

Он встал, устало потянулся. Спать не хотелось, но нужно было заставить себя уснуть, — утром предстояло много дел и голова должна быть свежей.

6

До сочельника оставалось еще около недели, но уже весь Париж был охвачен предпраздничной лихорадкой. Торговцы елочными украшениями, игрушками, поздравительными открытками, свечами, бакалейщики, владельцы больших гастрономических магазинов и рестораторы, соревнуясь между собой, старались оформить витрины как можно затейливее.

Месяца за три до праздников рекламная фирма «Жубер и компания» была завалена заказами со всех концов страны. Художники работали день и ночь и все же не успевали к сроку. Василий, твердо усвоивший одно из главных правил коммерции: принял заказ — выполняй в срок, нервничал, — ему не хотелось ронять авторитет фирмы.

Улицы были полны людей с покупками в руках. Хозяйки сбились с ног, запасаясь продуктами к праздничному столу. Казалось, все думают только об одном — как бы веселее провести праздник, совершенно забыв, что по ту сторону Рейна назревают события, таящие в себе смертельную опасность не только для Франции.

Столичные газеты, вначале с нескрываемой тревогой сообщавшие о возможности прихода к власти в Германии Гитлера и национал-социалистов, словно бы успокоились, — они, как по команде, перестали писать об этом. Больше того, реакционная пресса старалась внушить обывателю, что ничего особенного не случилось; какая, мол, французам разница, кто правит Германией? Иногда в статьях на политические темы проскальзывали и кичливые нотки: не надо забывать, что у Франции есть неприступная крепость — линия Мажино!..

Василий заказал на праздничный вечер столик у «Максима» и пригласил Сарьяна с женой.

Вечером в сочельник они встретились в вестибюле ресторана. Василий и Лиза познакомились с женой Сарьяна Жаннет, веселой голубоглазой француженкой. Как все парижанки, она была одета с большим вкусом, казалась значительно моложе своих лет. Впрочем, и Лиза сегодня ничем не отличалась от парижских модниц. Чтобы не ударить лицом в грязь, жена преуспевающего коммерсанта заказала специально к этому дню платье у дорогой портнихи. Тоненькие нитки жемчуга

и бриллиантовые серьги дополняли ее туалет. Мужчины были в вечерних костюмах.

Метрдотель, во фраке, с белым цветком в петлице, похожий на опереточного артиста, спросив фамилии гостей, провел их к заказанному столику.

Когда официант, приняв заказ, удалился, дамы обнаружили под салфетками рождественские подарки. Лизе досталась маленькая обезьянка, а Жаннет — плюшевый медвежонок.

Ровно в двенадцать послышался бой часов, передаваемый по радио, зажглись свечи на громадной елке посреди зала. Все встали с бокалами, наполненными шампанским, и осушили их, пожелав друг другу счастья.

Заиграла музыка, Сарьяны остались за столиком, но Василий и Лиза танцевали, что называется, до упаду. Он — крупный, высокий, ладно скроенный, она — изящная, стройная — обращали на себя внимание. Каждый раз, когда после очередного танца они возвращались к столику, раскрасневшиеся, возбужденные, Жаннет встречала их аплодисментами, а ее муж спешил наполнить их бокалы.

— Чтобы узнать французов, — сказал Василий, когда они с Лизой отдохали от танцев, — нужно съесть не пуд, а тонну соли! Казалось бы, народ приветливый, общительный, а между тем не очень-то гостеприимный!..

— На основании каких фактов вы пришли к такому выводу? — улыбаясь спросил Сарьян.

— Скоро два года, как я живу в этой стране, и за все это время не был приглашен ни в один дом! Тот же мой компаньон, который многим обязан мне и знает, что у нас здесь нет ни родных, ни близких друзей, не счел нужным пригласить нас даже в праздник!..

— Вы правы, мсье Кочек! Французы могут уважать вас, дружить с вами, угощать в самом дорогом ресторане, но пригласить к себе домой... Для того чтобы удостоиться такой чести, нужно очень близко сойтись с ними, быть на короткой ноге.

— У нас все гораздо проще. Словаки народ гостеприимный!..

— Чтобы вы не думали, что я тоже окончательно офранцузился, приглашаю вас с супругой. Прошу пожаловать к нам в любое время, когда вам только захочется. Хоть на Новый год, хоть позже!..

— Вот и получилось, что ты напротился в гости! — смеясь сказала Лиза.

Василий охотно принял приглашение журналиста, поблагодарил его. Ему нужно было только получить ответ от «отца».

В пятом часу утра, когда веселье в ресторане было еще в полном разгаре, Василий с Лизой и чета Сарьянов разъехались по домам.

На следующий день, решив, что лучшего времени для отправления религиозных обязанностей, чем рождество, трудно придумать, Василий пошел с женой в церковь. Терпеливо прослушав торжественную мессу, они дождались, когда кюре освободится, и подошли к нему. Он тотчас узнал их и приветливо улыбнулся.

— Я очень рад, что в моем приходе появились добрые католики, — сказал он. — Как я заметил, вы постоянно посещаете воскресную мессу...

— Конечно, отец мой! — воскликнул Василий. — Мы с женой хотели узнать, можно ли купить два постоянных места у вас в церкви. Ну, скажем, в третьем или в четвертом ряду.

— Вы хотите иметь постоянные места? Что ж, это похвально... Вы могли бы располагать свободными местами в третьем ряду. Четвертое и пятое кресла. Но известно ли вам, что места в нашей церкви стоят дорого?

— Не думаю, что это заставило бы нас отказаться от своего намерения...

— На жесткой скамейке в третьем ряду место стоит триста франков в год, а если хотите кресла с бархатной обивкой, то пятьсот франков.

— Думаю, мы удовлетворимся жесткой скамейкой. Не так ли, Марианна? — Василий повернулся к жене.

— Конечно, — ответила Лиза. — Не все ли равно, на какой скамье беседовать с богом...

Василий достал из бумажника шестьсот франков.

— Благодарю вас! — Кюре спрятал деньги в карман брюк под сутаной. — Квитанций мы не выдаем, но в книге нашей церкви будет сделана соответствующая запись о закреплении этих мест за вами.

Пожелав друг Другу счастливого рождества, они расстались.

— Вот черти полосатые, — шепнул Василий Лизе, беря ее под руку, — даже местами в божьем храме торгуют!

— Значит, придется исповедоваться этому старому фарисею?

— Самым исправным образом, не реже раза в месяц!

— Ах ты господи! Придумывай теперь грехи, чтобы получить отпущение! — Лиза вздохнула.

— Да, дорогая, выдумывать грехи, пожалуй, труднее, чем совершать их!.. Впрочем, когда соберешься на исповедь, я придумаю тебе такие грехи, что все завидовать станут!..

Дома, среди разных программ, проспектов из спортивного клуба и приглашений на балы, их ожидало письмо «отца». Он поздравлял сына и невестку с рождеством Христовым и с Новым годом. После многочисленных пожеланий он выражал свою радость по поводу коммерческих успехов сына.

Передав поклоны от родных и сообщив о здоровье тети Клары, которая, благодарение богу, поправляется, «отец» писал, что ее сын, Юзеф Холек, в самое ближайшее время собирается на студенческие каникулы во Францию. «Юзеф позвонит тебе по телефонам, номера которых ты мне сообщил, и я очень прошу — повстречайся с ним, помоги ознакомиться с достопримечательностями столицы мира. Если же ты очень занят и не можешь уделить ему достаточно внимания, пусть им займется Марианна. Он, как ты знаешь, парень хороший и вполне заслуживает того, чтобы его приняли как следует. Деньги присылать мне не надо, лучше пустить их в оборот.

Не пишу подробно, в надежде, что Юзеф расскажет вам обо всем...»

Они читали и перечитывали письмо «отца». Было ясно: курьер, который приезжает к ним, имеет достаточные полномочия. Что другое могли означать слова: «Юзеф парень хороший и заслуживает того, чтобы его приняли как следует»? Значит, этому Холеку можно доверить все. В письме нет ни единого слова ни о Сарьяне, ни о Вебере. Последние строки письма: «Не пишу подробно, в надежде, что Юзеф расскажет вам обо всем» — вот, наверное, ответ и на этот вопрос.

Вскоре после Нового года раздался телефонный звонок.

«Квартира Ярослава Кочека?» — «Да...» — «Здравствуй, брат, говорит Юзеф Холек. Твой отец обещал написать обо мне, — ты получил его письмо?» — «Получил. Где же ты, Юзеф, почему не едешь к нам?» — «Чтобы не беспокоить вас, я остановился в гостинице. Но если вы дома, могу приехать хоть сейчас». — «Мы дома и ждем тебя. Постой, с тобой хочет поговорить Марианна, передаю ей трубку». — «Здравствуй, Юзеф! Как тебе не стыдно останавливаться в гостинице?» — «Я уже сказал, — не хотел беспокоить вас». — «Ну ладно, приезжай скорее, мы тебя ждем. Наш адрес ты знаешь... Возьми такси и приезжай, мы с Ярославом так соскучились по дому...»

— Василий, как ты думаешь, наш телефон на подслушивании? — спросила Лиза, положив трубку.

— Не думаю, но быть осторожным не мешает. Береженого и бог бережет!

— Знаешь, почему я спрашиваю? Мы — словаки, подданные Чехословацкой республики. Но ни словацкий, ни чешский язык не удосужились изучить. Ленивые мы с тобой люди. К нам приезжает близкий родственник, а мы беседуем с ним по-французски. Хорошо еще, не возникла необходимость обращаться к нашему консулу, — а если бы?

— Ты не совсем права. Дело не в лени, а времени у нас совершенно нет!

— Пустое, при желании время нашлось бы...

Минут через сорок приехал двоюродный брат Юзеф. Василий, помогая гостю снять пальто, внимательно разглядывал его.

Юзеф оказался молодежавым, высоким человеком со спортивной фигурой. Поглаживая русые волосы, он украдкой посмотрел по сторонам и, похоже, не поняв, есть ли дома чужие или нет, обнял сначала Василия, потом Лизу, говоря: «Здравствуй, брат! Здравствуй, сестра!» И хотя в пароле не было никакой необходимости, добавил: «Дома у нас все благополучно!»

— Ну и слава богу! — Василий, взяв Юзефа под руку, перешел на русский язык. — Ладно, все ясно! Пойдемте в кабинет. Можете говорить свободно, посторонних нет. Мы с Лизой одни.

Вслед за ними вошла в кабинет и Лиза, поставила на стол бутылку белого вина, бокалы, фрукты, а сама устроилась в кресле.

— Рассказывайте! Мы ведь заждались вас. — Василий наполнил бокалы.

— Многое должен я вам сказать — не знаю, с чего и начать. Прежде всего, «отец» поручил мне передать вам обоим большой привет, — начал гость. — Он так же, как и вы, считает, что членство в спортивном клубе еще больше упрочит ваше положение здесь, в Париже, и даст вам возможность встречаться с нужными людьми. Большое впечатление произвело на «отца» сообщение, что фирма имеет возможность наладить коммерческие отношения с заграницей. Он несколько раз повторил, что придает этому факту чрезвычайно важное значение, и просил сказать вам об этом. Если поездка ваша в Лондон совпадает с интересами фирмы, то поезжайте. Но вот в Берлине вам нужно побывать, по его мнению, обязательно, — побывать без всякого определенного задания. Просто подышать тамашним воздухом, поближе познакомиться с обстановкой. «Отец» считает, что фашистская опасность становится реальным фактом и вам пора перейти к активной работе. Он так и сказал: «Передайте товарищу Василию, что час настал!..» По мнению «отца», журналисту Сарьяну вполне можно доверять, — раскройте перед ним в пределах разумного и воспользуйтесь его помощью. В отношении Ганса Вебера совет такой: всецело полагаться на Сарьяна и, если тот посоветует, можно привлечь и Вебера к антифашистской работе. В дальнейшем вам рекомендуется писать «отцу» пореже, — связь будет поддерживать специально выделенный курьер. Имейте в виду — курьер этот женщина, здоровая, краснощекая австриячка, старая революционерка, убежденная антифашистка. Запомните ее внешние данные и пароль. Зовут австриячку фрау Шульц, Анна Шульц. Она — крупная женщина лет пятидесяти, по профессии портниха. Глаза карие, волосы гладко причесаны, каштановые, с проседью. На груди, сверх белой блузки, она всегда носит большой медальон с эмалевым изображением божьей матери с младенцем. Пароль: «Вы, мадам, кажется, хотели сшить платье?» Ответ; «Да, если только не очень долго ждать». Повторить или запомнили?

— Не надо повторять!

— С фрау Шульц связь будет поддерживать главным образом Лиза. «Отец» считает это более естественным и тем самым более целесообразным. Фрау Шульц позвонит вам по домашнему телефону и условится о времени и месте встречи с Лизой. Рекомендуется встречаться с Шульц там, где она укажет, и ни в коем случае не у вас дома. Шульц не должна знать слишком много о мсье Кочеке. Ее знакомство с ним возможно только при особой необходимости. «Отец» просил также передать Лизе, что знает — безделье надоело ей, но ему скоро придет конец. Вот, пожалуй, все, что мне поручено передать вам.

— Когда вы собираетесь обратно? — спросил Василий.

— Задержусь здесь на несколько дней, я ведь студент Пражского университета, воспользовался рождественскими каникулами, чтобы посетить Францию. Не исключено, что за мной следят, поэтому мне не следует приезжать к вам еще раз. Если я понадобится вам, то позвоните ко мне в гостиницу, — встретимся где-нибудь в музее. Так будет проще всего, — меня ведь интересует в Париже все, что достойно внимания.

— Предположение, что за вами следят, основано на каких-нибудь фактах? — поинтересовался Василий.

— Конкретных фактов нет. Но, в связи с определенными событиями, в отношениях между Чехословацкой республикой и Францией наблюдается некоторый холодок, и французские власти стали относиться к чехословакам с подозрением. В Праге французский консул, прежде чем выдать мне визу, вымотал всю душу...

— Скажите, товарищ, а из дома нам ничего не передавали? — спросила Лиза и тут же добавила: — Как приятно произнести слово «товарищ»!

— Нет, ничего не передавали. Но по приезде я могу узнать и сообщу через фрау Шульц.

— Пожалуйста, очень прошу! А то ведь мы с Василием сидим тут, как в ссылке. Ни писем из дома, никаких вестей...

— Ну что ж, давайте выпьем по бокалу вина за то, чтобы не было на свете фашизма и войн, — негромко сказал Василий.

— С большим удовольствием! И от души желаю вам успеха! — Гость чокнулся с Лизой, потом с Василием.

— Хорошо бы вам задержаться на несколько дней, — сказал Василий. — Дело в том, что на днях я должен встретиться с Сарьяном у него дома. Мне хотелось бы информировать «отца» о результатах моих переговоров с журналистом. Может быть, он сообщит мне кое-что новое. Сарьян ведь вхож в верх, он очень осведомленный человек.

— Хорошо, в течение трех дней я буду ждать вашего звонка до десяти утра и после восьми вечера. Запишите мой телефон. Можете говорить со мной по-чешски, я свободно владею этим языком.

— К сожалению, не могу сказать о себе то же самое. Впрочем, для начала у меня хватит запаса слов. Начнем по-чешски, потом невзначай перейдем на французский...

Гость попрощался и ушел.

— Мне понравился этот парень — молодой, собранный, толковый, — сказал Василий. — С таким можно работать.

— С тобой тоже можно работать! — пошутила Лиза.

— Думаю, что можно, — ответил Василий.

Сарьян не заставил себя долго ждать. Утром следующего дня он позвонил Василию в контору и спросил, не забыл ли тот о своем обещании побывать у него дома с женой.

— Нет, конечно! — отозвался Василий. — Вы же знаете, фирма наша солидная, мы всегда выполняем свои обещания.

— Ну и отлично! Я приду к вам после работы, возьмем такси, заедем за вашей женой и отправимся к нам. Без меня вы, чего доброго, заблудитесь. Я ведь живу на окраине Парижа, почти за городом.

— Зачем же такси? Мы можем поехать в моей машине. Или вы не доверяете мне вашу драгоценную жизнь?

— Рискну, тем более что так обойдется дешевле!..

День прошел в суете. Нужно было просмотреть почту, накопившуюся за праздничные дни, вызвать к себе главного художника, посоветоваться с ним по поводу заказов, выслушать директора-распорядителя, подписать чеки и другие банковские документы.

Ровно в пять часов в кабинет к Василию вошел Сарьян.

— Точность — вежливость королей! — сказал он, указывая на настенные часы.

Они заехали за Лизой. Она села рядом с журналистом, на заднем сиденье, и машина тронулась.

— Вас, вероятно, интересует, почему мы с Жаннет забрались так далеко? Очень просто — люблю копать в земле! В Париже люди забыли даже запах земли. Единственная возможность

отдохнуть душой — это наняться садовником и разделять клумбы в общественных садах. Здесь же, на окраине, у меня небольшой садик с фруктовыми деревьями, кустами махровой сирени и жасмина. Я развожу цветы, даже огород у меня есть. Жаль, сейчас зима и вы не сможете полюбоваться моими цветами, в особенности розами. Их у меня шестьдесят кустов, и летом, когда раскрываются бутоны, кажется, что ты очутился на знаменитых розовых плантациях Болгарии. В детстве, когда я жил в Стамбуле, возле нашего дома был тенистый сад, и отец мой любил копаться в нем. Должно быть, я унаследовал его любовь к земле...

Залитый светом Париж остался позади, они выехали на скудно освещенную широкую улицу, вдоль которой по обеим сторонам виднелись двухэтажные коттеджи.

— Вот там, через три дома, с правой стороны остановитесь, — сказал Сарьян.

Дом журналиста был скромно, но со вкусом обставлен. В ожидании обеда расположились в просторной гостиной. Жаннет принесла аперитив.

— Вы живете вдвоем в таком большом доме? — спросила ее Лиза.

— Вдвоем. У нас нет даже постоянной прислуги, только проходящая, — сказала Жаннет. — Дом, правда, немного великоват для нас — семь комнат, четыре на первом этаже, три на втором, который всегда пустует. Но зато здесь у нас больше земли, — есть где развернуться Жюлю!..

Обед был скромный, зато в изобилии были представлены вина разных марок и сортов. После обеда Жаннет повела Лизу к себе, а мужчины пошли в кабинет хозяина — покурить, выпить кофе, побеседовать по душам.

— Расскажите погрязшему в делах человеку, что происходит на нашей многострадальной планете? Вы ведь все знаете! — начал Василий.

— Кое-что знаю... Увы! — далеко не все. К сожалению, порадовать вас нечем. — Сарьян встал, молча прошелся по комнате. Вернувшись на свое место, сказал: — Вчера, четвертого января тысяча девятьсот тридцать третьего года — прошу вас запомнить эту дату! — в Кельне, в доме банкира фон Шредера, состоялась встреча Гитлера с Папеном. По имеющимся в министерстве иностранных дел Франции сведениям, они договорились о двустороннем союзе: Папен — Гитлер. Результаты этого сговора не заставят себя долго ждать — он расчистит путь Гитлеру к власти. Поверьте мне, эта дата, четвертое января, явится началом грозных событий для Европы, а может быть, и для всего мира!

— Следовательно, вы считаете, что приход к власти национал-социалистов во главе с Гитлером предрешен?

— Да. И мне становится страшно, когда я думаю о последствиях.

— Страхом делу не поможешь! Разумнее было бы бороться против гитлеризма, бороться всеми доступными средствами. — Василий внимательно следил за выражением лица собеседника.

— Согласен, но как бороться — вот в чем вопрос. Я не министр, не генерал, у меня нет армии. Нет даже партии.

— Для начала мы заключим с вами союз для борьбы с фашизмом.

— Союз с вами?

— Не смотрите на меня так удивленно. Лучше давайте поговорим откровенно. Хотите?

— Хочу. Собственно, я давно жду такого разговора. Жду с того самого дня, когда после турнира в спортивном клубе вы отказались фотографироваться, боясь появиться на страницах газет... Тогда я понял, что для этого у вас есть свои особые причины.

— Прежде всего вы должны знать, что единственная моя цель — бороться против фашизма. Разумеется, мы с вами не в силах помешать Гитлеру и его молодчикам захватить власть в Германии. Но быть в курсе всех акций фашистов обязаны, чтобы помочь тем, кто в состоянии бороться с этим злом нашего века по-настоящему.

— Чем я могу быть вам полезным?

— Прежде всего согласием сотрудничать со мной, если вы действительно хотите бороться с фашизмом.

— Мне ли, человеку, испытавшему на своей собственной шкуре все ужасы шовинизма и фанатизма, не хотеть бороться с фашизмом!.. Я готов. Но в чем конкретно должно заключаться мое сотрудничество с вами?

— Вы окажете нам большую услугу, если согласитесь информировать меня о событиях в Германии и ставить в известность о намерениях правящих кругов Франции, связанных с германскими делами.

— Согласен, — журналист кивнул головой. — А еще?

— Разрешить, если, конечно, это вас не затруднит, пользоваться время от времени вашим домом.

— Зачем?

— Чтобы изредка встречаться здесь с нужными людьми, готовить почту для отправки определенным адресатам, иметь в исключительных случаях убежище для моих сотрудников на день или два, не больше. Повторяю, если это вас не затруднит...

— Пользуйтесь сколько вам угодно! Единственное, чего бы мне хотелось, — делать все это так, чтобы не вызвать подозрений ни у кого, даже у Жаннет, которая не только далека от политики, но и

боится ее!

— Ваш дом стоит особняком. Я заметил, что сад отделяет его от любопытных взглядов соседей, в особенности летом. У вас нет даже постоянной прислуги. Наконец, у вас пустует целый этаж. Найти более идеальные условия для работы невозможно. Вы могли бы сдать мне в аренду верхний этаж. Я один или с женой — мы могли бы приезжать сюда на день, на два подышать свежим воздухом. Кстати, установление таких взаимоотношений между нами сняло бы с вас всякую ответственность. Мало ли чем могут заниматься жильцы?..

— План ваш мне нравится. Я охотно сдам вам в аренду часть дома. Жена скучает в одиночестве, к тому же она очень симпатизирует мадам Кочековой. Мой вам совет: не спешите, взвесьте все еще раз. Пусть и между женщинами укрепится взаимная дружба.

— Иметь с вами дело одно удовольствие! Спешить не будем. Еще один вопрос: скажите, стоит ли привлечь к делу Вебера?

— Вебер ненавидит фашизм. Я имел возможность убедиться в этом.

— А не может быть так, что он, прикрываясь антифашизмом, выполняет здесь задание определенных органов и старается войти в доверие к действительным антифашистам?

— Я не такой уж простак, каким, может быть, кажусь, — усмехнулся Сарьян. — Еще раз подтверждаю, что порядочность Ганса Вебера вне сомнений!

— Тогда давайте обсудим, как привлечь его к делу.

— Очень просто — встретимся с ним где-нибудь в ресторане или в кафе втроем и поговорим.

— Мне не хотелось бы, чтобы нас видели вместе. Я уверен, что за Вебером, как за иностранным дипломатом, установлена слежка и каждый его шаг, тем более встреча с иностранцем, берется на заметку.

— Об этом я, признаться, не подумал... В таком случае могу позвать его и вас к себе в гости! — предложил Сарьян.

— Так будет лучше. Если можно, следовало бы ускорить встречу.

— Ну, скажем, послезавтра, часам к восьми вечера.

— Очень хорошо!.. Теперь мы с чистой совестью можем возвратиться к дамам.

— Можем... Но прежде мне хотелось бы спросить вас: неужели вы не располагаете надежной информацией непосредственно из Германии?

— Лично я — нет. Но те, кому это положено, располагают такой информацией. Однако для верности любую информацию полагается проверять по двум-трем источникам.

В столовой уже был накрыт стол для чая, и Жаннет угостила их тортом собственного приготовления.

На обратном пути Василий, не отрывая глаз от дороги, спросил у Лизы, какое впечатление произвела на нее Жаннет.

— Она очень милая, простая, сердечная женщина. Но, к сожалению, далека от всяких общественных интересов.

— Ты понравилась ей?

— Думаю, что понравилась. Она просила меня чаще бывать у нее.

— Я рассказал Сарьяну о своих действительных целях, и он обещал сотрудничать с нами... В недалеком будущем мы арендуем верхний этаж его дома. Сама видела, идеальное место для конспиративной квартиры. Но на это потребуются согласие Жаннет. Ты уж постарайся завоевать ее симпатию...

Утром Лиза позвонила Юзефу в гостиницу, и они условились встретиться у собора Парижской богородицы, — ему не терпелось увидеть это чудо архитектуры.

Лиза сообщила ему во время осмотра собора, что Сарьян дал согласие сотрудничать, что Василий собирается арендовать второй этаж его дома, который пустует, и организовать там конспиративную явку. В случае надобности, в доме могут останавливаться на короткое время люди «отца». Встреча Василия с Вебером состоится в ближайшее время в доме того же журналиста. О результатах они сообщат.

— Василий просил еще передать вам, — сказала Лиза, — чтобы вы поспешили с отъездом. Передайте «отцу», что в Париже стало известно о состоявшемся свидании Гитлера с фон Папеном в Кельне четвертого января, в доме банкира Шредера, и сговоре между ними. В здешних осведомленных кругах считают, что приход Гитлера к власти предрешен — это только вопрос времени. И пусть ускорят приезд к нам курьера, — сейчас очень важно наладить регулярную связь с «отцом».

— Понятно...

— И последнее — не забудьте мою просьбу о весточке из дома... А теперь обойдем собор еще раз и попрощаемся!

Жубер вернулся из Италии в великолепном настроении.

— Возлагать большие надежды на рынок Италии, страны отсталой, довольно бедной, к тому же

задавленной диктатурой дуче, едва ли следует. Но все же извлечь и оттуда кое-какую пользу для нас можно. В частности, я заключил договоры на рекламные заказы с двумя кинопрокатными фирмами и одной туристской конторой. — Жубер достал из портфеля три договора и вручил Василию. — Сами видите, заказы незначительные, но, может быть, это только начало и в будущем наши деловые связи с Италией расширятся. Ну, а что касается моей поездки, то она была великолепной, столько впечатлений! Мадлен в восторге от этой сказочной страны. Короче, я очень доволен, тем более что мои расходы с лихвой окупятся заключенными мною договорами!

— Скажите, Жубер, как чувствуют себя итальянцы под фашистской диктатурой? — спросил Василий, откладывая в сторону договоры.

— Я как-то этим не интересовался. Слышал о колониальных претензиях Италии к Африке, но в чем там дело — понятия не имею. В конечном итоге это нас не касается. Раз итальянцам хочется прибрать к рукам какие-то земли дикарей, — пусть, на здоровье. Сомалийцам или абиссинцам от этого хуже не будет, — цивилизованные народы, придя к ним, по крайней мере принесут с собой культуру и христианскую религию!

— Вы серьезно так думаете?

— Да... Впрочем, я плохо разбираюсь в такого рода вопросах! — поспешил сказать Жубер, почувствовав холодок в голосе компаньона.

— А если фашисты, во главе с Гитлером, захватят власть в Германии, в непосредственной близости от Франции, тогда как?

— Не понимаю ваш вопрос, мсье Кочек... Захватят так захватят, — нам от этого ни тепло ни холодно...

— Ах, мсье Жубер, мсье Жубер! Вы не представляете себе, какие последствия может иметь победа национал-социалистов для соседних с Германией стран... Впрочем, в одном вы правы: политика не наше дело! Пусть ею занимаются дипломаты... — Чтобы скрыть свое раздражение, Василий, сославшись на неотложные дела, вышел из конторы.

Он долго бесцельно бродил по улицам Парижа. Облака, закрывавшие небо с утра, поредели. Сквозь их разрывы время от времени показывалось солнце, и тогда черепичные крыши, омытые утренним дождем, ярко блестели. Он выбирал малолюдные улицы, чтобы никто не мешал ему думать о том, сколько грозных событий повидал этот город, сколько бурь бушевало над ним... Варфоломеевская ночь... Взятие Бастилии... Здесь, в этом городе, жили Робеспьер, Дантон, Марат. Здесь казнили короля и королеву... Камни мостовых Парижа сохранили память о благородной непримиримости, страстном желании справедливости, растоптанном «сверхчеловеком» того времени — Бонапартом... И — Парижская коммуна, героическая репетиция нашего Октября... В грозный час, когда в 1914—1915 годах землю Франции топтали сапоги кайзеровских солдат, сыны Франции взяли за оружие и с кличем «Родина в опасности» остановили завоевателей под стенами Вердена. Тогда они показали небывалую стойкость и героизм, покрыли свои боевые знамена неувядаемой славой... А сегодня потомок тех героев, Жубер, говорит: «Если фашисты захватят власть в Германии, мне от этого ни тепло ни холодно»... И разве Жубер одинок? К сожалению, таких, как Жубер, в современной Франции немало. Наивные люди, они не понимают, что Гитлер и его молодчики мечтают о реванше, о мщении за поражение в войне. Победа над врагом пробудила у французов радужные надежды. Простые люди Франции верили, что после войны, после стольких жертв восторжествует справедливость. Многие верили и в авторитет Лиги наций. В послевоенные годы наступило разочарование. Оно оказалось тем глубже, чем радужнее были надежды. Классовые противоречия обострились еще больше... Сумеют ли французы сегодня отстоять от фашистских орд свою прекрасную родину?..

Сарьян, точный как всегда, пригласил Василия к себе, предупредив, что у него будет Ганс Вебер. На этот раз Василий поехал к журналисту один, без Лизы.

Вебер держал себя просто, говорил сдержанно и ничуть не походил на того веселого, несколько даже легкомысленного человека, каким привыкли его видеть в спортивном клубе.

После ужина они втроем пошли в кабинет хозяина, и неожиданно Вебер сам перешел к делу:

— Жюль говорил мне о вас. Не удивляйтесь, мы с ним давнишние друзья, у нас нет секретов друг от друга. Я давно приглядываюсь к вам, но вы так искусно играете свою роль, что под конец я решил: этот Кочек один из тех современных молодых людей, для которых нет ничего святого на свете, кроме звонкой монеты. Я поверил, что вы пожаловали сюда, во Францию, с единственной целью — делать деньги.

— Мне лестно это слышать... Если столь опытный дипломат, как вы, пришел к такому заключению, значит, мне нечего опасаться агентов Сюртэ Женераль! — серьезно, без улыбки ответил Василий.

— Давайте, друзья, от комплиментов перейдем к обсуждению вопросов, ради которых мы сегодня собрались, — вмешался Сарьян. — Мы не на дипломатическом приеме!.. Мсье Кочек и я решили посвятить свои слабые силы борьбе с фашизмом, где бы он ни проявился. Мы приглашаем вас, Вебер, присоединиться к нам. Мы учли, что сегодня реальная опасность фашизма исходит от вашей родины, а вы, представляя здесь Германию, могли бы оказать неоценимую услугу, снабжая

нас сведениями о событиях в Германии, с тем, чтобы наш друг Кочек мог передавать их в компетентные организации...

— В какие именно организации, нельзя ли узнать?

— Тут большого секрета нет, — сказал Василий, — речь идет об организации, видящей в фашизме смертельную опасность как для самой Германии, так и для всего человечества и поставившей перед собой задачу бороться против наступающего фашизма всеми доступными средствами... Мсье Вебер, вы знакомы с книгой Гитлера «Майн кампф»?

— Еще бы! И могу добавить, что более гнусной философии Германия не знала, — если, конечно, этот маниакальный бред можно назвать философией!..

— Вот и помогите нам, чтобы этот бред не стал страшной реальностью! — сказал Василий.

— Я готов. Только учтите, что я всего-навсего секретарь генерального консульства. Мы выдаем визы на въезд в Германию, регистрируем браки, рождение детей у подданных Германии, рассылаем повестки молодым людям, достигшим призывного возраста. Как видите, у нас не очень-то широкие полномочия. Конечно, я бываю в нашем посольстве, посещаю наш клуб, общаюсь с осведомленными дипломатическими работниками и иногда узнаю действительно важные и интересные новости. Я готов делиться с вами этими новостями, но, по-моему, такая информация, к тому же идущая через вторые, третьи руки, мало что даст. Нужно искать что-то совсем другое.

— Что именно вы имеете в виду?

Вебер молчал, затягиваясь табачным дымом.

— Есть один многообещающий источник, — сказал он, подумав. — Правда, он связан с некоторым риском. Если мы хотим действовать серьезно и не тратить свою энергию на пустяки, необходимо найти доступ к секретным сейфам германского посольства в Париже...

— Мысль правильная, но как ее осуществить? — нетерпеливо перебил Вебера экспансивный Сарьян.

— По-моему, есть одна лазейка... И если мы хорошенько пошевелим мозгами, то сумеем этой лазейкой воспользоваться... В нашем посольстве работает стенографистка Эльза Браун. Она — доверенное лицо посланника герра Роланда Кестнера и имеет доступ ко всем секретным делам. Эльза Браун, молодая вдова, страдает двумя пороками — чрезмерной скупостью и столь же чрезмерной любовью к молодым кавалерам. Как истинная немка, она бережлива от природы, но ее бережливость доходит до какой-то мании. Вместо сливочного масла она покупает маргарин, пьет суррогат кофе, чтобы отложить несколько лишних франков. У нее панический страх перед необеспеченной старостью...

— И она сумела что-либо накопить? — спросил Василий.

— В том-то и дело, что нет! Экономя на мелочах, она все свои деньги тратит на молодых любовников. Над этим смеются все в посольстве...

— И вы предлагаете привлечь эту женщину к делу? — уточнил Василий.

— Да. И думаю, что это удастся. У Эльзы Браун нет никаких убеждений. Ее можно использовать двумя способами — либо подключить к ней молодого мужчину, который сумеет получать от нее нужные сведения, либо просто купить ее. Если есть у вас на примете подходящий молодой человек, давайте познакомим его с Браун. Если нет, — попытаемся предложить ей деньги. Разумеется, если вы располагаете средствами: деньги потребуются немалые!..

— Первый способ совершенно исключается, мы никогда не пойдем на такое. Что же касается денег... Я ведь совладелец доходной рекламной фирмы. Располагаю и собственными средствами. Я могу позволить себе потратить известную сумму для вознаграждения фрау Браун, в том случае, конечно, если ее сотрудничество с нами будет эффективным, — сказал Василий. — А как и с чего начать разговор с ней?

— Я уже подумал об этом. — Вебер закурил новую сигарету. — Здесь нужна женщина, причем умная, которая сумеет сблизиться с Эльзой. Сводит ее к модным портнихам, посоветует, каким пользоваться кремом, какую делать прическу и у какого парикмахера... Короче говоря, завоеует ее симпатию и войдет в доверие к ней.

— А где и как познакомить такую женщину с фрау Браун? — спросил Василий.

— Вот уж не знаю... Может быть, снова придется прибегнуть к помощи нашего друга Жюля, — Вебер улыбнулся журналисту.

— Всегда к вашим услугам! Но я не знаком ни с фрау Браун, ни с той очаровательной и находчивой женщиной, которую ей нужно будет представить! — Сарьян развел руками.

— Пусть мсье Кочек познакомит вас с той женщиной, а вы представите ее фрау Браун как свою приятельницу, — сказал Вебер. — Сделать это удобнее всего где-нибудь в ресторане. Вы пригласите меня поужинать с вами, а я приведу с собой Эльзу...

— Хорошо, как только мсье Кочек подыщет такую женщину и даст мне знать, я позвоню вам и мы договоримся о встрече! — подытожил Сарьян.

Вечером Василий рассказал о своем разговоре с Вебером Лизе и сказал, что ей и придется быть той женщиной, которая должна сблизиться с немкой и войти к ней в доверие. Заметив брезгливую гримасу на лице жены, Василий сказал:

— Так надо, Лиза!..

Назавтра Василий встретился с Сарьяном и сказал ему, что в роли будущей приятельницы Эльзы Браун выступит Лиза.

Журналист не удивился, как будто именно этого он и ждал.

— Необходимо, чтобы Браун ничего не знала обо мне, понимаете? Даже фамилию мою не слыхала, до тех пор, пока мы окончательно не уясним себе, что же в конечном итоге представляет собой эта немка.

— А зачем мне называть ваше имя? Мало ли какие прелестные приятельницы могут быть у меня, не так ли?

— Абсолютно так! У столь симпатичного мужчины могут быть приятельницами самые красивые женщины Парижа!..

— Вы все шутите, а между тем у меня есть интересные новости для вас. Начинается раскол союза между Францией и малыми странами. Поляки начали первыми, поняв, что в случае прихода Гитлера к власти рассчитывать на помощь Франции не приходится. Они решили, пока не поздно, попытаться найти общий язык с немцами. Однако такая акция выглядела бы некрасиво, поэтому они готовы пойти на провокацию. В Париж заявился министр иностранных дел Польши господин Бек и потребовал от французского правительства оккупации части Рурской области, пообещав со своей стороны вторжение поляков в Германию пятью армейскими корпусами. Эту новость я узнал вчера, когда нас, группу журналистов, пригласили на улицу Кэ д'Орсэ для информации. Мы собрались у парадных дверей как раз в то время, когда господин Бек, разодетый, как опереточный тенор, поджидал свою машину, чтобы уехать. Журналисты, не зная еще ничего о предложениях министра иностранных дел Польши, поглядывали на господина Бека с явной насмешкой. Я спросил одного своего коллегу о мотивах такого не очень почтительного отношения к высокопоставленному гостю. И вот что он мне ответил: «Видите ли, господин Бек не новичок у нас в Париже, он бывал здесь еще молодым офицером в качестве военного атташе и вел довольно скандальный образ жизни, посещал игорные дома, чрезмерно увлекался женщинами, стал причиной двух нашумевших в то время историй». Но самое пикантное заключается в том, что сам тогдашний премьер-министр Польши, господин Сикорский, уведомил французское правительство через секретные каналы, чтобы не особенно доверяли военному атташе Беку... То ли получив такие сведения, то ли желая избавиться от скандального офицера с дипломатическим паспортом в кармане, агенты Сюртэ Женераль без особого труда спровоцировали Бека, подсунув ему фальшивку под видом секретного документа, касающегося Италии. А еще через некоторое время «подыскали» и покупателя на этот документ в лице мнимого агента итальянской разведки. Бек попал в эту ловушку, как слепой щенок, — его накрыли в тот момент, когда он, продав документ, собирался получить за него большие деньги. Овладев таким образом неопровержимыми доказательствами неблаговидной деятельности господина Бека, несовместимой с дипломатической работой, его объявили персоной нон грата и выставили из Франции... Теперь, сидя в кресле министра иностранных дел Польши, господин Бек, видимо, решил отомстить французам за свой позор в прошлом!..

— По-моему, — сказал Василий, — демарш поляков свидетельствует, что союзники Франции, разочаровавшись в двойственной и предательской политике старшего партнера, постепенно отходят от него.

— Да, похоже на это... По-видимому, очередь за другими союзниками Франции. Интересно, как поведут себя в ближайшее время Румыния, Чехословакия и Югославия.

— Нужно полагать, что и эти страны перед лицом смертельной опасности, не надеясь больше на Францию, будут искать пути для спасения!

— Вы, кажется, недалеки от истины. Этому опасаются и на улице Кэ д'Орсэ. К сожалению, разговорами ничего изменить нельзя, в особенности сейчас, перед лицом грозных событий... Итак, прошу вас передать мадам Марианне, что я имею честь пригласить ее на ужин в компании немецкого дипломата господина Ганса Вебера и его соотечественницы фрау Эльзы Браун.

— Непременно передам!..

В тот же день, вечером, стало известно о падении кабинета Поля Покура. Премьер-министром Франции стал Эдуард Даладье. Поль Покур согласился принять портфель министра иностранных дел в его кабинете.

Эльза Браун, в японском халатике, сидела у туалетного столика и тщательно наводила красоту на свое — увь! — уже поблекшее лицо. Разглядывая в зеркало свои округлые плечи, пышную грудь, она думала о том, что не потеряла былой привлекательности, иначе не стал бы приглашать ее на ужин такой серьезный человек, как Вебер из консульства. Вся немецкая колония в Париже считает этого худощавого, подтянутого холостяка сухарем. По правде говоря, он действительно

малоразговорчив и ведет себя слишком надменно. По что из этого, зато сослуживцы Вебера отзываются о нем как о человеке умном, начитанном. Впрочем, эти его качества Эльзу Браун мало интересуют. Важно другое: Ганс стройный, крепкий мужчина и, говорят, отличный спортсмен.

Насколько ей известно, Вебер до сих пор не ухаживал ни за одной женщиной из немецкой колонии. Бот был бы фурор, если бы она появилась на вечере в клубе с Вебером! Сколько женщин позавидовали бы ей! Многие злословят по ее адресу, выдумывают всякие небылицы. Что греха таить, она питает слабость к мужчинам, в особенности к молодым!.. А разве все эти прикидывающиеся скромницами матроны не согрешили бы, если бы имели возможность? Дай им только волю!.. Взять хотя бы жену советника, фрау Эльман, — казалось бы, уж развалина, за шестьдесят, а соблазнила товарища сына, совсем мальчишку. Об этом знают все, но молчат. Как же, разве можно осуждать жену советника? А стоит ей, Эльзе Браун, встретиться изредка с молодым человеком, как об этом тотчас заговорит вся колония, — за нее ведь некому вступить и заткнуть рот сплетникам. Если у нее будет постоянный поклонник, да еще такой, как Вебер, положение ее изменится.

Признаться, приглашение Вебера поужинать в обществе одной приятной французской супружеской пары было как снег на голову, — до этого он не обращал на нее никакого внимания, поклонится и пройдет мимо, будто она неодушевленный предмет, а не женщина. И вдруг это приглашение!.. А почему бы и нет? Что она, менее интересна, чем какая-нибудь зеленая девчонка-несмышлениш?..

Эльза Браун еще раз посмотрела на себя в зеркало, Морщинки, второй подбородок... Как она следит за собой, какую соблюдает диету! Давно забыла вкус пирожных, совсем не ест хлеба, живет на одних овощах! Годы, тут уж ничего не поделаешь... И сесть начала, но это не беда, — французы великие мастера!..

Надушившись и напудрив лицо, она долго выбирала платье. К ее великому огорчению, материальные возможности не позволяли ей одеваться у дорогих портних. Вкуса у нее хоть отбавляй, но нужны еще деньги, и большие. Наконец она остановилась на синем крепдешинном платье, надела на шею две нитки крупного искусственного жемчуга, приготовила лакированные туфли-лодочки, но не надела их, чтобы раньше времени не болели ноги.

Звонок в дверь. Она быстро надела туфли и пошла открывать.

— О-о, фрау Браун! Как вам идет этот жемчуг! — сказал Вебер, целуя пухлую ручку стенографистки.

— Неужели? По-моему, вы просто решили сказать мне приятное!

— Если вы готовы, мы можем ехать. — Веберу хотелось сократить этот разговор.

— Может быть, выпьем бокал вина или чашечку кофе?

— С большим бы удовольствием, но ведь нас ждут!..

Вебер помог ей надеть шубку, и они спустились на улицу, где их ждало такси.

Эльза Браун впервые была в китайском ресторане и с интересом рассматривала стены, обтянутые шелком с причудливыми рисунками, фонарики, бросающие мягкий свет в зал. По обеим сторонам зала шли небольшие кабины, похожие на шатры. Приглушенно звучала странная музыка.

Не успели Вебер и Эльза войти в ресторан, как перед ними вырос словно из-под земли китаец в зеленом халате, с длинной косой и почтительно осведомился — не господин ли Вебер осчастливил его своим присутствием? Получив утвердительный ответ, китаец низко поклонился и сказал:

— Вас и вашу даму ждут в шестой кабине!..

При виде гостей Сарьян вскочил с места, поцеловал руку Эльзы и представил ей и Веберу свою спутницу:

— Мадам Марианна!.. Садитесь, прошу вас, и почувствуйте себя как дома! На каком языке вы предпочитаете говорить? — спросил он вдруг.

— Думаю, лучше по-немецки, — ответил Вебер. — Не так ли, фрау Эльза?

— Да, пожалуй, лучше по-немецки, а то с моим произношением... Больше трех лет живу во Франции и никак не научусь правильно произносить французские слова, — немка говорила с таким смешным акцентом, что Лиза о труде сдерживала улыбку.

На звонок Сарьяна вмиг появился слуга-китаец. С его помощью журналист заказал какие-то странные блюда, о которых Эльза и понятия не имела, и сказал:

— В одном только мы сделаем отступление от китайского меню: дайте нам русскую водку и французское шампанское! А о десерте мы еще думаем!

Ледяная водка, которую пили из крошечных, как наперсток, рюмок, — от нее не отказались и дамы — способствовала быстрому сближению новых знакомых. Когда было покончено с закусками и подали утку по-китайски, женщины беседовали так, словно давно знали друг друга.

— На вас очаровательное платье, и очень вам к лицу!.. Скажите, у кого вы шьете? — спросила Эльза.

Лиза назвала известную в Париже портниху.

— И дорого она берет?

— Как вам сказать, для Парижа не так-то уж дорого... За платье — четыреста франков, за костюм — шестьсот.

— О нет! — Эльза сокрушенно покачала головой. — Женщине, живущей на жалованье, это не по карману.

— Разве вы служите? — спросила Лиза с таким видом, будто раньше ничего не слышала о фрау Браун.

— Да, я работаю. — Эльза не уточнила, где именно, и Лиза поняла, что ее собеседница не такая уж наивная дамочка, какой кажется с первого взгляда.

— Ах, я так мечтаю скорее окончить Сорбонну и начать работать! — сказала Лиза. — Хочется быть самостоятельной... Ведь ваша работа, фрау Эльза, вполне обеспечивает вас?

— Я получаю, милая Марианна, семьсот франков в месяц плюс наградные два раза в год — на рождество и на пасху. Деньги не малые, — на них я могла бы жить у себя на родине припеваючи. Но только не здесь!..

— Да, конечно, это не очень большие деньги для Парижа. Впрочем, нужно уметь жить... Здесь есть портнихи, которые отлично шьют и берут недорого, — просто они недостаточно разрекламированы. Иногда и я шью у таких. Это обходится почти вдвое дешевле.

— Да, по нужно знать таких портних!

— Я с удовольствием сведу вас к одной из них, если пожелаете!

— Буду вам бесконечно благодарна, милая Марианна!

Мужчины, делая вид, что заняты едой, следили за разговором женщин, отмечая про себя ловкость, с какой Лиза направляла беседу.

— Еще бокал шампанского? — предложил Сарьян Эльзе Браун.

— Я и так совсем пьяна! — кокетливо улыбнулась та.

— Ну, что вы, дорогая фрау! Шампанское — дамский напиток! Вот мы с моим другом Вебером пьем русскую водку, и то ничего! — Он наполнил бокалы дам.

Они выпили по несколько глотков, и фрау Браун вернулась к прерванному разговору:

— Вы правы, здесь все так дорого... За флакон хороших духов платишь сто и даже двести франков, за коробку пудры — тридцать-пятьдесят франков. Конечно, все это предметы роскоши, согласна, но помилуйте, какая женщина в наш век может обойтись без духов, пудры, крема, губной помады?

— Недаром французы придумали поговорку — чтобы быть красивой, нужно страдать!..

— Вы прекрасно говорите по-немецки! По выговору вас не отличишь от уроженки Берлина...

— Я училась в немецкой школе, — коротко ответила Лиза.

Разговор перешел на обсуждение достоинств китайской кухни. Отдавая ей должное, Вебер утверждал, что все-таки лучшей кухни, чем французская, нет нигде. Сарьян не соглашался, доказывая, что на Востоке, в особенности в Стамбуле, готовят отличные блюда, не хуже, чем французы. Фрау Браун тут же поинтересовалась: разве мсье Сарьян бывал в Стамбуле? Получив утвердительный ответ, она во что бы то ни стало захотела узнать — действительно ли так необыкновенны турецкие бани?

— Стамбул знаменит не только великолепными банями! — Немка раздражала журналиста, но он взял себя в руки. — Там сохранился огромный крытый базар, со множеством лабиринтов, построенный еще во времена султана Фатиха, завоевателя Константинополя. На берегу Босфора до сих пор стоят крепостные башни, воздвигнутые византийцами для обороны столицы империи; изумительные по своей красоте храмы, мечети с высокими минаретами, облицованные цветной керамикой, сверкающие на солнце всеми цветами радуги. Наконец, роскошные дворцы, соединяющие в себе мавританскую архитектуру с европейской.

— О, как это интересно! Скажите, мсье Сарьян, это правда, что у турецких султанов были гаремы, где содержалось по двенадцати жен?

— У предпоследнего султана, Абдул-Хамида, было не двенадцать, а тринадцать жен, согласно законам шариата, — ответил журналист. — И шестьдесят наложниц...

— Какой ужас! — воскликнула фрау Браун.

— Ничего ужасного! Жены и наложницы султана жили в небывалой роскоши. Я уверен, что многие современные женщины согласились бы быть на их месте, — вставил молчавший до сих пор Вебер.

— Ну нет, вы не правы! Жить в клетке, хотя и золотой, вряд ли кому захочется, — возразила Лиза.

— Не скажите, не скажите, — пьяно лепетала Эльза Браун, — жить праздно... ходить в шелковых шальварах... купаться в прозрачных водах мраморных бассейнов... есть восточные сладости... слушать музыку...

— По-моему, ваш спор, милые дамы, беспредметен: во Франции гаремы отсутствуют, и у вас нет возможности проверить, хорошо или плохо живется в золотой клетке! — смеясь сказал Сарьян.

Выходя из ресторана, мужчины умышленно отстали от дам, чтобы дать им договориться о новой встрече. Фрау Браун, не теряя времени, обратилась к Лизе:

— Марианна, милочка, вы обещали свести меня с хорошей и недорогой портнихой. Может быть, вы дадите мне номер вашего телефона и я позвоню в удобное для вас время?

— Я поздно возвращаюсь домой, меня трудно застать. — Лиза не стала спрашивать у немки номер ее телефона, чтобы не вызвать никаких подозрений. — Лучше встретимся на днях где-нибудь в кафе, когда вы освободитесь от службы. Кстати, я узнаю, когда моя портниха сможет нас принять.

— Я буду очень рада, если это удобно для вас...

— Вы хорошо знаете площадь Этуаль? Там, против станции метрополитена, есть маленькое кафе. Если не возражаете, мы могли бы встретиться в нем. Ну, скажем, завтра вечером...

— Лучше послезавтра!

— Хорошо. Я буду ждать вас там послезавтра в семь часов.

В такси, по дороге домой, Эльза говорила Веберу:

— Вы знаете, эта француженка составляет счастливое исключение среди своих соотечественниц, — во-первых, она не кривляка, и потом она в совершенстве владеет немецким языком!

— Она вам понравилась?

— Очень! Мы условились встретиться с нею послезавтра на площади Этуаль. Она хочет отвести меня к своей портнихе... Как вы думаете, в том, что я буду общаться с местной жительницей, нет ничего предосудительного?

— Как вам сказать? — Вебер пожал плечами. — Думаю, что нет... Вы же слышали, что на собраниях сотрудников советник Эльман не раз говорил, что не следует чураться местных жителей. Он даже рекомендовал чаще общаться с ними, чтобы французы не думали о нас как о нации надменной и нелюдимой.

— Мне нужно поставить об этом в известность секретаря канцелярии посольства...

— Зачем? Впрочем, как вам угодно, — если хотите подвергнуться лишним допросам... — Вебер понимал, что так отвечать ему, хорошо знающему порядки в немецком посольстве, не совсем удобно, но выхода другого не было.

По сигналу Вебера такси остановилось у парадного фрау Браун. Не отпуская руки Вебера, глядя ему в глаза, она спросила:

— Разве вы... не подниметесь ко мне?

— Благодарю вас, сейчас — нет... Уже поздно, — ответил Вебер, склоняясь к ее руке.

— Разве уже так поздно? — В голосе Эльзы Браун слышалась обида...

Пока консьержка открывала дверь, такси тронулось с места и исчезло за углом. Эльза вдруг почувствовала страшную усталость. Медленно, с большим трудом поднялась она на четвертый этаж, вошла в свою квартиру, зажгла свет. В двух ее крошечных комнатах царил беспорядок: на стульях, на кровати, даже на буфете валялись вещи — платье, чулки, белье. Фрау Браун по натуре была женщиной аккуратной, но сегодня в спешке она не успела прибрать в квартире.

«Хорошо, что Вебер не поднялся! Что он подумал бы обо мне при виде такого беспорядка?» Но она никак не могла понять поведение секретаря консульства: пригласить на ужин, потратиться и — отказаться зайти к ней? Такой поступок не укладывался у нее в голове...

Перед тем как лечь, она окончательно решила, что ничего не скажет начальнику канцелярии о предстоящей встрече с француженкой. «Вебер прав, не стоит поднимать шум из-за такого пустяка! А то пойдут вопросы: кто, почему, зачем?..»

Лиза вернулась домой взволнованная.

— Василий, я, кажется, допустила оплошность, — сказала она.

— Успокойся! И скажи толком, что случилось?

— Со мной ничего. И вообще вначале все гало хорошо. Фрау Браун — заурядная мещанка, думающая только о тряпках. Я, кажется, понравилась ей... Но потом, чтобы иметь повод для новой встречи, черт дернул меня сболтнуть, что я могу свести ее к хорошей портнихе, которая берет недорого. Браун ухватилась за это, и мы условились встретиться с нею послезавтра в маленьком кафе на площади Этуаль — там мы были с тобой, помнишь? А где я найду такую портниху?!

— Ну, знаешь, уж лучше спроси меня что-нибудь из астрономии!..

— Ты все смеешься, а я, бестолковая, испортила дело! Хорошо еще, сообразила не дать ей номер своего телефона... Можно предупредить Сарьяна, — он придумает подходящий предлог и объяснит мое внезапное исчезновение.

— Не горячись и не принимай необдуманных решений. Нам ни в коем случае нельзя упустить стенографистку. Где еще мы найдем такой источник информации?

— Но не могу же я явиться к мадам Жаклин, у которой шью, и сказать — сшейте, пожалуйста, даме по фамилии Браун платье и возьмите с нее половину или даже, может быть, четверть стоимости, — разницу оплачу я сама!

— Нет, так не скажешь... Первую часть задания ты выполнила отлично и не казни себя зря: самое главное, что ты познакомилась с этой Браун... Вот что, пошли, Лиза, спать. Как любит говорить моя сестра Ефросинья: утро вечера мудренее!

— До чего же у тебя легкий характер!

Рано утром раздался телефонный звонок. На ломаном французском языке какая-то незнакомая женщина спрашивала Марианну Кочекову.

— Это тебя! — Василий передал жене трубку.

Лиза взяла трубку и вдруг просияла. Прикрыв телефонную трубку ладонью, сказала шепотом:

— Приехала фрау Шульц! Говорит: вы, мадам, кажется, хотели сшить платье? — И ответила: — Да, если только не очень долго ждать.

Условившись с приезжей о месте и времени встречи, Лиза положила трубку и глубоко вздохнула, словно выполнила тяжелую работу.

— Вот видишь, я же говорил тебе, что утро вечера мудренее! — сказал Василий.

— Конечно, приятно, что наконец приехал к нам постоянный курьер. Но что толку, разве это поможет сшить платье фрау Браун?

— Может быть, и поможет, ведь фрау Шульц портниха. Не исключено, что у нее есть в Париже знакомые. Ты поговори с нею, — что она тебе посоветует?

Лиза поспешила на свидание с фрау Шульц. Лекции в Сорбонне пришлось пропустить.

Они встретились у выхода с Северного вокзала. Лиза еще издали узнала фрау Шульц по описанию Юзефа. Фрау Шульц была крупная, краснощекая, полная женщина лет пятидесяти в хорошо сшитом пальто с маленьким меховым воротником и старомодной круглой шляпке, какие носили солидные дамы еще накануне мировой войны. В руке она держала большую плетеную корзину, наподобие тех, в которых парижские белошвейки носят белье заказчицам. Фрау Шульц тоже сразу заметила Лизу и пошла ей навстречу. Она еще раз произнесла пароль и, получив правильный ответ, улыбнулась и протянула Лизе руку.

— Здравствуйте, госпожа Марианна! Рада вас видеть в добром здоровье, — сказала фрау Шульц и, понизив голос, добавила: — Нам нужно поговорить, и лучше всего это сделать в кафе. Кстати, я и позавтракаю.

— Вы уже устроились? — поинтересовалась Лиза.

— В каком смысле? — не поняла приезжая.

— Я имею в виду гостиницу. Где же ваши вещи?

— Они здесь, — фрау Шульц показала на корзину. — Много ли вещей нужно мне, пожилой женщине? Ночная сорочка, две смены белья, две кофточки, полотенце, мыло, зубная щетка... Что же касается гостиницы, то в Париже у меня много хороших знакомых и подруг юности, с которыми мы вместе учились ремеслу. Они с удовольствием приютят меня на несколько дней.

Разговаривая так, они дошли до кафе, где заказали легкий завтрак для фрау Шульц и чашечку кофе с пирожным для Лизы.

— Прежде всего, хочу сообщить, что дома у вас все в полном порядке и вам беспокоиться не о чем. Родные шлют вам привет, и если вы пожелаете написать им, то я могу захватить ваши письма с собой и отправить их.

— Большое спасибо, фрау Шульц! Мы обязательно напишем, но, говоря откровенно, нам так хотелось получить письмо от них!..

— Когда будут письма из дома, я доставлю их вам! У меня масса поручений, — продолжала фрау Шульц. — Я оставлю под салфеткой письмо «отца», а вы незаметно возьмите его и спрячьте... Там обо всем написано. «Отец» просил и устно передать, чтобы господин Кочек непременно съездил в Берлин и, если представится возможность, завязал там деловые отношения, чтобы можно было и впредь наезжать туда по мере надобности. Поездку в Германию не следует откладывать. «Отец» считает правильным, что вы собираетесь нанять полдома за городом. Когда у вас будет готов ответ на письмо «отца», дайте мне знать. Особенно не спешите, я пробуду здесь несколько дней, у меня есть еще кое-какие дела. Если до моего отъезда я вам понадобится, я всегда к вашим услугам. У вас есть вопросы ко мне?

— Есть большая просьба.

— Я вас слушаю!

В этот ранний утренний час кафе было пусто, они разговаривали по-немецки и так тихо, что никто не мог бы их подслушать.

Лиза рассказала о знакомстве с Эльзой Браун и о том, что ей трудно выполнить свое обещание — найти дешевую и хорошую портниху.

— Ну, в этом я смогу вам помочь! — сказала фрау Шульц. — Я собираюсь остановиться у своей близкой приятельницы, владелицы небольшого ателье. Я договарюсь с нею обо всем, а вы вечером позвоните мне. Если все будет в порядке, то завтра же вы сможете привести туда свою немку. До моего отъезда мы сумеем сшить ей отличное платье за мизерную плату!

— Вы даже не можете себе представить, фрау Шульц, какую тяжесть вы сняли с моей души! — Лиза записала номер телефона и адрес ателье, где остановится фрау Шульц, и они расстались.

В письме «отца» повторялось почти все то, что передала фрау Шульц Лизе. Он настоятельно просил, чтобы Василий как можно скорее побывал в Берлине, «чтобы своими глазами увидеть все и познакомиться с тамошними заказчиками».

Написав ответ «отцу», Василий стал готовиться к поездке в Берлин, но до этого нужно было

завершить дело с фрау Браун: мало ли какие неожиданные обстоятельства могут возникнуть, — оставить теперь Лизу одну в Париже было бы неразумно.

Встретившись с фрау Эльзой в маленьком кафе на площади Этуаль, угостив ее пирожными и кофе, Лиза повезла ее к «знакомой» портнихе на улицу Гобелен. В ателье, по рекомендации постоянной заказчицы, мадам Марианны, фрау Браун встретили как своего человека, показали новейшие журналы мод, посоветовали, какой выбрать фасон для вечернего платья. Фрау Браун прельстило платье с большим вырезом на спине и груди. Она спросила Лизу по-немецки; сколько будет стоить работа? Лиза пошла к фрау Шульц.

— Скажите ей — сто пятьдесят франков, — посоветовала та.

— Не слишком ли мало?

— Ничего, сойдет... Здесь берут за такую работу не менее четырехсот франков, и то смотря по заказчице.

Вернувшись, Лиза сообщила своей новой приятельнице, что за работу с нее возьмут всего сто пятьдесят франков.

— Я же вам говорила, что здесь цены умеренные!..

Эльза Браун не знала, как благодарить Лизу.

Теперь они встречались, как близкие подруги. Эльза Браун сетовала на то, что ей приходится отнимать столько времени у милой Марианны по своим пустяковым делам. На что Лиза отвечала, что фрау Браун пришлась ей по душе и она будет счастлива, если та получит элегантное вечернее платье. Больше того, Лиза подарила фрау Браун крем для лица и коробку пудры.

— Нет, нет, я не могу принять от вас подарки! — сопротивлялась фрау Браун. — Сколько это стоит?

— Это такие пустяки, дорогая фрау! Неужели между друзьями могут быть какие-то счета?

Соблазн был слишком велик, и фрау Браун, сияя от удовольствия, спрятала подарки в сумочку.

Платье удалось. Фрау Браун была в восторге: такое шикарное и так дешево! В знак благодарности она приносила Лизу к себе на чашку кофе, чего никогда не делала раньше.

Лиза, конечно, приняла приглашение и пришла к своей новой подруге, захватив с собой флакон хороших духов для нее.

Фрау Браун приготовила кофе, поставила на стол печенье, конфеты.

— Прошу вас, Марианна, — чудное печенье, я его очень люблю. И конфеты отличные — с марципаном. Французы умеют готовить вкусные вещи — не то что у нас, в Германии! — говорила она. — До знакомства с вами я была совсем другого мнения о французенках, считала их слишком легкомысленными, пустыми... Впрочем, я мало с кем из парижанок была знакома. Для нас, работников посольства, не так-то просто познакомиться с местными жителями. С одной стороны, нам рекомендуется общаться с ними, завязывать дружеские отношения. С другой — обязывают информировать начальство о каждом таком знакомстве. Не очень-то приятно подвергаться форменному допросу со стороны начальника канцелярии по поводу каждого знакомства, не правда ли? В особенности для нас, женщин...

— Я не поняла, какие допросы вы имеете в виду? — спросила Лиза.

— Ну, как же!.. Достаточно сообщить начальнику канцелярии о своем новом знакомстве, как тут же посыпятся вопросы: кто он или она? Чем занимается, каких придерживается убеждений, в какой партии состоит, где живет?.. Один раз я по наивности сообщила об одном знакомом, так сама была не рада, — меня замучили вопросами!.. Интересовались всем, даже интимной стороной его жизни — выпивает ли, бывает ли у женщин...

— Значит, вы сообщаете начальству не о всех своих знакомых?

— Нет, конечно, — зачем? Мало ли какие знакомые могут быть у одинокой женщины!.. Потом, я ведь политикой не занимаюсь... Еще чашечку кофе?

— Спасибо, больше не хочу, — Лиза отодвинула от себя чашку.

Итак, фрау Браун, доверенное лицо немецкого посла, допущенная к его секретной переписке, призналась, что скрывает от начальства некоторые свои знакомства... Это уже кое-что! Лиза соображала: стоит ли воспользоваться этим признанием и не откладывая перейти к прямому разговору или повременить? Поразмыслив, она решила, что начинать откровенный разговор здесь, на квартире у фрау Браун, не следует.

— Вы получаете дорогие подарки от своих поклонников, — говорила между тем фрау Браун, — и это вполне естественно: вы молоды, красивы... Я вовсе не жалею на отсутствие поклонников, — нет, их у меня больше чем достаточно!.. Но бог мой, что это за поклонники? Придут, поедят, попьют и извините за грубость, поспят и исчезнут...

— Зато вы независимы, имеете работу, зарабатываете на жизнь, — сказала Лиза.

— Ах, милая Марианна, я уже говорила вам, что здесь, в Париже, на мой заработок даже кружевную ночную рубашку не купишь!

— У вас отличная специальность — стенографистка-машинистка!.. Разве при желании вы не можете подрабатывать?

— Хотела бы, но как? Французский я знаю поверхностно, а кому во Франции нужен мой

немецкий?

— Не может быть, чтобы в таком большом городе не было бы нужды в немецкой стенографистке. Многие французские фирмы имеют деловые связи с Германией и ведут переписку на немецком языке.

— Да, но у таких фирм имеются постоянные сотрудники, ведущие переписку на иностранных языках, — возразила фрау Браун.

— Так почему бы вам не стать одной из таких сотрудниц?

— Я бы с удовольствием, но для этого нужны знакомства, солидные рекомендации...

— Не исключена возможность, что я сумею вам помочь через своего брата, — у него большие связи в деловом мире. Хотите, я поговорю с ним?

— Буду вам очень признательна. Не так уж далеко время, когда меня уволят и назначат небольшую пенсию за долголетнюю безупречную работу... Попробуй проживи на сто марок в месяц, если у тебя нет других источников дохода, кроме пенсии. Стоит вспомнить, что меня ждет необеспеченная старость, как кровь стынет в жилах!..

— Скажите мне откровенно: если мой брат найдет для вас хорошо оплачиваемую работу, вы поставите об этом в известность ваших руководителей? Сами понимаете, ни одно солидное торговое предприятие не захочет, чтобы о его делах знали посторонние, да еще в иностранном посольстве!..

— Понимаю!.. Нет, я не стала бы говорить об этом кому бы то ни было!.. Наше посольство, узнав, что я подрабатываю или собираюсь подрабатывать на стороне, немедленно отошлет меня на родину. Вы не знаете, какие у нас строгие порядки на этот счет.

— Хорошо, я поговорю с братом. Уверена, что он придумает что-нибудь! — И Лиза начала прощаться.

28 января 1933 года парижские газеты, с ссылкой на телеграфное агентство Гавас, поместили на своих страницах заметки, набранные мелким шрифтом, в которых сообщалось, что переговоры, ведущиеся между немецкими политическими партиями национал-социалистов (партия Гитлера) и националистов, завершились полным соглашением.

29 января газеты уже под крупными заголовками сообщили о том, что канцлер Германии, Шлейхер, подал в Отставку и что его отставка якобы принята президентом.

31 января французские газеты всех политических направлений поместили на своих страницах сообщение о том, что 30 января президент Германии Гинденбург подписал декрет, возлагающий на господина Адольфа Гитлера обязанности канцлера Германии — «во имя защиты народа и государства». Газеты были полны многочисленными комментариями к этому сообщению. Некоторые корреспонденты утверждали, что декрет был составлен самим Гитлером, но это уже никого не интересовало.

Так или иначе главарь немецких фашистов Адольф Гитлер захватил власть.

В полночь Василию позвонил Сарьян и рассказал о событиях в Германии. Василий не спал до утра и теперь ехал к себе в контору усталый и озабоченный. Он понимал, что Рубикон перейден, — отныне политические события в мире, в первую очередь в Европе, примут совсем иное направление, чем до сих пор.

Василий старался разглядеть сквозь стекла автомобиля лица прохожих, прочитать на них, какое впечатление произвело на французов это зловещее сообщение. Люди, как всегда, спешили по своим житейским делам, будто бы приход к власти Гитлера ничего не менял в мировом правопорядке и вообще вся эта возня по ту сторону Рейна Франции не касалась...

Не успел Василий сесть за свой письменный стол, как Жубер, весело посвистывая, вошел в контору.

— Здравствуйте, дорогой Кочек! Что вы такой хмурый? Не выспались?

Василий поднял голову и внимательно посмотрел на своего компаньона.

— Скажите, Жубер, вы читали сегодня утренние газеты?

— Читал! Что вы нашли там особенного?

— Вы не обратили внимания на сообщение агентства Гавас о том, что в Германии к власти пришли фашисты во главе с Гитлером?

— Ах, это!.. Читал, конечно. Нам-то какая разница, какой бош правит Германией — Шлейхер или Гитлер?

— Вы шутите?

— Я говорю вполне серьезно. Меня мало тронет, даже если туда вернется кайзер Вильгельм Второй!..

— Блаженный вы человек, Жубер! — вырвалось у Василия, и, чтобы как-то сгладить свою резкость, он добавил: — Такие простые вещи, как разница между фашистами и порядочными людьми, должны быть понятны каждому!..

— Согласен, фашисты в большинстве своем подонки, неудачники. Я знаю одного молодчика из организации полковника де ла Рокка «Белые кресты», даже нахожусь с ним в дальнем родстве. Его

выгнали из университета за неуспеваемость, и он обиделся на весь мир. Считая себя сверхчеловеком, которому все дозволено, он украл у родителей крупную сумму денег, фамильные драгоценности и скрылся из дома...

Часом позже Василий разговаривал с художниками Борро и Домиником. Молодые люди были чем-то явно удручены, и на вопрос: что с ними? — Борро ответил:

— Разве вы не знаете, мсье Кочек? В Берлине власть захватил глава фашистов Гитлер. Не иначе как французам опять проливать свою кровь!..

— Уж так сразу и кровь!..

— Мсье Кочек, мой отец погиб под Верденом. Это было всего каких-нибудь семнадцать лет тому назад. А сегодня наследники пруссаков, убивших моего отца, снова бряцают оружием. Я уверен, что немцы, имея такого главаря, как Гитлер, захотят свести прежде всего с нами старые счеты за поражение в прошлой войне... Знаете, какой плакат нарисовал вчера Доминик?

— Нет, конечно! Откуда мне знать, какие плакаты рисует наш юный друг?

— Плакат, перекликающийся с временами Великой французской революции. Под рисунком надпись: «К оружию, граждане! Отечество в опасности»...

— Сделать-то сделал, а вот кто напечатает мой плакат, — не знаю, — сказал Доминик.

— В Париже есть одна-единственная газета, которая согласилась бы напечатать этот плакат, — «Юманите», — сказал Борро. — Но тогда ты, дорогой друг, попрощайся с надеждой когда-нибудь прославиться. Художника, выступающего на страницах газеты «бешеных», — ведь надо же, коммунистов сегодня зовут так же, как когда-то звали якобинцев, — такого художника «порядочное общество» не пустит даже на порог и картины его никогда, во веки веков, не будут выставлены ни в одном выставочном зале!..

— Ну и пусть!.. Я отнесу плакат в «Юманите». Если они согласятся напечатать, я готов отдать его безвозмездно!

— Bravo, Доминик! Узнаю упрямого и бесстрашного потомка санкюлотов. Не ограничивайся одним плакатом, сделай серию, бей в набат, призывай французов к бдительности! И при этом... готовься, что мсье Жубер выставит тебя за дверь. Присутствие в рекламной фирме такого вольнодумца и бунтаря, без сомнения, отрицательно скажется на ее коммерческой деятельности. Я, правда, не знаю мнения на этот счет мсье Кочека.

— Наша фирма — предприятие коммерческое, и политические убеждения или даже деятельность наших сотрудников нас не касаются, — Василий хотел дать понять художникам, что им опасаться нечего.

— Мы были уверены, что вы скажете именно так! — Борро повеселел. — Пошли, Доминик, займемся плакатами, призывающими сынов Франции к оружию. Если никто не захочет их печатать, мы сами расклеим их на афишных столбах...

Художники ушли. Василий, глядя им вслед, думал, что по-прежнему жив дух нации, ее сила, стойкость, — лишь бы подлинники патриоты не теряли бдительности...

В последующие дни столичные газеты печатали на своих страницах краткие сообщения о том, что в связи с приходом к власти национал-социалистов террор в Германии усиливается, что в Пруссии арестовано пять тысяч, в Рейнской области более двух тысяч коммунистов и противников гитлеризма, что конфискуется имущество нежелательных элементов, большинство которых по национальности евреи. Газета «Тан» не скупилась на прогнозы: «Весьма возможно, что Гитлер быстро потерпит крах и потеряет свою репутацию спасителя Германии...»

Василий, встретившись с Сарьяном, спросил его, как все это понимать: неужели имущие классы Франции настолько ослеплены ненавистью к коммунистам, что не видят подлинной опасности?

— Удивляюсь вам, дорогой друг!.. Живя столько времени во Франции, вы не поняли, что буржуа предпочитают Гитлера своим соотечественникам-коммунистам. Они надеются, что сумеют договориться с фашистами, и готовы на любые уступки. Кроме того, здесь убеждены, что Гитлер прежде всего кинется на Восток и увянет в просторах России. Пойдемте-ка со мной в Национальное собрание, — там назначены дебаты по международным вопросам. Вы послушаете, о чем рассуждают и, главное, как рассуждают «избранники» нации!..

Фрау Шульц уехала, захватив с собой ответ «отцу». То, что произошло в Германии, не было для «отца» неожиданностью, — он ведь не раз писал и говорил, что приход к власти фашистов дело решенное, что это — вопрос времени. Вот это время и настало... Сейчас главное — знать, как реагируют на грозные события в соседнем государстве сами французы, и знать не поверхностно, не по догадкам, а доказательно, основываясь на неопровержимых фактах. Быть в курсе и того, что предпринимает французское правительство, чтобы преградить путь фашистским полчищам, если они начнут поход. Как будут французы защищать своих союзников?..

Сарьян хорошо сделал, что пригласил его в Национальное собрание. Правда, все, что там будет сказано, можно прочесть на следующий день в газетах. Но все же одно дело — читать газеты и совсем другое — послушать депутатов самому. Во Франции, на радость немецкой разведке, не умеют хранить государственные секреты, — словно нарочно, выставляют их напоказ!.. Немецкие агенты присутствуют всюду, даже на секретных заседаниях комиссии парламента, даже на заседаниях

совета министров, не говоря уже о Национальном собрании. Этого мало, сами французы без оглядки разглашают свои секреты. Недавно на страницах крупных газет загорелся спор между военными специалистами о количестве и качестве французских танков и самолетов. В то время когда в Германии утверждается доктрина молниеносной войны при помощи танков, самоходных орудий, мощной авиации и моторизованных дивизий, французские генералы начисто отрицают возможности широкого использования танков в будущей войне, и поэтому, вероятно, у них нет танков новейшей конструкции. Танки, находящиеся на вооружении армии, безнадежно устарели — на них тонкая броня, и они скорее являются мишенью для немецкой броневой артиллерии, чем боевыми единицами. Василий не был военным специалистом, но все же понимал, как глубоко ошибаются французские генералы, когда утверждают, что будущая война будет позиционной, как и война 1914—1918 годов...

Сейчас, как никогда, важно было знать о планах фашистов в отношении своих соседей. Пора завершить затянувшуюся игру с Эльзой Браун! Пусть Лиза встретится с немкой и договорится с ней. Не сменят ли новые правители Германии своих послов за границей?..

Дома Василий сказал Лизе:

— Агенты немецкой разведки следят за всеми сотрудниками своего посольства, поэтому перемены место встреч с Браун. И когда будешь предлагать ей деньги, не скупись!

— Ты бы лучше сказал прямо, сколько мне предложить ей?

— Деликатный вопрос — сколько? Мало предложишь — не согласится. Много предложишь — испугается... Ты говоришь, она получает семьсот франков в месяц?.. Предложи ей тысячу...

— Не много?

— Думаю, что нет. Можешь обещать, что в зависимости от качества информации, которую она будет нам передавать, вознаграждение может увеличиться...

Разговаривать на эту тему у себя дома было куда легче, чем вести переговоры с самой фрау Браун.

Лиза позвонила ей и договорилась о встрече в большом студенческом кафе в Латинском квартале, — в нем всегда толпилась шумная молодежь, среди которой нетрудно было затеряться в случае крайней необходимости. Было принято в расчет и то обстоятельство, что Браун, почуяв неладное, может притащить с собой одного-двух парней из немецкого посольства.

Василий пригласил к себе в кабинет Борро и Доминика и сказал:

— Друзья, у меня к вам личная просьба. Дело в том, что моя жена должна встретиться с одной дамой в студенческом кафе в Латинском квартале. Дама эта — немка по национальности и довольно эксцентричная особа... Я вас прошу, будьте там завтра, в семь вечера. Сядьте за столик, закажите себе вина или кофе и скучайте, не показывая вида, что вы знакомы с моей женой. Если все обойдется, вы проведете остаток вечера по своему усмотрению. Если же немка попытается поднять шум, помогите жене выбраться из кафе... Вы меня поняли?

— Вполне! — ответил Борро. — Не беспокойтесь, мсье Кочек, мы все сделаем как нельзя лучше. Не так ли, Доминик?

— Какие могут быть разговоры, — разумеется!.. Знаете, мсье Кочек, у нас с Анри с этим кафе связано множество воспоминаний. Мы оба были влюблены в девушку за стойкой. Она была красавица, таких глаз больше ни у кого не встретишь!.. Звали ее Габриэллой, и мы думали, что она испанка. Потом выяснилось, что она — дочь грузинских эмигрантов, есть такая национальность на Кавказе. Мы с Анри ходили туда каждый вечер, чтобы увидеть ее, а когда бывали при деньгах, просиживали в кафе до ночи...

— Я вынужден внести в рассказ Доминика маленькую поправку, — перебил товарища Борро. — Дело в том, что влюблен в Габриэллу был один Доминик. Я сопровождал его только во имя товарищеской солидарности.

— Ну и ну! — воскликнул Доминик. — А кто разорялся на цветы? Кто преподносил красавице весной фиалки, а летом белые розы? Ты или я?

— Ты всегда был скуп, как Гобсек, и я вынужден был тратить на цветы, чтобы девушка не думала дурно о нас. Вот и все!..

В назначенный час Эльза Браун приехала в Латинский квартал. Войдя в кафе, она пугливо озиралась по сторонам, по понимая, почему ее подруга пожелала встретиться с ней именно в этом шумном месте. Увидев Лизу, сидевшую в глубине зала за маленьким столиком, она поспешно направилась к ней.

— Здравствуй, дорогая фрау Эльза! Рада вас видеть! — радушно приветствовала Лиза немку и, видя ее растерянность, сказала: — Не удивляйтесь, что я пригласила вас сюда. Предстоит серьезный разговор, и мне хотелось вести его подальше от любопытных глаз. — Лиза заметила, как насторожилась немка, и продолжала спокойно: — Как вы просили, я сказала брату, чтобы он подыскал для вас хорошо оплачиваемую работу. Пригласила я вас сюда, чтобы передать...

К их столику подошла девушка и спросила, что будет угодно дамам.

— Миндальные пирожные и две чашки кофе, — ответила Лиза и снова обратилась к фрау Браун: — Мой брат предлагает вам менее обременительную работу, чем работа стенографистки. Парижские торговые фирмы, имеющие деловые связи с Германией, всерьез обеспокоены последними событиями, происшедшими там. Они крайне заинтересованы в получении точной информации о том, что делается в Германии и чего можно ожидать от новой власти хотя бы на ближайшее время... Разумеется, не ту информацию, которую можно почерпнуть из чтения газет и сообщений телеграфных агентств... — Лиза замолчала, не сводя глаз с фрау Браун.

Молчала и та, как-то вся съежившись.

— Вы будете прилично вознаграждены. Ну, скажем, вам будут платить тысячу франков в месяц. Больше того, если передаваемая вами информация окажется особенно ценной, то вознаграждение будет увеличено. — Лиза только теперь заметила, что из дальнего угла кафе за ними наблюдают молодые художники.

— Вы представляете себе, как опасно то, что предлагает ваш брат? — после долгого молчания прошептала фрау Браун. — За разглашение государственной тайны сотрудников посольства наказывают строго — отстраняют от работы, лишают всех званий, наград, привлекают к суду. А там и в тюрьму могут упрятать!.. Нет, нет, я на это не пойду...

— Ну что вы! Зачем такие ужасы — суд и тюрьма!.. Подумайте сами, кто может знать о вашей деятельности? Вы храните множество секретов, неужели не сумеете сохранить собственную маленькую тайну? Кроме меня и брата, никто, ни одна душа, ничего знать не будет. Я даже брату не сообщила вашу фамилию...

— Неужели не сообщили? — оживилась фрау Браун.

— Зачем? Он будет вполне удовлетворен получением от вас нужной информации, остальное его не касается.

— Не знаю, не знаю... Это все так неожиданно...

Лиза понимала, что немка не в силах отказаться от тысячи франков дополнительного заработка. Может быть, она в эти минуты подсчитывала в уме, что сможет купить или отложить на черный день. Чтобы окончательно рассеять сомнения фрау Браун, Лиза сказала:

— Я принесла вам пятьсот франков как аванс. Они в конверте, я оставлю их на столе, а вы незаметно спрячьте в сумку. Остальное получите при следующей встрече. Надеюсь, милая фрау Браун, вы сообщите для передачи брату кое-какие новости — тоже в виде аванса! — Лиза положила на стол конверт с деньгами.

— Право, не знаю, что может интересовать вашего брата?.. Хотя... передайте ему, чтобы фирмы, имеющие деловые отношения с немецкими евреями, были осторожны... В самое ближайшее время имущество всех евреев будет конфисковано, а сами они выселены из Германии. И еще — в Германии готовится большая акция, которая даст повод национал-социалистам одним ударом ликвидировать все нежелательные элементы внутри страны. В чем конкретно заключается сущность этой акции, сказать вам не могу, не знаю, — фрау Браун запнулась было, потом добавила: — Это уже из области политики: противникам фашизма во Франции не следует возлагать надежд на дебаты в парламенте по международным вопросам, потому что многие правые депутаты связаны с нашим послом и будут выступать с речами в поддержку нового режима в Германии...

— Не проще ли будет сказать, что эти депутаты подкуплены вашим послом? — попробовала уточнить Лиза.

— Это слишком деликатный вопрос, и к нему я доступа не имею!

— Вам известны фамилии депутатов парламента, связанных с вашим послом?

— Нет...

— Что же, спасибо, на первый раз достаточно. Не откажите в любезности написать расписку в получении пятисот франков.

— Расписку! Зачем она вам? — встревожилась фрау Браун.

— Ну как же, брату нужно отчитаться в израсходованных деньгах. Если слово «расписка» вам кажется некрасивым, напишите просто, что получили от меня пятьсот франков займа.

— Мне вообще не хотелось бы писать ничего. Но если вы настаиваете...

— Что делать! — перебила ее Лиза. — Это нужно для формального отчета. Кроме брата и меня, никто не будет знать автора этой записки...

Фрау Браун достала из сумочки маленький блокнот и нацарапала на листке несколько слов.

Уже на улице фрау Браун вдруг спросила:

— Скажите, Марианна, Вебер в курсе наших дел?

— О ком вы говорите, кто такой Вебер?

— Помните, он сопровождал меня, когда мы ужинали вчетвером в китайском ресторане?

— Тот высокий мужчина? Ну что вы! Какое он имеет отношение к нашим с вами делам!.. Я даже фамилию его не запомнила...

Прощаясь с фрау Браун на площади Согласия, Лиза обещала позвонить ей в ближайшее время.

Василий ждал жену с нетерпением. Еще в передней он спросил:

— Ну как, все обошлось, Лиза?

— Обошлось! — Лиза подробно рассказала о своей встрече с Браун. — Я так устала, будто воз везла! — добавила она в заключение.

— Понимаю, дорогая. Не легко тебе было!.. Интересно, что за акцию готовят фашисты? У тебя какое создалось впечатление — немка в самом деле не знает или прикидывается?

— По-моему, не знает. Иначе рассказала бы, тем более в первый раз, чтобы набить себе цену.

— Жаль, уехала фрау Шульц! Нужно было бы сообщить об этом «отцу», чтобы он выяснил подробности... О подкупленных немцами депутатах следует сказать Сарьяну. Журналисты народ дотошный, они все узнают. Боюсь, у фашистов немало сторонников здесь, во Франции... — Василий как бы разговаривал сам с собой, потом обратился к жене: — Ты молодчина, Лиза, — сделала большое дело. Раз Браун даже расписку написала, значит, будет сотрудничать с нами. Только будь осторожной, не запугивай ее своей настойчивостью.

Через три дня, сидя на галерке для публики в Национальном собрании, куда его привел с собою Сарьян, Василий убедился, что фрау Браун была права, утверждая, что депутаты правого крыла в сговоре с послом Германии. Создавалось впечатление, что эти «избранники народа» начисто забыли интересы Франции и пекутся только о Гитлере и его рейхе. Бородатый депутат из партии радикал-социалистов заявил с трибуны: «У власти Гитлер или нет, какая разница, господа?»

Председатель партии «Демократический альянс» сказал: «Не вижу причин для беспокойства! В случае неприятностей Англия придет к нам на помощь, да и Гитлер не враг Франции». Третий депутат рассуждал: «Гитлер уже дважды сослужил нам службу: он сделал Германию непопулярной в Англии и Америке, он показал Англии истинное лицо Германии! Да, я решительно предпочитаю Гитлера Шлейхеру!»

У выхода из парламента Василия поджидал озабоченный Сарьян. Взяв Василия под руку, шагая рядом с ним по мокрому после дождя тротуару, он спросил:

— Ну как, видели теперь, каких представителей парод послал сюда? Они не то что Францию — родного отца продадут! Прав был Поль Бонкур, когда говорил сегодня утром на улице Кэ д'Орсэ Эррио: «Хорошенько запомните следующее; правые партии, саботировавшие сближение о демократической Германией, которого мы желали добиться в течение восьми лет, станут теперь благоприятствовать сближению с немецким диктатором! И конечно, все это будет делаться под предлогом, что Гитлер борется с коммунистами! Вскоре вы увидите все то, о чем я вам говорю!» Сегодняшнее вечернее заседание Национального собрания полностью подтвердило слова Бонкура. Отныне правые будут искать предлога для сближения с диктатором, а Гитлер, благодаря такой поддержке, скоро покажет всем, на что он способен!

— Вам или вашим товарищам-журналистам удалось установить связи некоторых правых депутатов с немецким послом?

— Кое-что удалось, завтра прочтете в газетах. Да что толку, бог ты мой! Большинство не видит пока ничего особенного в том, что какие-то депутаты парламента часто бывают у немецкого посла. Когда мы положили материал на стол нашего шефа, он удивленно уставился на нас: «Не понимаю, говорит, в чем сенсация? Ну, бывают, ну, дружат, что из того? Может быть, со временем это сослужит нам хорошую службу». С трудом уговорили его поместить в завтрашнем номере маленькую заметку...

Через несколько дней Василий пошел в клуб, как делал это иногда по вечерам. В клубе все было как всегда — несколько человек тренировались на закрытом корте при электрическом свете, другие ужинали в ресторане, а в Малой гостиной завсегдатаи клуба беседовали за чашкой кофе.

Увидев Василия, де ла Граммон пригласил его присоединиться к компании.

Пожилый господин в старомодном сюртуке с бархатной жилеткой говорил, помешивая ложечкой в чашке:

— Основа нашей внешней политики на ближайшие годы должна заключаться в том, чтобы не раздражать Гитлера. Мы должны доказать ему, что не являемся его противниками, что мы не будем мешать ему, если он обратит свой взор на Восток!..

— Ну, а как же быть с нашими союзниками? — не без ехидства спросил Маринье. — Ведь прежде чем Гитлер «обратит свой взор на Восток», как вы изволили сказать, ему необходимо подчинить себе наших союзников: Польшу, Чехословакию, Румынию, а может быть, и Югославию, чего вряд ли можно достичь мирным путем...

— Союзники!.. Пусть подчиняет, если это ему необходимо... Истинные патриоты должны думать о Франции, а не о каких-то союзниках!

— А не кажется ли вам, что при такой политике мы останемся один на один перед лицом грозного врага? — вмешался в разговор де ла Граммон.

— Понятие «враг» нуждается в уточнении. Я лично не считаю Гитлера врагом Франции. Зачем ему нападать на цивилизованную страну, когда на Востоке — неоглядные свободные просторы, на которых живут полудикие племена? Нет, господа, сегодня наш враг номер один — коммунисты, отрицающие освященную богом частную собственность и проповедующие равенство. С Гитлером мы, на худой конец, всегда договоримся, а с коммунистами — никогда! — раздраженно втолковывал пожилой господин в старомодном костюме.

— Неужели вы не понимаете, что фашисты мечтают о реванше? — спросил молодой Луи.

— Я уже говорил, что с Гитлером можно договориться, — разумеется, делая ему определенные уступки. Да и почему бы нам не стать союзниками Германии в борьбе с коммунизмом и, конечно, против Советской России, цитадели коммунизма?

— Союз с фашистами! Да вы понимаете, мсье, о чем говорите?! — горячился Луи.

В разговор вступил молчавший до сих пор модно одетый человек средних лет.

— По-моему, для искоренения коммунизма все средства хороши, — изрек он. — Ради этого можно стать союзниками не то что Гитлера, но и самого дьявола!

— Вы забываете, что Франция всегда была сильна в союзе с Россией, — спокойно сказал Маринье. — Союз с Гитлером не просто недальновидная политика, а самоубийство для Франции. Уверю вас, никакие уступки не помогут, немцы не успокоятся до тех пор, пока не поставят Францию на колени!

— Видимо, вы, мсье Маринье, заражены идеями коммунизма, иначе вам была бы ясна разница между старой Россией и большевистской!..

— Ошибаетесь, я далек от коммунизма, а вот вы, мсье Журден, слишком близки к фашизму! — Маринье говорил сдержанно, словно речь шла о салонных пустяках.

— А вы что думаете, дальновидные французы действительно должны создать у себя новую партию, наподобие партии национал-социалистов, чтобы перекинуть мостик между Францией и новой Германией!

— Хватит нам полковника де ла Рокка с его молодчиками, они и так готовы бросить Францию к ногам Гитлера! — резко сказал Луи.

— Нам нужна Франция свободная, а не коммунистическая! — повысил голос господин в старомодном сюртуке.

— Никто и не помышляет о коммунистической Франции, а отдать ее на поругание фашистам могут только изменники! — В голосе де ла Граммона звучало нескрываемое негодование.

— Именно так, француз, поддерживающий сегодня Гитлера, — изменник! — крикнул Луи.

Господин в сюртуке и его модно одетый соратник поднялись, но, прежде чем покинуть гостиную, первый из них, багровый от злости, прошипел:

— Мы не знали, что здесь, в привилегированном клубе, свили себе гнездо коммунисты и подозрительные иностранцы, — он бросил взгляд на Василия.

— Уж не хотите ли вы открыть в нашем клубе филиал партии национал-социалистов французского оттенка? — спросил де ла Граммон.

— Смейтесь, господа! Придет время, и мы поговорим с вами в другом, более подходящем для вас месте! Тогда уж мы посмеемся вдоволь, — сказал второй.

И они вышли из гостиной.

— Изменники, фашистские агенты! — крикнул им вслед Луи.

— Смотрите, как они распоясались, — сказал де ла Граммон.

— Кто они такие? — спросил Василий.

— Один из них, тот, что в сюртуке, — фабрикант, владелец почти всех мыловаренных заводов во Франции. Второй — наследник богатых родителей, мот, кутила...

Во второй половине следующего дня Василий стал свидетелем другой, не менее выразительной картины.

Человек триста молодых людей во главе со своим «фюрером», полковником де ла Рокком, решили устроить демонстрацию в честь победы фашистов в Германии. Когда они, выкрикивая какие-то лозунги, достигли Больших бульваров, навстречу вышли рабочие отряды, неся трехцветные знамена Франции и красные знамена революции. Подойдя к фашистским молодчикам, рабочие предложили им разойтись, те отказались, но, не выдержав натиска рабочих, быстро рассеялись.

Полицейские, стоявшие до сих пор на тротуарах в качестве наблюдателей, зашевелились, начали теснить рабочих, пошли в ход резиновые дубинки...

8

Настоятельные советы «отца» посетить Германию совпадали с желанием самого Василия побывать там и все увидеть своими глазами. Очень уж тревожные, порою просто невероятные, а порою и противоречивые сведения поступали оттуда. Однако для поездки в Берлин нужно было еще раз связаться с немецкими кинопрокатными конторами. Запрос от них был получен до захвата власти фашистами, и за это короткое время многое изменилось. Нужно было также получить визу немецкого консульства в Париже на право посещения Германии. По слухам, визы теперь давали с неохотой и далеко не всем.

Раньше заказам из-за границы фирма «Жубер и компания» особого значения не придавала. Теперь к этим заказам относились со всей серьезностью: появились симптомы, свидетельствовавшие, что внутренний рынок сужается, — заказы, особенно из провинции, уменьшились. Найти точное объяснение этому было трудно — то ли провинция насытилась

рекламными изделиями фирмы, то ли торговля во Франции сокращалась. Так или иначе сбыт уменьшился, на складах накопились нереализованные изделия.

Василия не особенно тревожило сокращение сбыта; он это предвидел и обеспечил фирму постоянными заказами больших столичных магазинов и нескольких кинотеатров в центральных районах города. На худой конец, можно было бы сократить работу мастерских и ограничиться только выполнением этих заказов, — фирма могла бы существовать, дожидаясь лучших времен. Учитывая печальный опыт Жубера, Василий создал резервный капитал, который, по его мнению, должен был защитить фирму от капризов рынка. Он хорошо понимал, что любое сокращение объема производства немедленно отразится на добром имени фирмы. Каждый вправе подумать: раз пошли на сокращение и уволили рабочих, значит, дела у них неважные. Об этом узнают прежде других поставщики, а за ними и банки, ведущие финансовые операции фирмы и учитывающие ее векселя. Вот тут и поможет резервный капитал, — он позволит вовремя скупить векселя и произвести досрочные платежи, чтобы пустить пыль в глаза.

Тем не менее к солидным заказам из других стран следовало отнестись со всей серьезностью. Правда, итальянские фирмы увеличили заказы. Начали поступать заказы и из Англии. Василий рассчитывал во время своей поездки в Германию совместить приятное с полезным: заключить выгодные контракты с немецкими фирмами и увидеть своими глазами, что там творится. Он написал письмо в Берлин, в котором изъявил желание приехать туда лично и на месте договориться обо всем, если кинопрокатные конторы не изменили своего решения.

В ожидании ответа из Германии он занялся текущими делами. Лето было не за горами, и он оформил договор на аренду второго этажа дома Сарьяна, хотя журналист и считал это совершенно лишним.

— Не понимаю, зачем эти формальности? — говорил он. — Приезжайте и живите себе на здоровье, когда хотите и сколько хотите!

Василий подумывал также о покупке автомобиля новейшей марки. Дорогая машина придавала бы еще больше веса и авторитета ее владельцу не только в глазах консьержки, соседей, членов клуба, но и деловых людей. Он остановил свой выбор на черном лимузине американской марки «бьюик». После продажи неплохо послужившего ему старенького «фиата» пришлось доплатить восемь тысяч франков. Зато какую красавицу машину он приобрел! Мощный шестицилиндровый мотор, мягкие амортизаторы, отличные тормоза, плавный ход, а отделка!..

По вечерам Василий по-прежнему бывал в клубе, хотя после слов фабриканта о подозрительных иностранцах ему стоило немалого труда появляться там с прежней непринужденностью.

Узнав, что Василий собирается в Берлин, Маринье сказал ему, что Франсуа Понсэ, посол Франции в Германии, его близкий друг и он может снабдить мсье Кочека рекомендательным письмом.

— В наши смутные времена не мешает иметь влиятельных покровителей, особенно в теперешней Германии!.. Франсуа — мой земляк, школьный товарищ. Он сделает все, чтобы ваше пребывание в Германии было по возможности приятным.

— Я вам безгранично благодарен, мсье Маринье! Непременно воспользуюсь вашей любезностью.

— Не стоит благодарности. Надеюсь, по возвращении из Германии вы расскажете нам обо всем, что увидите там...

— Конечно, если только смогу удовлетворить хотя бы в какой-то мере ваш интерес!..

Разговор происходил в присутствии де ла Граммона. Он посмотрел на Василия и с улыбкой сказал:

— Вы прекрасно разберетесь во всем, что будете наблюдать в Германии, и, безусловно, сумеете удовлетворить самый широкий интерес к происходящему там!

— Вам особенно важно знать, мсье Кочек, что творится по ту сторону Рейна, — сказал Маринье. — Гитлер, по моим соображениям, нападет прежде всего на своих слабых соседей, следовательно и на вашу родину. Зашевелились судетские немцы, — они требуют полной автономии, а это означает начало расчленения Чехословакии. В Австрии с каждым днем усиливается движение сторонников аншлюса...

Василию было приятно, что Маринье и де ла Граммон разговаривают с ним достаточно откровенно, и ему хотелось разобраться в причинах этого. Только ли это проявление симпатии к нему, или дело еще и в том, что он словак по национальности, — следовательно, потенциальный противник фашизма?

В очередную субботу Василий с Лизой отправились к Сарьянам — уже не в гости, а к себе домой. Договор на аренду второго этажа лежал у Василия в кармане.

Ужинали вместе. Василий привез с собой закусок и вин, чем рассердил журналиста.

Узнав, что Маринье обещал Василию рекомендательное письмо, Сарьян сказал:

— Непременно воспользуйтесь этим письмом! Франсуа Понсэ старый дипломатический волк, и при его содействии многие двери откроются перед вами. Во всяком случае, вы сможете увидеть и услышать в Берлине гораздо больше через посредство французского посольства, чем действуя

самостоятельно.

Наконец пришел ответ из Берлина. Одна из двух кинопрокатных контор (вторая, как выяснилось позднее, была закрыта, — ее владельцем оказался еврей) извещала, что готова установить деловые связи с рекламной фирмой «Жубер и компания» и рада приезду к ним совладельца фирмы, господина Кочка.

Для отъезда необходимо было выполнить последнюю формальность — получить визу в немецком консульстве. Василий отправился в генеральное консульство Германии в Париже и обратился к дежурному чиновнику с просьбой выдать ему визу для посещения Германии сроком на два месяца.

Каждый раз, когда возникала необходимость предъявлять чехословацкий паспорт, Василий испытывал беспокойство, хотя паспорт был получен им в самой Чехословакии и с соблюдением всех формальностей. Он избегал встречи со своими «соотечественниками», не посещал посольство и консульство Чехословацкой республики во Франции и до сих пор даже не зарегистрировал там паспорт, что обязан был сделать по существующим правилам.

То, что случилось в немецком генеральном консульстве, превзошло худшие опасения Василия. Чиновник, встретивший его вначале весьма любезно, сразу посуровел, узнав, что господин Кочек, желающий поехать в Германию, словак по национальности и подданный Чехословацкой республики.

— Собственно, что побуждает вас посетить Германию? — сухо спросил он.

Василий объяснил — вежливо и обстоятельно.

— Разве нельзя отрегулировать ваши коммерческие отношения с деловыми кругами Германии при помощи переписки? — последовал новый вопрос.

— Не совсем понимаю вас, — сказал Василий. — Каким способом устанавливать связи с деловыми кругами той или иной страны, путем ли переписки или через личные контакты, — решает наша фирма. И в данном случае я посетил вас для того, чтобы получить не совет, а визу.

Чиновник, пропустив его слова мимо ушей, спросил, без всякой связи с предыдущими вопросами:

— Кто вы по национальности?

— Словак.

— Имели ли раньше деловые связи с еврейскими фирмами в Германии?

— Нет. До сих пор наша фирма вообще не имела деловых связей с Германией. Это наша первая попытка, поэтому нам и понадобился личный контакт с деловыми кругами, тем более что Берлинская кинопрокатная контора любезно пригласила нашего представителя, — Василий протянул чиновнику письмо, полученное из Берлина.

Тот пробежал письмо глазами и задал очередной вопрос:

— Как вы относитесь к последним событиям в Германии?

— Я коммерсант и политикой не занимаюсь, но все же постараюсь ответить на ваш вопрос. На мой скромный взгляд, установление той или иной системы правления — внутреннее дело каждого суверенного государства и никого, кроме данного государства, касаться не должно.

Чиновник протянул ему анкету.

— Попрошу заполнить эту анкету, оставить у нас паспорт и заявление с подробным объяснением причин, побуждающих вас посетить Германию.

Вручая через несколько минут чиновнику паспорт, заявление и заполненную анкету, Василий спросил:

— Когда позволите приехать к вам за визой?

— Загляните дней через пять. Но нет никакой гарантии, что вы получите визу.

— Почему же?

— По многим причинам, объяснять которые я не обязан! — оборвал его чиновник.

Поняв, что ему могут отказать в визе, Василий в тот же вечер в спортивном клубе рассказал Веберу о своей беседе с чиновником.

— Разумеется, вопрос не в грубости этого чиновника, а в том, что мне могут отказать в визе, — сказал он. — Между тем есть настоятельная необходимость поехать в Берлин и попытаться договориться с тамошними деловыми кругами. Здесь, во Франции, рынок сбыта нашей продукции сужается с каждым днем, и мы вынуждены искать новые рынки вне Франции. Очень прошу, если это вас не затруднит, вмешаться.

— Не беспокойтесь, — сказал Вебер, — это вполне в моих силах. Через четыре дня приезжайте к нам и получите визу.

— Скажите, почему вообще так неохотно дают визу для поездки в Германию?

— С приходом к власти Гитлера в Германии происходят не очень красивые вещи... Естественно, никому не хочется, чтобы правда просочилась в другие страны. — Вебер понизил голос: — Кроме того, вы — чехословацкий подданный. А с некоторых пор отношение к вашим соотечественникам не совсем благожелательное, на этот счет получен даже специальный циркуляр...

Вебер сдержал слово. Когда через четыре дня Василий снова посетил генеральное консульство

Германии, тот же чиновник вручил ему паспорт с визой и даже пожелал приятного путешествия.

Заручившись рекомендательным письмом к Франсуа Понсэ, Василий купил билет первого класса, сел в поезд на Северном вокзале и отбыл в Берлин. На душе было беспокойно, хотя он всячески старался не показать это провожавшей его Лизе...

Гостиница «Кайзерхоф», в которой Василию был оставлен номер, оказалась комфортабельной — отличное обслуживание, идеальная чистота, но чрезмерно дорогой. Впрочем, Василий сознательно шел на дополнительные расходы: каждому ведь ясно, что коммерсанту с незначительными доходами и небольшим капиталом не по карману номер в отеле «Кайзерхоф» и обед в ресторане «Унтер-ден-Линден».

Первое неблагоприятное впечатление о Берлине сложилось у Василия еще в вестибюле гостиницы, когда вышколенный портье, приняв его паспорт, спросил вежливо — не иудей ли господин Кочек?

Василий был возмущен такой бесцеремонностью, но ответил сдержанно:

— Нет, я словак по национальности и католик по вероисповеданию. Все же разрешите узнать, какое это имеет значение?

— Иудеям останавливаться у нас нельзя...

У себя в номере Василий побрился, надел свежую рубашку, переменял костюм и спустился в ресторан позавтракать. Он решил отложить знакомство с представителями кинопрокатной конторы, чтобы иметь несколько свободных дней и оглядеться.

Позавтракав, Василий вышел на улицу. День был пасмурный. Серые облака, затянувшие небо, опустились совсем низко. Дул холодный, пронизывающий ветер. Василий зябнул в легком демисезонном пальто, но все-таки подолгу простаивал у витрин магазинов, рассматривая довольно безвкусную рекламу.

Навстречу то и дело попадались молодые мужчины в полувоенной коричневой форме. Создавалось впечатление, что Берлин превратился в военный лагерь. Люди в коричневой форме приветствовали друг друга, выбрасывая правую руку вперед. Этого фашистского приветствия, ставшего впоследствии символом варварства и неслыханной жестокости, Василий еще не видел.

Он дошел до какой-то площади. В окнах и на балконах домов висело множество знамен, которые трепал ветер. По площади шел духовой оркестр, ревели трубы, гремели литавры. За оркестром маршировали отряды молодых парней в той же коричневой форме. Поравнявшись с четырехэтажным серым зданием, с балкона которого свешивалось огромное знамя со свастикой, оркестр умолк. Молодые парни приветствовали знамя, выбросив правую руку и трижды выкрикнув: «Хайль, хайль, хайль!..» Должно быть, в этом сером здании помещался центр национал-социалистической партии, а может быть, его берлинское отделение.

Отряды распались на группы, словно на физкультурном параде. И вскоре на площади жарко разгорелось несколько костров. К кострам подъезжали тяжелые грузовики, нагруженные до самого верха книгами. Парни в коричневом бросали книги в огонь. Высокие столбы черного дыма поднялись к небу...

Берлин каждый час готовил приезжему новые сюрпризы. На улицах с утра и до позднего вечера гремели духовые оркестры, за ними бесконечными рядами маршировали молодчики в коричневой форме. На площадях устраивались парады, многолюдные митинги, на которых выступали видные деятели национал-социалистов, призывая молодежь искоренить на немецкой земле коммунистическую заразу, уничтожить евреев и готовиться к завоеванию жизненного пространства. Повсюду шли погромы еврейских лавок и магазинов. В эти же дни фашистский официоз «Дойче беобахтер» опубликовал постановление, обязывающее всех иудеев без различия возраста, пола, звания и имущественного положения носить на левой стороне груди особый знак, свидетельствующий об их расовой принадлежности.

«Отец» был прав, настойчиво рекомендуя мне посетить Берлин, — думал Василий. — Никакие статьи, как бы талантливо они ни были написаны, не могут создать даже приблизительного представления о том, что такое фашизм на практике...»

27 февраля, вечером, начался пожар рейхстага. Василий сначала не придавал этому значения, — мало ли какие пожары возникают в городах! Однако из вечерних газет он узнал, что следственные органы считают поджог рейхстага делом рук коммунистов, и все понял. Тотчас поднялась новая волна террора по всей Германии. Специально созданные органы государственной безопасности арестовывали всех, кто подозревался в принадлежности или сочувствии к коммунистической партии, арестовывали и социал-демократов. Хватали евреев, сажали в товарные вагоны и отправляли в неизвестном направлении. Только самым богатым из них удавалось за баснословные деньги достать заграничные паспорта и выехать из Германии...

Чтобы не вызвать подозрений у окружающих своим бездельем, Василий связался с Берлинской конторой кинопроката. Разговаривал с ним по телефону директор конторы, Хойзингер. Он выразил свое удовлетворение приездом к ним господина Кочака и любезно сказал, что будет рад встретиться

с ним сегодня, если, конечно, у господина Кочека нет более важных дел.

У господина Кочека не оказалось более важных дел, поскольку он приехал в Берлин исключительно с этой целью. Поэтому он сказал, что приедет к господину Хойзингеру в двенадцать часов дня. Кинопрокатная контора находилась в другом конце города — довольно далеко от центра. Василий взял такси.

Водителем оказался болтливый щупленький человек средних лет. Василий у знал, что он не владелец машины, как многие берлинские таксисты, а работает у хозяина по найму. До этого же он два года был безработным. Сейчас, благодаря заботам фюрера, положение меняется — жизнь налаживается, количество безработных сокращается с каждым днем. Фюрер обещал работу всем немцам, а он не такой человек, чтобы не выполнить своих обещаний!.. Нет, в партии национал-социалистов не состоит, но на ближайших выборах будет голосовать за них... Зарабатывает не очень много, но это все же лучше, чем жить с женой и двумя маленькими детишками на жалкое пособие по безработице... Ничего, немножко терпения, и немцы тоже начнут жить как люди!.. Гитлер никому не позволит ограбить Германию, как грабили до сих пор. Он не станет платить ни единого пфеннига Антанте по проклятому Версальскому договору!..

Слушая разглагольствования шофера, Василий начинал понимать, почему значительная часть населения Германии поддерживает фашистов. Гитлер не только дает немцам работу, но и мастерски играет на их оскорбленном национальном чувстве, обещая в недалеком будущем завоевание жизненного пространства и господство над другими народами. И снова чувство беспокойства, смутной тревоги сжало сердце Василия...

Герр Хойзингер встретил его как старого знакомого, представил своим помощникам и, угощая гостя коньяком и черным кофе у себя в кабинете, приступил к деловым переговорам. Да, они хорошо осведомлены об успехах рекламы, изготавливаемой фирмой «Жубер и компания», особенно в области кино. Кинопрокатная контора готова заключить договор на изготовление и поставку тематических объемных рекламных установок. Для начала — в целях рекламирования американских и французских фильмов, — вероятно, художники фирмы с этими фильмами знакомы. В зависимости от успеха этих рекламных установок может встать вопрос о рекламировании немецких фильмов, что значительно сложнее и ответственней: реклама должна явиться проводником современной немецкой идеологии...

Обсудив предварительные условия договора, Василий изъявил желание познакомиться с практикой кинопроката в Германии и посетить для этой цели еще несколько городов, — ну, скажем, Гамбург, Мюнхен, Лейпциг, Дрезден. Хойзингер обещал снабдить Василия рекомендательными письмами на имя руководителей филиалов. Письма эти будут доставлены к нему в номер завтра. А к возвращению господина Кочека из поездки будет готов и договор. Хойзингер согласился выдать аванс в счет будущих заказов и даже взять на себя часть расходов, связанных с поездкой Василия по стране.

На его вопрос, что произошло со второй конторой кинопроката, изъявившей в свое время желание установить деловые контакты с его фирмой, Хойзингер ответил:

— Видите ли, господин Кочек, уже более столетия дельцы еврейской национальности захватили все финансы Германии. Не вкладывая ни одной марки в индустрию, по способствуя развитию промышленности страны, они прибрали к рукам банки, торговлю, зрелищные предприятия, увеселительные учреждения и наживали колоссальные деньги... Понятно, что истинные хозяева страны — немцы — не могли терпеть до бесконечности этот хищнический грабег. Поэтому сейчас евреям запрещено заниматься предпринимательством. По этой причине и закрыта кинопрокатная контора, владельцем которой был некто Лифшиц...

— Нужно полагать, что теперь ваша контора стала монополисткой в области кинопроката и не боится конкуренции, — сказал Василий, стараясь ничем не проявить своего отношения к этому чудовищному, но далеко не новому приему устранения конкурентов.

— Если хотите, да, — скромно ответил герр Хойзингер. — За последнее время оборот наш почти удвоился и имеет тенденцию к дальнейшему росту... Кризис кончился, экономика страны на подъеме, безработица ликвидируется, — следовательно, в кинозалах будет больше зрителей!..

Прежде чем уехать из Берлина, необходимо было побывать во французском посольстве и передать Понсэ рекомендательное письмо. Правда, за эти дни не возникло необходимости прибегать к высокому покровительству, но было бы неучтиво не передать послу письмо его друга.

Не зная, что Паризерплац, где находилось французское посольство, близко от гостиницы, Василий нанял такси и в одну минуту оказался у массивных ворот красивого особняка. Но проникнуть в посольство было не так-то просто. Верзила сторож, не слушая объяснений Василия, повторял одно и то же: «Если мсье нужно передать письмо господину послу, пусть оставит здесь, укажет свой адрес, и господин посол известит мсье о времени, когда его смогут принять». Василий написал на обороте визитной карточки название своей гостиницы и с письмом оставил у сторожа. Затем вернулся к себе. Для огорчения оснований не было: письмо Маринье он передал, а что его не пустили в посольство — это уж не его вина.

В Берлине больше делать было нечего. Рекомендательные письма Хойзингера лежали у Василия в кармане, и на следующий день вечерним поездом он уехал в Лейпциг.

Попутчиком Василия оказался плотный человек средних лет, по виду мастеровой. Они разговорились. Василий не ошибся: сосед по купе действительно был рабочим-металлургом, ехавшим в Лейпциг навестить родных. На вопрос, был ли он безработным, рабочий отрицательно покачал головой. Нет, он все время имел работу. Правда, работал по сокращенному графику, три дня в неделю, и зарабатывал мало, но все же ему жилось куда лучше, чем многим другим, совсем лишившимся работы... Да, в политической партии он состоял — был социал-демократом. Потом разочаровался и вышел из партии... Никаких репрессий со стороны новых властей он не боится. Кто и на каком основании может его тронуть, — ведь он добровольно и задолго до прихода к власти Гитлера отрекся от социал-демократии... Почему? Очень просто: руководители партии оказались болтунами, они умели говорить только красивые слова и ничего не делали для рабочих. А вот Гитлер — человек дела! Он выступает против плутократии, думает о социальном строе нового типа. Почему, спрашивается, социализм должен быть обязательно русского образца, — разве нет и не может быть других форм? Германия — высокоразвитая индустриальная страна и может развиваться по своему особому пути. Правду сказать, вожди немецкой социал-демократии вообще надеялись, что социализм преподнесут им на тарелочке, — иначе зачем было им отвергать предложение Тельмана о совместных действиях, когда коммунисты на последних выборах получили почти пять миллионов голосов? Объединись они тогда с коммунистами, — создали бы коалиционное правительство левого направления, и, уверяю вас, народ пошел бы за ними.

— Вам известны факты, говорящие о том, что новые власти ограничивают деятельность крупных монополий, или, как вы выразились, плутократии, и собираются строить какой-то новый социализм? — спросил Василий.

— Нет, таких фактов я не знаю... Но ведь Гитлер окончательно ликвидировал унижительный для немцев Версальский договор и показал Антанте кукиш — разве одно это уже не вызывает сочувствия? А то получалась очень уж несерьезная история, — с нами, с немцами, союзники обращались, как с каким-нибудь колониальным народцем... Сами вооружались, оснащали свою армию новейшей военной техникой, а нам все запрещали. Нам, великой нации, запрещали иметь авиацию, подводные лодки, военно-морской флот!.. Дураку понятно, что союзники могли оккупировать безоружную страну, — ведь оккупировали же французы Рурскую область. А репарации? Разве они не были открытым грабежом? Мы голодали, у наших детей не было молока, а французы и англичане бесились с жиру... Как ни говорите, Гитлер молодец, — он всем дал понять, что нельзя с нами обращаться, как с неграми в Африке. Мы, немцы, великая нация и сумеем постоять за себя!

— А разве войну тысяча девятьсот четырнадцатого года затеял не кайзер? Немецкая армия разрушила множество французских городов и сел, не говоря уже о России, где сравнивали с землей целые районы... Вы не находите, что за все это кто-то тоже должен был отвечать?

— Но при чем тут немцы? Спросили бы с кайзера и его генералов! И то сказать, немцы тоже пострадали от войны не меньше, чем французы...

Василию стало неприятно продолжать этот разговор. Если рабочий, бывший социал-демократ, так рассуждает, чего же ожидать от мелкой буржуазии, составляющей большинство нации?

Он зевнул и устроился поудобнее, давая понять, что хочет вздремнуть...

В отличие от Берлина, шумного, крикливого, Лейпциг показался тихим, уютным. Рядом с широкими асфальтированными улицами — узенькие средневековые улочки, мощенные булыжником. Массивные здания официальных учреждений с колоннами из гранита и маленькие особняки бюргеров, с остроконечными, покрытыми черепицей крышами. Грандиозные католические храмы в стиле ранней готики. Множество парков, вековые деревья вдоль тротуаров. И на каждом шагу — памятники выдающимся, а чаще ничем не примечательным землякам.

Лейпциг жил от ярмарки до ярмарки. Во время ярмарок город оживал, потом снова впадал в спячку. Между ярмарками в Лейпциге задавали тон студенты знаменитого университета — одного из древнейших в Европе. Но старой цеховой традиции устраивали карнавалы печатники и меховщики. В этом городе печатались самые красивые в мире книги, выпускались отлично имитированные меха, мало чем отличающиеся от натуральных.

Руководитель лейпцигского отделения конторы кинопроката, Малер, весьма любезный человек, несмотря на протесты Василия, повсюду его сопровождал и с удовольствием показывал достопримечательности родного города. Побывали они и на огромной территории, где уже шла работа по подготовке к весенней ярмарке.

— Господин Кочек, почему бы вам не посетить ярмарочный комитет и не предложить свои услуги? Весьма возможно, что они заинтересуются вашей продукцией, — сказал Малер.

На следующий день, захватив с собой альбом фирмы, вырезки из газет, отзывы торговых палат и многочисленных заказчиков, Василий, в сопровождении Малера, отправился в ярмарочный комитет.

Предложением совладельца парижской рекламной фирмы заинтересовались. С Василием вели долгие беседы и наконец обещали дать окончательный ответ через два-три дня. Делать было нечего, — Василий скучал в Лейпциге от безделья, терпеливо ожидая решения комитета.

Наконец вице-председатель ярмарочного комитета сообщил Василию по телефону, что комитет согласен заключить с фирмой «Жубер и компания» договор на значительную сумму, если

фирма примет на себя обязательство изготовить заказанную рекламу не позже 10 мая текущего года.

Василий подписал договор и в тот же день отправил телеграмму Жуберу с сообщением о сделке. Написал он также и Анри Борро, предложив ему быть готовым к поездке в Берлин и Лейпциг для уточнения заказов. Он решил прервать путешествие по городам Германии и вернулся в Берлин, чтобы, подписав договор с конторой кинопроката, поспешить в Париж.

В гостинице «Кайзерхоф» его ожидало приглашение французского посла пожаловать на ужин 1 марта в семь часов вечера.

Василий явился во французское посольство за пять минут до назначенного срока. Он немного волновался, не зная, как его примут и сумеет ли он, по бывавший никогда на такого рода приемах, не ударить, как говорится, в грязь лицом.

Ровно в семь часов метрдотель, в безукоризненном фраке, которого Василий принял сначала за самого посла, пригласил «господ гостей в столовую отужинать».

На пороге столовой Василия встретил Франсуа Понсэ.

— Очень рад знакомству с вами! Маринье пишет о вас необыкновенно тепло, а друг моего друга — мой друг! — улыбаясь сказал он.

За стол село восемь человек, и, как вскоре выяснилось, все, кроме Василия, французы. В их числе единственная дама — жена посла. Василий понял, что присутствует на интимном ужине друзей Понсэ. Все, по-видимому, отлично знали друг друга, держались непринужденно.

Кто-то заговорил о недавнем поджоге рейхстага. Посол, смеясь, сказал, что поджог послужил поводом самовозвеличения некоторых руководителей национал-социалистов.

— Знаете, господа, что сказал господин Геринг? Он сравнил себя с Нероном! Он часто повторяет: «Христиане подожгли Рим, чтобы обвинить в этом Нерона, а коммунисты подожгли рейхстаг, чтобы обвинить в этом мена!..» Звучит это и смешно и страшно!.. Осведомленные люди утверждают, что рейхстаг соединен подземным коридором с особняком Геринга. Следовательно, поджигатели могли пройти этим путем...

— Я слышал, что арестован какой-то голландец ван дер Люббе, — сказал седой человек с морщинистым лицом. — Его обвиняют в поджоге рейхстага. Говорят, у него в кармане обнаружен членский билет коммунистической партии.

— А другие утверждают, что поджог рейхстага дело рук молодчиков Рема и совершен не без ведома более крупных деятелей, — вставил молодой человек с военной выправкой. — Во всяком случае, поджог не мог совершить один человек...

— Для меня совершенно очевидно одно, — сказал Понсэ, — тайна поджога рейхстага будет раскрыта не скоро. Пройдут годы, прежде чем мы узнаем истину. А пока этот факт будет использован национал-социалистами для предвыборной кампании. Более благоприятного повода для агитации трудно придумать: обвинить в поджоге коммунистов, разжечь шовинистические страсти...

— Господа, не хватит ли говорить о политике! — вмешалась жена посла и пригласила гостей в гостиную пить кофе.

Слушая беседу людей, без сомнения весьма осведомленных, знающих значительно больше, чем они говорят, Василий думал: неужели все эти французы, увидевшие фашизм, так сказать, в натуральном виде, без всяких прикрас, могут когда-нибудь стать на его сторону и ради узких, своекорыстных интересов предать и свой народ и свою родину?

В маленькой гостиной гости пили черный кофе с ликером. И разговор снова коснулся событий в Германии. Кто-то высказал мысль, что победа национал-социалистов на предстоящих выборах не вызывает сомнения.

— Еще бы! — сказал человек с седой головой. — После такого террора и запугивания избирателей мудрено было бы не победить. Вся Германия покрылась сетью концентрационных лагерей, в которые бросают всех, кто проявит малейшее недовольство существующим режимом!

— Вам не кажется, господа, что в результате варварских методов, применяемых национал-социалистами в управлении страной, пропасть между Германией и внешним миром углубляется? — спросил посол.

— Гитлер не придает этому никакого значения, зная заранее, что великие державы и пальцем не пошевельнут, чтобы обуздать фашизм и положить конец варварству в центре Европы! — ответил послу старик.

Франсуа Понсэ, видя, что гость из Парижа все время молчит, не принимая участия в разговоре, спросил Василия:

— Скажите, мсье Кочек, какое впечатление вы уносите с собой из Германии?

— Самое тяжелое, — сказал Василий.

— Действительно, здесь творится нечто умопомрачительное!.. Впрочем, этого нужно было ожидать. Мы, французы, вместо того чтобы сблизиться с Германией, когда здесь существовали демократические порядки, тащились в хвосте политики Англии и Америки, — боялись остаться в изоляции. А теперь расплачиваемся за это и будем еще расплачиваться жестоко...

— Господин посол, я коммерсант и, признаюсь, плохо разбираюсь в политике. Но, пробыв в этой несчастной стране немногим больше двух недель и увидев все собственными глазами, я

ужаснулся. Временами мне кажется, что в Европу возвращается средневековое варварство. Неужели государственные деятели великих держав, в первую очередь Франции, не понимают, что нужно остановить фашизм, — остановить сейчас, немедленно, иначе будет поздно?

— К сожалению, уже поздно!.. В настоящее время интересы союзников резко расходятся. Англичане жаждут ослабления Франции, чтобы иметь возможность единолично господствовать в Европе. Запомните мои слова: они попытаются и фашизм в Германии использовать в своих интересах!

— Как бы им не пришлось расплачиваться за такую близорукую политику! — сказал Василий и встал, чтобы откланяться.

— Скажите, мсье Кочек, я ничем не могу быть вам полезным? — спросил Понсэ.

— Благодарю вас. Я свои дела успешно закончил и на днях возвращаюсь в Париж.

— По приезде передайте, пожалуйста, сердечный привет Маринье и расскажите ему обо всем, что видели здесь...

До выборов в Берлине оставалось несколько дней. Каждый день под звуки фанфар и духовых оркестров устраивались парады, факельные шествия, шумные митинги и собрания. В самый день выборов — 5 марта — отряды СА разместились во всех пунктах голосования. Выборы и подсчет голосов происходили под руководством нацистов. В результате национал-социалисты получили в рейхстаге двести восемьдесят восемь мест — абсолютное большинство.

На следующий же день после выборов террор в Германии усилился. Начались повальные обыски и аресты, конфискация имущества евреев и враждебно настроенных к фашизму людей. Василий слушал выступление Геринга по радио. Как бы отвечая на вопрос, почему все так происходит, тот говорил без тени смущения: «В большом деле без издержек не обойтись. Это неизбежно...»

В Германии делать было больше нечего. Все, что Василий видел вокруг себя, возмущало, вызывало чувство негодования. Он возвращался домой с тяжелым сердцем.

Германо-бельгийскую границу поезд Берлин — Париж пересекал ночью. На немецкой пограничной станции пограничники и таможенники побежали по вагонам. Они обходили одно за другим купе, будили пассажиров, проверяли документы, вещи. Некоторым пассажирам пограничники предлагали сойти с поезда с вещами и направляли их в помещение таможни при вокзале. Носильщиков почему-то не оказалось, и пожилые люди, мужчины и женщины, сгибаясь под тяжестью чемоданов, шагали к вокзалу.

Очередь дошла до Василия. Офицер пограничной службы повертел в руке чехословацкий паспорт и сказал:

— В таможенку с вещами!

— У меня один маленький чемодан, его нетрудно проверить и здесь, на месте, — Василий хотел было открыть чемодан.

— Не возражать! — гаркнул офицер.

Василия проводили в помещение пограничного пункта. В большой комнате, обставленной казенной мебелью и пропитанной запахом казармы, за большим столом сидел грозного вида офицер. Рядом с его столом стоял человек в форме таможенного чиновника. Взяв паспорт Василия, офицер начал задавать уже ставшие привычными вопросы:

— Фамилия?.. Место рождения?.. Профессия?.. Зачем ездили в Германию?

Получив исчерпывающие ответы на все эти вопросы, офицер исподлобья взглянул на Василия:

— Иудей?

— Словак и католик по вероисповеданию.

— Иудеи заклятые враги Германии, но... — небольшая пауза, — славяне тоже не лучше, хотя они и христиане!

Василий молчал.

— Отвечайте на вопрос: почему на вашей родине, в Чехословакии, угнетают немецкое меньшинство?

— Политикой я не интересуюсь и ответить на ваш вопрос не могу. Потом, я живу во Франции.

— Все вы невинные овечки и ничего не знаете? Подождите, придет время — сами разберетесь или мы заставим вас разобраться!..

Василий молча положил перед офицером договоры, заключенные в Берлине и Лейпциге.

— Из этих бумаг следует, что вы установили коммерческие связи с немецкими торговыми организациями. Но так ли? — спросил офицер.

— Совершенно верно. Я совладелец рекламной фирмы в Париже, и у нас давно установились добрые отношения с немецкими деловыми кругами!

Офицер вернул ему паспорт и договоры.

— Можете следовать дальше!

Чемодан его даже не открыли.

Переехав французскую границу, Василий облегченно вздохнул. «Нет, ехать еще раз в Германию с чехословацким паспортом не стоит!» — подумал он.

В Париже Василия ждало множество новостей.

Лизы дома не оказалось, и он, оставив чемодан, поспешил в контору. Первым, кого он увидел, был Борро.

— Ну, Анри, какие у нас новости?

— Есть кое-какие!.. Начнем с того, что за последнее время мсье Жубер находится в подавленном состоянии духа и почти ни с кем не разговаривает. Никто не решается спросить его о причине такого настроения, а он, в свою очередь, избегает разговоров на эту тему. Даже ваша телеграмма о выгодных заказах не произвела на него никакого впечатления!.. Поступило предложение от крупной американской фирмы послать к ним представителя для переговоров о рекламировании нескольких кинокартин. Мы еще не ответили им, — ждали вашего приезда. Гомье закончил эскизы для Италии, и, если вы их одобрите, мы тотчас отошлем их... Что касается лично меня, то я собираюсь посетить, как вы пожелали, национал-социалистский рай — побывать в Берлине, Лейпциге...

— Хорошо, что напомнили об этом!.. Сегодняшняя Германия, Анри, — это страшная тюрьма, и при малейшей оплошности вы можете исчезнуть в ней бесследно, как исчезают многие. Я соглашусь на вашу поездку при условии, что вы дадите мне слово ничего там не видеть, ничему не удивляться, а главное — молчать!

— Смее заверить вас, дорогой патрон, что у меня нет никакого желания очутиться за решеткой и, тем более, исчезнуть бесследно из этого лучшего из миров!.. Постараюсь быть немым как рыба. В этом вы можете на меня положиться, — сказал Борро.

— Когда вы собираетесь ехать?

— Хоть завтра, если у вас нет возражений. Немецкая виза у меня в кармане, остается купить билет.

— Возражений нет. Хочу обратить ваше внимание на важность прочных деловых отношений нашей фирмы с ярмарочным комитетом в Лейпциге. Учтите, у них неисчерпаемые возможности обеспечить нас заказами.

— Сделаю все, что в моих силах!

Не успел Василий разобрать почту, как в кабинет вошел Жубер. Он молча пожал компаньону руку, медленно снял пальто, повесил на вешалку.

Борро оказался прав: вид у Жубера был неважный, он заметно осунулся, побледнел.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал Жубер, присаживаясь к столу Василия. — Надеюсь, путешествие было приятным?

— Поездка была удачная, но тяжелая... Вы знаете из моей телеграммы, что мне удалось завершить переговоры с Берлинской конторой кинопроката и, самое главное, заключить выгодный договор с Лейпцигским ярмарочным комитетом. Таким образом, на ближайшее время мы с вами избавлены от капризов рынка. И все-таки поездка была ужасная! Вы даже представить себе не можете, что творится там, в Германии. Неприкрытая диктатура, уничтожение всякой демократии, подавление человеческой личности, варварство... Временами мне не верилось, что все это я вижу наяву... — Василий замолчал, заметив, что Жубер не слушает его, и спросил: — А теперь скажите, что с вами?

— Почему вы задаете мне такой вопрос?

— За короткое время моего отсутствия вы сильно изменились.

Жубер хотел было что-то сказать, но промолчал.

— Если вы не хотите быть со мной откровенным, не смею настаивать. Но мне казалось, что между друзьями не должно быть секретов!

— Ах, мой друг! Я несчастный человек...

— Что случилось?

— Вы знаете, как я любил Мадлен... Для нее я пожертвовал всем, чуть не разорился...

— И что же?

— Мне и больно и горько говорить об этом... Недавно я случайно застал ее с другим. И знаете, что самое досадное? Нет, вы даже представить себе не можете! Старый, толстый боров!.. Менять Жана Жубера — и на кого? На старого развратника!

— Не огорчайтесь!.. Древний поэт сказал: «Лучше на худом челне пуститься вплавь в открытое море, чем довериться лживым клятвам женщины»...

— Я ведь любил ее!..

Под вечер Василий позвонил Сарьяну.

— Приехали? — обрадовался тот. — И голова цела? Браво, брависсимо!.. Он еще спрашивает, хочу ли я встретиться с ним?! Не хочу, а настаиваю на этом. Больше того, на правах дружбы требую!..

— Приходите к нам!

— Мне совестно утруждать каждый раз Марианну. Не лучше ли встретиться где-нибудь в ресторане?

— Нет, не лучше. Я еще и жену не видел. Заехал домой с вокзала, а она уже ушла на лекции. Приезжайте к нам, посидим, выпьем бутылочку вина, потолкуем...

Вечером не успел Василий войти в дом, как Лиза бросилась к нему, обняла и вдруг расплакалась.

— Ну что ты, что ты? — успокаивал ее Василий, проводя рукой по гладко причесанным волосам жены.

— Я так беспокоилась, так волновалась!.. Места себе не находила, ночей не спала...

— Но ведь для беспокойства не было никаких оснований!

— Как же не было? Ты думаешь, я дурочка и не знаю, что творится там, где ты был... О господи, когда будет конец нашей проклятой жизни? — Лиза вытерла слезы.

— Твердо могу сказать тебе — конец будет не скоро. Совсем даже не скоро, и поэтому нам нужно беречь нервы.

— Тебе легко говорить — беречь нервы. Я тут одна-одинешенька в этих стенах... Чего только не лезло в голову...

— Ты лучше расскажи, как жила без меня, что у тебя нового?

— Все по-прежнему. Впрочем, у меня маленькая радость: профессор Жерико, прочитав мой реферат, обещал зачислить меня с будущего учебного года на основное отделение университета. За время твоего отсутствия я встречалась с фрау Браун. Она охотно приняла от меня еще пятьсот франков и обещала принести на днях список французских журналистов, подкупленных немецким посольством и работающих на Германию. По ее словам, в списке есть фамилии довольно известных политических обозревателей.

— Это очень важно, мы найдем способ известить французские власти. Пусть они знают предателей и примут необходимые меры.

Лиза покачала головой:

— Боюсь, что французские власти никаких мер на примут...

— К сожалению, ты, пожалуй, права...

— Раза два звонил Сарьян — спрашивал, нет ли от тебя вестей?

— Хорошо, что напомнила! — спохватился Василий. — Он обещал приехать сегодня. Как у нас с едой?

— Кусок холодного мяса, фруктовые консервы...

— Вот что, я сбегаю куплю вина, а ты приведи себя в порядок и накрой на стол.

— Хлеба, хлеба не забудь!

Стол был давно накрыт, закуски расставлены, бутылки раскупорены, а Сарьяна все не было, Василий начал тревожиться, — журналист человек пунктуальный и никогда не опаздывает.

Он влетел в дом как вихрь, когда его уже перестали ждать.

— Извините, пожалуйста! Причины у меня весьма основательные... К тому же я голоден как волк! — Он сел за стол, выпил вина и принялся за закуску.

— Признавайтесь, Жюль, — не задержало ли вас свидание с прекрасной дамой? — спросил Василий.

— Кажется, я имел уже случай сообщить вам, что я однолюб и, кроме Жаннет, никаких других женщин просто не замечаю!.. Исключение, конечно, составляет Марианна, — тут же поправился Сарьян. — Нас, группу журналистов, пригласили на Кэ д'Орсэ, и лично мсье Бонкур сделал довольно важную информацию. Но обо всем этом потом, сперва расскажите о ваших впечатлениях!..

Пока Василий со всеми подробностями рассказывал о виденном и пережитом в Германии, Сарьян отдал должное и ветчине с корнишонами, и холодной телятине, не забывая подливать себе вина.

— Кажется, я понял секрет успеха Гитлера, — говорил Василий, — он выбрал удачное время для захвата власти. Экономический кризис потухает повсеместно, — разумеется, и в Германии тоже. Заметно некоторое оживление в промышленности и торговле. Гитлер ловко использует это, создавая у своих соотечественников впечатление, что все это происходит благодаря ему. Безработица постепенно ликвидируется, жизнь улучшается, — как же не быть благодарным фюреру? Он, Гитлер, жонглирует демагогическими лозунгами, утверждает, что выступает против магнатов капитализма. Народ верит, что именно он порвал ненавистный немцам и действительно несправедливый Версальский договор. Германия вооружается на всех парах, — безработные получают работу, а промышленники — колоссальные барыши.

— А где же были левые — социал-демократы и коммунисты, имевшие одно время большинство депутатских мест в рейхстаге? — спросил Сарьян.

— Насколько я знаю, социал-демократы отвергли предложение коммунистов о совместных действиях и раскололи левый фронт. Коммунистическая же партия Германии страдала некоторой левизной, сектантством. Руководство ее утверждало, что коммунистам в такой экономически развитой стране, как Германия, нет дела до городской мелкой буржуазии и крестьянства. А мелкая буржуазия в Германии составляет большинство населения. Она-то и стала опорой фашизма...

— О боже мой! — вздохнул Сарьян. — Стоит встретиться двум приятелям, как они только и

делают, что говорят о политике, даже в присутствии дамы!..

— Я всегда с удовольствием слушаю ваши беседы, — сказала Лиза. — Что поделаешь, мы живем в такую эпоху, когда политика заслоняет собою все остальные интересы!..

— Кстати, как идут у вас дела с той немкой, знакомой Ганса Вебера? — спросил Лизу журналист.

— Она оказалась довольно сговорчивой!..

— Эта самая фрау Браун, — сказал Василий, — передаст нам на днях список известных французских журналистов, купленных немецким посольством и работающих в пользу Германии. Как вы считаете, можно ли будет каким-либо способом разоблачить этих продажных писак? Марианна, например, думает, что никто не примет никаких мер в отношении журналистов, берущих деньги у немецкого посла, — даже если правительство будет располагать неопровержимыми доказательствами.

— Видите ли, — сказал Сарьян, — у нас считается нормальным, когда журналист получает деньги от политических партий, акционерных и страховых обществ, даже от отдельных предпринимателей и пишет в их пользу. Действует простейшая логика — каждый зарабатывает свой хлеб как может. Конечно, в данном случае речь идет о поддержке фашизма. Но как мы сумеем доказать, что эти журналисты действительно подкуплены немцами? Сослаться на их статьи? Пустое, в свободной стране каждый волен писать, что он думает. Боюсь, что Марианна права — тут ничего не сделаешь! — Он помолчал, подумал. — Я бы мог попытаться опубликовать этот список в газете, но опять-таки нужны веские доказательства, иначе патрон не согласится. Допустим, мы сумеем уговорить его. Журналисты тут же возбудят против нас судебный процесс, и мы проиграем его... Пойдите, что, если этот список вручить самому министру? Поль Бонкур доверяет мне, — пусть, по крайней мере, знает, кто из журналистов продает Францию!..

— Вы правы, — сказал Василий, — Бонкур честный политик и убежденный антифашист; ему, может быть, удастся использовать список журналистов-изменников в борьбе против профашистски настроенных членов кабинета и в Национальном собрании.

— Я так и сделаю. Но положение самого Бонкура становится шатким...

— Почему?

— По многим причинам... Но главным образом из-за разногласий с премьер-министром Даладье. Вам, наверно, известно, что три государства — Югославия, Чехословакия и Румыния, потеряв всякую надежду на защиту со стороны Франции от возможной немецкой агрессии, заключили между собой союз и создали Малую Антанту. В противовес этому, английский правительство, во главе с Макдональдом, выдвигает идею создания Пакта четырех. Сегодняшний неожиданный вызов журналистов на Кэ д'Орсэ был связан именно с этим. Поль Бонкур прав, когда утверждает, что в этом Пакте четырех — Англия, Франция, Германия и Италия — англичане оставляют за собой роль арбитра, а Франция оказывается лицом к лицу с двумя тесно связанными между собой фашистскими государствами. Премьер-министр требует от Бонкура других предложений, а других предложений у него нет.

— Неужели французы попадутся на удочку англичан?

— Правые во Франции и лейбористы в Англии надеются, что таким путем можно направить интересы Гитлера на Восток. Немецкая армия увязнет в снегах России, а Европа избавится от войны. Чтобы сладить с Гитлером, англичане обещают ему даже колонии. Лозунг правых — «избегать войну любой ценой» — очень популярен среди обывателей и имущих классов не только Франции, но и Англии.

— До чего же поганая штука политика! — вырвалось у Василия.

— Поганая, что и говорить! — Сарьян поднялся. — Кажется, мы заговорились, уже поздно, пора домой... Спасибо за угощение, за приятную беседу. — У дверей он повернулся к Василию: — Как только получите список, дайте его мне, я все же покажу его министру!..

После очередной встречи с фрау Браун Лиза вернулась домой очень взволнованной.

— Знаешь, Василий, немка, передав мне список журналистов, рассказала страшные вещи!.. Она перепечатала для посла телеграмму из Берлина о том, что сегодня утром, на одном из пригородных вокзалов Бухареста, был убит двумя выстрелами из револьвера румынский министр внутренних дел Дука — главный вдохновитель всей франкофильской политики на Балканах. Днем посол Кестнер созвал на совещание своих ближайших сотрудников, доверительно сообщил им об этом факте и произнес речь, которую стенографировала фрау Браун. Вот копия этой речи, — хочешь послушать? «Поздравляю вас, господа, лед тронулся, исчез с земли один из самых ярых врагов Германии на Балканах, господин Дука. Да будет земля ему пухом!..» Ты подумай, какой цинизм!.. «Учтите, господа, что это только начало. В Берлине считают, что с помощью пяти или шести подобного рода политических убийств Германия сэкономила бы средства на войну и добилась бы в Европе всего, чего только пожелала бы!.. Итак, — продолжал посол, — прежде всего речь идет о Дольфусе. По мнению Берлина, он единственный австриец, который по-настоящему против аншлюса. Но полагают, что он будет устранен своими же соотечественниками, так как в Австрии число сторонников аншлюса растет с каждым днем. Вторым убийством, которое необходимо нам для того,

чтобы добиться своего в Европе, должно быть убийство югославского короля Александра. Авторитетные круги Берлина утверждают, что его исчезновение положит конец единству Югославии и всей политике союзнических отношений между Францией и Балканами. Затем настанет очередь Титулеску — верного союзника Парижа и Лондона. Далее, авторитетные круги утверждают, что в тот день, когда не станет Бенеша, немецкое меньшинство в Чехословакии вернется к матери-родине. И еще: до тех пор, пока жив король Альберт, Бельгия никогда не войдет в германскую систему. Надеюсь, господа, вы согласитесь со мной, что было бы неплохо, если бы и во Франции исчезли те или иные политические деятели». Дополнительная запись стенографистки: «В ответ на последние слова герра Роланда Кестнера раздаются аплодисменты присутствующих...»

— Дай-ка сюда! — Василий взял у Лизы копию стенограммы и пробежал ее глазами. — Вот мерзавцы! Без счета убивают своих, а теперь принялись за политический террор в соседних государствах!..

— Нужно немедленно предупредить «отца» — он найдет способ сообщить органам безопасности тех государств, в которых предполагаются злодейские убийства!

— Ты права. Только как предупредить? Была бы здесь фрау Шульц!

— Нужно ее срочно вызывать!

— Правильно, попробуем вызвать фрау Шульц! — И Василий сел за письмо. Он писал:

«Вернувшись из Германии, где мне удалось заключить несколько выгодных договоров и завязать перспективные отношения с некоторыми немецкими деловыми кругами, я застал Марианну нездоровой. Она, по-видимому, захворала всерьез и нуждается в уходе. Я очень занят делами фирмы, — у нас самый разгар выполнения заграничных заказов, и отлучаться мне невозможно. Есть, конечно, выход: положить Марианну в больницу, но, признаться, ни ей, ни мне этого не хочется. Отец, не могла бы приехать к нам тетя Клара, хотя бы на короткое время? Убедительно прошу тебя, уговори ее, — пусть она собирается к нам в Париж как можно скорее.

О своих делах напишу подробно в другой раз...»

— Тебе, Лиза, придется полежать в постели несколько дней, — сказал Василий жене, прочитав ей написанное. — Во всяком случае, не выходи из дому до приезда фрау Шульц. Читай, готовься к экзаменам — словом, делай все, что захочешь, но не показывайся на улицу!

Копию списка журналистов, подкупленных немецким посольством в Париже, Сарьян вручил министру иностранных дел Бонкуру при очередной встрече и сказал ему, что список получен из самых достоверных источников. Бонкур использовал этот список в одном из своих публичных выступлений: «Правительство Франции располагает данными, свидетельствующими, что некоторые журналисты, имена которых нам известны, находятся в весьма тесных связях с посольством одной иностранной державы и отдают свое перо на служение этой державе». Присутствовавшие на этом выступлении министра рассказывали, что в ответ на сообщение Бонкура последовали многочисленные вопросы; «Кто они? Почему не называете фамилий?.. Неужели правительство осмелится отменить свободу слова и заткнуть рот журналистам?» Кто-то крикнул с места: «Франция — свободная республика, и каждый вправе говорить или писать все, что захочет...»

Сообщение министра никаких последствий не имело, — на страницах парижской печати по-прежнему появлялись прогерманские и профашистские статьи.

9

Наступила ранняя весна — прекрасная парижская весна. На зазеленевшие бульвары высыпала детвора. Цветочницы, продавали фиалки. В магазинах обновлялись витрины. Манекенщицы рекламировали весенне-летние моды 1933 года. Многочисленные отели и рестораны готовились к наплыву туристов.

Экономический кризис шел на убыль, полным ходом работали заводы и фабрики, деловая активность росла с каждым днем. Фирма «Жубер и компания» тоже процветала, — к заказам от крупных универмагов и торговых фирм из провинции прибавились заказы из-за границы, в особенности из Германии. Василий не ошибся в своих расчетах: ярмарочный комитет Лейпцига, особенно после того как там побывал Борро, засыпал их заказами. Основной капитал фирмы перевалил за четыреста тысяч франков.

В спортивном клубе устраивались большие и малые соревнования, в которых участвовал и Василий. Маринье и де ла Граммон прониклись к нему особой симпатией после того, как в доверительной дружеской беседе он рассказал им о виденном в Германии. Маринье сказал ему тогда: «Мсье Кочек, у вас острый глаз и отличное восприятие, — вы увидели и услышали в Германии самое значительное, достойное внимания, и мы искренне благодарны вам за ваши ценные сообщения».

Фрау Браун по-прежнему аккуратно получала свою тысячу франков в месяц и передавала Лизе разного рода информацию, иногда ценную. Она честно «зарабатывала» свои деньги...

В ожидании «отца», о предполагаемом приезде которого сообщила фрау Шульц, побывав в Париже, Василий и Лиза жили в городе. Только по субботам они уезжали к Сарьянам, а в

понедельник утром возвращались в Париж.

Василий удивлялся, с какой любовью, с каким увлечением работал журналист в саду — окапывал фруктовые деревья, опрыскивал их химикатами, сажал цветы, готовил землю под огород. Василий с удовольствием помогал ему. Видя, с какой ловкостью он орудует лопатой и граблями, Сарьян не раз говорил:

— Дорогой Кочек, вы прирожденный земледелец, вам следовало бы стать фермером!..

«Отец» приехал в Париж неожиданно. Явившись в контору фирмы, он спросил на ломаном французском языке, где можно найти господина Кочека.

Узнав его голос, Василий приоткрыл двери кабинета.

— Кто меня спрашивает? Я — Кочек. — И когда «отец» подошел к нему: — Чем могу служить?

— Уделите несколько минут для делового разговора.

Жубера не было в конторе, и они, оставшись вдвоем, могли разговаривать свободно.

— Чемодан свой я оставил на вокзале, номер в гостинице не снял, — сказал «отец», устроившись в кресле. — Удобно тебе поместить гостя на загородной даче?

— Вполне!

— Тогда после работы заезжай за мной на Северный вокзал. Я возьму чемодан из камеры хранения и буду ждать тебя у главного входа. Какое время тебя устроит?

— Хорошо бы в шесть тридцать. К этому времени вернется Лиза, и мы втроем поедem за город.

— Отлично, буду ровно в шесть тридцать!.. Скажи своим, что я представитель обувной фирмы «Батя» из Чехословакии. Приехал договариваться о заказе на рекламу в Латинской Америке. На случай, если нас увидят вместе, — привез тебе привет от родителей.

— Хорошо, только у нас вряд ли кто будет интересоваться вами. У меня бывают десятки посетителей на дно... А что вы будете делать до вечера?

— Поброжу по Парижу. Может человек позволить себе изредка такую роскошь? Позавтракаю, почитаю газету в кафе, вот время и пройдет. Ты обо мне не беспокойся, не пропаду! — Он надел шляпу и вышел.

«О делах — ни слова!.. Вот выдержка у человека», — подумал Василий.

Он накупил всякой еды, прихватил несколько бутылок вина, — знал, что «отец» любит французские вина. Заехал домой за Лизой, и в седьмом часу они подъезжали к Северному вокзалу. Василий издали увидел высокую фигуру «отца» в модном летнем реглане, в широкополой шляпе, со щегольским чемоданом в руке. Василий подкатил к ступенькам главного входа. «Отец» быстро открыл дверцу, сел рядом с Лизой на заднее сиденье, и они тронулись.

— Лучшего места для деловых разговоров, чем машина, я не знаю. Рассказывайте, товарищи парижане, что у вас нового? — спросил «отец».

— Все идет своим чередом — в общем, нормально, — отозвался Василий. — Мы от вас ждем новостей.

— Мои новости не ахти какие. Помнишь, Василий, больше года назад я говорил тебе, что в Германии к власти придут фашисты? К сожалению, мой прогноз оправдался. И знаете, друзья, что самое странное? Политические деятели Англии, Франции и Америки словно загипнотизированы! Они делают вид, что не замечают опасности, которую готовит им Гитлер. Более того, всячески ублажают его. Глупцы, они не понимают, с кем имеют дело!..

— Дело не только в слепоте политических деятелей, а еще и в том, что у фашизма немало сторонников, — сказал Василий. — Во Франции они развивают бешеную активность по созданию «пятой колонны». Одни делают это ради денег, которыми их щедро снабжает немецкое посольство, другие — из-за ненависти к Народному фронту, к коммунистам прежде всего. За последние полгода фашистские и профашистские организации, такие, как «Боевые кресты», «Объединение бывших фронтовиков», «Патриотическая молодежь», активизировались. Имея поддержку со стороны префекта парижской полиции Кьяппа, они действуют без опаски!..

— Все это я знаю, в частности и из вашей же информации: вы толково работаете!.. Могу сообщить, что мы ничего не знали о том, что фашисты подготавливают политический террор в других странах. Ждали от них всякой пакости, но такого, признаться, не ожидали!..

— А удалось сообщить кому следует о готовящихся убийствах? — спросила Лиза.

— Удалось-то удалось, а вот сумеют ли они обезопасить своих руководителей — неизвестно! Уж больно беспечные люди эти враги Гитлера... Бенеш, например, считает, что эти опасения преувеличены — никакое, мол, уважающее себя государство не станет на путь убийства из-за угла своих политических противников! А король Югославии Александр убежден, что времена плаща и шпаги давно миновали...

— Как бы не пришлось им расплачиваться кровью за свое благодущие! — сказал Василий.

— Ну, а как ты живешь, моя красавица? Привыкла к парижскому климату? — обратился «отец» к Лизе, желая, видимо, переменить тему разговора.

— Так вот и живу!.. Всего много — и денег, и нарядов, а на душе смутно... Очень я устала, затосковала, хочу домой... «Отец», помогли бы вы нам вернуться домой... Если не совсем, то хотя бы в отпуск съездить, повидаться со своими...

— Что же, в отпуск, пожалуй, можно... Нужно только сперва заглянуть в Чехословакию, взять там ваши советские паспорта, вернуться опять сюда и вместе с Василием поехать домой через Швейцарию или Скандинавию. Ехать через Германию, даже транзитом, опасно... А вот и сюрприз: я привез вам обоим письма из дома! — «Отец» достал из кармана два письма и протянул Лизе. Ей очень хотелось тут же прочесть их, но она сдержалась.

— Когда же можно поехать за паспортами? — спросила она.

— Да хоть завтра, если, конечно, Василий не будет возражать!

— Мы это еще обсудим, — спокойно сказал Василий.

— Правильно, нужно обсудить!.. У меня, Лиза, есть к тебе просьба. Когда ты вернешься из отпуска, придется тебе на время расстаться с мужем и поехать в одну страну для выполнения такого же задания, что и здесь. Но — самостоятельно, без помощи Василия. Думаю, ты уже набралась опыта, справишься...

— Вот уж не знаю... Одно дело — справляться с работой, когда у тебя есть твердая опора, и совсем другое, когда ты одна. Лучше уж я останусь с Василием!..

— Василий нужен здесь, а ты — там... Понимаешь ли, какое дело, — двое мужчин, толковые, опытные работники, побывали там и ничего не смогли сделать. Нужна женщина, спокойная, вдумчивая, преданная долгу. В той стране немцы укрепляют свои позиции, вербуют своих сторонников не только из среды продажных политиканов, но и в армии. Как они добиваются всего этого, через какие каналы? Нам неизвестно, а знать надо. Правда, помешать этому мы не можем, но быть в курсе событий обязаны. Ты понимаешь меня? — «Отец» повернулся к Лизе и посмотрел ей в глаза.

— Понимаю, конечно, — тихо сказала Лиза. — Но учтите, что связь со стенографисткой немецкого посольства фрау Браун поддерживается здесь через меня. Она никого больше не знает и знать не захочет!

— Учитываем и это. Но поскольку твое пребывание в той стране нужно до зарезу, будем искать другие пути для связи с Браун. В недалеком будущем сюда приедет на постоянное жительство Шульц. Ей, австриячке, скоро будет невозможно пересекать границу и поддерживать связь с вами. В Париже она начнет работать портнихой. Разве нельзя, чтобы она заменила тебя? Они ведь, кажется, знакомы?

— Знакомы...

— Вот видишь, все складывается как нельзя лучше!

— Правильнее будет сказать: вы все предусмотрели заранее! Но я не хочу, не могу ехать без Василия! — твердо сказала Лиза.

— Понятно, твою волю насильно никто не собираются, решение остается за тобой. Хочу, однако, добавить, что это не мое личное мнение, а партийное поручение, — в голосе «отца» прозвучал холодок.

В машине наступило молчание, только и было слышно, как шуршали шины по гладкому асфальту. Не оборачиваясь, глядя на шоссе, Василий сказал:

— Мы себя считаем солдатами партии, и для нас ее поручение — закон. Лиза не раз доказывала это на деле. Раз нужно — она поедет куда угодно и когда угодно, хоть к черту на рога!..

Машина остановилась у коттеджа Сарьянов. Прежде чем войти в дом, «отец» осмотрелся и, похоже, остался доволен. Особенно понравилось ему то, что можно подняться на второй этаж со двора, минуя хозяев.

Ужинали все вместе внизу, в столовой. Василий представил «отца» Сарьяну и Жаннет как одного из директоров обувной фабрики «Батя» в Чехословакии, приехавшего в Париж для деловых переговоров о рекламе, и добавил, что мсье Волочек, хорошо знакомый с его родными, привез от них письма.

Журналист не поверил ни единому слову Василия, но ничем этого не проявил. Как радушный хозяин, он подливал в бокалы вино, предлагал закуски, рассказывал веселые истории.

У себя наверху Лиза показала «отцу», шутя называя его мсье Волочек, его комнату. Но прежде чем лечь спать, они еще долго беседовали.

— К тому времени, когда вы вернетесь из отпуска, фрау Шульц, видимо, обоснуется в Париже. Нужно, чтобы Лиза свела ее с Браун. Это целесообразно со многих точек зрения. Во-первых, Лиза некоторое время будет отсутствовать, — нужно, чтобы в это время кто-то снабжал Браун деньгами и регулярно получал от нее информацию — вдруг произойдет что-то важное! Во-вторых, немка ничего не должна знать о Василии. В жизни всякое бывает, и нужно, чтобы он, как жена цезаря, оставался вне подозрений при любых обстоятельствах, — тихо говорил «отец». — Для связи с вами вместо Шульц придется подыскать другого человека...

— Желательно, чтобы связь была постоянной, а то возникает необходимость срочно информировать вас, и не знаешь, как быть, — сказал Василий.

— Мы постараемся наладить именно такую связь. Но вам придется быть готовыми к тому, что при нынешней политической ситуации она может оборваться в любую минуту. Следовательно, нужно иметь в запасе другие возможности. Ты, Василий, подумай над таким вопросом: нельзя ли, в случае

особой необходимости, использовать коммерческие связи вашей фирмы с другими странами для связи? Разумеется, не иначе как путем легальной переписки?..

— Можно, но трудно. Для этого нужно иметь в этих странах надежных корреспондентов. Не лучше ли использовать для этой цели одного из наших художников? У меня на примете есть один...

— Проверенный? — спросил «отец».

— Точнее было бы сказать — надежный. До сих пор мне не приходилось давать ему никаких поручений, за исключением одного случая, — помнишь, Лиза, во время твоей первой встречи с фрау Браун в кафе сидели Борро с приятелем? К счастью, все обошлось благополучно, помощь их не потребовалась. Он побывал в Германии, своими глазами видел, что такое фашизм... Парень честный, порядочный, я ручаюсь. И есть у него еще одно достоинство — он истинный патриот Франции.

— Последнее несомненно существенно. Да и вообще твое предложение заманчиво, — как бы сам с собой вслух рассуждал «отец». — Но прежде чем привлечь его к делу, хорошенько проверь его — давай небольшие поручения, приучай работать. Раз он патриот и любит свою родину, объясни ему, что борьба с фашизмом — первостепенная задача всех честных людей!..

— Не беспокойтесь, все будет сделано по высокому классу! — пошутил Василий.

— А теперь разговор с тобой, красавица, — обратился «отец» к Лизе, как будто вопрос о ее поездке решен окончательно. — Может случиться, что мы с тобой не встретимся больше ни в Чехословакии, ни дома. Поэтому выслушай меня внимательно. После отпуска вернешься сюда с Василием и, как подданная Чехословацкой республики, совершенствующаяся по своей специальности в Сорбонне, поедешь в ту страну, о которой я говорил, через Италию. Обязательно через Италию! Поживешь в ней недельки две-три, поездишь по разным городам, познакомишься с шедеврами искусства... В той стране, куда ты поедешь, ученые недавно произвели большие раскопки и обнаружили остатки римского не то городища, не то военного укрепления. Найдено великое множество интересных для истории искусства предметов. Все это — по твоей специальности!.. Раскопки производились в каких-нибудь тридцати — тридцати пяти километрах от столицы той страны. Таким образом, ознакомление, а может быть, и участие в раскопках не помешает тебе жить в столице. Друзья снабдят тебя рекомендательными письмами на имя профессора Николаи, руководителя раскопок... Думаю, задача ясна. А как нужно вести себя в той стране, расскажет тебе Василий, — он мастак в этих делах. Если нужны деньги, наскребем...

— Деньги не понадобятся, — сказал Василий, — «Жубер и компания» солидная фирма, и один из ее совладельцев возьмет на себя все расходы, связанные с такой благородной целью, как раскопки древнеримских городищ и изучение истории искусства.

— Замечательно! Вот что значит иметь дело с финансистами, — рассмеялся «отец». — Одной заботой у меня будет меньше... Ну, как, Лиза, есть у тебя вопросы ко мне?

— Есть. Хочу знать: с кем я должна связаться там, на месте, и кто будет мне помогать?

— Никто.

— Никто? Неужели мне придется начинать на голом месте?

— Совершенно верно, именно на голом месте. Поживешь, осмотришься, сама подберешь себе помощников. Как в каждой стране, так и там много антифашистов и людей, сочувствующих нам. Вот таких и поищешь. Здесь вы тоже начинали на голом месте...

— Но здесь был Василий!

— А там — товарищ Лиза! Мы ведь не разведчики в обычном смысле этого слова, — мы антифашисты. И не только защищаем интересы своей родины, но и помогаем тем народам, которым грозит фашизм. Поэтому нам легче работать, у нас везде найдутся помощники! — «Отец» зевнул, потянулся. — Ну что ж, дети мои, пора и спать! Кажется, старость подходит, — быстро устаю, рано тянет ко сну...

— Прежде чем пожелать вам спокойной ночи, хотелось бы узнать, долго ли вы пробудете у нас? — спросил Василий.

— Завтра побуду — и в дорогу... Почему ты спросил?

— Когда придет во Францию фрау Шульц и скоро ли явится новый курьер?

— Фрау Шульц будет буквально на днях. О курьере пока ничего определенного сказать не могу. Думаю, что скоро...

— Лизе придется дожидаться фрау Шульц, свести ее с Браун — только после этого она сможет поехать в Чехословакию, — сказал Василий, — а я начну подготавливать компаньона к мысли, что поеду домой... К вам просьба: я дам Лизе письма на имя Жубера, Маринье и де ла Граммона. Лиза их возьмет с собой туда, а вы дайте команду, чтобы их отправили по адресам через чехословацкую почту.

— Молодец, хорошо придумал!.. Постой, а как насчет бумаги, конвертов?

— Ничего страшного, если письма будут написаны на французской бумаге и вложены во французские конверты. Уезжая отсюда, каждый захочет взять с собой красивую бумагу и конверты, а во Франции они действительно хороши!..

В левых газетах стали время от времени появляться антифашистские карикатуры, подписанные «К.Г.». Сначала они вызывали только смех. Но от рисунка к рисунку они становились злее, целеустремленней. Василий догадывался, что характер карикатур менялся не без влияния Борро, — тот, после поездки в Германию, подкидывал своему другу, Клоду Гомье, идеи, подсказывал темы, а может быть, и сам принимал участие в его работе.

Однажды в газетном киоске на первой странице «Юманите» Василий увидел большую карикатуру на Гитлера и купил газету, хотя раньше он никогда не позволял себе этого. Впрочем, Василий попросил у продавца все утренние парижские газеты, — не должно возникнуть даже тени подозрения, что мсье Кочек, коммерсант, читает коммунистическую прессу.

У себя в кабинете Василий долго рассматривал карикатуру. В это время к нему зашел Борро.

— Вы видели это, Анри? — спросил Василий.

— Да, видел.

— Нравится?

— Как вам сказать?.. Ничего.

— Автор — Гомье?

— Мсье Кочек, я давно решил не скрывать этого от вас, да как-то не удавалось поговорить с вами... Все карикатуры, появившиеся за последнее время на страницах левой печати, принадлежат Клоду. И если... — Борро запнулся, — если это может причинить вам неприятности и принести вред коммерческим делам, Клод тотчас уйдет из фирмы. Но рисовать карикатуры он не перестанет!

— Что ж, откровенность за откровенность... Я давно знаю, что Клод Гомье рисует политические плакаты и карикатуры. Заметил я и то, что за последнее время они стали более зрелыми... Полагаю, что тут не обошлось без вашего влияния.

— Да, патрон, вы не ошиблись! Если это не устраивает вас, то я тоже подам заявление об уходе...

— Не о том речь! — остановил Василий художника. — Я не собираюсь упрекать вас, но и вы должны правильно понять меня. Я иностранец, в любой день префект полиции может потребовать, чтобы я покинул Францию в течение двадцати четырех часов. Мне не хотелось бы лишний раз привлекать к себе внимание полиции...

— Мы уйдем оба! — перебил Василия художник. — Вы сделали для нас так много, что было бы неблагоприятно с нашей стороны...

— Анри, будет лучше, если вы выслушаете меня не перебивая. В интересах дела и ваших лично не нужно, чтобы вы говорили о своем участии в этой работе. Под карикатурами нет вашей подписи... Что касается Гомье, то он не должен числиться в списке сотрудников нашей фирмы, но продолжать работу может!

— Не понимаю.

— Чего же тут не понимать? Он будет выполнять работу дома и представлять счета на оплату от подставного лица!..

— Мсье Кочек, было время, когда нам было очень худо — мы перебивались кое-как и часто ложились спать с пустым желудком. Однако никто из нас не позволял себе сделок с совестью... Клод не только талантливый художник, но и порядочный человек, — он вряд ли примет ваше предложение! — В голосе Борро слышалась плохо скрытая обида.

— Вы всерьез хотите бороться против фашизма? — хмуря брови, спросил Василий.

— Средства борьбы должны соответствовать нашим идеалам...

— Дорогой Анри, я хотел бы, чтобы вы мне верили и доверяли. Тогда мы с вами поговорим кое о чем более важном... Сейчас могу только еще раз сказать вам: для успешной борьбы с нацизмом нужно уметь изворачиваться, иногда хитрить. Нельзя быть донкихотами, если хочешь реально взглянуть на вещи: нам придется иметь дело с коварным врагом!

— Я вам и верю и доверяю!

— По-видимому, не в той все же мере, в какой хотелось бы... Ничего, это пройдет, и тогда мы поговорим с вами более откровенно. Я уволю Гомье, а вы объясните ему, ради чего это делается, — чтобы он не обижался и продолжал работать по вашим заданиям. При этом заработок его ни в коем случае не должен снижаться!.. Вы только не думайте, что я поступаю так из желания убить одним выстрелом двух зайцев — оградить себя от возможных неприятностей и сохранить для фирмы талантливого художника!

— Я вас понял. — Лицо у Борро было хмурое, губы сжаты.

Он встал и молча вышел.

Дела фирмы шли успешно, но производить более внушительное впечатление на клиентуру никогда не было лишним, поэтому Василий арендовал и второй этаж дома, в котором помещалась контора. На первом этаже находились теперь экспедиция, бухгалтерия, кабинет директора-распорядителя. На втором — кабинеты обоих совладельцев фирмы и главного художника.

В коридорах — ковровые дорожки, заглушающие звуки шагов. Между кабинетами Я.Кочека и Ж.Жубера — секретариат, а рядом небольшая гостиная для переговоров, приема и угощения крупных клиентов. По всему фасаду дома шла огромная вывеска: «Рекламная фирма Жубер и компания» — золотом на голубом фоне. По ночам горел световой призыв: «Реклама — могучий двигатель торговли! Пользуйтесь услугами нашей фирмы!» Все это потребовало дополнительных расходов, но они составляли ничтожный процент в оборотах фирмы.

То, что у него был теперь отдельный кабинет, у дверей которого сидела секретарша, охранявшая его покой, особенно устраивало Василия.

Жубер, все еще переживавший измену Мадлен, был безучастен ко всему. Он уже не насвистывал арий из опер, не ходил жизнерадостным донжуаном, но по-прежнему следил за своей внешностью. И все же даже он пришел в восторг, войдя впервые в свой новый кабинет. Он, как ребенок, обрадовался, увидев большой ворсистый ковер на полу, книжные шкафы из красного дерева, изящный буфетик с баром, массивный письменный стол, маленький столик для телефонов, в углу — огромные часы с басовитым звоном, тяжелые занавеси на окнах, — словом, кабинет не хуже, чем у директоров крупных акционерных компаний, банков и страховых обществ.

В начале апреля пришло из Америки еще одно письмо. Нью-йоркская контора кинопроката интересовалась, почему до сих пор не прибыл представитель рекламной фирмы «Жубер и компания» для переговоров. Контора кинопроката брала на себя все расходы, связанные с приездом представителя фирмы в Америку.

«А почему бы не поехать в Америку мне самому? — подумал Василий, прочитав письмо. — Изучить, кстати, постановку рекламного дела, а оттуда махнуть прямо в Швейцарию? Там встретиться с Лизой — и вместе домой...»

Не откладывая дело в долгий ящик, он отправился в американское консульство.

В просторной приемной консульства было много народу. Василий вручил дежурному чиновнику свою визитную карточку и попросил доложить о себе.

— Кому? — спросил тот.

— Если можно, вице-консулу! — сказал Василий первое, что пришло ему в голову.

Вскоре его пригласили. В роскошном кабинете, в окружении множества телефонных аппаратов, сидел за громадным письменным столом широкоплечий, коротко подстриженный человек. На его простоватом лице светились серые пронизательные глаза. Поднявшись навстречу пошедшему, вице-консул оказался коренастым человеком невысокого роста. Пригласив Василия сесть и сам усевшись в кресло, он спросил:

— Чем могу быть вам полезен, господин Кочек? — Вице-консул довольно чисто говорил по-французски.

— Не так давно, — сказал Василий, — мы получили приглашение от кинопрокатной конторы приехать в Нью-Йорк для деловых переговоров. В то время по некоторым причинам наша фирма лишена была возможности принять это приглашение. Сейчас кинопрокатная контора повторила свое приглашение. Я решил побеспокоить вас просьбой дать мне визу для поездки в Америку и, если можно, ускорить это, потому что оттуда я собираюсь ехать на родину. — Василий протянул вице-консулу полученное им письмо из Америки.

Вице-консул, прочитав письмо, вернул его Василию.

— Для получения визы вам придется выполнить некоторые формальности: заполнить анкету в трех экземплярах, приложить к ней восемь фотокарточек, представить врачебную справку о том, что не болеете трахомой и, извините, венерическими заболеваниями, — сказал он.

— Что поделаешь, придется выполнить все это! — Василий улыбнулся и хотел было встать и уйти, но вице-консул удержал его:

— Простите, господин Кочек, кто вы по национальности?

— Словак из Чехословакии. Разве это имеет значение для получения визы?

— Нет, конечно! Просто я сам — американец югославского происхождения, вернее, хорват, то есть такой же славянин, как вы.

— Очень приятно! — ответил Василий, стараясь понять, к чему клонит американец.

— Мой отец, правда, давно эмигрировал из Югославии и в Штатах устроился довольно прилично. Я родился и вырос в Штатах, там же получил образование. И вот — стал дипломатом, хотя и небольшим, но все же дипломатом!.. Фамилия у меня хорватская — Ковачич. Джо Ковачич, — повторил он. — Странно, мне иногда снятся югославские горы, хотя я никогда не видел их... Говорят, это зов родины...

— Скорее всего, результат рассказов вашего отца о родине!

— Может быть... А вы? Давно живете во Франции?

— Нет, всего три года.

— Как же вам удалось так скоро получить французское подданство?

— Вы ошибаетесь, я подданный Чехословацкой республики.

— Как же?.. — Ковачич взглянул на визитную карточку Василия. — Тут написано, что вы владелец фирмы.

— Законы Французской республики позволяют иностранцам заниматься предпринимательством.

— Я этого не знал!.. И как у вас идут дела?

— Жаловаться не приходится! У нас работают талантливые художники, отличные мастера. Оформление витрин многих больших магазинов Парижа, да и не только Парижа, изготавливается в наших мастерских. Также многие кинотеатры пользуются нашей тематической рекламой. Мы поддерживаем деловые связи с Италией, Англией, Германией. Особенно успешно работаем для Лейпцигской ярмарки. Надеемся установить такие же связи с американскими кинопрокатными фирмами...

— Интересно! Очень интересно... Рекламное дело всегда интересовало меня...

— Вы могли бы заехать к нам, посмотреть наши мастерские. Я познакомлю вас с образцами наших изделий, — предложил Василий, видя искреннее дружелюбие американца.

— С удовольствием, не знаю только, когда вам удобно?

— В любой день, в любое время, когда вам захочется. На карточке указаны номера телефонов и адрес. Позвоните, и я буду весь к вашим услугам!

Ковачич не заставил себя долго ждать. Дня через три он позвонил по телефону и приехал к Василию. Контора, или, как он называл, офис, ему очень понравилась, а от мастерских он пришел в восторг и уверял Василия, что фирма будет иметь несомненный успех в Штатах.

После осмотра мастерских они пообедали в русском ресторане. Василий пригласил Сарьяна и Борро, угостил всех смирновской водкой «Слезинка», черной икрой, лососиной и русскими блинами. Ковачич пил и ел много, похваливая русскую кухню:

— Я окончательно убедился, что французы и русские понимают толк в еде! У нас в Штатах готовят однообразно и невкусно!

В отличие от немцев, работники американского дипломатического корпуса оказались весьма общительными, запросто завязывали знакомства с местными жителями. Ковачич по-приятельски относился к Василию — приезжал к нему в контору, приглашал его на обед или ужин. В первое время это вызывало у Василия подозрение — уж не старается ли американец узнать, что за человек этот Кочек? Ведь каждый американский дипломат в то же время и разведчик... Однако вскоре он убедился, что вице-консулу просто приятно бывать в обществе словака, почти соотечественника.

Прошло около месяца, и однажды Ковачич позвонил и с огорчением сообщил Василию, что в визе ему отказано.

— Надеюсь, вы верите, что мы здесь ни при чем, — добавил он. — На наш запрос эмиграционные власти ответили отказом. Не огорчайтесь, мистер Кочек, мы сегодня же пошлем более мотивированный запрос. Было бы неплохо, если бы вы тоже написали приглашавшим вас конторам, чтобы они на месте приняли меры. К сожалению, получить американскую визу не так-то легко!..

— Написать напишу. Но, должен вам признаться, дорогой мистер Ковачич, что я не очень-то спешу в Америку. Дадут мне визу — хорошо, не дадут — плакать не стану. Жили до сих пор без Америки, проживем и дальше!

— В ваших словах я чувствую обиду... Еще раз уверяю вас, генеральное консульство ни при чем!

— Поеду я в Америку или нет, это не может помешать нашей взаимной симпатии! — заверил Ковачича Василий.

Часом позже к нему явился представитель ярмарочного комитета в Лейпциге — молодой человек, по виду типичный немец. Посетитель плотно прикрыл за собой дверь и, подойдя близко к письменному столу, назвал пароль. Получив ответ и убедившись, что перед ним сидит именно тот, кто ему нужен, молодой человек сказал, что приехал от «отца».

— Теперь связь с вами буду поддерживать я, под видом представителя Лейпцигского ярмарочного комитета. «Отец» просил передать, что все бумаги готовы и чтобы вы ускорили отъезд в Чехословакию Елизаветы Владимировны. Она должна так рассчитать время, чтобы попасть в назначенную страну во время студенческих каникул, а до этого побывать еще в Италии.

— Ясно, — коротко ответил Василий и спросил молодого человека, где тот остановился.

— Все в порядке, не беспокойтесь. Я пробуду в Париже дня два-три. Перед отъездом заеду к вам за письмом.

— Хорошо, я приготовлю письмо для «отца».

Дома они долго обсуждали, какой маршрут избрать Лизе для поездки в Чехословакию. Самый краткий путь лежал через Германию. Получить транзитную визу было несложно, но все в Василии восставало против поездки Лизы через территорию третьего рейха. Разложили на столе карты и убедились, что обходный путь через Италию — Австрию отнимет много времени. Пришлось подать заявление в немецкое консульство с просьбой выдать подданной Чехословацкой республики Марианне Кочековой транзитную визу для поездки на родину через Германию.

Провожая жену на Северном вокзале, Василий еще и еще раз просил ее:

— Будь осторожна! Пока поезд следует по территории Германии, не выходи из вагона.

Случайным спутникам не доверяй, в длинные беседы не вступай. Нацисты способны подсадить к чешке специального агента и устроить любую провокацию!

— Дорогой, ты разговариваешь со мной так, словно я маленькая девочка!.. Не беспокойся, все будет в порядке. Не успеешь соскучиться, как я вернусь обратно, — старалась успокоить его Лиза.

— И все же будь осторожна!

Стоя на платформе, Василий долго смотрел поезду вслед, борясь с тревожным чувством, охватившим его...

Франко-германскую границу пересекли без всяких приключений. Немецкие пограничники и таможенники были даже вежливы.

Козырнув и спросив разрешения, они проверили документы и вещи пассажиров тут же, в вагоне, и, еще раз извинившись, ушли. Словом, на границе все обстояло по-прежнему, как до прихода к власти в Германии нацистов. Единственно, что бросалось в глаза, так это широкая повязка со свастикой на рукавах у пограничников. Зато на германо-чехословацкой границе пограничники были подчеркнута грубы, подолгу вертели в руках чехословацкие паспорта, задавали пассажирам неуместные вопросы, каждого спрашивали о его национальности. Таможенники расшвыривали вещи, достав их из чемоданов, ощупывали каждый шов, выливали чай из термосов и некоторым пассажирам предлагали пройти в помещение таможни, чтобы там продолжить проверку. К счастью, Лизу миновали такие испытания.

Пассажиры трех вагонов, следовавших прямо в Прагу, облегченно вздохнули, когда очутились на территории Чехословакии. Здесь, на пограничном пункте, Лиза узнала, что немецкие пограничники сияли с поезда пятерых пассажиров еврейской национальности.

В Праге Лиза, не теряя времени, пересела на другой поезд и поехала на «родину» — в словацкую деревню. Староста, предупрежденный заранее о ее приезде, встретил землячку радушно. Но когда они пришли к нему домой и остались одни, посоветовал ей долго здесь не задерживаться.

— У нас тоже завелись предатели, — сказал он, вручив ей объемистый пакет.

В пакете Лиза обнаружила советские паспорта — свой и Василия, письмо чешского профессора Свободы к руководителю раскопок профессору Николаи, заключавшее в себе просьбу допустить госпожу Марианну Кочекову, специалистку по истории искусств и архитектуры, в настоящее время совершающуюся в Сорбонне, к участию в археологических раскопках.

Ехать обратно во Францию без задержки в Чехословакии было не совсем удобно, — ведь она приехала сюда навестить тяжело больную тетку. Не послушать старосту, верного товарища, тоже было нельзя. Поэтому Лиза в тот же день вернулась в Прагу, сняла номер в гостинице, оставила там вещи, привела себя в порядок и вышла на улицу.

Был теплый солнечный день, и Прага даже после Парижа казалась сказочно красивой. По тротуарам сновали толпы хорошо одетых людей. Слышались громкий говор, смех, и невольно создавалось впечатление, что в мире все хорошо и спокойно, что над Чехословакией не нависла опасность. «Что это, — думала Лиза, — беспечность или желание отогнать от себя мрачные мысли и жить сегодняшним днем?»

Ночью, в холодном номере гостиницы, Лизе не спалось. Ворочаясь с боку на бок, она все думала о своей судьбе, превратившей ее, любящую тихий семейный уют, в скитальцу. Почему, почему на их долю с Василием выпала такая беспокойная жизнь?.. Через минуту Лиза уже говорила сама себе: «Но ведь кто-то должен заниматься тем, чем занимаемся мы!» Она своими глазами видела фашизм, видела, правда, очень мало, не и этого оказалось достаточно, чтобы понять многое и всем сердцем возненавидеть его... Нет, она не будет сидеть без дела в этом чудесном городе. Могло ведь случиться, что больная тетка умерла и ее похоронили, не дождавшись приезда племянницы из Франции. К тому же она учится, скоро экзамены, — вот она и спешит обратно. Документы ее в полном порядке, и никто придаться к ней не может!..

После почти бессонной ночи Лиза поспешила на городскую железнодорожную станцию, купила билет в вагон, идущий в Париж через Германию, и вечером уехала.

На пограничном пункте опять хамили молодые парни со свастикой на рукаве, но в общем для Лизы все обошлось благополучно, и она без всяких осложнений доехала до германо-французской границы, где и случилось непредвиденное.

Пограничники, проверив ее паспорт, вернули его обратно и даже пожелали счастливого пути. Таможенники слегка покопались в вещах и, закрыв чемодан, ушли... Не прошло и трех минут, как офицер вернулся и предложил Лизе следовать за ним.

— Куда? — спросила она.

— Нам вопросов не задают, — ответил ей офицер. — Поторапливайтесь!

В сумочке у Лизы лежали два советских паспорта, рекомендательное письмо. На советском паспорте наклеена ее, Лизина, фотокарточка, а на руках у нее — паспорт Чехословацкой республики... Разве этого мало, чтобы заподозрить ее в шпионаже в пользу Советского Союза или Чехословакии? Отправят в концентрационный лагерь — и поминай как звали! Такие мысли молнией

пронеслись у нее в голове, и она лихорадочно думала, что же ей предпринять и можно ли что-либо предпринять в таком положении? Оставить сумочку в купе — все равно найдут. Уронить ее по дороге — вряд ли это пройдет незамеченным...

Офицер торопил ее, а Лиза медленно застегивала кофточку, чтобы выиграть хотя бы еще секунду.

— Проверяли же таможенники мои вещи! У меня нет ничего, равным счетом ничего. Вот посмотрите! — с этими словами она вывалила содержимое чемодана на сиденье. — Здесь только мои платья, белье...

Офицер, громко чертыхаясь, стал помогать Лизе укладывать вещи обратно в чемодан.

— Скорее, скорее! — повторял он.

— Но ведь я могу отстать от поезда.

— Поедете следующим, если вообще поедете!

Вещи были собраны, офицер, не доверяя ей больше, сам взялся за ручку чемодана. В это время дверь приоткрылась, в купе заглянул плотный человек с помятым лицом.

— Не здесь! В первом купе с того конца, — сказал он шепотом и тут же исчез.

Офицер швырнул чемодан на сиденье и, прошипев проклятие, кинулся в другой конец вагона. Лиза видела, как он вел к выходу молодую женщину. Та держала в руке револьвер и говорила по-английски: «Не понимаю, что тут особенного? Ну револьвер! Я же купила его, купила за доллары...»

У Лизы ослабли ноги, она присела на диван и долго не могла прийти в себя.

Поезд наконец тронулся...

В это самое время около трех часов ночи, в Париже, Василий проснулся, словно кто-то толкнул его в бок и позвал на помощь. Он сел в постели, вслушиваясь в ночную тишину, и вдруг как-то особенно отчетливо представил себе, что он один в квартире, что Лизы нет, она уехала. Он попытался представить себе, где сейчас она может быть — в деревне у старосты или уже в Праге, снова лег, но заснуть не мог. Полежав с открытыми глазами, он встал, выпил несколько глотков минеральной воды, подошел к окну и открыл его настежь. Большой город спал. В окнах домов давно погасли огни, и только световые рекламы на крышах больших магазинов то вспыхивали, то снова гасли. По тротуару простучали женские каблучки — тук-тук...

Ночная прохлада окончательно прогнала сон, и мысли его снова вернулись к Лизе. Родная, любимая Лиза! Где ты?.. В памяти вставали картины давно минувших дней, — они были такими яркими, такими живыми, будто все, о чем он вспоминал, произошло вчера...

Вот группу чекистов собрали в зал заседаний, и секретарь партийной ячейки, немолодой уже человек, сказал, что им всем нужно изучать иностранные языки. Он предложил присутствующим выбрать один из трех языков — немецкий, французский или английский. Потом их разбили на группы. Василий, знавший немного по-французски, попал во вторую группу.

Разошлись по кабинетам, приспособленным под классы. Ждать пришлось недолго. В сопровождении секретаря ячейки вошла молоденькая девушка в черном закрытом платье с белым воротничком.

— Вот ваша преподавательница, Елизавета Владимировна Горская! — отрекомендовал девушку секретарь. — Прошу любить и жаловать! — и вышел из кабинета.

Девушка подошла к столу перед классной доской и робко поздоровалась. Голубые глаза, золотистые волосы и нежный голосок делали ее похожей скорее на гимназистку, чем на преподавательницу для взрослых, издавших виды людей.

— Я буду обучать вас французскому языку, главным образом разговорному. Но все равно сперва нужно научиться читать и писать. Сегодня мы познакомимся с латинским алфавитом, которым пользуются французы. Откройте, пожалуйста, тетради и запишите! — Она подошла к доске и стала мелом тщательно выводить буквы, протяжно произнося вслух: «А-а... Бэ-э...»

Она повернулась к классу, чтобы посмотреть, как пишут эти давно не сидевшие за партой ученики. Один из них не писал, и она спросила его, краснея:

— А вы почему не пишете?

— Латинский алфавит я знаю. Французским тоже немного владею...

— Очень хорошо! А как ваша фамилия?

— Меня зовут товарищ Василий, — ответил тот под общий хохот класса.

— Это хорошо, товарищ Василий, что вы знаете французский язык, — будете моим помощником, — сказала она по-французски.

Василий, старательно подбирая слова, попытался ответить ей на французском языке. Так состоялось их знакомство.

Молодая учительница всем понравилась, она была внимательная, мягкая, понимала шутки, не стеснялась быть и строгой, требовательной. При ошибках своих великовозрастных учеников говорила:

— Я понимаю, вам, взрослым людям, трудно учить язык. Но раз вы добровольно взялись за трудное дело — должны стараться!

А однажды сказала одному пожилому человеку, что вынуждена будет исключить его из группы, потому что тот не выполняет домашние задания.

— Мне некогда, я очень занят, — буркнул в ответ ученик.

— В таком случае подайте рапорт... Занятость не может служить оправданием. Все присутствующие здесь товарищи очень заняты и все же стараются... — Она сделала небольшую паузу и продолжала: — Не мне говорить вам о том, как важно знать иностранные языки. Пройдет некоторое время, и наша страна установит дипломатические и экономические отношения со многими капиталистическими государствами, — может быть, даже со всем миром! Как тогда нужны будут работники, знающие иностранные языки!

После этих слов девушка понравилась всем еще больше.

Как-то весенним солнечным днем Василий вышел на улицу вместе с учительницей и попросил разрешения проводить ее.

— Пожалуйста, — просто ответила она. — Тем более что я живу недалеко.

Они разговорились.

— Елизавета Владимировна, вы такая молодая и так хорошо знаете французский...

— Меня языкам учили с детства. Впрочем, это длинная история... Как-нибудь расскажу, если вам интересно.

— А почему не сейчас?

— Устала очень!.. Вы не обижайтесь на меня, ладно?

— Обижаться не буду, но о вашем обещании когда-нибудь напомню!..

Василий помнит, как в другой раз, выйдя из управления, они не свернули к Ильинским воротам, а спустились вниз, к Театральной площади, миновали шумный Охотный ряд и незаметно очутились у храма Христа Спасителя. Сели на ступеньки, огляделись вокруг. Был теплый вечер, небо чистое-чистое, ни облачка. Отсюда, с высоты, хорошо был виден противоположный берег. Маленькие домишки, трамваи, редкие извозчики. На реке покачивались лодки, изредка проплывали, пыхтя и дымя, самоходные баржи.

— Вы не забыли свое обещание, Елизавета Владимировна? — нарушил молчание Василий.

— Какое?

— Рассказать о себе.

— Не забыла... Вы спрашивали, где я научилась французскому языку... Родилась я в семье довольно известного московского адвоката. Он имел большую практику и, говорят, хорошо зарабатывал, но богатым он стал, получив приданое жены, дочери замоскворецкого купца. Родители пригласили для моего воспитания двух гувернанток — француженку и немку. В доме был заведен такой порядок: до обеда говорили по-французски, после обеда — по-немецки...

В гимназии я подружилась с Катей, девушкой из бедной семьи. Иногда бывала тайком от родителей у нее дома, узнала, что отец Кати сослан в Сибирь за революционную деятельность. Брат моей подруги, Григорий, был старше нас. Он учился в Московском университете. От него я услышала о вещах, о которых раньше не имела ни малейшего представления: о революции, классовой борьбе... Брат и сестра стали давать мне запрещенные книги. Я читала их по ночам, испытывая необыкновенную гордость, что мне доверяют...

Мой отец принял Февральскую революцию с восторгом — он даже занял какой-то важный пост в военном комитете. Катя и Григорий доказывали мне, что произошла только перемена декораций, что народ ничего не получит. Вскоре вернулся из Сибири отец Кати, Евгений Иванович. Он оказался очень умным и образованным человеком. В отличие от моих родителей, он разговаривал со мной как со взрослой. И это поднимало меня в моих собственных глазах. Позже я узнала, что Евгений Иванович — большевик...

В дни Февральской революции я из патриотических чувств поступила на курсы сестер милосердия, готовилась ехать на фронт. Как ни странно, отец не препятствовал моим стремлениям. Накануне Октябрьской революции я окончила курсы, работала в военном госпитале. Я понимала: мир раскололся, и каждый мыслящий человек должен был в те дни определить свое место. Быть на стороне белогвардейцев, участвовать в их борьбе против красных я не могла... Я решила, что мое место с большевиками, и заявила об этом отцу. Разразился скандал, кончившийся разрывом с семьей. При помощи того же Евгения Ивановича я стала сестрой милосердия Красной Армии. Когда вернулась домой, узнала, что отец с матерью уехали на юг. Потом стало известно, что в дороге они заболели тифом и умерли.

Меня приютила моя старая няня. Я и сейчас живу с ней, учусь в Московском университете — хочу стать лингвистом. Вот и вся моя биография!

— И в партию вступили? — спросил Василий.

— Да, на Южном фронте, в двадцатом году...

У них мало было свободного времени, встречались они урывками, но каждый вскоре понял, что их связывает нечто большее, чем дружба. И когда однажды Василий, набравшись храбрости, сказал: «Лиза, я люблю вас и прошу выйти за меня замуж», это не было чем-то совершенно неожиданным для нее. Она молча приникла к нему и тихо расплакалась. Он долго смотрел ей в глаза и впервые

поцеловал ее.

Свадьбу сыграли в комнате Василия, в которой стояла железная кровать, покрытая солдатским одеялом, письменный стол и две табуретки. Зато на столе красовался, невесть откуда попавший сюда, чернильный прибор с бронзовыми египетскими сфинксами.

Из деревни приехала сестра Василия, Ефросинья, привезла домашних лепешек, полмешка картошки, квашеной капусты, кусок сала, две бутылки самогона. Убрала чернильный прибор, она постелила на стол чистую простыню, разложила лепешки, перелила самогон в графин, наварила картошки. В общем, получилось не хуже, чем у людей. Пришла Катя с букетиком цветов, ее отец, Евгений Иванович, старая Лизина няня.

Пили за здоровье молодых мутную самогонку, ели картошку с капустой. Василий без устали хвалил Ефросинью:

— Молодчага сестра, выручила, а то я и не знал, чем угостить. Вчера получил паек — три селедки и полфунта растительного масла, да и те забыл на работе!..

Вот так и вошла Лиза навсегда в его беспокойную жизнь. Вошла — и приняла, наравне с ним, все тяготы и тревоги.

Кроме семьи Кати и Григория, у Лизы не было никого на целом свете, и когда она говорила о «своих», то имела в виду именно их...

Наступил рассвет. Улицы постепенно заполнялись шумом. Спешил на работу рабочий люд, появились дворники и мусорщики, разносчики молока, овощей и свежих булок. Деловая жизнь Парижа началась...

В конторе Василия ждало извещение, приглашающее господина Кочека посетить американское генконсульство в Париже «в любое удобное время с девяти часов утра до пяти часов вечера, кроме воскресенья». Это озадачило Василия, и он позвонил Джо Ковачичу.

— Алло, Кочек, могу поздравить вас! — весело закричал тот. — Получено указание выдать вам визу. Я еще вчера звонил вам, чтобы сообщить эту приятную новость и потребовать угощения, но, к сожалению, не застал вас!

— Спасибо. Угощение за мной! Когда я могу получить визу?

— Хоть сегодня.

За визой Василий поехал вечером с тем, чтобы пригласить Ковачича поужинать. Формальности не отняли много времени, и через какой-нибудь час они сидели вдвоем в кавказском ресторане, ели шашлык, пили терпкое красное вино. Джо уверял, что лучшего места для жизни, чем Париж, на всем свете не отыскать.

— Народ здесь легкий, веселый, жизнь приятная, не то что у нас в Штатах.

— Чем же не нравятся вам Штаты?

— Люди у нас скучные, все заняты только одним — делать доллары, до остального нет никакого дела. Впрочем, скоро вы сами все увидите...

— Скажите, Джо, а как американцы и вы лично относитесь к фашизму? — спросил Василий.

— По-моему, никак!

— Разве вы не знаете, какие зверства творят в Германии наци?

— Ну и черт с ними! Если им нравится пожирать друг друга, пусть едят на здоровье. От этого ничего в мире не убавится и не прибавится.

— А не ошибаетесь ли вы, Джо? — спросил Василий. — Фашисты претендуют на мировое господство. И если им не помешать, они поработят все народы... Кстати, не исключена возможность, что начнут они с моей и вашего отца родины...

— Неужели? — американец удивленно уставился на Василия. — Возможно, вы правы... Плохо быть маленьким народом и иметь рядом сильных соседей. Сильные всегда пожирают слабых. У нас в Штатах идет непрекращающаяся конкуренция, и в этой борьбе всегда побеждают сильные, — таков закон природы!

— К сожалению, речь идет о другом! На карту поставлены судьбы народов. Неужели такая могущественная страна, как Америка, не придет на помощь слабым? Не исключена возможность, что Франция примет на себя первый удар. Немецкие генералы злопамятны, они не забыли поражение в прошлой войне!

— Заранее скажу: что касается наших, то они пальцем не пошевельнут ради чужих интересов! Другое дело, если запахнет наживой, — тогда Америка выступит в защиту кого угодно, хоть черта! — смеясь сказал Джо Ковачич.

Василию показалось, что в разговоре с американцем он зашел слишком далеко.

— Ладно, — сказал он, — чего ради нам ломать голову над вопросами, которые нас не касаются?.. Поживем — увидим, не так ли?

— Поживем — увидим! — согласился Джо и тут же добавил: — А все-таки моему старику будет обидно, если немцы тронут Югославию!..

Наконец пришла долгожданная телеграмма от Лизы из Страсбурга. Встретив ее на вокзале, Василий с тревогой смотрел на жену, — за короткое время она сильно изменилась: похудела, лицо бледное.

— Что с тобой, Лиза?

— Ничего... Просто устала, переволновалась...

Дома, за завтраком, она рассказала о своих приключениях.

— Понимаешь, я страшно испугалась, глядя в холодные глаза фашистского офицера... Впервые поняла отчетливо, что мы с тобой играем со смертью...

— Не следует так говорить, — остановил ее Василий. — Умереть можно по-всякому: пойдешь по улице, упадет с крыши на голову кирпич — и готово! Или угодишь под колеса автомобиля... Если уж суждено умереть, то на посту!..

Не успела Лиза отдохнуть после поездки, как пришло сообщение от «отца», что отпуска их отменяются: Лизе необходимо срочно ехать в одну из Балканских стран через Италию, как было условлено. Откладывалась и поездка Василия в Америку.

10

Лиза разъезжала по городам Италии — побывала в Пизе, Ферраре, Сиене, Флоренции. С неослабевающим душевным волнением посещала прославленные музеи и картинные галереи, дивясь человеческому гению, создавшему бессмертные произведения искусства. Люди возвели величественные соборы, построили дворцы из мрамора и гранита, заполнили их картинами и скульптурой. Но человеку мало всего этого, — вместо того чтобы самому создавать прекрасное, он захотел присвоить богатства соседа. По улицам старинных городов Италии шагают чернорубашечники, горланят песни, полные ненависти к другим народам. С балкона римского дворца раскормленный, как боров, дуче призывает молодежь — наследников римских легионеров, как он ее называет, — быть готовой к завоеваниям чужих территорий. В соборе святого Петра папа публично благословляет Муссолини и Гитлера на подвиги во славу церкви, хотя всему миру известно, что фашисты в Германии преследуют католиков и воскрешают языческий культ древних германцев.

В Италии светит солнце, к покою призывает голубая гладь Неаполитанского залива. По вечерам звучат песни — не те, которые горланят фашистские молодчики, а которые всегда пели и поют здесь рыбаки, уличные торговцы, гондольеры... И тогда Лизе хорошо, спокойно, она наслаждается своим путешествием. Останавливается в хороших гостиницах, ни в чем себе не отказывает, — Василий щедро снабдил ее деньгами. «Постарайся хорошенько отдохнуть, — сказал он ей на прощанье, — учти, что нам не часто выпадает такое счастье — побывать беззаботным туристом в самой прекрасной стране». И все же что-то постоянно гложет сердце, а по ночам мучает бессонница. Впереди у нее трудное дело. Разве исключена возможность провала? Конечно, она постарается быть всегда начеку, но не все зависит от нее, могут быть любые случайности. Достаточно вспомнить случившееся на германо-французской границе...

Под окнами гостиницы опять горланят чернорубашечники — кричат о своем желании восстановить великую Римскую империю, наследниками которой являются... В жилах у них течет кровь непобедимых легионеров! Жалкие маньяки, — не понимают, что к прошлому возврата нет. Что сохранилось от этого прошлого? Воспоминания и развалины...

До конца студенческих каникул оставалось немногим больше месяца. За этот короткий срок ей нужно многое успеть в чужой стране, в которой она не знала ни одной живой души, не имела ни одного надежного адреса. Знала по имени только профессора Николаи, производящего археологические раскопки...

Последним пунктом своего путешествия по Италии Лиза избрала Венецию. Прожив пять дней в одной из гостиниц на Лидо, совершенно очарованная этим сказочным городом — «каменным лотосом», она купила билет второго класса и села на небольшой пароход, похожий на тот, на котором они плыли с Василием в Марсель.

Было очень жарко, даже море не приносило прохлады. Пассажиры, изнемогая от скуки и жары, не знали, куда себя девать. Слонялись по палубе, часами дремали под тентами в шезлонгах.

На второй день плавания Лиза заметила двух детей — семилетнего мальчика и девочку лет пяти, бегающих по палубе. Когда дети, устав от беготни, присели возле нее, Лиза заговорила с ними. Они пришли в восторг от того, что она говорит с ними на их родном языке.

— В Италии никто нас не понимал! Итальянцы такие невежественные, не знают немецкого языка, — сказал мальчик.

Подошла молодая женщина.

— Вот вы где! Мои дети не наскучили вам? — спросила она улыбаясь.

— Мы только что познакомились, — ответила Лиза, — и потом, они такие милые!

Женщина, продолжая улыбаться, протянула ей маленькую руку:

— Гертруда Дитрих!..

Лиза назвала себя.

Они разговорились. Выяснилось, что Гертруда — жена директора немецкого банка в том самом городе, куда должна была поехать из Италии Лиза. Они всем семейством проводят отпуск в Италии.

Подошел рослый мужчина с рыжими усами, в белом костюме.

— Познакомьтесь, мой муж Иоганн Дитрих, — представила его Гертруда, а сын ее сказал:
— Папа, знаешь, фрейлейн Марианна разговаривает по-немецки, как мы!
— Очень приятно, — Дитрих поклонился. — По-видимому, фрейлейн немка?
— Не совсем, — ответила Лиза. — Отец мой словак, а мать немка из Восточной Пруссии. Хотя и ношу фамилию отца, но его помню плохо, — он умер, когда мне было три года, и мы с мамой остались одни.

— Насколько мне известно, национальность по закону определяется по отцу! — сказал Дитрих.

— Ну, какая же я славянка! Не знаю ни одного словацкого или чешского слова...

— Приведенные вами доводы кажутся убедительными, — в самом деле, вы не только рождены немкой, но и воспитаны ею. Следовательно, вас можно считать немкой. Немкой от смешанного брака, — подчеркнул все же Дитрих. И спросил: — Вы тоже проводили отпуск в Италии?

— Нет, я учусь в Сорбонне. И мне нужно было собрать материал для дипломной работы... Сейчас направляюсь туда же, куда и вы... Ведь там, в окрестностях города, проводятся археологические раскопки не то древнеримского городища, не то военного укрепления под руководством профессора Николаи. Вот только не знаю, допустит ли он меня к раскопкам...

— Профессор Николаи большой оригинал. От него всего можно ожидать!

— Вы знакомы с профессором?

— Немного, — усмехнулся Дитрих. — По приезде мы попросим его оказать вам содействие. Думаю, что профессор не откажет. Как ты полагаешь, Гертруда?

— Разумеется, он не откажет тебе, Иоганн! — поспешила с ответом жена.

— Я буду вам так благодарна, герр Дитрих!..

Лиза была сегодня, что называется, в ударе: легенда об умершем отце и матери-немке пришла в голову мгновенно. Этот Дитрих, без сомнения, наци или сочувствующий им. Она сразу поняла, что случайное знакомство с немецкой семьей на пароходе может послужить ей мостиком для проникновения в немецкое общество города. И тут же, на ходу, приняла решение, что нужно использовать для знакомства с профессором Николаи не письмо из Чехословакии, а влияние директора немецкого банка в том городе, где ей предстояло некоторое время жить и работать. Конечно, она затеяла рискованную игру, но, как любит повторять Василий: «В нашем деле без риска нельзя. Только риск должен быть разумным...»

Настало время обеда. Девочка так и вцепилась в ее платье: «Фрейлейн Марианна, пойдете с нами, пожалуйста!»

— Действительно, почему бы вам не пообедать с нами в первом классе? — обратился к ней Дитрих.

— С удовольствием, я только должна переодеться!

За табльдотом кроме Лизы и семьи Дитрих сидел еще мужчина средних лет, круглолицый, чисто выбритый, с солидным брюшком. Когда Дитрих представил ему Лизу, он церемонно поклонился и сказал:

— Альберт Орковский, к вашим услугам!

Гертруда шепнула Лизе на ухо:

— Очень влиятельное лицо в нашем городе...

За обедом больше и громче всех говорил Дитрих. Соковский, сказав две-три незначительные фразы, пил свое пиво.

— Наш город очень красив, фрейлейн Марианна, — говорил Дитрих, обращаясь к Лизе. — Много зелени, большая река, внушительных размеров парки и площади. Поживете у нас — и вам не захочется возвращаться обратно, к своим изнеженным французикам!

— Но они вовсе не мои! — ответила Лиза, мысленно попросив прощения у французских друзей.

— Однако вы, немка, предпочли учиться не в Германии, а избрали Сорбонну.

— Это зависело не от меня. Мой дядя, мамин брат, переехал в Париж и взял меня с собой, — у него нет своих детей...

— Чем он занимается, ваш дядя, в Париже? — Дитрих без малейшего стеснения задавал вопрос за вопросом, словно вел допрос подсудимого, а не беседовал за столом с девушкой.

Это заметил даже Соковский.

— Ну знаешь, Иоганн! — пробурчал он.

— Но ведь нужно знать своих попутчиц!.. Надеюсь, фрейлейн ничего не имеет против моих вопросов?

— О, разумеется! — ответила Лиза, улыбаясь. — Мой дядя коммерсант и довольно богатый человек.

— А ваша мать живет в Чехословакии?

— Да, у нее там небольшой стекольный завод — наследство отца.

— И много дохода приносит этот завод?

— Думаю, что да. Иначе мама не стала бы жить среди словаков, а переехала бы к себе на родину, в Восточную Пруссию, или к дяде в Париж, — он ее все время зовет.

— Ничего! Скоро немцы будут чувствовать себя в Чехословакии совсем по-другому, — вашей

маме недолго терпеть! — сказал Дитрих, переглянувшись с Соковским. Обед пришел к концу, и мужчины, извинившись перед дамами, поднялись на палубу покурить.

Лиза занялась детьми. Пока убирали со стола, она мастерила им из бумаги разных птиц, потом села за пианино, и под ее аккомпанемент дети пели и танцевали, а фрау Гертруда, сидя в сторонке, с улыбкой смотрела, как ее дети веселятся в обществе этой малознакомой девушки...

Вечером, сославшись на головную боль, Лиза рано ушла к себе в каюту. Она долго лежала неподвижно с открытыми глазами и думала, что пролог к спектаклю сыгран как будто неплохо. Сыграть бы взятую на себя роль удачно до конца — до занавеса! Если бы Василий был здесь, он нахвалил бы ее...

Напряжение дня давало себя знать, — голова и вправду разламывалась. Лиза только сейчас поняла, как она устала за эти несколько часов... «А что, если у тебя не хватит сил сыграть роль до конца? — спросила она себя и тут же ответила: — Зачем задавать такие глупые вопросы? Ты же видела холодные глаза Дитриха, — такие люди пощады не знают. Значит, нужно быть сильнее его!..»

Утром Лиза, свежая, отдохнувшая, поднялась на палубу. В Италии она успела загореть — лицо и руки приобрели бронзовый оттенок. Загар очень шел к ней, а белое платье из тонкого полотна подчеркивало цвет ее золотистых волос.

Утро было тихое — ни малейшего дуновения ветра. Вовсю светило солнце, дышалось легко. Тишину нарушал только шум двигателя. Пароход медленно плыл, оставляя за собой на искрящейся глади моря широкую полосу белой пены.

К Лизе подошел толстяк Соковский, в спортивном костюме, с толстой сигарой в зубах.

— Доброе утро, фрейлейн! Как ваша голова?

— Благодарю вас, все хорошо!

— Я всегда утверждал, что покойный сон лучший целитель, чем десять ученых врачей, вместе взятых! В этом платье вы выглядите просто очаровательно. Боюсь, молодежь нашего города, увидев вас, потеряет покой...

Подбежали дети Дитрихов. Соковский покосился на них и замолчал.

Обедали снова вместе. Дитрих расщедрился — заказал вина. Он был в превосходном настроении и после обеда попросил фрейлейн Марианну сыграть что-нибудь.

Лиза не заставила долго уговаривать себя, села за пианино и сыграла вальс Шуберта.

— Ба! Оказывается, помимо всех прочих ваших качеств, вы еще и отличная музыкантша! — воскликнул Дитрих и попросил ее сыграть еще что-нибудь.

За несколько дней пути дети привязались к Лизе, а у взрослых появились явные признаки расположения к ней. Они всегда вместе обедали и ужинали, вместе гуляли по палубе, Лиза часто играла им немецкую классику. Накануне приезда, когда все собрались вечером на палубе и любовались лунной дорожкой на море, Дитрих спросил Лизу:

— Скажите, фрейлейн Марианна, есть у вас в нашем городе знакомые?

— К сожалению, нет.

— Где же в таком случае вы думаете остановиться?

— Еще не знаю. Сниму номер в недорогой гостинице, постараюсь найти себе приличный пансион...

— Не думаю, что гостиница подходящее место для одинокой девушки... Не так ли, Альберт? — обратился Дитрих к толстяку.

— Разумеется.

— Вот что, фрейлейн Марианна, вы можете жить некоторое время с нами, пока мы не подыщем для вас подходящее место в пансионате или в порядочной немецкой семье.

— К нам, фрейлейн Марианна, поедemте к нам! — радостно закричали дети.

— Право, не знаю... мне совестно беспокоить вас!..

— Никакого беспокойства, — вмешалась Гертруда. — Дом у нас большой, свободных комнат много. Паулю и Эльзе тоже будет весело с вами.

Не успели Дитрихи войти в дом и распаковать вещи, как к ним началось паломничество. Создавалось такое впечатление, что все немцы, живущие в этом городе, считали себя обязанными засвидетельствовать свое почтение герру Иоганну Дитриху. Все шумно выражали свою радость по поводу его возвращения, говорили, что без него чувствовали себя сиротами, что за время его отсутствия образовался полнейший застой в делах, для завершения которых требуется и его совет, и личное его вмешательство... Невольная свидетельница этих разговоров, Лиза поняла, что ее хозяин — глава местных фашистов и кроме своих официальных обязанностей директора немецкого банка выполняет особые функции. Что ж, все это было ей на руку!..

Лизу представляли гостям как друга семьи, и все местные немцы стали считать ее «своей», относились к ней доверительно и говорили при ней о таких делах, о которых не стали бы говорить при посторонних. Лиза же старалась как можно реже попадаться на глаза и, когда начинались особо откровенные разговоры, незаметно исчезала. На это обратил внимание Дитрих и как-то сказал жене:

— Знаешь, эта Марианна очень тактичная и скромная девушка, недаром в ее жилах течет немецкая кровь! Будь она чистокровная немка, я предложил бы ей работу воспитательницы наших детей.

— Это было бы чудно! Пауль и Эльза в ней души не чают.

— Нельзя! Детей Иоганна Дитриха не может воспитывать девушка, родившаяся от смешанного брака, — оборвал жену Дитрих.

Толстяк Соковский редко появлялся в доме директора банка, но каждый раз говорил Лизе неуклюжие комплименты.

— Мы вас непременно выдадим здесь замуж и устроим пышную свадьбу!

Фрау Гертруда под большим секретом сообщила Лизе, что Альберт Соковский — доверенное лицо фон Нейрата, его неофициальный представитель, и выполняет здесь особо важное задание.

— Вы должны знать, милая Марианна, что в этой стране живут неполноценные люди, и потому некоторые их политики, стоящие в настоящее время у власти, надеются получить у Франции помощь против нас — немцев. Но их надежды напрасны! У Соковского есть при дворе короля надежные друзья, с их помощью он уберет негодных министров и на их место посадит преданных Германии людей! — выбалтывала она Лизе слышанные от мужа секреты. — Не думайте, что герр Соковский просто флегматичный толстяк. Он — стопроцентный пруссак и все может... Говорят, он лично знаком с фюрером еще по Мюнхену и ссужал его деньгами, когда зарождалась партия национал-социалистов. Соковский чудовищно богат, он владелец большого завода сельскохозяйственных машин и еще кое-чего, о чем не принято говорить громко. Надеюсь, вы понимаете меня, милая?..

Лиза не раз предлагала Гертруде деньги за комнату и питание, но та каждый раз решительно отказывалась. Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить своих хозяев, Лиза играла с Эльзой и Паулем, водила их гулять. После обеда, когда детей укладывали спать, она, взяв путеводитель, бродила по городу, знакомилась с его достопримечательностями, посещала музей. Иногда к ней присоединялся кто-нибудь из местных немцев, — молодые люди старались развлекать красивую девушку, друга семьи Дитрихов, завоевать ее расположение. Лиза охотно прогуливалась с ними по людным улицам — демонстрировала местным властям свои обширные знакомства с влиятельными немцами.

Спустя несколько дней после приезда Дитрих сказал Лизе, что ему удалось связаться с чудачком профессором и, если у фрейлейн Марианны не пропала охота копать в земле, она может съездить к этому Николаю.

— Профессор живет в палатке около своих сокровищ и почти не бывает в городе, — добавил он.

— Вы дадите к нему записку или мне просто сказать, что я от вас?

— Просто скажите, что от меня. Этого будет достаточно!..

Рано утром Лиза, с саквояжем в руках, стояла на обочине-шоссе и усердно «голосовала» проезжавшим мимо машинам. Наконец шофер грузовика затормозил, и она села в кабину рядом с ним. К несчастью, оказалось, что шофер не понимает ни слова из языков, на которых пыталась разговаривать с ним Лиза. Потеряв всякую надежду растолковать ему цель своей поездки, она начала показывать, как копают землю, и повторяла слова: «Профессор, раскопки, понимаете, профессор Николай».

Имя профессора оказалось известным шоферу. Около столба с отметкой «двадцать семь» он затормозил и показал на людей, копошившихся в земле. Расплатившись с шофером, Лиза побежала к ним и без труда догадалась, кто из них профессор Николай.

— Я от господина Дитриха, он говорил вам обо мне, — представившись, сказала Лиза.

— Вы француженка? — профессор внимательно разглядывал просительницу.

— Нет, не француженка...

— Где же в таком случае вы научились так хорошо говорить по-французски?

— Давно живу в Париже, учусь в Сорбонне.

— Скажите честно, вы хотите получить диплом, чтобы принести его своему жениху в приданое, или действительно собираетесь заниматься наукой?

— По мере моих скромных сил хочу заниматься наукой. И буду вам весьма благодарна, если вы разрешите мне участвовать в руководимых вами раскопках, — сказала Лиза.

— Раскопки — не женское дело! Видите, какая у нас грязь, пыль... Впрочем, если вас действительно интересует наша работа, можете приехать к нам и знакомиться со всем, что мы извлекаем из земли, — предметы эти двухтысячелетней давности. Вы умеете рисовать? — спросил профессор.

— Умею немножко.

— Отлично, кое-что срисуете. Видите ту мраморную статую женщины? Она хорошо сохранилась, только чуть-чуть пострадал нос. Она уникальна! Такой вы не найдете ни в одном музее мира. Если есть с собой бумага и карандаш, можете начать рисовать.

— Благодарю вас, вы очень добры!.. Как вы полагаете, здесь было поселение римлян или крепость? У нас много толков по этому поводу.

— Скорее всего, здесь было поселение. Но так как римляне жили в чужой стране, окруженные народом, враждебно настроенным по отношению к ним, они вынуждены были обнести поселение крепостной стеной, широким валом и воздвигнуть сторожевые башни. Однако это не полегло им, — по всей видимости, жители этой страны напали на римлян, уничтожили их и разрушили поселение...

В течение целого часа, под палящим солнцем, старик водил Лизу по развалинам, показывал остатки крепостной стены и башен, давал объяснения.

— Учтите, мадемуазель, — столь же печально завершается участь завоевателей во все века! Если канула в Лету могущественная Римская империя, то что же ждет современных завоевателей?..

Лиза срисовала мраморную статую и, когда солнце склонилось к закату, попрощалась с профессором и поехала в город.

Теперь у Лизы было полное основание пожить в этом городе еще некоторое время. Она мысленно благодарила чудака ученого за то, что он не разрешил ей участвовать в раскопках, — иначе Лизе пришлось бы каждый день ездить в эту пустынную местность и часами копать в земле под палящим солнцем.

Фрау Гертруда, сообщив Лизе, что в пансионате, где обычно останавливаются немцы, освободилась комната, сказала:

— Не понимаю, почему бы вам не жить у нас до самого отъезда? Вы же видите, мы хорошо относимся к вам, а дети мои привязались к вам...

— Я не могу больше стеснять вас, тем более что теперь часто буду чуть свет ездить на раскопки и возвращаться обратно в пыли и грязи...

— Ну, вам виднее! — Гертруда даже немного обиделась. — Надеюсь, вы не покинете нас совсем и хотя бы субботы и воскресенья будете проводить у нас!..

— С удовольствием и благодарностью!

В пансионате, куда Лиза перебралась в тот же день, жили одни немцы — преимущественно молодые мужчины. Женщин было трое, не считая хозяйки, чем-то напоминавшей Лизе фрау Браун.

Многие жильцы пансионата были знакомы с Марианной, как с другом дома Дитриха, и ее появление вызвало всеобщее удовольствие. Они относились к Лизе с полнейшим доверием. Прожив в пансионате всего несколько дней, Лиза уже знала, что все эти господа, обосновавшиеся в стране под личиной коммерсантов, коммивояжеров и представителей разных немецких торговых фирм, не что иное, как агенты разведки и уполномоченные партии национал-социалистов. Они не скрывали, что собираются изменить в чужой стране государственный строй и посадить на министерские кресла угодных им людей. Если этого не удастся достичь «мирным» путем — путем устройства различного рода провокаций и подкупов, то у них в запасе имеются другие, более действенные средства. В частности, они намекали на хорошо вооруженные фашистские отряды из местной молодежи, готовые по первому сигналу двинуться в бой за завоевание власти.

Один, похожий на молодого ученого, немец часто говорил о том, что прибегать к насильственным действиям рановато, — можно взбудоражить всю Европу раньше времени. Другое дело — мирные средства. Кто может помешать королю дать теперешним министрам отставку и поручить формирование нового правительства надежному человеку, который в интересах государства порвет связь с Францией, заключит тесный союз с Германией и приспособит экономику страны к интересам старшего партнера? Законно, мирно и, главное, без шума!

Но среди молодых немцев, проживающих в пансионате, были и горячие головы — сторонники немедленных действий.

— Нам наплевать на мнение Европы! — кричал рыжий молодой немец с веснушчатым лицом. — Кого нам бояться? Изнеженных французики или чопорных англичан, сидящих на своем острове? Остальная мелочь — вроде Бельгии и Голландии — вообще не в счет!..

Эти немцы говорили так, будто если не сегодня, то завтра они станут хозяевами всей Европы и будут диктовать народам свою волю.

По вечерам они пили пиво, горячо спорили, горланили свой гимн — «Германия, Германия превыше всего». С Лизой они вели себя корректно, даже подчеркнуто почтительно. К этому их обязывала железная дисциплина: не могли же они позволить себе вольность по отношению к другу семьи герра Дитриха — вождя местных фашистов!..

Каждую субботу, купив маленькие подарки детям, Лиза отправлялась к Дитрихам. Вечером там собирались более или менее именитые немцы. Здесь тоже не обходилось без пива и сосисок, по пили умеренно, обменивались новостями, и если спорили, то без шума и криков.

Однажды в доме Дитриха появилась новая личность — сухощавый немец лет сорока с брезгливым выражением лица, по фамилии фон Болен. Он только что приехал из Германии и привез массу новостей. По тому, с какой почтительностью приняли гостя, с каким вниманием слушали его, Лиза догадалась, что вновь прибывший — крупная птица среди нацистов.

Сначала он рассказывал столичные сплетни, кого на какую должность назначили, что говорил фюрер в своих многочисленных речах. Завладев вниманием слушателей, он перешел к более важному, придав этому своему сообщению шуточный оттенок.

— На съезде партии в Нюрнберге фюрер вручает знамена штурмовикам города Кельна.

Возвращаясь к себе домой, они несут впереди отряда штандарт, на котором написано крупными буквами: «Страсбург»... Это, видите ли, не нравится послу Франции, господину Франсуа Понсэ. Он является к фюреру в имперскую канцелярию и говорит: «Господин канцлер, мое правительство не может допустить, чтобы штурмовые отряды писали на своих штандартах „Страсбург“, — это звучит как призыв к захвату чужих территорий».

Здесь фон Болен, как опытный рассказчик, сделал паузу, и не ошибся, — сразу раздался голоса: «Что ответил этому нахалу фюрер?»

— Терпеливо выслушав посла, фюрер весьма вежливо отвечает ему: «Я сожалею, что этот факт ускользнул от моего внимания. Смее утверждать, что я никоим образом не помышляю о том, чтобы требовать возвращения Эльзас-Лотарингии! Я знаю хорошо этих каналий эльзасцев, — они не захотят присоединиться ни к Германии, ни к Франции. Следовательно, бесполезно драться из-за них. Я мечтаю лишь о том, господин посол, чтобы в один прекрасный день мне воздвигли памятник как человеку, который установил вечный мир между Францией и Германией. Французскому послу не остается ничего другого, как откланяться и уйти. Вы подумайте, какая мудрая хитрость! Всем ведь известны высказывания фюрера, что мы рано или поздно рассчитаемся с Францией за все — за поражение, за версальский позор и унижения, которые вытерпел немецкий народ. А официальному послу он говорит совсем другое. Попробуй придерись!»

— Хайль Гитлер! — сказал один из гостей, все вскочили и, стуча пивными кружками по столу, закричали: «Хайль, хайль!»

Слушая все эти разговоры, наблюдая за поведением людей, восторгавшихся цинизмом своего фюрера, Лиза внутренне содрогалась. У нее накопилось немало интересных наблюдений, а связи все не было. В свое время на вопрос Лизы, как ей связаться с «отцом», тот ответил: «Ты езжай, приспособляйся к местным условиям, наблюдай и запоминай, — придет время, мы найдем тебя. Прошло много времени, а никто ее не нашел. Скоро студенческие каникулы кончатся, и оставаться ей здесь будет нельзя. Собственно, и смысла в этом нет никакого. Она успела увидеть здесь фашистов в натуральном виде, узнала их мысли, познакомилась с методами их работы. Теперь она твердо знает: у фашистов нет никаких моральных устоев, ничто не может их смутить. Так думала Лиза, не зная, что главное — впереди...

В ту субботу гости разошлись довольно поздно и в столовой остались только трое: хозяин дома, толстяк Соковский и фон Болен. Они о чем-то беседовали.

Спальня Лизы находилась на втором этаже, как раз над столовой, и, когда немцы разговаривали громко, ей все было слышно. Но сегодня эти трое говорили почти шепотом, и ничего нельзя было разобрать. Но вот беседующие внизу забыли об осторожности и постепенно повысили голоса. Фон Болен внушал толстяку:

— Постарайтесь создать впечатление у министра двора, что вручаете ему документ исключительной важности. Скажите ему, что нашей разведке удалось перехватить совершенно секретное письмо министерства иностранных дел Франции к своему послу здесь. Документ этот сфабрикован специалистами по всем правилам искусства. Тут и подлинный бланк министерства, подпись статс-секретаря, шрифт, которым печатают особо важные документы, и даже специальная бумага, которой пользуются французы. Вот этот документ. — Лиза поняла, что фон Болен достал из кармана какую-то бумагу и показал собеседникам. — Здесь говорится, что перед лицом немецкой опасности французское правительство вынуждено пойти на дальнейшее сближение с Советским Союзом. В настоящее время с русскими ведутся предварительные переговоры на предмет заключения военного союза, в результате чего им будет разрешено разместить на территории Франции, по возможности близ франко-германской границы, воинские соединения, численностью до трех армейских корпусов полного состава. Одновременно Франция обязуется оказать русским необходимую военную и иную помощь в случае нападения Германии на СССР. В конце письма говорится, что министерство иностранных дел Франции поручает своему послу подготовить почву для сообщения здешнему правительству об этом соглашении, когда оно будет подписано. Постарайтесь убедить министра, что перед лицом немецкой агрессии у западного мира нет иного выхода, как сближение с Советским Союзом. Как в Париже, так и в Лондоне убеждены, мол, что союз с русскими подействует отрезвляюще на национал-социалистское правительство Германии. Пусть ваш друг, министр двора, внушает здешнему королю мысль, что большевики, разместив части Красной Армии на территории Франции, никогда оттуда не уйдут. Больше того, не исключена возможность, что они потребуют от союзников территориальные уступки за счет Польши, Румынии и Венгрии. Пусть министр двора примет необходимые меры, чтобы не обнародовать содержание письма раньше времени. Но если все же сведения о нем просочатся в печать, тогда нашему другу Дитриху придется организовать мощные массовые демонстрации молодежи, студентов, служащих государственных учреждений с требованием отставки правительства. Целесообразно спровоцировать, по возможности, беспорядки и столкновения с полицией — лучше с человеческими жертвами.

— Может быть, стоило бы вручить копию этого письма местным журналистам, работающим на

нас, чтобы они хотя бы намекнули на первых порах о существовании подобного соглашения между французами и русскими? — спросил Дитрих. — Сейчас это покажется более правдоподобным: ведь во французской прессе раздаются голоса в пользу переговоров с Кремлем. В Париже всерьез поговаривают о поездке в Москву известных русофилов Эррио и Пьера Кота. Учтите, наши люди уже сейчас могут вывести на улицу несколько тысяч человек!

— К этому вопросу мы еще вернемся, когда Соковский сообщит нам, какое впечатление произведет письмо в дворцовых кругах.

— Об этом нетрудно догадаться: в любом конце мира монархи смертельно боятся большевиков, — сказал Соковский. — У меня есть другое предложение. Не лучше ли выбрать более короткий путь — убрать премьера и одним махом разрешить все проблемы?

— Нет, в Берлине считают, что к этому нужно прибегать в самом крайнем случае, когда исчерпаны все другие меры!.. Лично я вполне согласен с такой установкой, для спешки у нас нет особой надобности, — сказал фон Болен. Наступила короткая пауза, — видимо, он размышлял о чем-то. — Впрочем, вы, кажется, правы, дорогой Иоганн: стоит сказать журналистам о существовании такого письма, не раскрывая, разумеется, его содержания. Пусть строят всякие догадки и пишут об этом... Скажите, Соковский, вы успели прибрать к рукам нужных людей в здешней полиции? Я интересуюсь этим на тот случай, если возникнет необходимость в организации демонстрации со всеми последствиями.

— Что за вопрос! Не только в полиции, но и в генеральном штабе армии у нас свои люди, готовые действовать по нашему первому сигналу... Я в жизни не встречал более алчных и продажных людей, чем в этой стране. Здесь за деньги можно купить не только чинов полиции, но и самого короля вместе с королевой, — вопрос в цене! — позволил себе пошутить толстяк Соковский.

— Итак, мы обо всем договорились, — снова заговорил фон Болен. — У меня к вам обоим одна-единственная просьба: постарайтесь, чтобы наши люди не вели себя здесь все-таки слишком вызывающе. Нам ни к чему раздражать местное население.

Скрипнуло кресло, — видимо, приезжий гость встал, встали и остальные.

— Не беспокойтесь! Все будет сделано, и мы уверены, что в Берлине нами будут довольны! — поспешил заверить фон Болен Дитрих.

— Вот и отлично... Кстати, Дитрих, кто эта девушка, которая гостит у вас по субботам и воскресеньям? — спросил фон Болен.

— Немка от смешанного брака. Родилась в Чехословакии, учится в Сорбонне.

— Думаете, у нее все в порядке?

— Абсолютно уверен.

— Не интересовались, как она очутилась здесь?

— Приехала для участия в археологических раскопках, которые ведет профессор Николаи.

— Это не тот ли профессор, который разглагольствовал не так давно о демократии и праве каждой нации выбирать себе способ управления по своему усмотрению?

— Он самый! — ответил за Дитриха Соковский.

— Значит, жив еще! Жаль, очень жаль... Лучше было бы прочитать сообщение о его скоропостижной кончине! — Фон Болен расхохотался.

Рассмеялись и те двое. Соковский сказал:

— Мы об этом подумаем.

От этих слов у Лизы даже дыхание перехватило. Внизу опять перешли на шепот, потом все стихло, гости и хозяин ушли. Но она была слишком возбуждена услышанным, чтобы заснуть. Сообщить бы обо всем «отцу», чтобы наши вовремя разоблачили фальшивку... Но как? Единственная возможность — ехать в Париж как можно быстрее. Нет, и это не годится: отъезд раньше времени может вызвать подозрения, и так фон Болен интересовался ею. Она ведь ни разу не заикнулась, что собирается скоро уезжать. Если бы срочная телеграмма, вызов... К сожалению, некому послать такую телеграмму.

Утром в воскресенье, когда в доме все спали, Лиза сама приготовила для детей завтрак и позвала их в столовую. На столе лежал лист бумаги. Лиза бросила на него быстрый взгляд и успела прочитать заголовок: это была та фальшивка, о которой шла речь вчера ночью.

Как, почему такая сверхсекретная бумага очутилась на столе? Забыли случайно или оставили с определенным умыслом? Неужели ее заподозрили в чем-то? Она, кажется, не давала никакого повода для этого, так в чем же дело? Все это молнией пронеслось в голове Лизы... Конечно, было бы очень эффективно — приехать в Париж и положить на стол бумагу, сфабрикованную в Берлине. Не только рассказать словами о готовящемся заговоре, но и доказать это документом. Соблазн велик, что и говорить. Однако не надо забывать, с кем имеешь дело. О забывчивости таких прожженных людей, как эти, и речи быть не может, — тут явная ловушка. Малейшая оплошность, один неосторожный шаг, и все пропало — погибнешь сама и дело погубишь.

Лизе, как сквозь сон, послышался голос мальчика:

— Фрейлейн Марианна, на столе какая-то бумага! — Он потянулся, чтобы посмотреть.

— Подожди, Пауль, — остановила его Лиза, — разве ты не знаешь, что чужие бумаги читать не

полагается? — Она накрыла листок салфеткой.
Накормив детей, Лиза повела их гулять...

Время бежало быстро, до начала занятий в университете оставались считанные дни, — пора было собираться домой. Лиза поехала за город, на раскопки, чтобы попрощаться с профессором Николаи. Всю дорогу она думала о том, что следует предупредить ученого о грозящей ему опасности — посоветовать уехать отсюда куда глаза глядят. Нет, делать это ей, Лизе, нельзя ни в коем случае. Профессор первым делом спросит ее, откуда она знает о том, что ему, чело-веку абсолютно мирной профессии, грозит опасность. Ясно, что Лиза не сможет дать удовлетворительного ответа. Тогда он посчитает ее за сплетницу, интриганку, может подняться шум, история эта дойдет до ушей фашистов, и они поймут все... Помочь профессору необходимо: приехав в Париж, она попросит Василия или самого «отца» найти способ и спасти его. Они такой способ найдут!..

Накануне отъезда Лиза купила детям игрушки и отправилась к Дитрихам прощаться. Она горячо поблагодарила их за все хорошее, что они сделали для нее, обещала писать из Парижа.

Пожелав Лизе доброго пути, Дитрих спросил, не желает ли она проститься также с Соковским.

— Я бы с удовольствием, но мне неудобно одной идти к нему!

— В таком случае я пойду с вами.

— Что вы! Зачем вам беспокоиться? — Лиза насторожилась: с чего бы такая настойчивая любезность? Но тут вмешалась Гертруда:

— Иоганн проводит вас, тем более что Соковский живет в нескольких кварталах от нас.

Лизе поневоле пришлось согласиться.

Соковский жил в небольшой вилле, недалеко от Дитрихов. Дверь открыл дюжий молодчик двухметрового роста. Узнав директора банка, он поклонился и пропустил гостей в дом. Проводил их в кабинет хозяина другой молодой человек, с военной выправкой, ростом чуть ниже первого. При виде их Лизе стало не по себе, по она сразу взяла себя в руки и спокойно поднялась по лестнице на второй этаж.

Кабинет Соковского был роскошно обставлен. На полу ковер, заглушающий шаги, мягкая мебель, обтянутая светлой парчой, шкафы, набитые книгами, огромных размеров письменный стол, на стенах картины.

Увидев вошедших, Соковский отложил иллюстрированный журнал, который читал, и вскочил с кресла.

— О, кого я вижу! Какой приятный сюрприз для меня!

— Я пришла попрощаться, а герр Дитрих любезно согласился проводить меня, — сказала Лиза.

— Уже покидаете нас?

— Да, скоро начнутся занятия в университете...

Соковский сделал два шага и очутился возле Лизы. Правой рукой он схватил ее за подбородок и посмотрел прямо в глаза.

— Скажите, студентка, вы действительно та, за кого себя выдаете?

— Я вас не понимаю, — тихо проговорила Лиза.

— Так и не понимаете? — Он опустил руку.

— Нет! — Лиза достала из сумочки кружевной платок и, делая вид, что вытирает слезы, закрыла им лицо, чтобы не заметили ее волнения.

— Почему вы плачете? — На этот раз вопрос был задан мягко, почти ласково.

— Мне... обидно...

— Обидно? Почему обидно?

— Я вас так уважала... так была благодарна всем — и ффрау Гертруде, и герру Дитриху, и лично вам... за ваше внимание ко мне... И вдруг — такие слова! — Лиза лихорадочно вспоминала, есть ли у нее с собой или в вещах хоть что-нибудь компрометирующее. Как будто бы ничего. Паспорт, студенческий билет, тетрадь, заполненная записями о раскопках. Привезенное с собой письмо на имя профессора Николаи давно уничтожено. Она помнила, что тщательно проверила записи в паспорте и не нашла там никаких указаний на то, что она замужем. Значит, это просто психологическая атака! Правда, они могли проверить, есть ли в действительности у нее мать, владелица стекольного завода в Словакии, но пока об этом никакого разговора не было.

Она заметила, как Дитрих и Соковский переглянулись, последний даже покрутил кончики усов.

— Успокойтесь, я пошутил!.. Желаю вам счастливого пути... Но учтите, фрейлейн Марианна, если вы нас обманули и будете болтать лишнее о виденном и слышанном здесь, — берегитесь. Мы вас найдем всюду. Поняли? — с такими грозными словами Соковский отпустил Лизу.

Только на улице она почувствовала, как неприятно прилипла к телу сорочка. Вздохнув полной грудью, Лиза подумала: «Кажется, пронесло и на этот раз!..»

Солнце пригревало все сильнее, парижская весна была на исходе. На улицах и бульварах — много гуляющей публики. Появились и туристы, среди них много немцев. «С чего бы это?» — недоумевал Василий. Без Лизы Париж казался ему Скучным, пустынным. Она все еще не возвращалась, но давала о себе знать, и он сильно тревожился. Он ведь даже адреса ее не знал. Впрочем, даже если бы знал, все равно писать было нельзя.

По вечерам Василию не хотелось ехать в пустую квартиру, где все напоминало о Лизе, и он большую часть свободного времени проводил в спортивном клубе — иногда играл, а чаще просто беседовал с друзьями. Туда же приезжал и Сарьян, они вместе обедали, потом отправлялись к журналисту и работали в саду до наступления темноты.

Все попытки Василия связаться с «отцом» и узнать о Лизе ни к чему не привели. «Отец» словно в воду канул: письма, отправленные ему, оставались без ответа. Василий терялся в догадках. Не находя иного выхода, он решил разыскать фрау Шульц. При нормальных обстоятельствах он не стал бы встречаться с нею, — делать это не полагалось по целому ряду причин, по неясность положения служила ему некоторым оправданием.

Василий разыскал фрау Шульц в модном ателье. Обращаясь к ней, спросил:

— Моя жена заказывала у вас вечернее платье. Она в отъезде и поручила мне узнать, готово ли оно?

— Готово, пройдите сюда, я вам покажу. — Фрау Шульц сразу поняла, о чем речь, и провела Василия в маленькую комнатку за приемным залом.

Выяснилось, что и она обеспокоена отсутствием вестей от «отца».

— Ни писем, ни курьера — ничего! Сама не пойму, в чем дело! — Она сообщила, что с Браун встречается редко, — стенографистка уклоняется от регулярных встреч и вообще ведет себя странно, нервозно, никаких заслуживающих внимания сведений не приносит, хотя от получения денег не отказывается.

— Чем вы объясняете все это? — спросил Василий.

— Признаться, особенно голову над этим не ломала, потому что, если бы она и сообщила что-то достойное внимания, я все равно ничего не могла бы предпринять, — связи у меня нет никакой.

— Если все же Браун сообщит вам интересные новости, дайте, пожалуйста, знать. Звоните по моему прямому телефону в контору, — сказал Василий, простился и ушел.

Ганс Вебер реже стал появляться в клубе, а играть в теннис вовсе перестал. Придет на короткое время, полистает журналы, выпьет в баре бокал вина и исчезнет надолго. Василию хотелось поговорить с ним, но сделать это наедине с Вебером ему не удавалось, продемонстрировать же при сложившихся обстоятельствах свою особую близость с секретарем генерального консульства Германии не хотелось. После встречи с фрау Шульц Василий все же решил выяснить у Вебера кое-что касательно стенографистки: ее нервозность, о которой говорила фрау Шульц, вызывала в нем некоторую тревогу.

Однажды, увидев Вебера в читальном зале перелистывающим иллюстрированный журнал, Василий подсел к нему и шепотом, как и полагалось в этом месте, пригласил поужинать.

— Нужно поговорить с вами...

Вебер понимающе кивнул головой. Спустя короткое время он появился в ресторане и подсел к столику Василия. От ужина он отказался — заказал себе кофе. Вид у него был озабоченный.

— Почему вы стали редко появляться здесь? — по-дружески спросил его Василий.

— Обстоятельства! — неопределенно ответил Вебер и, понизив голос, добавил: — Спортивный клуб считается у нас рассадником демократических идей и антигерманских настроений. Посещение его не особенно поощряется нашим начальством...

— Скажите, вы знаете что-нибудь о фрау Браун?

— Что именно?

— Говорят, в последнее время она что-то очень уж нервничает...

— Предполагается, что скоро сменят весь состав немецких дипломатических работников, долго живших в Париже. Не исключено, что это коснется и Браун.

— Разве так уж плохо поехать на родину?

Вебер посмотрел на Василия с улыбкой. Его взгляд как бы говорил: «Вы действительно наивный или хотите показаться таким?»

— Неужели вы всерьез полагаете, что очень приятно возвратиться в наш третий рейх? Браун была здесь сносно обеспечена материально, пользовалась относительной свободой, заводила себе любых кавалеров... Там она будет не только под надзором, но и не сможет встречаться с мужчинами не арийской расы. Вот и волнуется дамочка в предвидении всяких неприятностей...

— Спасибо, я все понял. А как обстоит дело с вами?

— Думаю, что меня тоже скоро отзовут, по когда именно — затрудняюсь сказать.

— В Германии будьте предельно осторожны! Я видел своими глазами, что там творится...

— Вы думаете, я не знаю?

— Еще одно: я вас попрошу — предупредите меня или Сарьяна в случае отъезда. И не

забудьте оставить мне ваш берлинский адрес.

— Оставлю обязательно. Я больше чем убежден, что мы с вами еще встретимся... Встретимся в свободной Германии! Не может быть, чтобы восторжествовало варварство. Не вся же Германия состоит из фашистов.

— Разумеется, нет, но преградить путь варварству можно только борьбой! — Василий посмотрел на своего собеседника, — тот сидел мрачный, с полузакрытыми глазами.

— Мы и будем бороться! Будем во что бы то ни стало. — Вебер поднял голову, его худощавое лицо стало жестким.

— В случае надобности вы всегда можете рассчитывать на мою помощь и поддержку, — сказал Василий.

— Я это хорошо знаю. — Вебер поднялся. — Мне пора. — Он крепко пожал руку Василию и пошел к выходу.

Василий смотрел ему вслед и думал о том, что Веберу будет не легко. Ставя перед собой задачу бороться с фашизмом в Германии, он рисковал годовой. Но Василий верил, что такие, как Вебер, не отступают, не дезертируют с поля боя...

В конторе, беседуя с Борро, Василий предложил отправить Клода Гомье в Америку.

— Клод ведь мечтал об этой поездке. Пусть выполнит в Америке поручение нашей фирмы и одновременно позондирует почву, — может быть, ему удастся и на самом деле найти что-либо интересное для нас.

— Может быть... Но об этом лучше всего спросить у самого Клода! — Борро помолчал, потом спросил: — Скажите, мсье Кочек, вы действительно хотите дать Клоду поручение в Америке или считаете целесообразным сплавить его отсюда?

— Анри, давайте поговорим в открытую и раз и навсегда пойдем друг друга!.. Я знаю, что Клод, Доминик и вы — подлинные патриоты. Вы ненавидите фашизм, не хотите отдать свою родину на поругание фашистам. Это хорошо — так и должно быть: ни один честный человек, если он к тому же талантлив, не может мириться с тем варварством, которое приносит с собой фашизм. Но согласитесь — одними карикатурами и плакатами, как бы они ни были остры, одолеть такого коварного и злобного врага невозможно. Необходимо сочетать разнообразные формы борьбы. Ваш же друг Клод, человек увлекающийся, чрезмерно горячий, может навлечь на себя, и не только на себя, уйму неприятностей, ничего не достигнув при этом...

— Может быть, — снова сказал Борро.

— Не может быть, а именно так. Здесь, во Франции, имеются в среде имущих классов многочисленные сторонники Гитлера. Не потому, что они обожают главаря немецких фашистов, — нет, а потому, что смертельно боятся коммунистов. Сторонники Гитлера создают организации, их финансируют, причем финансируют весьма солидно. Они тайно вооружаются, выступают в печати, говорят речи с трибуны Национального собрания и готовят общественное мнение к тому, что приход фашистов к власти якобы неизбежен. А вы ограничиваетесь печатанием плакатов и рисованием карикатур. Этого мало, слишком мало. Если вы хотите всерьез бороться, беритесь за дело как следует, создавайте свою организацию, сплотите вокруг себя лучшую часть молодежи Франции, научитесь конспирации, сумеете жертвовать малым ради большого. Вы поняли меня?

— Понял, — ответил художник, глядя Василию в глаза.

— Итак, пусть Клод съездит в Америку. Посоветуйте ему не слишком торопиться с возвращением...

— Я скажу ему. — Борро встал. — Мсье Кочек, у вас есть ко мне еще вопросы?

— Вопросов нет, а есть просьба. Сделайте все возможное, чтобы нам и в Америке оказаться победителями. Это очень важно для нас. В случае успеха мы переключимся главным образом на выполнение заказов для Америки и откажемся от мелких заказов.

— Клод и Доминик работают с большим увлечением, им тоже хочется показать себя американцам. Надеюсь, мы добьемся успеха, — ответил Борро, явно думая о чем-то другом...

Василий давно уже не виделся с Ковачичем и в один из свободных вечеров позвонил ему и спросил — не желает ли господин вице-консул пообедать с бедным коммерсантом?

Джо Ковачич с удовольствием принял приглашение, и они условились встретиться в шесть у «Максима». Зная, что в этом дорогом ресторане не всегда бывают свободные места, Василий заранее заказал столик по телефону.

Василий давно вынашивал идею получить при помощи Ковачича американский паспорт, но все откладывал разговор. Он хорошо понимал, что при теперешней международной обстановке с его чехословацким паспортом далеко не уедешь, а в недалеком будущем и вовсе можно остаться без подданства. К такому заключению Василий пришел после поездки в Германию.

Ковачич, как настоящий джентльмен, появился в ресторане минута в минуту — в шесть часов. Увидев Василия за столиком, весело окликнул его:

— Хэлло, Кочек! Как поживаете, старина?

— Отлично! Садитесь сюда. Я соскучился по вас, Джо!

Василий заказал роскошный обед, коньяк, вино, шампанское. Вице-консул умел пить не пьянея.

За десертом разговор зашел о делах Василия.

— Все было бы о'кэй! — сказал Василий. — Вот только жаль, что с каждым днем я все сильнее чувствую свою неполноценность...

— Неполноценность?

— Представьте себе, да!.. Я ведь подданный Чехословацкой республики, а не США, как вы. Боюсь, что в недалеком будущем, взяв в руки мой паспорт, чиновники и даже портье в гостиницах будут недоумевать: что, мол, еще за такая страна — Чехословакия? Когда я был в Германии, немцы не скрывали своего презрения ко мне, и, если хотите, я еле ноги унес оттуда... Скажу вам доверительно, что дело идет к развязке: немцы оккупируют мою родину, и тогда моему паспорту вообще будет грош цена!

— Ну нет! Не может быть, чтобы немцы рискнули на такой шаг. Нельзя же, в самом деле, заниматься разбоем среди бела дня! — Ковачич недоверчиво покачал головой.

— Очень даже можно!.. Не успел Гитлер прийти к власти, как судетские немцы заговорили об автономии. Поверьте мне, это только начало, самое страшное впереди. Скажу вам больше: не только Чехословакия, но и родина ваших предков под угрозой.

— Впрочем, вы, вероятно, правы: от фашистов всего можно ожидать. Беда заключается в том, что из-за боязни большевиков никто им не станет мешать! — согласился Ковачич.

— Джо, ради нашей дружбы, помогите мне получить американский паспорт! — сказал вдруг Василий, не сводя глаз с американца.

— Это очень трудно, очень!.. Чтобы получить подданство, нужно родиться в Штатах или жить там долго, не менее десяти — пятнадцати лет...

— Если б было легко, я не стал бы обращаться к вам. Для меня это вопрос жизни и смерти. Я считаю себя удачливым коммерсантом, начал на голом месте, накопил значительное состояние, а что толку? Завтра все может пойти прахом... Готов нести любые расходы, только помогите!

— Дело не в расходах! — Вице-консул досадливо поморщился. — А в возможностях...

— Всю жизнь буду вам обязан!

— В данный момент ничего не могу вам обещать. Если подвернется подходящий случай, дам вам знать...

Они выпили еще бутылку шампанского, и Василий довез Ковачича до особняка, в котором помещалось консульство США, а на втором этаже жили его сотрудники.

Поставив машину в гараж, Василий решил пройтись по ночному городу. Было тепло, как летом. Много гуляющей публики. За мраморными столиками, поставленными прямо на улице, перед кафе и ресторанами, сидели пожилые люди и глазели на проходящих. На каждом шагу слышались звуки модных песенок. Париж гулял, Париж веселился. А на душе у Василия было тревожно. От Лизы все еще никаких вестей. «Отец» тоже молчит... Неужели ему, Василию, суждено всю жизнь провести в тревоге? Так ведь можно и состариться, не увидев светлого дня, не испытав никаких радостей. Разве это жизнь — всегда начеку, днем и ночью, утром и вечером. Взвешивать каждое свое слово, прежде чем его произнести... Даже сегодня утром, в разговоре с Борро, парнем безусловно честным, порядочным, пришлось прибегать к намекам. Видимо, Борро мучается в догадках; что за человек этот Кочек, чего он добивается? С одной стороны, дает советы, как лучше бороться с фашизмом, с другой — отсылает Клода в Америку, чтобы, упаси бог, тот не бросил тень на рекламную фирму «Жубер и компания». Бедный парень ломает голову над этими вопросами, а спросить прямо не решается... Или взять того же Ганса Вебера! Открыться бы перед ним, — ведь нет никакого сомнения, что Вебер настоящий антифашист и в будущем может быть полезным помощником. Нет, пока нельзя, — как говорит «отец», несозревшие плоды не срывают. А кто знает, когда они созреют?.. Что Вебер, — даже с таким близким и верным другом, как Сарьян, и то приходится держать себя в строгих рамках. Такая уж, видно, у него судьба, и ничего тут не изменишь! Василий вздохнул и стал думать о другом.

В последнее время страницы французских газет пестрели сообщениями о тенденциях правительства, направленных к сближению с Советским Союзом. Писали о визите в Москву Эррио и Пьера Кота. Казалось бы, все логично, правильно, так и должно быть. Всеми миру известно, что между Францией и Россией всегда существовали дружеские отношения, и теперь, когда в соседней Германии раздаются воинственные крики, для Франции остается единственный выход: заручиться поддержкой могущественного Советского Союза, в случае если эти крики перейдут в агрессивные действия. Но выяснилось, что, посылая в Россию Эррио и Кота, сторонников сближения с русскими, кабинет министров не наделил их никакими полномочиями, — им вменялось в обязанность только прощупать настроения Кремля. Другими словами, правящие круги Франции прибегли к не очень хитрому маневру: пустили дымовую завесу, желая показать Гитлеру, что если он попытается так или иначе посягнуть на интересы Франции, то она найдет себе сильного союзника в лице коммунистической России.

Недавно в спортивном клубе Маринье сообщил Василию, что русские предложили представителям Франции заключить военный союз, но французы отступили, чем и подтвердили лишний раз, что на берегах Сены никто не помышляет о серьезных перспективах союза с Советской Россией. Поняв маневр французского кабинета, русское правительство, видимо, вынуждено будет

выработать самостоятельную линию поведения. А ведь, чтобы противостоять Германии, Франция нуждается в помощи России, иначе она не устоит. Недаром такие крупные военные специалисты, как генералы Вейган и Делаттр де Гассинье, горячо поддерживают идею союза с Россией.

— Боюсь, как бы в конечном счете мы не перехитрили самих себя! — сказал Маринье в заключение.

«Значив — подумал Василий, — у нас в Москве раскусили нечестную игру французского кабинета, не дали обвести себя вокруг пальца, не захотели стать громоотводом для французской буржуазии, желающей, с одной стороны, невинность соблюсти, а с другой — капитал приобрести! Нет, шалишь, времена не те: в России не царь, а большевики стоят во главе государства, а они никогда не захотят участвовать в нечестной игре!..»

А Гитлер становился все более наглым. То ли поняв несерьезность переговоров Франции с русскими, то ли желая окончательно упрочить свои позиции, он прибег к новому трюку — распустил рейхстаг и объявил о предстоящем 12 ноября 1933 года плебисците.

Неожиданная сенсация! Плебисцит дает Гитлеру сорок миллионов пятьсот тысяч голосов.

Результаты плебисцита в Германии потрясли Европу, и политики, возлагавшие свои надежды на непрочность положения фашистского диктатора, пришли в уныние. Отныне всем приходилось считаться с человеком, единолично правившим большим государством в центре Европы и помышляющим о мировом господстве.

Предположения «отца» оправдались полностью: мировые события разворачивались с необыкновенной быстротой и фашизм становился реальной угрозой для всего человечества. Увеличивалась ответственность и Василия. А он сидел сложа руки. «Отец» не подавал о себе вестей, и всякая связь с ним прекратилась. Нужно же было такому случиться именно сейчас, в разгар таких политических событий! Будь здесь Лиза, Василий поехал бы домой сам или послал бы ее, но сейчас об этом даже думать нельзя!

На следующий день, утром, секретарша доложила Василию, что некий мсье Франсуа Ренар просит принять его.

— Просите! — Василий торопливо встал из-за стола и пошел навстречу старому компаньону.

Переступив порог кабинета, обставленного дорогой мебелью, Ренар оценивающе огляделся по сторонам. Он мало изменился — такой же плотный, краснощекий, с брюшком. Вот только костюм на нем был модный, из дорогого материала, хотя и приобретенный в магазине готового платья.

— А-а, дорогой Ренар! Я рад видеть вас в добром здоровье! — Василий обнял гостя, усадил его в кожаное кресло. — Рассказывайте, как живете, как идут дела?

— Я тоже очень рад видеть вас, Кочек! Жаловаться не приходится, с вашей легкой руки все идет отлично. Мы ведь расширили дело — у нас теперь не мастерская, а авторемонтный завод. Правда, небольшой, но все же завод! — Похоже, толстяк, став заводчиком, приобрел привычку говорить о себе во множественном числе.

— Поздравляю! Значит, осуществились ваши мечты?

— Еще как!.. У нас работает сорок человек рабочих и мастеров. Построили новый цех для окраски машин, установили небольшой конвейер. Помните, еще при вас поступило предложение от одной парижской фирмы по продаже подержанных автомобилей? Так вот, мы сейчас полностью обслуживаем эту фирму. Доходы приличные, грех жаловаться. Кстати, я принес вам деньги, — Ренар полез в карман пиджака, достал пачку денег и положил ее перед Василием. — Пожалуйста, посчитайте и, если не трудно, верните мне вексель.

Василий открыл стенной несгораемый шкаф, положил туда, не считая, деньги и достал вексель.

— Спасибо, что вы не забыли меня. Я рад, что эти деньги пригодились вам! — Василий позвонил и попросил секретаршу подать фрукты и коньяк.

— О нет, днем, в рабочее время, я спиртного в рот не беру! — Ренар наотрез отказался от коньяка.

— В таком случае — лимонад, мороженое?

— Пожалуй, это можно! — Он еще раз оглядел кабинет Василия. — Вижу, ваши дела тоже процветают!.. Впрочем, я знал, что вы, с вашей деловой смекалкой, далеко пойдете. Не только знал сам, но и говорил об этом неустанно мсье Дюрану и нашему мэру.

— Как они поживают? Я давно ничего не слышал о них, — поинтересовался Василий.

— Без особых перемен, если не считать, что мсье Дюран еще больше разбогател — купил новые земельные участки под виноград. Он утверждает, что скоро цены на землю подымутся в два-три раза. У Дюрана особый нюх, он редко ошибается. Если у вас есть свободные деньги, вложите их в землю. Уверю вас, не ошибетесь! Я мог бы подыскать для вас подходящие участки...

— Вы очень добры ко мне, Ренар, но, к сожалению, я не смогу воспользоваться вашим советом.

— Это почему же?

— По очень простой причине. Все мои попытки получить французское подданство не увенчались успехом. Следовательно, рано или поздно мне придется вернуться на родину.

— Просто удивительно, о чем думает наше правительство? Если не дать французское подданство такому полезному республике человеку, как вы, кому же тогда давать? — искренне

сокрушался толстяк.

Пообещав при первой возможности побывать у него, Василий попросил передать поклон всем друзьям и проводил Ренара до самой улицы.

Вечером за Василием заехал Сарьян и увез его к себе. Пока Жаннет хлопотала об ужине, друзья, переодевшись, пошли в сад. Василий окапывал плодовые деревья. Сарьян полон огорода. Наполненный ароматом сирени и ранних цветов, воздух казался особенно чистым после парижской духоты. Здесь и дышалось хорошо и работалось легко.

— Батраки, ужинать! — послышался голосок Жаннет.

После освежающего душа друзья ели с большим аппетитом, особенно Василий. Под его крепкими зубами так и хрустели косточки куропатки.

— В конечном счете все становится на свои места! — неожиданно сказал Сарьян за десертом.

— О чем это вы? — Василий поднял голову и удивленно уставился на него.

— Говорю, все становится на свои места!.. Собственно, так и должно было быть...

— Не понимаю!

— Проследите за моими мыслями, и все поймете... В связи с уходом Германии из Женевы, Лига наций фактически перестала существовать. Также приказал долго жить мертворожденный комитет по разоружению... Вы читали заявление сэра Макдональда? Он сказал, что без Германии правительство его величества не примет участия ни в какой конференции по разоружению. Пакт четырех фактически стал первой крупной победой Гитлера и поражением Франции. Итальянская официозная пресса не скрывает своего восторга по этому поводу. А барон Азоизи, делегат Италии в Лиге наций, намекая на то, что Германия стала могучим политическим фактором в Европе, мягко внушает своим коллегам: «Нужно быть реалистами и принимать вещи такими, как они есть...» В пакте четырех силы распределяются далеко не в пользу Франции. Америка избрала роль наблюдателя, но скорее сочувствующего Германии. Политические деятели за океаном рассуждают примерно так: против левых сил Европы, в особенности против большевистской России, нужна реальная сила, такой силой может быть только современная Германия. Недаром делегат Соединенных Штатов, Норман Дэвис, рекомендует: «Главное — не обострять положения»... Англия, как всегда, заботится только о своих собственных интересах, и Франция остается одинокой перед лицом двух тотальных государств — Италии и Германии. Ну, а если учесть, что переговоры с русскими оказались чистым блефом, картина станет совершенно ясной!..

— Вы нарисовали уж очень мрачную картину...

— Просто реалистичную! Подумайте сами, при такой разобщенности в Европе, кто может помешать Гитлеру перейти от слов к делу? Ведь после подписания Францией пакта четырех от нее отойдут, если уже не отошли, все ее союзники на Балканах, не говоря уже о Польше, где во главе государства стоят такие нечистоплотные политиканы, как маршал Пилсудский и полковник Бек, — они давно ведут сепаратные переговоры с Германией. Малые государства, оставленные старшим партнером на произвол судьбы, вынуждены действовать по поговорке: на бога надейся, а сам не плошай — спасайся кто как может!.. Присоединение Австрии к рейху тоже вопрос дней. Если канцлер Дольфус будет и дальше сопротивляться аншлюсу, его просто уберут. Поверьте мне, что отныне великие державы начнут делать Гитлеру уступку за уступкой до тех пор, пока не наступит катастрофа...

— Жюль, неужели у тебя нет других тем для беседы с друзьями, чем эта проклятая политика? — перебила Сарьяна Жаннет.

— Извини, дорогая!.. Я, кажется, действительно становлюсь не в меру болтливым, — грустно ответил журналист.

Поднявшись к себе наверх, Василий долго сидел у открытого окна и думал о том, что Сарьян прав в своих рассуждениях. Мир неудержимо движется навстречу катастрофе...

Позвонил Ковачич и сообщил, что им необходимо повидаться. Договорились о встрече в итальянском ресторане. И как только они заняли столик в дальнем углу, Ковачич, не теряя времени, перешел к делу.

— Вчера карета скорой помощи подобрала на улице человека в бессознательном состоянии, — сказал он. — Врач установил смерть, и доставили его не в больницу, а в морг. В кармане покойника нашли американский паспорт. Позвонили к нам в консульство, у телефона оказался я. Я немедленно помчался в морг. Умершего звали Дэвид Хэйфи, и, по заключению врачей, умер он от разрыва сердца, в результате злоупотребления алкоголем. Когда я просматривал бумаги Хэйфи, меня осенила идея: а не больше ли пользы будет для моего отечества, если вместо пьяницы Хэйфи мой друг Кочек станет гражданином Соединенных Штатов?

— Но как же это можно сделать? — недоверчиво спросил Василий.

— А вот слушайте!.. В результате автомобильных катастроф и других несчастных случаев на улицах Парижа ежедневно гибнет несколько человек. Личность некоторых из них установить не удается — нет документов. Многих из них никто и не разыскивает. Скажите, почему одним из таких

неопознанных мертвецов не может быть и Дэвид Хэйфи из штата Мичиган?

— Но ведь у него был паспорт, и, наверно, в морге его зарегистрировали под фамилией, указанной в паспорте?

— В том-то и дело, что не зарегистрировали!.. Дежурный по моргу, не зная английского языка, отнес Хэйфи в графу неизвестных. К тому же этот дежурный был сильно под мухой, — будь даже паспорт французским, он все равно ничего не понял бы. Еле двигая языком, он спросил меня: «Скажите, мистер, это не американский паспорт?» — «Нет, это не паспорт», — ответил я. «А герб вроде американский», — пьяно лепетал он. «Да нет же!.. Не разобравшись, зря беспокоите должностных лиц, отрываете их от работы», — рассердился я и положил себе в карман паспорт, чековую книжку и другие бумаги Хэйфи, а деньги оставил на столе. Их было порядочно — около тысячи долларов и несколько сот франков. «Полагаю, — сказал я дежурному, — что покойник был человеком неизвестным в этих краях и никем не будет опознан. Следовательно, вы с чистой совестью можете оставить эти деньги у себя, разумеется, если не будете болтать лишнее!» В ответ он понимающе кивнул головой. Нужно полагать, что такого рода случаи не редкость в его биографии...

— Ну, а дальше? — спросил Василий. Вся эта история не очень-то была ему по душе.

— Дэвида Хэйфи, умершего от невоздержания, не воскресить. Пусть земля будет ему пухом!.. Уверен, что служащий морга, завладев кучей денег, никому ни слова не скажет ни о моем посещении, ни о документах, взятых мною, — даже если вспомнит о них. Какой ему смысл? Чековую книжку и прочие бумаги Хэйфи мы уничтожим, и его наследники по истечении определенного времени преспокойно получают деньги, находящиеся на его текущем счету.

— Допустим, все произойдет так, как вы сказали, но что толку? Не могу же я воспользоваться паспортом некоего Дэвида Хэйфи, хотя и мертвого. На паспорте его фотокарточка, — меня тотчас же разоблачат как самозванца, да еще обвинят в убийстве человека с целью ограбления и присвоения его паспорта...

— Неужели вы считаете меня наивным и думаете, что я предложу вам вместо фотокарточки Хэйфи наклеить вашу и вручить вам его паспорт? Такая грубая работа недостойна нас с вами! Мы найдем такие ходы, что в них запутаются профессиональные криминалисты.

— Что же вы предлагаете?

— Вы только внимательно следите за моими мыслями и через десять минут подтвердите, что они действительно гениальны! — Ковачич рассмеялся. — Когда смерть человека, подобранного на улице, окончательно забудется и на все запросы из Штатов (если, конечно, они поступят) будет дан ответ, что американскому консульству в Париже ничего не известно о Дэвиде Хэйфи, вы предъявите нам испорченный американский паспорт и попросите выдать взамен дубликат... Вы, наверно, ждете, что я предложу вам залить паспорт бедняги Хэйфи чернилами или кипятком, не так ли? Скажите честно, я угадал ваши мысли?

— Почти...

— Слушайте, это опять была бы грубая работа профанов!.. Вы плавать умеете? — спросил Ковачич, наливая себе и Василию вина.

— Умею.

— Отлично! В таком случае без риска утонуть вы искупаетесь в Сене. Благо, в это время года вода в реке не такая уж холодная и воспаление легких исключается!

— Извините меня, Джо, но я пока не могу уловить связь между паспортом и купанием в Сене, — сказал Василий, хотя ему был уже ясен не такой уж хитроумный план американца.

— Вот видите, даже вы, коммерсант, мастер рекламного дела, не можете уловить этой связи! — просиял Ковачич. — Вода в Сене загрязнена маслом, нефтью и всякой прочей дрянью. Разумеется, вы искупаетесь в одежде, имея в боковом кармане пиджака паспорт. И если еще чуть-чуть приоткроете страницу, где написана фамилия владельца, а также наклеена фотокарточка, то все будет в полном порядке. Ваш паспорт будет испорчен на совесть! Вы сейчас спросите — а как вам очутиться в Сене, да еще в одежде? Ну, это совсем просто! Разве у иностранца, впервые приехавшего в Париж, не может возникнуть желания покататься на лодке по Сене? И разве вы не можете сделать неловкий шаг и вместо лодки оказаться в мутных водах реки? Нырните себе на здоровье раза два, сделайте вид, что тонете, — прохожие кинутся вам на помощь, спасут вас. Это же событие — смелые французы спасли американца от верной смерти! Если, на ваше счастье, в это время окажется поблизости еще полисмен, — дело будет в шляпе: он составит протокол. Было бы идеально, если бы появилась хоть небольшая заметка об этом печальном происшествии на четвертой странице вечерней газеты. В условиях Парижа такую заметку нетрудно организовать за недорогую цену, даже если во время вашего купания не будет никакого репортера!..

— Джо, вы действительно все гениально продумали. Удовлетворите в последний раз мое любопытство, и я сдамся на милость победителя!

— Пожалуйста! Готов ответить на любые ваши вопросы. — Ковачич с довольным видом откинулся на спинку кресла и закурил.

— Предъявив вам испорченный паспорт, я должен буду дать сведения о себе: где родился в

Штатах, где получил заграничный паспорт, адрес моей семьи в Америке, ну и тому подобное. Разве вы не сделаете запрос, чтобы установить, соответствуют ли действительности эти сведения?

— У вас отличная голова, Кочек! Я все время думал: догадается ли этот славянин уточнить такой первостепенной важности вопрос или пройдет мимо? Догадался! Славянин оказался не таким уже простачком... Хорошо, так и нужно, — терпеть не могу простачков! А теперь отвечаю на ваш вопрос; в некоторых случаях, когда у нас возникают сомнения, мы запрашиваем госдепартамент, в других нет. В вашем случае все предельно ясно. К тому же вашим делом заниматься буду я. Захочу — запрошу, захочу — не запрошу. Тут мне никто не указ. Вообще-то, должен вам сказать, Кочек, что вы родились под счастливой звездой. Примерно через месяц наш шеф уезжает в Африку поохотиться на слонов. В его отсутствие я остаюсь полным хозяином положения!

— Ну, Джо, сдаюсь и пью за ваше здоровье, — вы действительно гений! — Василий поднял бокал с вином и чокнулся с Ковачичем. — Скажите только, откуда все это у вас?

— Откуда, откуда!.. Думаете, я зря проторчал два года в спецшколе, прежде чем перешел на работу в госдепартамент?

— Не знаю, что за спецшкола и чему там учат, но могу сказать только одно; если у человека нет своей головы на плечах, то никакая школа ему не поможет!

— Это само собой! — охотно согласился американец.

Все последующие дни Василий обдумывал предложение Ковачича, не зная, на что решиться. Конечно, американский паспорт был ему необходим, но во имя чего Ковачич идет на такой риск? После долгих размышлений Василий все же решил, что терять ему нечего, да ведь и такой случай может не подвернуться больше... Если хорошенько разобраться, то в этом деле и риска большого нет. Правда, Ковачич признался, что учился в спецшколе, — следовательно, является разведчиком по совместительству. Ну и пусть! Выдавая ему этот паспорт, Ковачич совершает должностное преступление, — вряд ли он станет рисковать...

Дни неизвестности тянулись без конца. Лизы все не было, от «отца» тоже ни звука. Василий снова отправился к фрау Шульц — на этот раз, чтобы предложить ей поехать к «отцу».

— Если, конечно, — сказал он, — эта поездка не связана с большим риском для вас...

Фрау Шульц согласилась без колебаний, но ехать ей не пришлось: в Париж собственной персоной прибыл «отец». Он похудел, постарел, на лице появились морщины, глаза ввалились. Летнее пальто висело на нем, как на вешалке.

— Что с вами, почему от вас долго не было вестей? — спросил Василий в машине, по дороге к Сарьянам.

— Болел, почти три месяца пролежал в больнице, — ответил «отец».

— От Лизы нет никаких вестей, — уехала, как в воду канула, — продолжал Василий.

— Дело в том, что в стране, куда уехала твоя жена, положение очень осложнилось... Там всюду орудуют немецкие фашисты. Не исключена возможность, что они не сегодня-завтра организуют государственный переворот и поставят во главе правительства своих людей. Меня не было на месте, а двое наших людей, посланных туда на связь с Лизой, не смогли добраться до нее, и только совсем недавно, буквально несколько дней назад, нам стало известно, что она жива, здорова и скоро будет здесь. Я и приехал сюда, чтобы повидаться с Лизой — узнать из первых рук, что же там творится.

— Это правда, Лиза скоро приедет? — От сильного волнения Василий на несколько секунд даже забыл, что сидит за рулем.

— Мне говорить неправду не положено...

Чтобы загладить свою неловкость, Василий спросил, надолго ли приехал «отец».

— Поживу немного у тебя, если, конечно, не будешь возражать. Дождусь Лизу, поговорю с нею, а там видно будет.

— Пожалуйста, живите сколько угодно, я очень рад! Мы посадим вас на усиленное питание, и вы скоро поправитесь.

— У нас говорят так: была бы кожа да кости... Спасибо за приглашение, — действительно, после больницы нужно бы отдохнуть, да все некогда. Вокруг такое творится, что только успевай поворачиваться... А что у тебя нового?

— Особых новостей нет. По словам фрау Шульц, стенографистка немецкого посла проявляет необычную нервозность. Ценной информации не дает, а деньги получает по-прежнему. Ганс Вебер объясняет ее поведение тем, что ей скоро предстоит возвращение в фатерланд. После Франции, где она вела свободную и сытую жизнь, не очень-то хочется в фашистский рай!.. Возможно, сам Вебер тоже поедет в Германию. По его словам, фашисты меняют весь дипломатический персонал за границей.

— Что еще?

— А еще — в скором времени актив нашей фирмы перевалит за триста тысяч франков, а там, смотришь, мы станем и миллионерами!.. На днях отправил в Америку одного своего художника-антифашиста, Клода Гомье, честного, но очень уж горячего парня, — боялся, что он

бросит тень на нашу фирму. И есть у меня еще одна новость, требующая вашего совета... Хочу получить американский паспорт! — И Василий пересказал «отцу» свою недавнюю беседу с вице-консулом.

«Отец» некоторое время молчал, потом, глядя в сторону и как бы рассуждая вслух, сказал:

— Хотя в его положении заниматься рискованными операциями не положено, но, с другой стороны, упускать то, что само плывет в руки, тоже неразумно, тем более что такой случай не подвернется больше... Иметь же в кармане американский паспорт, полученный от самого консула, чего-то стоит! Рискнем, — заключил он, поворачиваясь к Василию, — американское подданство может сослужить тебе большую услугу в самое ближайшее время!

— Почему именно в ближайшее время?

— Потому, что в недалеком будущем тебе придется перебазироваться в Германию. Конечно, не сегодня и не завтра, но думаю, что скоро. Получив паспорт, поезжай в Америку, постарайся завязать там деловые отношения с фирмами, торгующими с Германией, стать их представителем в Берлине. Ты — богатый человек, опытный коммерсант, при твоих способностях тебе несложно осуществить такой план. Будет вполне логично, если ты, учтя неустойчивое положение в Европе, ликвидируешь свои дела во Франции и переведешь весь свой капитал в какой-нибудь солидный нью-йоркский банк. В Америке лучшего аттестата на благонадежность, чем сотни тысяч долларов на текущем счету, не придумаешь. Нельзя не оценить, Василий, положение человека, представляющего в Берлине крупные американские фирмы. Фашисты, весьма заинтересованные в торговле с Америкой, где, кстати, покупают главным образом стратегическое сырье, будут нянчиться с тобой, как с малым ребенком. Мы обо всем этом поговорим более подробно, когда придет время. Сейчас хочу посоветовать тебе: не теряй связи с Гансом Вебером и Браун, — они очень пригодятся в Германии. Вебер — как убежденный антифашист и честный человек, а Браун можно будет по-прежнему покупать за деньги, если она будет работать в каком-нибудь важном учреждении.

— Не хочется ехать в Германию! — вырвалось у Василия.

— Понимаю, — сказал «отец». — К сожалению, нам с тобой не дано жить там, где хочется, заниматься тем, что любишь. Моя бы воля, я, например, занялся бы разведением цветов — тюльпанов и роз, которые очень люблю!..

В течение нескольких дней «отец» жил безвыездно у Василия за городом, наслаждался отдыхом. Он подолгу бродил по саду, ухаживал за цветами, как большой знаток этого дела, потом садился в шезлонг с книжкой. Устав от чтения, «отец» сладко подремывал. По всему было видно, что он устал и не оправился как следует от болезни.

В эти дни Василий освобождался пораньше и спешил домой. Он старался окружить «отца» заботой, привозил из города вкусную еду, фрукты, хорошие вина.

По вечерам, после ужина, к ним присоединялись Сарьяны. Вчетвером играли в покер, подолгу разговаривали. Во время этих бесед журналист невольно демонстрировал свои всесторонние знания, политическую зрелость и все больше и больше нравился «отцу». Жаннет тоже симпатизировала гостю, посмеивалась над его французским языком и угощала домашним печеньем.

В воскресенье Василий в город не поехал, и обычный распорядок дня «отца» нарушился. После завтрака они уселись в саду за шахматной доской. Первую партию выиграл «отец», но Василий был помоложе, упрямее, он всячески старался не ударить лицом в грязь — и вторую партию выиграл. Приступили к контрольной и, увлеченные игрой, не услышали шума подъехавшего такси и скрипа калитки, когда в сад вошла Лиза. Увидев их за шахматной доской, в пижамах, она направилась прямо к ним.

Первой заметила Лизу из окна кухни Жаннет, но Лиза знаком попросила ее молчать, незаметно подкралась к Василию и руками закрыла ему глаза.

— Лиза! — Василий вскочил, опрокинул шахматную доску, рассыпал фигуры. Заключив жену в объятия, закружился с нею по саду.

— Хватит... оставь!.. Сумасшедший! — слабо сопротивлялась Лиза.

Василий бережно опустил жену на землю.

— Не пойму, почему ты так осунулась? Кормили тебя, что ли, плохо?

— Просто устала с дороги... А ты тоже хорош, жену не встретил. Приезжаю домой, моя телеграмма из Марселя — в почтовом ящике, в квартире — никого. Взяла такси и прямо сюда... Как хорошо, что «отец» здесь! Мне нужно поговорить сразу же, немедленно!

— Неотложных дел не бывает, их выдумывают нетерпеливые люди, — сказал «отец». — У нас здесь времени хоть отбавляй, успеем поговорить о делах!

Как ни старался он отложить деловые разговоры, все же ему пришлось после обеда выслушать сообщение Лизы о поездке. Закончив свой рассказ, она еще раз попросила «отца» спасти профессора Николаи.

— Над ним занесена рука убийцы, — если вы не поможете, он погибнет!.. Я видела своими глазами всех этих подонков. Уверю вас, эти цивилизованные звери в модных галстуках ни перед чем

не останутся! Раз Соковский дал обещание фон Болену заняться профессором Николаи, значит, займется!

— Хорошо, подумаем, как помочь твоему профессору!..

— Нужно не думать, а делать, — делать срочно, иначе поздно будет!

— Еще раз повторяю: мы сделаем все, чтобы спасти профессора Николаи, а как практически приступить к делу, признаться, пока еще не знаю... Ты лучше повтори еще раз содержание письма, якобы отправленного МИДом Франции своему послу...

Повторив текст письма, Лиза добавила, что, насколько она помнит, немцы сказали, будто письмо подписано генеральным секретарем министерства иностранных дел Алексисом не то Ленжен, не то Леже.

— Алексис Леже, — уточнил Василий.

— Черт возьми, это же целый заговор! А как помешать — не знаешь, — сказал «отец». — Доказательств у нас никаких, нам могут и не поверить. Сидеть же сложа руки и ничего не предпринимать тоже нельзя, — воспользовавшись этой фальшивкой, фашисты такое натворят там, что потом локти будешь кусать...

— Ситуация сложная, — согласился Василий. — Может быть, стоит привлечь к этому делу Сарьяна? У него широкие связи в правительственных и научных кругах, он-то наверняка сможет что-то предпринять.

— Можно попробовать, — сказал «отец». — Лиза, ты продиктуй содержание письма по-французски, как его помнишь, а Василий запишет.

Когда письмо было готово и «отец» предложил пригласить журналиста, Василий сказал:

— Можно попросить Сарьяна организовать срочный вызов профессора Николаи через Сорбонну или Французскую академию.

— По-твоему, это в его силах?

— Уверен, что он может это сделать.

— Ну что ж, попросим журналиста... Я думаю, что, пока нет никаких разговоров о письме, это не вызовет у фашистов подозрения. Лиза, пригласи Сарьяна подняться к нам, если он не очень занят, а сама останься внизу. Лучше, если мы поговорим с ним без тебя!..

— Дорогой друг, есть к вам конфиденциальный разговор, — сказал Василий, как только журналист вошел в их большую светлую комнату. — Но прежде всего ознакомьтесь с этой бумагой и скажите нам, что это такое?

— Фальшивка! — решительно сказал Сарьян, возвращая Василию письмо. — Фальшивка гнусная, страшная, составленная с целью провокации. Министерство иностранных дел Франции никогда не написало бы такое письмо, прежде всего потому, что факты, изложенные в нем, не соответствуют действительности. Правительство Франции не только не замышляет допустить русские войска на свою территорию, но и вообще далеко от мысли заключить с большевиками какой бы то ни было военный союз. Потом... потом, — помилуй бог! — какой идиот напишет такое письмо открытым текстом! Разве у французов нет надежных шифровок или дипломатических курьеров, чтобы доставить такого рода документ адресату надежным путем? Если Леже увидит свою подпись под этим письмом, он умрет от разрыва сердца!..

— Право, Сарьян, ваша исключительная проницательность никогда не была столь поразительной! — сказал Василий. — К сожалению, в нашем распоряжении нет ни подлинника этого письма, сфабрикованного, по всей вероятности, в Берлине, ни других доказательств, а между тем вы правы — это провокация, причем очень серьезная. При помощи этой фальшивки немецкие фашисты собираются организовать государственный переворот в одной союзной Франции стране, с тем чтобы целиком подчинить ее интересам третьего рейха. Затевается крупная игра. Даже если бы у нас и были доказательства, мы все равно не могли бы дать им огласку из соображений безопасности человека, добывшего копию этого письма, — в том-то и сложность нашего положения!.. Быть может, все же стоит довести до сведения одного из членов кабинета о существовании этой фальшивки, но с просьбой, чтобы он не дал ей широкой огласки?

— Я не совсем представляю, как можно сделать что-либо толковое и в то же время не дать огласки такому письму? — чуть раздраженно сказал Сарьян.

— При желании можно, — вмешался в разговор молчавший до сих пор «отец». — Почему, например, член кабинета министров не может информировать через закрытые дипломатические каналы главу государства той страны о готовящемся заговоре?

— Пожалуй, — журналист внимательно посмотрел на гостя.

— Скоро у нас появится еще одна возможность — фашисты рано или поздно заговорят о существовании этого письма, иначе зачем оно им? Вот тогда можно напечатать на страницах французских газет всю правду! — продолжал развивать свою мысль «отец».

— Вы могли бы взять на себя такую нелегкую миссию? — спросил Василий Сарьяна.

— Что именно?

— Передать, по вашему усмотрению, одному из министров копию этого письма, предупредив, что оно записано по памяти, и сообщить о заговоре. А позже, когда это будет возможно, разоблачить

фальшивку на страницах французской прессы.

— Думаю, что это я сумею сделать... Вы только дайте мне копию письма.

— Позволю себе напомнить, — сказал «отец», — что преждевременное обнародование письма повлечет за собой большую опасность для человека, доставившего его нам с риском для жизни!

— Понимаю...

— И еще одна просьба, — сказал Василий. — В той стране, где орудуют немецкие фашисты, жизнь одного ученого в опасности. Его нужно спасти. Это — профессор археологии Николаи. Единственный способ помочь ему — срочный вызов Сорбонны или Французской академии. Быть может, таким путем ему и удастся вырваться оттуда.

— Дайте мне адрес профессора, и я завтра же организую ему вызов, — это сделать гораздо проще!

Василий сел за машинку и, стуча двумя пальцами, снял копию с письма. Один экземпляр, вместе с адресом профессора Николаи, он вручил Сарьяну, второй дал «отцу», а третий, на всякий случай, оставил себе.

Вечером Василий посадил Лизу и «отца» в свою машину и повез их по окрестностям Парижа. Путешествие они завершили в маленьком ресторанчике на берегу Сены. О делах не говорили, — «отец» решил дать возможность Лизе прийти в себя после пережитого во время поездки в «ту» страну. И только на третий день после ее возвращения, усадив мужа и жену возле себя, он завел разговор о предстоящих делах.

— Итак, завтра я вас покину, на этот раз — надолго, — сказал он. — Дела складываются так, что нам обоим придется перебазироваться в Германию. Спешить с этим не нужно, а готовиться пора. Было бы очень хорошо, если бы тебе, Василий, удалось получить американский паспорт и поехать в Берлин представителем американских фирм. Даже если американцы предложат тебе продавать немцам стратегическое сырье: нефть, смазочные масла, цинк, олово, никель, алюминий, вольфрам и прочее, — не раздумывая соглашайся! Через тебя или без тебя — они все равно будут продавать все это немцам. Если хочешь знать, даже хорошо — представлять от солидных фирм и картелей, поставляющих Германии такие материалы. Фашисты будут всячески обхаживать тебя, и ты будешь в большей безопасности...

— Но ведь Василий однажды уже ездил... туда. Разве не опасно появиться ему там снова, да еще с американским паспортом? Меня тоже фашисты видели и засекли по всем правилам, — сказала Лиза.

— Наивно было бы думать, что немецкая разведка только тем и была занята, что следила за неким Ярославом Кочекком из Чехословакии во время его пребывания в Германии. На минуту допустим, что это было так, — ну и что из того? Почему богатый коммерсант Кочек не мог за это время принять американское подданство? С тобой, Лиза, дело обстоит еще проще. Если даже фашистские разведчики взяли тебя на заметку, что мало вероятно, то все не так уж трудно объяснить. Ты встретила американца, полюбила и вышла за него замуж. Подумаешь, невидаль какая!.. Слов нет, нам необходима осторожность, но преувеличивать хитрость врага тоже не следует, тем более что, пока вы соберетесь в Германию, много воды утечет, многое забудется. В Германии живите скромно, постарайтесь ничем не привлекать к себе внимания соседей, в особенности полиции. Впрочем, все это я говорю зря, — вы отлично знаете, как себя вести!

— Что мы должны будем делать в Германии? — спросил Василий.

— Снова создать надежное прикрытие — жить, приспосабливаясь к местным условиям и наблюдать, наблюдать внимательно и запоминать. А когда придет время, попытаться установить связь с местным подпольем. Поначалу через Вебера. Не может быть, чтобы в Германии не существовали антифашистские группы, — их только нужно найти. Смотри, Василий, не горячись! Кроме Вебера, тебя не должна знать ни одна живая душа. Действовать будешь только через него. Не упускай из вида также эту Браун, — мне почему-то кажется, что она еще пригодится нам. Работая представителем американских фирм, о своем личном бизнесе тоже не забывай. Этим ты завоеешь большее доверие у окружающих, завяжешь нужные знакомства. Когда пустишь крепкие корни в Берлине, начнешь потихоньку собирать информацию о кознях фашистов — не только против нас, но и против Франции, Англии и даже Америки. Если мы хотим преградить путь фашизму, то обязаны помогать всем, забывая о противоречиях, существующих между нами, даже зная, что правители этих стран готовы утопить нас в ложке воды. Поживем — увидим, кто из нас окажется прозорливее, мы или они.

— Хорошо, «отец». Единственное, о чем я вас прошу, — обеспечьте нас надежной и постоянно действующей связью.

— Об этом мы позаботимся, — пообещал «отец». — Скажи, Василий, если возникнет необходимость ликвидировать твои дела во Франции, сможешь сделать это быстро?

— Хоть завтра!

— Сколько получишь за свою долю в рекламной фирме?

— Если у меня будет еще немного времени, я смогу довести свой капитал до трехсот тысяч, а может быть, и больше. За последнее время, в связи с заказами Лейпцигской ярмарки, доходы наши

здорово увеличились. В ближайшее время они могут стать еще больше, если наладятся наши деловые отношения с Америкой.

— Отлично!.. Когда продашь свою долю, деньги преврати в доллары и помести их, как мы уже говорили, в солидный нью-йоркский банк. Эти деньги пригодятся тебе, — в дальнейшем все свои расходы будешь покрывать сам, из своих средств, на нас рассчитывать не приходится.

— Деньги для меня не проблема, я научился зарабатывать их здесь, заработаю и в Германии.

Утром, прощаясь, «отец» посоветовал Василию разведать — можно ли будет рассчитывать на друзей из спортивного клуба, де ла Граммона и Маринье, в случае каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Об отпуске не было сказано ни одного слова, и Василий понял, что сейчас поднимать вопрос об этом бесполезно.

12

Они шли своим чередом. Париж веселился — рестораны, кафе, в особенности ночные клубы и варьете были полны посетителями. На Больших бульварах устраивались выставки художников, магазины и салоны демонстрировали новые моды к предстоящему осенне-зимнему сезону. И все же за всем этим чувствовалась пока еще неясная тревога.

В Париж приехал профессор Николаи. Сарьян не только встретил ученого на вокзале, но и успел взять у него интервью.

— Большой оригинал этот профессор, — рассказывал Василию журналист. — Знаете, как он ответил на вопрос: догадывался ли он о грозящей ему опасности? «Дело в том, — сказал он, — что все люди смертны. Ушли из мира выдающиеся ученые, художники, полководцы, монархи, — уйдем и мы, а как, в результате чего, поверьте, мне совершенно безразлично». — «Но ведь природа вложила в каждое живое существо инстинкт самосохранения, — попробовал я возразить, — никому не хочется умирать раньше времени». — «Разумеется! Если вы полагаете, что мне не хочется жить, то глубоко ошибаетесь, — иначе я не покинул бы свою родину, зная заранее, что не скоро вернусь туда». На мой последний вопрос, чем же он думает заниматься в Париже, ученый дал обстоятельный ответ. «Прежде всего заниматься своим делом — по кратким записям восстановить картину и опубликовать предварительные данные о раскопках древнеримского городища, относящегося к середине третьего века до нашей эры. К сожалению, я не успел довести до конца раскопки. Но и того, что извлечено из земли и изучено, достаточно, чтобы сделать некоторые интересные выводы... Буду читать лекции в Сорбонне, где когда-то учился сам... А еще нужно что-то предпринять, открыть людям глаза, чтобы они осознали надвигающуюся опасность. Как это сделать, — признаюсь, сам еще не знаю. Я никогда не занимался политикой, больше того — презирал людей, посвятивших себя этому, на мой взгляд, бесполезному занятию. Но с некоторых пор понял, что своей пассивностью невольно становлюсь пособником черных сил. Утверждение, что фашизм продукт только нашего времени, — глубокая ошибка. Во все времена диктаторы всех рангов и способностей занимались тем же, чем сегодня занимается Гитлер, — играли на религиозном фанатизме или шовинизме масс, старались отвлечь их от внутренних трудностей и противоречий и направить их энергию на специально придуманного внешнего врага». Действительно, человек прозрел, ничего не скажешь! — заключил свой рассказ Сарьян.

— Честь и хвала профессору! — сказал Василий.

Клод Гомье слал из Америки обнадеживающие вести. Оформленные им витрины большого универсального магазина в центре Нью-Йорка произвели впечатление.

Вслед за этим из Америки начали поступать заказы. Василий не ошибся в расчетах: заказы были выгодны и основательно увеличивали доходы фирмы.

С начала нового учебного года Лизу зачислили на основное отделение, и она из вольнослушательницы превратилась в полноправную студентку Сорбонны. С радостью рассказывала она мужу о шумной олимпиаде, устроенной студентами и профессурой в честь профессора Николаи. Он узнал ее в толпе студентов, подошел к ней и крепко пожал руку. И Лиза не поняла, что это могло означать — было ли просто знаком симпатии, или он понял ее роль в его приглашении в Париж...

После утомительной поездки Лиза чувствовала себя неважно, хотя и скрывала это от Василия. Временами она задумывалась и часами молчала. В разговорах с Василием часто возвращалась к вопросу о предстоящей поездке в Германию.

— Неужели мы на самом деле поедem в Германию? — спрашивала она с тревогой.

— Как видно, придется, — Василий отвечал спокойно, равнодушно, стараясь даже своим тоном подчеркнуть, что он не видит в этом ничего особенного.

— Боюсь я этой поездки!.. Ты бы посмотрел на физиономии фашистов. Не люди, а выродки какие-то, способные на любую подлость...

— Хорошего там действительно мало, но ехать кто-то все равно должен!.. Нельзя допускать, чтобы они безнаказанно творили все, что им заблагорассудится. Конечно, мы с тобой не сумеем их

остановить, но хоть будем знать об их планах — и это немало. Потом, чего нам бояться? За это время мы кое-чему научились, и нас голыми руками не возьмешь. Мы подготовимся как следует и только после этого поедим, — Василий всячески старался успокоить Лизу. Он и в самом деле не боялся предстоящей поездки.

Вместо ответа Лиза только вздыхала, но спокойнее и веселее не становилась...

Однажды Ковачич пригласил Василия в консульство, протянул ему пакет и посоветовал действовать.

— Джо, а как мне быть с женой? — спросил Василий. — Не может быть такого положения, чтобы муж был подданным Соединенных Штатов Америки, а жена — Чехословацкой республики!

— Подумаешь, проблема! В анкете укажите, что вы холостой, а через некоторое время сочетайтесь с вашей супругой церковным браком. Представьте нам справку, и мы выдадим вашей жене американский паспорт или, на худой конец, запишем ее в ваш паспорт, что фактически одно и то же.

— Джо, светлая вы голова!

В пакете, как Василий и ожидал, оказался паспорт Дэвида Хэйфи.

Прежде чем облюбовать лодочную станцию на берегу Сены и разыграть спектакль с купаньем. Василий откровенно рассказал обо всем Сарьяну и попросил его помощи.

— Мне нужно, чтобы в тот же день, вечером, в газете появилась заметка об этом происшествии. Я всецело рассчитываю на вас.

— Сделаем, — не задумываясь согласился журналист. — Давайте вместе набросаем текст сообщения в отдел городской хроники. А когда вас вытащат из воды, я опишу ваших спасителей и передам готовую заметку нашему хроникеру. Все будет в порядке, такие вещи у нас практикуются.

Они тут же набросали текст будущей заметки. Журналист, прочитав ее вслух, спросил:

— Ну как, сойдет?

— Вполне, — ответил Василий и посмотрел на часы. — Сейчас без пяти минут два. Я успею съездить домой переодеться и к трем часам буду у лодочной станции. Вас же попрошу проехать в машине мимо места происшествия минут пятнадцать четвертого!

Спектакль был разыгран, что называется, как по нотам. Прежде чем отправиться на берег Сены принимать холодную ванну, Василий поехал домой, надел хороший, дорогой костюм, широкополую шляпу. Он вполне мог сойти за американца из Южных штатов, одевающихся дорого, но безвкусно. Тщательно проверил карманы, вынул из них все бумаги и оставил только паспорт Дэвида Хэйфи, несколько сот американских долларов и франков. Между лицевой стороной паспорта и обложкой заложил тонкую пластинку из губки, а боковой карман пиджака, куда положил паспорт, заколол английской булавкой.

На лодочной станции Василий на ломаном французском языке объяснил хозяину, что хочет покататься на лодке, заплатил деньги, небрежно сунул квитанцию в карман брюк.

Хозяин бросил в лодку весла, развязал тонкую стальную цепь, которой лодка была привязана к железному кольцу, и, передав конец цепи «американцу», показал рукой, что тот может отчаливать.

Василий встал одной ногой на корму, другой хотел оттолкнуться от пристани, но не успел: лодка быстро устремилась вперед, и он, потеряв равновесие, упал в воду.

Он камнем пошел ко дну, пуская пузыри, вынырнул, снова скрылся под водой, снова вынырнул, колотя руками по воде. Первым ему на помощь бросился проходивший мимо молодой человек, по виду студент. Он схватил утопающего за шиворот и подтолкнул его к пристани. Там он и хозяин лодочной станции вытащили тяжелого, промокшего до костей «американца» на берег. Они хотели было сделать ему искусственное дыхание, но тот отказался. Он встал, встряхнулся, выжал, сколько мог, пиджак, сокрушенно посмотрел на свою широкополую шляпу, уплывшую далеко от берега. Потом щедро наградил своих спасителей намокшими долларами. Подняв руку, остановил мчавшуюся мимо машину, поговорил с водителем и, получив разрешение, сел на заднее сиденье и уехал.

За рулем сидел Сарьян. Он довез Василия до дома и на прощанье посоветовал во избежание простуды выпить коньяку.

Дома Василий прежде всего достал из кармана паспорт бедняги Дэвида Хэйфи. Многоопытный Джо Ковачич оказался прав: паспорт был испорчен основательно. Фотокарточка отклеилась. Не вынимая губки, Василий спрятал паспорт в письменный стол.

В этот день он больше не поехал в контору, дождался Лизу и рассказал ей о необыкновенных событиях дня.

— Господи!.. Почему же ты раньше не сказал мне об этом? — спросила она в сильном волнении.

— Чтобы раньше времени не тревожить тебя. Как видишь, все обошлось. Теперь нам с тобой остается совершить еще один подвиг, и тогда игра будет завершена.

— Какой еще подвиг?

— Мадам, нам предстоит обвенчаться в церкви.

— С ума сошел!

— Никогда в жизни не был так твердо уверен в своих умственных способностях! Я получу

американский паспорт, и мы обвенчаемся у нашего милого кюре. Думаю, что, получив солидное пожертвование, он не станет требовать от нас различных справок, метрик и прочего. Тогда ты, моя жена, станешь подданной Соединенных Штатов Америки!

— Что-то все очень уж просто у тебя получается...

— Не будем раньше времени растравлять душу сомнениями!.. Не лучше ли отправиться в оперу?

В тот же вечер, вернувшись из театра, Василий прочитал на четвертой полосе «Пари суар» заметку, набранную петитом:

«Спасли американца.

Сегодня, в четвертом часу, один американский турист, наняв лодку у мсье Роше, решил покататься по Сене. Садясь в лодку, он оступился и упал в воду. Не умея плавать, турист пошел ко дну и наверняка утонул бы, если бы не двое отважных французов — хозяин лодочной станции, мсье Роше, и молодой человек лет восемнадцати, проходивший в это время мимо места происшествия. Молодой француз, не задумываясь, снял пиджак, бросился в реку и, рискуя жизнью (вспомним, что утопающие обычно хватаются за своих спасителей!), нырнул и помог незадачливому туристу подняться на поверхность. Он и мсье Роше вытащили утопающего на пристань и оказали ему первую помощь.

Щедро наградив своих спасителей, американец остановил первую попавшуюся машину и уехал.

Молодой человек отказался назвать свою фамилию».

— Молодец Сарьян, — сказал Василий, протягивая газету Лизе.

На следующий день он пошел к Ковачичу с испорченным паспортом и своей фотокарточкой. Тот поставил в уголке ее печать и велел тоже основательно намочить в загрязненной маслом и керосином воде, а потом явиться со всеми документами к секретарю консульства.

— При заполнении анкет напишите свою подлинную фамилию и имя, на вопрос о семейном положении ответьте — холост, — еще раз напомнил Ковачич и добавил: — Все будет о'кэй! Патрон уехал, и теперь я здесь полноправный хозяин.

Секретарь консульства, повертев в руках предъявленный ему Василием паспорт, сказал:

— Да, испорчен безнадежно!.. Скажите, мистер Кочек, полицейские не составили протокола о происшествии?

— Не знаю, мне никто ничего об этом не говорил... Хотя постойте, в какой-то газете напечатали заметку о том, как я упал в воду и как отважные французы спасли меня, хотя я в их помощи вовсе не нуждался...

— У вас сохранилась эта газета?

— Вряд ли, но если вам она нужна, то можно найти. Заметка была напечатана в тот же день в вечерней газете, а вот названия не помню.

— «Пари суар», — подсказал секретарь.

— Да, что-то в этом роде...

— Было бы полезно приложить к вашему заявлению вырезку из этой газеты, — сказал секретарь и предложил Василию прийти за новым паспортом дня через три-четыре.

— Хорошо, мне не к спеху. Но, понимаете, жить в этом городе без документов невозможно. Дал кому-нибудь по физиономии — покажи полисмену документ...

— Это правда, — на лице секретаря появилось нечто вроде улыбки. Он достал из ящика письменного стола бланк консульства, притянул к себе портативную пишущую машинку и самолично настукал справку о том, что паспорт подданного Соединенных Штатов мистера Ярослава Кочек действительно находится в американском консульстве в Париже. Протянув подписанную и заверенную печатью справку Василию, он напомнил, чтобы мистер Кочек не забыл захватить с собой вырезку из газеты, когда придет за паспортом.

— Большое вам спасибо! — Василий поднялся с кресла, в котором сидел.

— Все же признайтесь, мистер Кочек, — остановил его секретарь, — в тот день вы были порядком навеселе — иначе не очутились бы в Сене!

— Был грех, — весело подмигнул в ответ Василий.

Через три дня исполняющий обязанности консула Соединенных Штатов Америки в Париже мистер Джозеф Ковачич торжественно вручил новенький паспорт американскому гражданину Ярославу Кочеку и посоветовал относиться к важнейшему документу, каким, без сомнения, является американский паспорт, более бережно.

Вечером, по случаю счастливого завершения столь рискованного предприятия, Василий устроил для Ковачича грандиозный кутеж в русском ресторане под старинным названием «Славянский базар».

В Париже снова зима. Серые дни, холодный ветер, мокрый снег вперемешку с дождем. Но зимний холод никак не отразился на кипении политических страстей. В Париже ни на минуту не прекращалась борьба между партиями и отдельными группировками. Руководство социал-демократической партии, боясь усиливающегося влияния коммунистов, отказалось от дальнейшего укрепления единого фронта. Либеральная буржуазия, боясь, с одной стороны, собственного парода, а с другой — агрессии фашистской Германии, растерялась и не знала, что предпринять. Магнаты промышленности открыто искали путей сговора с Гитлером. Фашистские организации, вроде «Бывших фронтовиков», «Патриотической молодежи» и «Боевых крестов», развивали бешеную активность, — их целью был захват власти.

В эти дни вновь заговорила стенографистка Эльза Браун. Она сообщила фрау Шульц, что в Париж приехал некий Пауль Бель — представитель иностранного отдела нацистской партии, которым руководит Риббентроп, назначенный на этот пост Гитлером.

На сверхсекретном совещании у советника немецкого посольства, на котором присутствовало всего восемь особо доверенных лиц, Бель, получивший от Риббентропа специальное задание руководить готовившимся в Париже восстанием, сделал сообщение. Он сказал, что установил тесный контакт с руководителями всех трех наиболее крупных фашистских организаций Франции, что разработан подробный план совместного восстания. Столица разделена на десять секторов, во главе каждого сектора поставлены опытные руководители из отставных офицеров, которые располагают значительным количеством оружия.

По словам Эльзы Браун, на этом совещании открыто говорилось о том, что префект парижской полиции, господин Кьяпп, держит в своих руках все нити заговора, но не только не делает никаких попыток раскрыть его, а, наоборот, всячески помогает фашистским организациям. На днях Кьяпп выпустил на свободу двух видных руководителей организации «Бывших фронтовиков», у которых при обыске были обнаружены оружие и подробный план восстания. И кто-то своевременно предупредил фашистов о предстоящем полицейском налете на склад оружия. Осведомленные люди утверждают, что это тоже дело рук префекта полиции... В заключение Бель высказался в том смысле, что лучше сейчас пойти на определенный риск — одним махом покончить с республиканским строем во Франции, посадить во главе будущего правительства фашистов, чем потом долго возиться с французами, а может быть, даже начинать против них военные действия. Бель обещал перебросить во Францию дополнительное количество оружия через бельгийскую границу и посоветовал не скупиться при оказании фашистским организациям финансовой помощи.

На совещании было решено форсировать подготовку к восстанию, хотя определенный срок назван не был, — было только высказано пожелание не откладывать его позднее марта.

Василий, рассказав о планах немцев Сарьяну, решил поговорить и с Маринье.

Маринье выслушал Василия с большим интересом и сказал, что немедленно доведет до сведения министра обо всем услышанном, ни в коем случае не называя фамилию мсье Кочека.

— Разве я не понимаю, что вам, как иностранцу, рискованно вмешиваться в политику? — Воспитанный человек, он не задал ни одного вопроса о том, откуда у совладельца рекламной фирмы такие сведения.

По тому, с какой быстротой были приняты меры и Кьяпп был уволен в отставку, можно было понять, что правительство располагало и другими данными о деятельности префекта полиции и о готовившемся фашистском восстании. Из-за этого быстрого и решительного удара день восстания, вероятно, значительно отодвинулся бы, если бы не скандал, внезапно разразившийся в Париже.

Крупнейший французский финансист Александр Ставиский, ворочавший миллионами, неожиданно для всех обанкротился и покончил с собой. После его смерти выяснилось, что созданные им банки и другие предприятия дутые, а сам Ставиский аферист высокой марки. В его финансовых махинациях оказались замешанными многие политические деятели и парламентарии. Парижане были крайне возбудены, — банкротство Стависского затрагивало интересы сотен тысяч людей, мелких держателей акций его фиктивных предприятий.

Газеты сообщили, что на шестое февраля в три часа дня назначено заседание Национального собрания. А накануне, поздно вечером, в квартире Василия раздался телефонный звонок. Фрау Шульц — Василий узнал ее по голосу — просила к телефону мадам Марианну.

До этого фрау Шульц никогда не звонила им домой, и Василий понял, что только чрезвычайные обстоятельства принудили ее пойти на это. И действительно, положив трубку на рычаг, Лиза сказала, что ей нужно сейчас же встретиться с фрау Шульц.

— Как я поняла, у нее что-то срочное, — добавила она, поспешно накидывая пальто.

— Я провожу тебя!

— Зачем? Я скоро вернусь.

Лиза ушла. Сильно встревоженный, Василий шагнул по столовой из угла в угол. Первое, что пришло в голову, опасение, что немцы разоблачили стенографистку и вслед за этим последует множество неприятностей. Но тогда фрау Шульц не стала бы звонить, тем более так поздно. Что еще? Маринье огласил его фамилию? Если даже допустить, что это так, — откуда об этом стало

известно Шульц?..

Наконец-то раздался звонок и в прихожую влетела взволнованная Лиза, Она прошептала скороговоркой:

— Час тому назад Эльза Браун неожиданно появилась в ателье и, уединясь с фрау Шульц в отдельной кабине для примерки платья, сказала, что фашисты назначили восстание на завтра — в день дебатов в Национальном собрании!

— Других подробностей она не сообщила?

— Она сказала, что фашисты намереваются стянуть свои силы к площади Согласия, штурмом ворваться в Национальное собрание, перебить левых депутатов, а остальных силой принудить голосовать за передачу им власти.

Василий посмотрел на часы — около десяти. Ехать к Сарьяну за город — значит потерять много времени. Нужно срочно повидаться с Маринье. В телефонном справочнике Василий нашел номер его домашнего телефона и позвонил.

— Извините, ради бога, за поздний звонок, меня вынудили к этому особые обстоятельства, — сказал он, когда к телефону подошел Маринье.

— Приезжайте ко мне, я буду ждать вас, — Маринье сказал свой адрес.

В доме Маринье Василий назвал себя слуге, открывшему ему двери, тренером спортивного клуба. Когда хозяин спросил его, к чему такая осторожность, Василий ответил — не исключено, что кто-либо из слуг Маринье состоит в штурмовых отрядах полковника де ла Рокка.

— Может быть, может быть, — Маринье нахмурился, но спорить не стал.

Василий рассказал ему все, о чем только что узнал.

— Не может быть! — Маринье слегка побледнел.

— Источники информации тщательно проверены, она не вызывает никаких сомнений! — Василий следил за выражением лица хозяина дома и ждал, что же он будет делать.

— Позвоню министру и попрошу принять меня немедленно! — Маринье назвал нужный номер и, закончив разговор, обратился к Василию: — На чем вы приехали ко мне?

— На такси.

— Жаль, я думал, на своей машине... Ну, все равно, — надеюсь, мы поймаем такси!..

Правительство, предупрежденное о готовившемся восстании, стянуло к Национальному собранию полицейских и отряд гвардии, для защиты парламента от фашистов.

Парижане с удивлением и страхом наблюдали, как через площадь Согласия идут к парламенту отряды фашистов. Перед министерством морского флота произошло настоящее сражение между демонстрантами и гвардейцами. Горел подожженный фашистами автобус. Слышались крики: «Долой Даладье!», «Да здравствует Кьяпп!»

Депутаты с опаской поглядывали на охрану, выставленную у Бурбонского дворца, — опасность, что фашисты ворвутся в здание парламента, была вполне реальной.

В шесть часов правительство Даладье получило первый вотум доверия: «за» проголосовали триста депутатов, «против» — двести семнадцать.

Девять часов вечера. Заседание палаты депутатов продолжается. Не прекращается и фашистский мятеж. Возле здания министерства морского флота возникает пожар. Гвардейцы выстрелами из револьверов отгоняют фашистских молодчиков, пытающихся ворваться в здание парламента.

Даладье вторично ставит на голосование вопрос о доверии правительству. На этот раз за вотум доверия голосуют уже триста шестьдесят депутатов.

Правительство Даладье все же вынуждено было подать в отставку через два дня. Председателем правительства национального единства становится сенатор, бывший президент республики Гастон Думерг. Министром иностранных дел — престарелый Луи Барту, названный впоследствии апостолом восточного Локарно.

Февраль был на исходе, приближалась весна 1934 года. Казалось, весь мир превратился в большой кипящий котел, а политики и власть имущие взяли на себя роль кочегаров, неустанно подбрасывая под этот котел горючее. Даже не искушенным в политике людям становилось ясно, что дело идет к войне — к большой, кровопролитной войне. Не хотели замечать этого правящие круги больших капиталистических государств. Вместо того чтобы одернуть бесноватого ефрейтора, они закрывали глаза на все, что творили фашисты, надеясь, что Гитлеру удастся то, чего не удалось сделать Антанте в 1917—1920 годах, — уничтожить Советское государство. Со своей стороны, гитлеровцы всячески укрепляли эти надежды ослепленных ненавистью к коммунизму политических деятелей, превратив антикоммунизм в государственную доктрину фашистской Германии. В Берлине открыто заявляли о своем намерении «всеми средствами бороться против опасности большевизма», «покончить с мировым коммунизмом», «ликвидировать Советский Союз». Эти антикоммунистические, антисоветские призывы гитлеровцев находили отклик в сердцах правящих кругов капиталистических государств, в особенности у руководителей монополий Соединенных Штатов Америки.

Как следствие этого перед фашистской Германией широко раскрылись двери стальных сейфов и доллары широким потоком потекли к фашистам. Заключались десятки договоров и соглашений на поставку Германии стратегического сырья, вооружения и даже новейших авиационных моторов. От Америки не отставала и Англия. Британские банки: «Империал кемикл индастрис», «Виккерс-Армстронг», «Хиггинс энд Къ» и другие — широко финансировали немецкие предприятия, занятые производством вооружения. По словам американского посла в Берлине Додда, «...англичане сами нарушили Версальский договор, продавая Германии самолеты и другую военную технику».

Стало известно, что американский дипломат, Норман Дэвис, посетив Германию в начале 1933 года, беседовал с Гитлером. Выслушав его антисоветские высказывания, Дэвис заявил Гитлеру, что Соединенные Штаты относятся к проводимой Гитлером политике с полным пониманием.

В этой обстановке Василию было ясно, что ему не избежать поездки в Германию. Следовательно, нужно было готовиться, не теряя времени. Прежде всего необходимо оформить американское подданство Лизы.

Василий опасался, как бы старик кюре не потребовал от него справку о гражданском браке и другие документы. Это было бы катастрофой, потому что никаких документов он предъявить не мог.

Василий посетил старика и попросил у него разрешения исповедаться. Он признался своему духовнику в тяжком грехе:

— Оформив гражданский брак у себя на родине, я до сих пор не обвенчался в нашей святой церкви...

— Почему вы так долго откладывали венчание?

— После женитьбы мы решили совершить, свадебное путешествие и вот обосновались здесь, во Франции, не позаботившись запастись необходимыми для венчания документами. Я готов идти на любые жертвы, лишь бы получить отпущение грехов и венчаться в церкви!

— Грех свой вы можете искупить молитвой и покаянием... А венчаться без надлежащих документов невозможно!

— Отец мой, жена моя ждет ребенка. Не можем же мы, добрые христиане, растить внебрачное дитя...

— У вас имеются хотя бы какие-нибудь документы?

— Паспорт, рекомендации друзей из спортивного клуба и деловых людей... Наконец, мое желание покрыть все расходы.

— Сегодня я дам вам отпущение грехов. Что касается венчания — это вопрос серьезный, и я должен посоветоваться с епископом. Приходите ко мне за ответом дня через три, — сказал кюре.

Василий спросил, глядя на него в упор:

— Не лучше ли будет, если я теперь же пожертвую в пользу святой нашей церкви значительную сумму денег, скажем, две или три тысячи франков?

— Лучше три, — шепотом сказал кюре.

— Согласен. — Василий немного помедлил. — Может быть, удобнее обойтись без совета его преосвященства? На мой взгляд, такие вопросы вполне полномочны решать вы сами, без чужой помощи. Я жертвую три тысячи франков в пользу церкви. Вам же, за ваши труды, заплачу две тысячи франков. Думаю, что так будет справедливо.

— А свидетели у вас есть?

— При желании они могут быть, но лучше обойтись без свидетелей. Мне стыдно признаваться кому бы то ни было, даже близким друзьям, что я до сих пор не обвенчан в церкви...

— Когда вы хотите венчаться?

— Хоть завтра.

— Хорошо, завтра я буду ждать вас к трем часам... — И, как бы размышляя вслух, кюре добавил: — Действительно, может быть, лучше обойтись без свидетелей?..

Василий отсчитал пять тысяч франков и обещал быть в церкви завтра ровно в три.

Когда утром Василий попросил Лизу пропустить занятия в Сорбонне и пойти с ним в магазин выбрать подвенечное платье, она рассмеялась:

— Ты шутишь, надеюсь?

— Какие могут быть шутки в таком серьезном деле? Я прошу тебя стать моей женой не только перед людьми, но и перед богом!

Недели через две после венчания Василий поехал в американское консульство и подал заявление о выдаче его законной жене американского паспорта. Эта его просьба была удовлетворена исполняющим обязанности консула Соединенных Штатов Америки в Париже мистером Ковачичем.

Как только уладилось дело с паспортами, Василий решил вместе с Лизой отправиться за океан. Хотелось «набраться американского духа», как он говорил, и наладить в Нью-Йорке связи с деловыми кругами. Все это — в плане подготовки поездки в Берлин в качестве представителя какой-либо солидной американской фирмы.

Для въезда в Америку ее подданным особой визы не требовалось, но все же Василий в ресторане, за обедом, сообщил Ковачичу о своем намерении посетить Штаты.

— Настоящий коммерсант должен чувствовать веления времени и поступать в соответствии с ними, — говорил он. — Мне кажется, что сейчас большой бизнес следует искать в торговле между Америкой и Германией. Немцы вооружаются, перестраивают соответственно свою промышленность, делают колоссальные закупки в Америке. Так почему бы и мне не попробовать свои силы на этом поприще? Как подданный Соединенных Штатов, я могу позволить себе поехать в Берлин и заняться там каким-нибудь выгодным делом. Разумеется, было бы идеально поехать туда в качестве представителя кругов, торгующих с Германией. В Нью-Йорке у меня дела, связанные с нашей рекламной конторой, но я попытаюсь найти солидную фирму, которая захотела бы поручить мне представительство в Германии. Ликвидируя свои дела здесь, в Париже, я надеюсь получить значительную сумму наличных денег. Если их пустить в оборот, торгуя с Германией, можно неплохо заработать. Во всяком случае, нужно попробовать!

— Конечно, следует попытаться, — согласился Ковачич. — Я уверен, что в Америке вы найдете то, что вас интересует. Хотите, я вам дам рекомендательное письмо?

— Это было бы чудесно! Но вы так много сделали для меня, что я не осмеливаюсь беспокоить вас еще раз...

— Пустяки. Прежде всего, я отрекомендую вас моему отцу, — старик ворочает большими делами и может быть вам полезен. Он души не чаает в славянах и, надеюсь, сделает для вас все, что в его силах. Потом дам письмо к одному моему приятелю, с которым вместе учились в колледже. Он сын нефтяного магната Адамса, а сам — вице-президент «Стандард ойл компани».

— Джо, вы посланы мне самим господом богом! Я даже не знаю, как вас отблагодарить! — воскликнул Василий.

— Не так уж я бескорыстен, как вам кажется!.. Временами я думаю — не стать ли мне вашим компаньоном? У моего старика отличный нюх на бизнес, — если он почует приличный заработок в торговле с Германией, то отвалит мне сотню-другую тысяч долларов. Но, став вашим компаньоном, я вовсе не собираюсь бросать государственную службу. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что, будучи вице-консулом, а со временем и консулом, а может быть, даже советником американского посольства при каком-нибудь европейском государстве, я могу принести больше пользы нашему делу, чем если стану обыкновенным бизнесменом?

— Безусловно! — Василия заинтересовала инициатива американца. — Вовремя полученная информация порою значит в бизнесе куда больше, чем хитроумная комбинация самого способного коммерсанта. Давайте сделаем так: я поеду в Штаты, осмотрюсь там и по возвращении подробно проинформирую вас, — тогда и примем окончательное решение. Сейчас одно могу вам сказать: я был бы счастлив иметь такого компаньона, как вы, Джо!

— Рад слышать это. В свою очередь могу сказать: у вас, Кочек, ясный ум, вы все схватываете на лету, с нами приятно иметь дело!

Перед отъездом Василий спросил у Жубера: не будет ли тот возражать, если он изымет из дела пятьдесят тысяч франков в счет своей доли? Ему нужно послать деньги домой, отцу.

Жубер с готовностью согласился — хоть сто тысяч! Василий сделал еще один шаг — задал Жуберу вопрос: как тот поступит, если возникнет необходимость ему, Кочеку, покинуть фирму? Предпочтет ли Жубер вести дела фирмы сам или возьмет нового компаньона?

Жубер был удивлен, — он не был подготовлен к ответу на такой вопрос и потому только молча пожал плечами.

Превратив пятьдесят тысяч французских франков в американские доллары, Василий поместил их через Парижское отделение в один из американских банков, тесно связанный с тяжелой промышленностью Германии.

Супружеская чета Кочек ехала во втором классе громадного океанского парохода. Путешествие было приятным. На небе ни единого облачка, море спокойное, каюта уютная. В большом бассейне подогретая морская вода, — купайся хоть круглые сутки. По вечерам в просторном зале с кожаными креслами демонстрировались кинокартины. В баре играл джаз, и после ужина пассажиры развлекались танцами.

По утрам Кочеки вставали чуть свет, поднимались на палубу и долго стояли у борта, наблюдая за рождением нового дня, — как просыпался океан и его зеленоватые воды, искрясь, озарялись солнечным блеском. В эти минуты казалось, что в воздухе звучит песня. Затаив дыхание, они слушали эту удивительную песню, сердца их наполнялись радостью бытия, а мысли уносили их далеко — к родным краям, забытому детству, и жизнь не казалась такой тревожной, какой была на самом деле...

Контрольный пункт Нью-Йорка состоял из двух смежных залов. В первом, более просторном, прибывшие в ожидании вызова пили кофе с бутербродами или прохладительные напитки, а во втором зале, за стеклянной перегородкой, сидели за длинным столом контролеры.

Василий вместе с Лизой тоже сели за маленький столик и заказали кофе, наблюдая за тем, что происходит в соседнем зале. Когда пришла их очередь, контролер, повертев в руках паспорт,

спросил:

- Потеряли, что ли, свой паспорт в Европе?
- Вроде этого...
- Не понимаю!
- Упал в реку, намочил паспорт. Пришлось просить новый...
- Лишнее, значит, пропустили!..
- Было дело.

— Понятно. Стоит нашему брату уехать из Штатов — и готово: словно с цепи срываемся! — Контролер поставил свой штамп и протянул паспорт соседу. Дальше все пошло как по маслу — все пять представителей разных ведомств Америки, начиная от разведки и кончая эмиграционными учреждениями, поставили свой штамп. Последний контролер, возвращая паспорт Василию, сказал, что тот может покинуть порт после осмотра вещей в таможене. Лизу ни о чем не спросили.

Предупрежденный телеграммой, Клод Гомье ждал их у выхода из порта. Они сердечно поздоровались. Клод посадил их в подержанный «форд» и повез в гостиницу, недалеко от Бродвея. Здесь они расстались.

— Отдыхайте, — сказал Клод, — а завтра, если ничего не будете иметь против, я приеду к вам утром, часам к десяти, и подробно проинформирую вас о делах.

— Очень хорошо! — Василий протянул ему руку. — Надеюсь, у вас все в порядке?

— Одно могу сказать: лучшего трудно ждать! У меня в портфеле уже восемнадцать договоров. Если найдете нужным, могу удвоить и даже утроить их количество, — ответил художник.

В тот же вечер Василий узнал телефон старика Ковачича и, позвонив, сообщил ему, что привез письмо от сына. Условились встретиться в одиннадцать утра в его конторе. Что касается сына нефтяного магната Адамса, Василий счел целесообразным связаться с ним после встречи с отцом Джо.

Мистер Ковачич оказался крепко скроенным, бодрым стариком. Он приветливо встретил Василия.

— Ну, как там мой лоботряс, не завел еще себе жену-француженку? — спросил он, прочитав письмо сына.

— Джо пользуется большим уважением у окружающих и ведет себя весьма достойно. Перед моим отъездом он замещал консула, — ответил Василий.

— Рад слышать это. Раз ему хочется, пусть делает дипломатическую карьеру, хотя я и не понимаю, зачем ему это. — Старик оценивающе посмотрел на Василия. — В письме Джо просит помочь вам советом и оказать содействие. Хотелось бы узнать, в какого рода совете вы нуждаетесь и в чем я могу оказать вам содействие?

— В Париже у меня доходное рекламное дело, — сказал Василий. — Но, как говорится, человек всегда ищет, где лучше. Недавно я побывал по делам своей фирмы в Германии и пришел к заключению, что можно хорошо зарабатывать на торговле с немцами. Хотелось бы услышать ваш совет по этому поводу. Джо сказал мне, что он тоже не прочь войти в дело и попытаться счастья. Но ехать в Берлин просто бизнесменом — едва ли что даст, тем более сейчас. Хорошо бы поехать туда в качестве представителя достаточно солидной американской фирмы, торгующей с Германией. Не могли бы вы оказать мне в этом содействие? Мне это не к спеху, я могу и подождать...

— В наше время хорошо заработать можно торговлей оружием. Если хотите сколотить себе капитал, займитесь этим!

— К сожалению, я в этом ничего не смыслю, да и вообще предпочел бы более мирное дело...

— Оказывается, вы щепетильный человек! — старик усмехнулся. — Чем же в таком случае вы хотели бы торговать?

— Прежде всего машинами, — я ведь по профессии механик. Можно — нефтью, бензином, смазочными маслами. Насколько мне известно, у немцев своей нефти нет...

— Об этом стоит подумать... Вы правы, с некоторых пор торговля с Германией оживилась, и расторопному малому тут есть чем заняться. Вы долго пробудете у нас?

— Дней десять — пятнадцать, не больше.

— В субботу приезжайте к нам с женой пообедать. Я пришлю за вами в гостиницу свою машину. Об остальном мы еще поговорим... Жаль, что не хотите заняться оружием! В наше время это самый ходкий товар, и здесь я мог бы оказать вам содействие...

— Всякое оружие в конечном итоге обязательно стреляет, а я по характеру человек мирный...

— Бизнес есть бизнес. А оттого, что вы не хотите заниматься этим делом, в мире оружия меньше не станет!.. Впрочем, каждому свое. — Заклучив так, Ковачич дал понять, что свидание окончено.

От разговора со стариком у Василия осталось странное впечатление. Неужели этот бывший славянин продает немцам оружие, зная заранее, что оно может быть направлено и против его соотечественников? А почему, собственно говоря, нет? Бизнес, есть бизнес...

Свидание с Адамсом-младшим состоялось на следующий день в конторе «Стандард ойл компани». Сказав секретарше, что желает лично передать мистеру Адамсу письмо от его друга Джо

Ковачича, и вручив ей свою визитную карточку, Василий сел в мягкое кресло и стал ждать. Работа в конторе мистера Адамса-младшего была отлично организована. Василий наблюдал, как накрашенная, модно одетая секретарша четко, без лишних слов соединяла шефа по телефону с кем полагалось и твердо отказывала другим, сообщая им, что мистер Адамс в данную минуту занят, сама вызывала по телефону нужных людей, успевая в то же время быстро стучать на пишущей машинке, расшифровывая застенографированные поручения шефа. За десять — двенадцать минут, в течение которых Василий дожидался приема, мистер Адамс успел поговорить с Лондоном, Берлином и Техасом.

Наконец Василия пригласили в кабинет. За большим письменным столом, уставленным разноцветными телефонными аппаратами, сидел широкоплечий, спортивного вида молодой человек лет тридцати — тридцати двух, с жесткими чертами лица, глубоко посаженными пронизательными серыми глазами.

Взяв у Василия письмо, он широким жестом пригласил его сесть в кресло.

— Я прочитаю письмо, и мы поговорим с вами, — сказал он.

Василий огляделся по сторонам. Кабинет сына нефтяного магната был обставлен скромно, значительно скромнее, чем его собственный кабинет в Париже.

Закончив чтение письма, Адамс спросил:

— Джо просит оказать вам содействие, — в чем именно оно должно заключаться?

— В Париже мои дела идут неплохо. За сравнительно короткий срок мне удалось сколотить там небольшой капитал...

— Какой? — перебил его американец.

— При ликвидации всех дел, думаю, наберется полмиллиона франков.

— А в долларах?

Пока Василий прикидывал в уме, мистер Адамс взял телефонную трубку и спросил у кого-то: «По какому курсу котируются сегодня французские франки?» И тут же записал ответ.

— Вы говорите, что вам удалось накопить небольшой капитал, — сказал он. — Продолжайте, я вас слушаю.

— Мне хотелось бы заняться чем-либо другим, более доходным...

— Почему?

— Деловому человеку свойственна неудовлетворенность своим положением, стремление к более широкому возможностям, — так уж устроен мир!.. Я убежден, что в современных условиях можно недурно зарабатывать, торгуя с немцами. Хочу податься в Германию и попытаться там счастья... Может быть, вы, мистер Адамс, могли бы поручить мне какое-нибудь дело в Германии?

Вместо ответа американец начал задавать вопросы:

— Вам известно, что немцы покупают главным образом стратегическое сырье и очень мало других товаров?

— Да.

— Что они вынашивают агрессивные планы?

— Тоже известно.

— И что же вы думаете по этому поводу?

— Полагаю, что при умении можно направить агрессию немцев туда, куда желательно...

— А именно?

— На Восток, — ответил не задумываясь Василий.

Наступила небольшая пауза. Адамс думал о чем-то, барабанил пальцами по столу.

— Вы могли бы взять на себя представительство нашей компании в Германии? — наконец спросил он.

— Мог бы, если, конечно, условия будут приемлемы.

— Один процент с общей суммы оборота, — сказал Адамс.

— А чему равняется сумма оборота? — спросил Василий.

— Это зависит от вас, — чем больше будете продавать, тем больше будет и ваш заработок.

— Я понимаю, это в перспективном плане. Все же хотелось бы знать, как обстоят дела сейчас?

— Мы только начали завязывать деловые отношения с Германией и заключили первый контракт на поставку бензина и смазочных масел на общую сумму в сто тысяч долларов. Повторяю, это только начало!

— Надеюсь, вы поймете меня, если я скажу, что мне надо жить, кормить семью и до налаживания наших дел с Германией.

— Ваши условия? — спросил Адамс.

— Нужно подумать. Подсчитать...

— Тогда послушайте меня: один процент с общего оборота, плюс покрытие всех ваших расходов, связанных с поездкой и пребыванием в Германии, еще — бесплатный перевоз на наших танкерах ста мешков кофе в каждый рейс. Подходит?

— Да, вполне.

— Когда можете приступить к работе?

— Месяца через три-четыре. Мне нужно ликвидировать свои дела в Париже.
— Немного поздновато, но ничего не поделаешь. Перед отъездом зайдите в наш юридический отдел, заключите соответствующий договор. Получите необходимую информацию и документы для ведения наших дел в Германии. Вам необходимо соблюдать одно условие: никогда, ни при каких обстоятельствах не разглашать наших коммерческих тайн. Никто не должен знать, что мы продаем, кому и по какой цене. Джо пишет, что на вас можно положиться, — буду рад, если это так.
— Мистер Адамс, уверен, что вы останетесь довольны мною. Кстати, Джо хочет вступить со мною в компанию...
— Зачем это ему? Пусть работает в компании с отцом, — старик ворочает миллионами, и Джо его единственный наследник!
— Думаю, будет лучше, если я не стану вмешиваться в чужие семейные дела. Если Джо захочет работать со мной, — пожалуйста, я не против!

На этом беседа закончилась.

Дело было сделано, торчать зря в Нью-Йорке не имело смысла. Оформив документы в юридическом отделе компании и познакомившись с некоторыми секретными деталями, связанными с торговлей в Германии, Василий возвращался с Лизой в Париж на том же океанском пароходе. Кроме доверенности, уполномочивающей его представлять интересы «Стандард ойл компани» по всей Германии, заключать договоры на поставку нефти, бензина, смазочных масел и учинять расчеты, он вез с собой новые контракты на оформление витрин кинотеатров и универсальных магазинов Нью-Йорка. Гомье оказался молодцом, — кроме того, что он умел хорошо рисовать, он проявил незаурядные организаторские и коммерческие способности. Прощаясь с Василием, он уверял его, что при желании дело в Америке можно расширить в колоссальных масштабах.

Вечером, в первый день плавания, спустившись в свою каюту, Василий сказал Лизе:

— Мы провернули в Нью-Йорке поистине колоссальное дело, — шутка сказать: Ярослав Кочек, американец славянского происхождения, он же Василий Максимов, — уполномоченный и доверенное лицо всемирно известной нефтяной компании в Германии! Я уверен, что немцы будут ухаживать за нами...

— Я уже говорила, что боюсь фашистов. От людей, не имеющих ни чести, ни совести, всего можно ожидать. Гитлер сам пишет в своей книге, что он освобождает свой народ от всех моральных обязательств...

— Все правильно, за исключением одного, самого главного: ты не учитываешь, что фашистской Германии нужны бензин и смазочные масла, без которых не сдвинется с места ни один танк, не поднимется в воздух ни один самолет. При такой зависимости от Америки какой им смысл ссориться с представителем нефтяной компании?

— Как бы ты не переоценил свои силы!.. Не забывай, что в случае особых обстоятельств американцы не заступятся за тебя. Ты слышал, с каким цинизмом рассуждал о политике старик Ковачич, когда мы были у него на обеде. Он говорил: «Сильные всегда пожирают слабых, — таков закон природы. Если мои соотечественники, югославы, хотят, чтобы немцы не проглотили их, как удав кролика, пусть не дают повода к ссорам о сильным соседом». В этих словах заключен весь моральный кодекс буржуазного мира!..

— Да, старик страшноватый человек! Он всячески уговаривал меня быть уполномоченным его фирмы и поставлять Германии новейшие самолеты-бомбардировщики, авиамоторы и другое вооружение, обещая при этом золотые горы. В ответ на мои опасения, что фашисты используют это вооружение для порабощения других народов, и в первую очередь своих ближайших соседей, он сказал, что я наивный, даже сентиментальный человек и не понимаю простых вещей: если у немцев есть деньги, они все равно купят вооружение, не в Америке, так в той же Европе!

— Это похоже на правду!..

— К сожалению, похоже... Здесь только и слышишь на каждом шагу, что деньги не пахнут. Боюсь, как бы самолеты не сбросили бомбы на голову тех, кто продал их!..

— Но ведь, осуждая других, ты сам собираешься участвовать в этой страшной игре — продавать фашистам если не бомбы, то горючее...

— Иногда большая цель оправдывает средства. Я уверен, что «отец» одобрит мои действия, узнав, что я нашел надежное прикрытие для работы в Германии!..

Василий и Лиза вернулись в Париж в самый разгар лета. Состоятельные жители столицы разъехались по своим поместьям, загородным виллам, по морским курортам. Город был переполнен иностранными туристами. Отели и рестораны работали с полной нагрузкой. Деньги со всего мира текли в Париж, и жизнь, веселая, легкая, кипучая, шла своим чередом.

Жубер тоже казался повеселевшим, жизнерадостным, снова насвистывал арии из классических опер и модные песенки. Его беззаботность так удивила Василия, что он, против обыкновения, попытался затеять с ним серьезный разговор:

— Скажите, Жубер, чем объяснить, что сейчас, когда весь мир встревожен событиями в Германии, французы относятся к ним совершенно безразлично?

— Французы, мой друг, привыкли к спокойной жизни. Они не хотят замечать ничего, что может нарушить их покой. Так ведь легче жить!

— А вам никогда не приходит в голову, что, может быть, придется жестоко расплачиваться за такую беспечность?

— Какой смысл заглядывать так далеко и раньше времени портить себе настроение? Если настанет час расплаты, тогда и будем думать.

— А не поздно будет?

— Дорогой мой, я фаталист. Чему быть, того не миновать! И расстраивать себя всякими предположениями не собираюсь, — это бессмысленно. Я заранее знаю, от моего хотения или нехотения ничего не зависит. Мой девиз — живи, пока живется! Человеку, слава богу, не дано знать, что его ждет впереди...

Лишний раз убедившись, что вести с Жубером беседу о политике совершенно бесполезно, Василий заговорил о другом:

— Помните о нашей беседе перед моим отъездом в Америку? Как вы думаете поступить, если я уйду из фирмы? Тогда вы определенного ответа не дали...

— Вы это всерьез?

— Вполне. В конце года я думаю покинуть Францию.

— Дорогой Кочек, извините за откровенность, но я удивляюсь вам! Чего вам здесь не хватает! Налаженное дело, большие доходы. За короткое время вы сумели скопить целое состояние и при желании можете его умножить. Если вас потянуло к земле, купите поместье в живописном месте, разводите скаковых лошадей или породистый скот. Посещайте бега, поезжайте в Монте-Карло — играйте в рулетку, веселитесь. Наконец, заведите красивую любовницу. При таких доходах, как у нас с вами, человек может позволить себе все, что угодно!

— Думаю, что все это не для меня.

— Не понимаю почему. Но раз вы так решили, ничего не поделаешь. Деньги вы можете получить в любое время, — я проверил и убедился, что у нас хватит свободных средств, чтобы рассчитаться с вами полностью. Больше того, фирма может продолжать свою деятельность без вложения дополнительных капиталов.

— Жубер, раз вы занялись подсчетом денег, то знаете, что составляет моя доля? — спросил Василий, хотя сам хорошо знал это.

— Приблизительно семьдесят тысяч франков минус пятьдесят тысяч, которые вы уже взяли. Итого — четыреста двадцать тысяч франков. Но вы же не завтра собираетесь уезжать, а до конца года мы еще заработаем.

— Неплохо было бы округлить свой капитал до полумиллиона франков. Полмиллиона! Это звучит...

— Оставайтесь, и вы достигнете этого без особого труда, — ответил Жубер и добавил: — Я убежден, что отныне смогу вести дела фирмы самостоятельно, а следовательно, соответственно увеличатся и мои доходы. Но все же я предпочел бы работать с вами. Буду очень рад, если вы измените свое решение и останетесь!..

С Джо Ковачичем Василий встретился в итальянском ресторане за ужином. Говорил больше он, а Джо лишь изредка вставлял реплики. Казалось, он готов был до утра слушать рассказы Василия об отце, о том, как Василий был принят Адамсом, и об Америке вообще.

— Я же говорил, что в колледже мы очень дружили с Адамсом! Видели, как он вас принял?

— Он не только любезно принял меня, но и поручил представительство от нефтяной компании в Германии. — Василий передал Ковачичу подробности своего разговора с Адамсом.

— Как же вы решили поступить?

— Вот об этом мне и хотелось с вами потолковать. Я принял предложение мистера Адамса и, как только ликвидирую свои дела здесь, поеду в Берлин... Джо, надеюсь, вы помните, что перед моим отъездом в Америку собирались стать моим компаньоном?

Ковачич кивнул головой.

— Тогда послушайте, что я вам скажу. Мистер Адамс предложил мне, в качестве дополнительного вознаграждения, бесплатно перевозить на танкерах компании по сто мешков кофе в каждый рейс. Я подсчитал: если мы будем работать вместе и просто станем продавать кофе немцам, то получим по пять тысяч долларов с каждой партии, не меньше. Немцы ввели у себя строгие ограничения на вывоз из страны валюты. Но вы ведь понимаете, что их марки не нужны нам в Америке. К тому же у них очень высокие пошлины. Если бы вы сумели договориться со своими друзьями — дипломатическими работниками в Германии — о том, чтобы они разрешили нам использовать дипломатическую почту для вывоза твердой валюты и переписки, касающейся наших коммерческих дел, тогда все было бы в порядке. Я возьму на себя всю остальную работу: получение и реализацию кофе, превращение марок в доллары. А если Адамс согласится увеличить количество переносимого на его танкерах кофе и прибавить к кофе еще несколько десятков ящиков сигарет,

наши доходи здорово бы увеличились!.. Предлагаю вам вполне разумный план разделения труда: ваши связи, моя работа и коммерческая смекалка.

— Мистер Кочек, ваше предложение принимается! — торжественно объявил Ковачич. — С сегодняшнего дня вы можете считать меня своим компаньоном. Генеральный консул Америки в Берлине — мой однокашник по спецкурсам Роджерс, Джек Роджерс, отличный парень. Для меня он сделает все. Надеюсь столкнуться и с Адамсом, — что ему стоит подкинуть нам пару сот мешков кофе и несколько ящиков сигарет? Танкеры все равно ведь пересекают океан. В крайнем случае используем моего старика, — он тоже фрахтует пароходы и может дать указание капитанам подбросить нам и кофе и сигареты. Итак, по рукам!

— По рукам!..

Через несколько дней после этого разговора секретарша доложила Василию, что какой-то человек настоятельно просит, чтобы его принял мсье Кочек.

— Посоветуйте ему обратиться к директору-распорядителю, мсье Лярошу.

— Я уже говорила ему это, но он желает видеть именно вас.

— Ну, пусть зайдет!..

У посетителя было помятое лицо, тусклый взгляд, да и костюм на нем тоже был мятый и потертый.

— Я вас слушаю, — сказал Василий, чувствуя к этому человеку какую-то невольную неприязнь.

— Меня зовут Гастон Фове, — представился посетитель. — Я изготовил крем для лица по совершенно новой рецептуре, назвал его «Кристалл»... Мой крем отличного качества, но, к сожалению, в наше время без солидной рекламы успеха не добьешься, если даже изобретешь вечный двигатель. Мы с вами можем заработать кучу денег, если вы возьметесь рекламировать мой крем. Само собою разумеется, что реклама должна быть широкая и броская. — С этими словами он достал из старенького портфеля баночки с кремом в красочных упаковках и разложил их перед Василием.

— В чем же заключаются достоинства вашего крема? — спросил Василий.

— Я уже говорил вам, что «Кристалл» изготавливается по особой рецептуре, в его составе имеются очень важные компоненты — пчелиный воск, смягчающий кожу лица, сглаживающий морщины, питательные вещества... Вы же понимаете, я не могу разглашать раньше времени секрет «Кристалла»...

— Скажите, мсье, вы предъявляли свое изобретение органам здравоохранения и получили разрешение на производство нового крема?..

— Нет...

— Зачем же вы пришли к нам?

— Странно!.. Неужели вы не хотите заработать большие деньги?

— Хотим, но только законным путем. Предъявите нам разрешение на производство вашего крема и рекомендацию управления гигиены, и мы примем у вас заказ на любую рекламу.

— Ах, мсье, мсье! Разве вы не понимаете, что если я обращусь в официальные учреждения за разрешением, то парфюмерные фабриканты убьют меня еще до рождения, — что называется, в утробе матери. Предлагаю вам половину всех доходов...

— Нет, мсье Фове. У нас солидная фирма, и мы незаконными операциями не занимаемся.

— А если я предложу вам крупную сумму наличными?

— Тоже нет.

— Так я и поверю, что вы разбогатели только на законных операциях!

— Это уж ваше личное дело!.. Надеюсь, вы понимаете, что нам с вами больше не о чем разговаривать?

— Как не понимать, конечно, понимаю! Разве можно жить на этом свете без протекции? Вы просто не доверяете мне. — Посетитель горестно вздохнул и вышел из кабинета, даже не попрощавшись. Василий был озадачен: кто он — подсланный шпик или неудачник, один из тех, кто всю жизнь охотится за легким заработком и никогда ничего не добивается?

Вслед за изобретателем крема в кабинет Василия вошел скромно одетый человек средних лет.

— Мсье, я прибегаю к вашей помощи, надеюсь на вашу гуманность и человеколюбие! — бойко начал он. — Я — один из тех, кто имеет несчастье быть занесенным в черный список за свои политические убеждения, а у меня жена, дети... Прошу вас, дайте мне работу, какую угодно, но работу!

— А почему вы решили обратиться именно ко мне? — спросил Василий, не веря ни единому слову посетителя.

— По слухам, вы человек широких взглядов. Может быть, для вас не будет иметь значения то обстоятельство, что я занесен в черный список...

— Ваши сведения обо мне совершенно ошибочны, — перебил Василий. — Я прежде всего коммерсант. Политикой никогда не интересовался и, надеюсь, не буду интересоваться и впредь. Если вы действительно очутились в отчаянном положении, могу предложить вам десять франков.

— Мсье, вы напрасно боитесь меня!

Василий, не отвечая, нажал кнопку звонка и, когда вошла секретарша, сказал:

— Проводите, пожалуйста, этого господина. Если он пожелает, скажите кассиру, чтобы тот выдал ему десять франков!

Человек ушел, осторожно ступая по ковру, словно под его ногами было заминированное поле. А на душе у Василия остался скверный осадок: кому понадобилось подсылать к нему провокаторов?..

Наконец приехал курьер, и Василий получил от «отца» долгожданный ответ на свое письмо. Как и нужно было ожидать, «отец» высоко оценил то, что Василий имеет возможность поехать в Германию не просто бизнесменом, а представителем американской нефтяной компании. «Ты даже представить себе не можешь, как это здорово и какие перспективы откроет перед тобой это представительство для работы в фашистской Германии», — писал он. Он не торопил Василия с отъездом в Берлин. «Не спеши, ликвидируй свое дело по всем правилам, чтобы не понести убытков. Перед отъездом поговори по душам и в возможных пределах откровенно с Борро и со своими друзьями по спортивному клубу — Маринье и де ла Граммоном, чтобы, в случае особой нужды, можно было на них опереться...» И опять — ни слова об отпуске или поездке домой, хотя бы на короткое время...

Ночью 30 июня 1934 года, названной современниками ночью «длинных ножей», Гитлер беспощадно расправился со своими противниками внутри фашистской партии во главе с Ремом. В эту ночь по приказу Гитлера было убито свыше тысячи излишне честолюбивых нацистов, в их числе — генерал Шлейхер. Спустя несколько дней после этих кровавых событий Гитлер, выступая по радио, цинично объяснил немцам причину «чистки» 30 июня:

«...Рем проводил свою личную политику, он хотел организовать мое убийство, и заговор был подготовлен. 1 июля в 16 часов 30 минут отряды штурмовиков должны были овладеть Берлином... Я покарал бунтовщиков. Как представитель германского народа, я имею право единолично вершить суд, приговор которого не подлежит обжалованию. Я приказал уничтожить заговорщиков, как это всегда делалось во все времена. Я отдал приказ расстреливать!..»

Всем стало ясно, что Гитлер и его ближайшее окружение не остановятся ни перед чем для достижения своих целей. Это понял и австрийский канцлер Дольфус. Он хотел было уехать из Австрии, но не успел, — 25 июля его убили.

К Василию прибежал взволнованный Сарьян и рассказал ему подробности этого очередного злодеяния нацистов.

— Четверо убийц ворвались в кабинет Дольфуса, предложили ему подать в отставку — «в целях достижения умиротворения и восстановления согласия» — и передать свои полномочия фон Ринтелену, доверенному лицу Гитлера. Убийцы пытались заставить канцлера выступить по радио — оповестить страну о принятом решении, отдать приказ войсковым частям, сосредоточенным перед зданием, разойтись. Они дали Дольфусу пять минут на размышление. Когда время истекло и канцлер по-прежнему ответил категорическим отказом, его тут же сразили пули... Дольфус, в известной мере, стал жертвой своей собственной политической игры, — сказал в заключение Сарьян. — Это по его инициативе были созданы хеймеры, вооруженные отряды реакции, и при их помощи были разгромлены все демократические партии и организации, утоплены в крови вооруженные выступления венских рабочих. Я глубоко убежден, что такая участь ожидает всех непоседливых политиков; в наши дни нельзя бороться с фашизмом, не опираясь на демократические силы нации!

Василий замечал, как под влиянием событий, охватывающих весь мир, зрели политические убеждения Сарьяна, как он из либерального интеллигента становился настоящим антифашистом. Это стало особенно ясно накануне марсельской трагедии...

К концу 1934 года, под руководством престарелого, многоопытного министра иностранных дел Барту, внешнеполитические позиции Франции значительно укрепились. Растерянность первых дней после захвата власти в Германии Гитлером уступила место активным действиям. Восточный Локарно — детище Барту — начинает давать первые плоды, особенно после вступления СССР в Лигу наций.

Гитлер, провозглашенный недавно «фюрером» и приступивший к реорганизации немецкой армии, был явно обеспокоен успехами внешней политики Франции и пытался принимать контрмеры. Прежде всего он укрепил контакты с Италией и Испанией, в которой назревала гражданская война. Нацисты переходят к своему излюбленному приему — террору в отношении неугодных политических деятелей соседних государств. На этот раз очередная жертва — югославский король Александр, а следом — воинственный министр Франции Барту...

Однажды Сарьян вернулся к себе домой значительно позже обычного, и Василий услышал его разговор с женой.

— Жаннет, мне совершенно необходимо срочно поговорить с Кочекком по неотложному делу!

— А если они уже спят? Неужели нельзя подождать до утра?

— Я сидел в их окнах свет. Все-таки попробую...

— Дело твое!..

Сарьян, поднявшись на второй этаж, тихонько постучал к Василию.

— Вы не спите?

— Нет, нет, заходите, пожалуйста! — Василий открыл дверь.

— Извините за позднее вторжение... Мне необходимо поговорить с вами.

Василий провел журналиста к себе в кабинет.

— Вы, конечно, слышали, что по приглашению французского правительства к нам приезжает король Югославии Александр для ведения переговоров о союзе, — сказал Сарьян, устало опустившись в кресло.

— Да, читал об этом в газетах.

— Вам известно также, что король Александр — один из злейших врагов фашистской Германии и Гитлер считает, что его нужно непременно убрать, как убрали Дольфуса, чтобы ни в каком случае не допустить сближения Югославии с Францией.

— По логике вещей это похоже на правду, но в то же время Франция — не Австрия, и здесь немецкие фашисты вряд ли рискнут на такой шаг.

— Дорогой мой, неужели я стал бы тревожить вас среди ночи только на основании каких-то логических рассуждений, не имея на руках фактов?.. Сегодня к нам в редакцию поступило весьма убедительное письмо, в котором человек, не желающий назвать себя, сообщает о готовящемся покушении на короля Александра и, если удастся, одновременно на Барту. Я дежурил в редакции, и письмо попало ко мне. — Сарьян достал из кармана конверт и протянул Василию.

Пробежав письмо, Василий сказал:

— Судя по подробностям, автор письма действительно в курсе дела!..

— Вот видите! Тогда давайте подумаем вместе, как мне поступить?

— Вероятно, прежде всего нужно опубликовать письмо. Если не целиком, то хотя бы в выдержках, — сказал Василий. — Этим вы убьете сразу двух зайцев: дадите понять организаторам покушения, что их планы раскрыты, и откроете глаза полиции.

— Bravo! Только напечатать нужно именно выдержки из письма, не сообщая, что оно анонимное. И конечно — запросить правительство: какие меры принимаются для охраны высокопоставленного гостя Франции, его величества короля Югославии? Взять интервью у сотрудников Сюртэ Женераль и тоже опубликовать на страницах газеты. Это произведет впечатление. Короче — нужно бить тревогу, и чем громче, тем лучше!..

— Вот именно, бить тревогу!

После ухода журналиста Василий облокотился на подоконник и долго смотрел в темноту. Ночь была тихая, звездная. Снизу доносился одуряющий запах цветущего табака. Изредка на шоссе появлялась полоса света — проносилась автомашина, и снова все погружалось в темноту.

«Неужели нацистам удастся еще одно убийство?» Василий понимал, что при сложившихся обстоятельствах исчезновение с политической арены одного из последовательных противников немецкой экспансии, искреннего друга Франции может коренным образом изменить соотношение сил на Балканах...

Через день на страницах газеты, в которой работал Сарьян, появилось сенсационное сообщение о готовившемся покушении на короля Югославии Александра. Сообщение подкреплялось цитатами из письма в редакцию осведомленного автора, не пожелавшего огласить свое имя. Газета обращалась к правительственным органам с просьбой уведомить ее о том, какие меры принимаются для охраны короля.

Сообщение прошло незамеченным: ни один орган печати не откликнулся на него, промолчало и правительство. В метро, в кафе, в гостиницах, читая это сообщение, люди пожимали плечами, — ерунда, мол, очередная утка! Какому-то писаке захотелось блеснуть выдумкой. Кто, в самом деле, осмелится поднять во Франции руку на союзника и гостя страны?..

Через несколько дней, в утреннем выпуске своей газеты, Сарьян сообщил новые подробности плана покушения на короля Югославии Александра. Он писал о том, что, по имеющимся точным сведениям, покушение готовят руководители хорватских террористов Павлович и Першич, живущие в Берлине. В их дневнике, опубликованном там, говорится, что они подписали соглашение с македонскими националистами о совместных действиях.

Другая газета, «Пари-миди», опубликовала на своих страницах выдержки из дневника Павловича и Першича, в которых авторы прямо заявляли, что ставят перед собой задачу уничтожить руководителей Югославии и установить в ней власть националистов.

Правительство и полиция по-прежнему считали, что особых мер по охране короля принимать не следует...

...Ровно в два часа дня 9 октября король сходит с корабля на набережную Марселя. Его встречают министр иностранных дел Франции Барту и генерал Жорж. Они садятся в открытый автомобиль. На пути их следования нет сплошного кордона — полицейские расставлены через каждые десять метров. Ни мотоциклисты, ни кавалеристы не сопровождают автомашину, только один полковник гарцует на лошади с правой стороны. Короче говоря, нет никакой охраны, словно все сделано, чтобы облегчить террористам их черное дело...

В то время, когда машина проезжает мимо здания биржи, из толпы выскакивает человек. Лошадь полковника, то ли испугавшись его, то ли по желанию всадника, встает на дыбы. Человек беспрепятственно вскакивает на подножку автомобиля. Гремят выстрелы. Король Александр, обливаясь кровью, падает. Барту ранен в руку, генерал Жорж в живот.

Полковник, вместо того чтобы задержать преступника, тут же пристреливает его. Тело короля переносят в здание префектуры, над которым тотчас приспускают флаг — в знак того, что король умер. О раненом Барту забывают все. В течение почти трех часов никому не приходит в голову оказать помощь истекающему кровью министру, и он умирает на операционном столе больницы.

Премьер-министр Гастон Думерг созывает срочное заседание совета министров в связи с убийством короля Югославии Александра. В начале заседания раздается телефонный звонок и кто-то извещает премьера о смерти Барту.

— Не может быть! — восклицает Думерг и сообщает эту печальную новость министрам...

Некоторые министры не соглашались считать трагедию в Марселе результатом стечения роковых обстоятельств и требуют наказания виновных. Большинство же высказывается против: когда, мол, русским белогвардейцем был убит президент Думер, никто не понес наказания, хотя оснований для этого было больше чем достаточно, — почему же сегодня нужно принимать иное решение?..

Выдвигался еще один демагогический мотив: если наказать виновных, то тем самым правительство Франции принимает на себя ответственность за убийство на своей территории югославского короля Александра, а этого допускать ни в коем случае нельзя...

Правая печать стремится обойти марсельскую трагедию молчанием, делая вид, что ничего особенного не случилось, — югославские террористы убили своего короля. К Франции и к французам эта акция не имеет никакого отношения. Но орган коммунистической партии бьет тревогу. Разбирая подробно все обстоятельства покушения, доказывает, что власти, получившие из разных источников сигналы о готовящемся террористическом акте, не приняли никаких мер для его предотвращения. Больше того — террориста застрелили на месте, вместо того чтобы задержать и дать возможность следственным органам, размотав весь клубок, выявить подлинных организаторов преступления. Но те, кто думает, что со смертью террориста все концы спрятаны, ошибаются: уши подлинных организаторов преступления торчат на поверхности. Придет время — они ответят сполна за все!..

Правительство подает в отставку.

Министром иностранных дел Франции становится Пьер Лаваль...

В эти тревожные дни Василий неожиданно получил повестку из полиции с предложением явиться в комнату № 24 к дежурному комиссару. Он тщательно перебрал в памяти все, что случилось с ним со дня высадки в Марсельском порту, обдумал каждый свой шаг и не смог вспомнить ничего, что могло бы послужить причиной вызова в полицию. Шагая по комнате городской квартиры из угла в угол, Василий еще и еще раз вспоминал малейшие подробности своей жизни, встречи с разными людьми, деловые разговоры и сердечные беседы. Он всегда был осторожен, взвешивал каждое свое слово — и вот все-таки получил приглашение в полицию... Неужели это связано с посещением того подозрительного субъекта? Или полиция пронихала что-нибудь, связанное с получением американского паспорта? Тогда дело хуже, неприятностей не оберешься...

Правду сказать, теперь, когда он собирался уехать из Франции, вызов в полицию большого значения не имел. Самое большее, что могут с ним сделать, — предложить покинуть пределы Франции. Его беспокоило другое: по-видимому, он допустил какую-то ошибку. А это уже провал — брак в работе...

В таких рассуждениях прошла ночь. И только когда небо начало медленно бледнеть, когда приблизился серый осенний рассвет, Василий открыл окно. В комнату хлынул холодный воздух. С улицы доносился нарастающий шум, вмещавший в себя и шаги пешеходов, и шуршание шин автомобилей по асфальту, и крики уличных торговцев, и заводские гудки. День Парижа начинался...

Василий быстро разделся и лег в постель, чтобы хоть немного вздремнуть перед трудным днем. Но уснуть ему так и не пришлось, — предстояло решить трудную задачу, о которой он совсем забыл: какой паспорт предъявить полиции — чехословацкий или американский? Конечно, отношение к американцу будет совсем другое, но предъявить американский паспорт Василий не мог: во всех документах, в банке, в торговой палате он значился Ярославом Кочекком, подданным Чехословацкой республики.

Ровно в восемь часов Василий был на ногах. Тщательно побрился и, приняв ванну, почувствовал себя бодрим. Лизе он ничего не говорил о вызове в полицию, — зачем тревожить ее раньше времени?

В конторе он занялся текущими делами, а ровно в двенадцать был в полиции, постучал в дверь комнаты № 24 и услышал сердитый голос: «Войдите!..» За столом, заваленным папками, сидел

средних лет человек в штатском. Прочитав протянутую Василием повестку, он предложил ему сесть на стул против себя.

— Давно проживаете во Франции? — спросил он после небольшой паузы.

— С весны тысяча девятьсот тридцать первого года.

— Национальность, подданство, занятия?

— Словак, чехословацкое, совладелец рекламной фирмы «Жубер и компания».

— Состоите ли в политических партиях или организациях?

— Нет, не состою.

— Убеждения?

— Я коммерсант. И убеждения мои заключаются в том, что нужно зарабатывать деньги — чем больше, тем лучше, — ответил Василий.

— И вы преуспели?

— У меня нет никаких оснований жаловаться на судьбу...

— Скажите, мсье Кочек, вы слышали об убийстве югославского короля в Марселе?

— Читал об этом в газетах.

— Что вы думаете по этому поводу?

— Как христианин, считаю это зверством. Никто не имеет права убивать себе подобных...

Комиссар раскрыл лежавшую перед ним папку и стал перелистывать какие-то бумаги, потом поднял голову и произнес целую речь:

— Видите ли, мсье Кочек, славяне неблагодарные люди, — на наше гостеприимство они отвечают злом. Один русский, спасшийся у нас от большевиков, убил президента Думера, а на днях другой славянин, не то из Македонии, не то из Хорватии, убил своего короля и тем самым причинил нам большие неприятности. Согласитесь, что нашему терпению может прийти конец!.. Перед лицом таких обстоятельств мы вынуждены принять надлежащие меры и обезопасить себя от возможных эксцессов на будущее. Принято решение выселить из Франции всех подозрительных славян, чем бы они ни занимались... — Комиссар сделал паузу и посмотрел на Василия: какое впечатление произведут на того эти слова?

Василий сидел спокойно, вертел в руке связку ключей от машины.

— Впрочем, это решение не касается порядочных людей, — продолжал комиссар. — Мы, французы, народ гуманный и умеем отличать белое от черного. К примеру, взять вас. Множество почтенных людей отзываются о вас весьма положительно. — Комиссар опять начал перелистывать бумаги в папке. — Вот ваш бывший компаньон, владелец авторемонтного завода мсье Франсуа Ренар, хозяин бара того же городка, начальник полиции Руле, члены правления спортивного клуба господ Маринье и де ла Граммон, ваш нынешний компаньон мсье Жубер и, наконец, ваш духовник дают о вас самые лестные отзывы как о примерном семьянине, верующем католике и трезвом, порядочном и благонадежном человеке... Следовательно, вы составляете приятное исключение и можете прожить во Франции, сколько будет вам угодно! — заключил комиссар.

— Мне остается только поблагодарить вас! — сказал Василий.

— Я побеспокоил вас с единственной целью: объявить вам об этом. Не смею больше задерживать! — комиссар протянул руку.

Василий пожал руку комиссара и вышел. И только на улице, садясь в машину, он понял, какого напряжения стоил ему этот визит в полицию. Все-таки и на этот раз пронесло!..

Василий был доволен собой: оказывается, он составляет исключение для парижской полиции! Можно ли было думать о более лестной аттестации? И все же вызов в полицию послужил толчком, — после него благонадежнейший мсье Кочек ускорил ликвидацию своих дел.

Прежде всего Василий договорился с Жубером о том, что изымет причитающиеся ему деньги постепенно, до конца декабря, чтобы фирма не испытывала никаких финансовых затруднений. Он брал ежемесячно по пятьдесят тысяч франков, превращал их в доллары по официальному курсу — одиннадцать франков семьдесят сантимов за доллар — и переводил на свой текущий счет в американском банке.

Он еще не забыл о своем вызове в полицию, когда Лиза рассказала ему о новой неприятности.

— Ты подумай только, они выследили его и хотели убить!..

— Кто кого выследил, кого хотели убить?

— Выследили профессора Николаи и вчера ночью напали на него, хотели убить.

— Откуда ты узнала об этом?

— Рассказал наш декан, он друг профессора Николаи. Он был в больнице, беседовал с ним и узнал, что поздно ночью к Николаи позвонили. На вопрос: «Кто там?» — последовал грозный окрик: «Открывайте, полиция». Профессор открыл дверь, и к нему ворвались трое здоровенных молодых парней. Он попытался оказать сопротивление, даже сбил одного с ног, но что может сделать один человек, каким бы он ни был смелым, против трех вооруженных бандитов? Несколько ударов ножом — и профессор, обливаясь кровью, упал и потерял сознание. Решив, что он мертв, убийцы ушли, забыв закрыть дверь квартиры. Соседка, жившая этажом выше, увидела открытую настежь дверь, подняла тревогу, вызвала полицию... По словам врачей, жизнь профессора Николаи вне опасности,

но он в тяжелом состоянии. Мерзавцы, нашли-таки старика!.. — У Лизы задрожали губы, глаза наполнились слезами.

— Нужно отдать им справедливость, работают смело!.. Какую широкую разведывательную сеть должны иметь нацисты, чтобы так легко выследить неугодного им человека и организовать покушение на его жизнь в чужой стране!

— Как ты думаешь, не могли они выследить и меня?

— Ну что ты!.. Профессор Николаи — видная личность: он читал лекции, выступал со статьями, разоблачая махинации нацистов у себя на родине. Найти его не представляло особого труда... — Василий старался успокоить жену, но сам был встревожен не на шутку. Нацистские агенты, напавшие на след профессора Николаи, с таким же успехом могли выследить и Лизу. Тогда жизнь в Германии будет весьма сложна... Но если не ехать в Берлин Василию, снабженному такими солидными рекомендациями, то кому же ехать туда?..

За месяц до отъезда в Германию Василий написал своему новому патрону, мистеру Адамсу-младшему, что в конце года собирается ехать в Берлин и просит сообщить, нет ли дополнительных поручений, кроме тех, которые он получил в бытность свою в Нью-Йорке.

В эти дни Василий часто встречался с Джо Ковачичем. Однажды Джо встретил его с сияющим лицом:

— Ну, дружище, кажется, наше дело в шляпе! Мой старик раскошелится и обещает подбрасывать нам каждый месяц по несколько сот мешков кофе и сотню ящиков сигарет на зафрахтованных им пароходах, — в том, разумеется, случае, если у нас дело пойдет удачно. Вы только постарайтесь наладить отношения с таможенниками, а остальное будет — о'кэй! Мы с вами такие деньги зашибем, что чертям тошно станет. Мне очень важно начать зарабатывать самому, чтобы доказать старику, что он ошибается, думая обо мне как о бездарном чиновнике госдепартамента. Кстати, в своем письме отец хвалит вас: «Твой будущий компаньон серьезный человек, он произвел на меня весьма положительное впечатление, хотя мы с ним разошлись кое в чем!..»

— Все это прекрасно. Я почти уверен, что мне удастся договориться с таможенниками. Но весь вопрос заключается в перевозке валюты. Если мы не сумеем найти пути для вывоза твердой валюты, то перед нами встанут новые трудности...

— Не беспокойтесь! Я сегодня же переговорю по телефону с нашим генеральным консулом в Берлине и выясню все возможности...

Как будто все было готово для отъезда. Из Америки пришел ответ: Адамс писал, что единственное, о чем должен позаботиться мистер Кочек, это увеличение поставок нефти, бензина и смазочных масел. Дела в рекламном бюро тоже были ликвидированы; никаких недоразумений между компаньонами не возникло, и Василий расставался с Жубером дружески. Оставалось выполнить последнее поручение «отца»: переговорить кое с кем из друзей по душам.

Прежде чем навсегда покинуть свой кабинет, Василий счел уместным вызвать к себе художников, мастеров и других работников конторы и с каждым попрощаться, сказать добрые слова. Борро он вызвал в первую очередь.

— Дорогой Анри, с вами у меня особый разговор, — начал Василий. — Прежде всего хочу поблагодарить вас за все хорошее, что вы сделали для фирмы. И еще хочу надеяться, что оставляю здесь верного друга и, в случае надобности, могу целиком положиться на него...

— Не сомневайтесь в этом! — ответил художник.

— Учтите, Анри, вы можете понадобиться мне не ради каких-то моих личных дел... Ну, как бы сказать яснее, чтобы вам было понятно?..

— Мсье Кочек, не считайте меня наивным младенцем. Я, возможно, догадываюсь, кто вы и чего добиваетесь. Можете говорить со мной совершенно откровенно!..

— Отлично, будем говорить откровенно!.. Но прежде всего скажите мне — кто я и чего добиваюсь?

— Вы — революционер-антифашист, боретесь против фашистов и, конечно, выступаете не только от своего имени...

— А от чьего же?

— Точно не знаю... И думаю, что это не так уж важно. Важно, что наши интересы совпадают, — я имею в виду французских патриотов. Скажу вам на прощанье еще одно: вы, без сомнения, очень талантливый человек, и ваша работа всегда вызывала во мне немножко доброй зависти. Я старался учиться у вас и, кажется, кое-чему научился. Всегда, при всех обстоятельствах вы можете положиться на меня!

— Наступают трудные времена, Анри!.. Не исключено, что Гитлер захочет свести счеты с Францией. Это было бы трагедией не только для вас, французов, но и для всего человечества. Может быть, настанет такое время, когда нам придется действовать сообща... Не дожидаясь этого, постарайтесь сплотить вокруг себя настоящих патриотов, научитесь конспирации, готовьтесь к боям. Я не сомневаюсь, что они не за горами. Если когда-нибудь от меня придет человек и скажет вам: «Мне хотелось бы заказать вам портрет», — доверьтесь ему!..

— Я понял вас! — Борро порывисто обнял Василия и быстро вышел.

К удивлению Василия, разговор с Маринье не получился, тот держался неприступно, отвечал односложно и кончил тем, что сказал:

— Мсье Кочек, я знаю, вы честный человек и заслуживаете всякого уважения, но я считаю невозможным сотрудничество с вами. Хочу вас заверить, что мы, французы, как-нибудь разберемся в своих делах без чужой помощи!

Совсем по-другому вел себя де ла Граммон. Он сердечно принял Василия, когда тот пришел прощаться.

— Да, вы правы, времена наступают трудные!.. Доверительно могу признаться вам, что боюсь, как бы наши тупоголовые правители, не видящие ничего дальше своего носа, не привели нас к катастрофе, — говорил он. — Они делают Гитлеру уступку за уступкой, не понимая, что ему дай только палец — он и всю руку и голову отхватит!.. Вы не обижайтесь на нашего друга Маринье, — он типичный представитель чиновничьей касты Франции. Но человек он честный и истинный патриот. В критический момент он будет стоять по эту сторону баррикад. Мне искренне жаль расставаться с вами!.. Пишите, дайте о себе знать, и, если я чем-нибудь смогу быть полезным, всегда к вашим услугам!

С Сарьяном простились, как прощаются перед долгой разлукой давние и близкие друзья.

— Дорогой друг, — говорил журналист, — после вашего отъезда я осиротею, мне не с кем будет отвести душу. Не забывайте меня и, если будет удобно, пишите чаще! — Он дал Василию берлинский адрес Ганса Вебера и еще раз повторил, что на того можно вполне положиться.

Визы на въезд в Германию получены, билеты на курьерский поезд Париж — Берлин приобретены, необходимые покупки сделаны. Даже автомобиль отправлен багажом. Накануне отъезда Василий в последний раз поужинал с Ковачичем. Они договорились обо всем. Джо передал Василию рекомендательное письмо своему другу, генеральному консулу Америки в Берлине О'Кейли. Распив последнюю бутылку вина, вышли из ресторана. На улице было сыро, большие хлопья снега кружились в воздухе.

— Ну, старина, желаю успеха! Всецело рассчитываю на вас, надеюсь, что скоро мы с вами сколотим порядочное состояние! — Джо крепко пожал руку Василию, остановил такси и уехал.

Василий шагал по улицам Парижа со смешанным чувством: ему было жаль уезжать из этого прекрасного города, но, с другой стороны, ему казалось, что настоящая работа начнется там, в Германии. «Будет трудно?» — спрашивал он сам себя и тут же отвечал: «Может быть»... И думал о том, что так или иначе начинается новая полоса в его беспокойной биографии.

14

На этот раз Василий остановился в Берлине в обыкновенной, сравнительно недорогой гостинице, — теперь ему не требовалось набивать себе цену. Отношение к американскому подданному было в Германии более чем предупредительным, — это он почувствовал еще в дороге, при переезде франко-германской границы, когда пограничники почтительно брали его и Лизин паспорта и тут же возвращали о поклоном обратно, а таможенники только делали вид, что осматривают вещи американского пассажира, — приподнимали крышки многочисленных чемоданов, не интересуясь их содержимым.

В гостинице Василию предоставили номер-люкс на третьем этаже с ванной и телефоном. Портье и другие служащие гостиницы встречали американскую чету с неизменной улыбкой на лицах, стараясь мгновенно выполнить любые ее желания. Единственное, чего они не могли сделать, это досыта накормить заокеанских гостей. В ресторанах по всей территории третьего рейха были установлены определенные дни для мясных и рыбных блюд, в остальное время подавали блюда из овощей, хлеб заменяли суррогатом, сливочное масло маргарином.

Прожив в гостинице несколько дней и показав Лизе город, Василий решил, что пора браться за дела — нанять квартиру, связаться с фирмой-покупательницей, явиться и американское консульство для регистрации. Он попросил портье подсказать ему, как и где найти в Берлине квартиру. Портье дал Василию адреса и телефоны нескольких контор по сдаче и найму квартир. На звонки Василия отвечали вежливые девицы, служащие этих контор, задавали множество различных вопросов: в каком районе, на каком этаже, из скольких комнат господин хотел бы нанять квартиру? С центральным отоплением или печным? С ванной или без? И наконец, последние и самые существенные вопросы: национальность и подданство? Тут же предупреждение, что иудеям квартиры не сдаются. Василий сообщал, что он не возражал бы против небольшого особняка, обязательно с гаражом.

Наем квартиры в Берлине оказался делом не сложным, — пустовало много квартир, даже целые дома, в особенности после высылки из Германии евреев. Уже на следующий день Василию сообщили, что могут предложить особняк из восьми комнат, обставленный новой мебелью, с большим садом и гаражом, в районе Потсдама. Василий и Лиза поехали посмотреть особняк. Их сопровождал представитель конторы.

Белый двухэтажный дом с балконами посреди большого сада. За домом — гараж для трех автомашин с ямой и другими приспособлениями для ремонта. У ворот — сторожка. Водопровод, канализация, собственная котельная, угольный бункер, телефон. В цокольном этаже — кухня, холодильные камеры и помещения для прислуги. Все необходимое для райской жизни!..

Разумеется, в этих восьми комнатах, обставленных дорогой мебелью, Василию и Лизе делать было нечего. Но особняк имел целый ряд преимуществ по сравнению с городской квартирой, какой бы удобной она ни была. Высокий каменный забор отделял его от улицы. Отсутствие поблизости соседей исключало опасность подслушивания, и, наконец, тишина и чистый воздух тоже чего-то стоили.

Лиза, осмотрев все, невесело сказала:

— Здесь, конечно, хорошо, но чем я буду заниматься в этих хоромах целыми днями, когда ты уедешь в город?

— Будешь читать, займешься хозяйством... А когда тебе это надоест, поедешь со мной в город.

— А что я буду делать в городе?

— Ну, друг мой, мало ли чем можно заняться в таком большом городе, как Берлин? Музеи, картинные галереи, кино... Наконец, при желании, можно поступить на какую-нибудь работу. Ты знаешь языки, а здесь много американских учреждений.

— Ну, посмотрим, — неторопливо ответила Лиза и добавила: — Ты представляешь, какую заломят цену за этот дворец!..

— Вот это меня меньше всего интересует, — платить будет компания. Но если даже ей покажется дорого, доплачу из своих собственных средств. Их у меня немало, да и здесь заработаю...

Лиза молча пожала плечами.

Цену за особняк действительно заломили колоссальную — четыре тысячи марок в месяц. Приличная квартира из трех комнат со всеми удобствами в центре города стоила не больше трехсот марок.

— Нет, это для меня слишком обременительно, — сказал Василий, когда ему назвали эту цену при заключении договора, и предложил две тысячи пятьсот марок.

Должно быть, охотников снять особняк за такую сумму в Берлине было не так-то много, — предложение Василия приняли и, получив арендную плату за месяц вперед, заключили с ним договор. А еще через несколько дней, когда прибыла автомашина, Василий и Лиза переехали в особняк.

Теперь нужно было арендовать помещение для конторы, нанять служащих и начать нормально работать. Да и для особняка требовались садовник, сторож, истопник и горничная. Сторож, живущий в особняке, не внушал Василию доверия. До найма людей Василий решил повидаться с Вебером и побывать у генерального консула Америки — представиться и вручить ему письмо Джо Ковачича.

О'Кейли оказался симпатичным малым. Прочитав письмо, он сказал, улыбаясь:

— Покровительствовать подданным Соединенных Штатов моя обязанность. Если могу помочь вам советом — всегда к вашим услугам!.. Скажите, мистер Кочек, вы живете в гостинице или сняли квартиру?

— Снял особняк в Потсдаме и позавчера переехал туда с женой.

— Это ж безумно дорого! — воскликнул О'Кейли.

— Очень дорого, зато удобно — тишина, чистый воздух. Все это чего-то стоит... Потом, признаюсь вам, я надеюсь здесь прилично заработать и покрыть все свои расходы с лихвой. Если, конечно, вы поможете мне.

— Чем?

— Прежде всего советом. Мне нужно открыть в Берлине контору, нанять служащих, установить связи... В общем, масса всяких хлопот!

— Помещение для конторы найти легко: в деловой части Берлина много пустующих помещений, — места высланных евреев еще никто не занял. А вот с наймом людей будьте осторожны: здесь каждый третий или агент, или осведомитель гестапо. Смотрите, как бы они не подсунули вам своих людей, — сказал О'Кейли.

— А как этого избежать?

— Трудно, но можно. Хотите, мы порекомендуем вам кое-кого...

— Безгранично буду вам признателен!

— Не стоит благодарности, это тоже моя обязанность... Кстати, как вы устроились с питанием?

— Очень плохо. В Париже мы с женой привыкли к хорошей еде, здесь же одни овощи, вместо хлеба — картошка, а если и дадут изредка мясо, то такое, что есть нельзя. Не говоря уж о том, что нет приличного вина!

— Вы можете пользоваться нашим магазином, там за доллары вам продадут все, что вашей душе угодно. — Консул написал записку и протянул Василию. — Зайдите туда — это во дворе консульства, — купите все необходимое и сделайте заказ на будущее... В письме Джо просит меня кое в чем еще помочь вам... Об этом он говорил со мной и по телефону. Когда возникнет у вас нужда, приходите, — я сделаю все, что смогу.

— Я хотел бы спросить вас, мистер О'Кейли, как вы думаете, пойдут у нас здесь дела? Мне нацисты не внушают особого доверия...

— Нацисты во главе с Гитлером — дрянь, это, конечно, строго между нами!.. Они пробудили в немцах самые низменные чувства. Однако нацисты все же лучше, чем коммунисты. С нацистами можно договориться на определенных условиях, завязать с ними торговые отношения, как, к примеру, делает ваша компания, и неплохо заработать. А что коммунисты? Они не признают ни частной собственности, ни частного предпринимательства!

— Абсолютно согласен с вами!.. Без частной собственности мир рухнет... Признаться, я небольшой политик, но все же боюсь, как бы Гитлер не обманул нас... У него волчий аппетит. Сперва он проглотит своих ближних соседей, потом примется за крупных, — тогда и нам станет не особенно уютно в этом мире...

— По отношению ближних соседей — пожалуйста! Кушайте их, герр Гитлер, на здоровье, — никаких возражений!.. Нам удобнее иметь дело с одним мощным государством, чем возиться со всякой мелочью. Сказать вам правду, в наш век мелкие государства не имеют права на существование, и чем скорее произойдет их неизбежный распад, тем лучше. Пусть Гитлер встает на ноги и всей мощью обрушится на Советы — нас это вполне устроит!

— Вам никогда не приходило в голову, что Гитлер в конечном итоге обведет нас вокруг пальца? — спросил Василий.

— Ну что вы! — генеральный консул расхохотался. — Мы для Германии совершенно недостижимы!.. Он вынужден будет напасть на Советы. Гитлер и его ближайшее окружение хорошо понимают, что для них враг номер один — это большевики, что им не жить на нашей планете, пока существуют Советы. Если до этого немцы немножко потреплют зазнавшихся англичан, тоже будет неплохо, — образуется вакуум, а мы заполним его. Времена меняются, мистер Кочек. Англичане не имеют никаких прав господствовать над миром, как они это делали до сих пор. Мы самая богатая нация, и будущность принадлежит нам — американцам! — Голос О'Кейли звучал торжественно.

— Вопросы эти очень уж сложны, не для моего ума! — скромно сказал Василий и поднялся.

В магазине Василий наполнил три объемистых бумажных пакета различными продуктами, купил несколько бутылок вина, положил все это в багажник и отвез домой Лизе.

После обеда он позвонил в контору акционерного общества «Фламме» — основного покупателя продукции компании, представляемой мистером Ярославом Кочекком, — и назвал себя.

— Одну минуточку! — попросил женский голос, и его тут же соединили с герром Шиллинбергом, генеральным директором общества.

— О, мистер Кочек! Здравствуйте, здравствуйте, мы Давно ждем вас!

— Когда вы могли бы принять меня, герр Шиллинберг?

— Когда только вам будет угодно! Хотя сейчас, если вы не возражаете...

Василий не торопясь собрался, взял портфель и, прощаясь с Лизой, весело сказал:

— Ну, великая битва начинается!..

Он знал, что акционерное общество «Фламме» создано нацистами специально для закупки нефти в Америке, что руководители общества — подставные лица, а фактически хозяином его является рейхсминистр Геринг, прибравший в то время к рукам не только всю авиацию Германии, но и ее авиационную промышленность.

Герр Шиллинберг, высокий, упитанный, с прилизанными светлыми волосами, числившийся генеральным директором «Фламме», принял уполномоченного богатейшей американской нефтяной компании весьма учтиво и предупредительно.

— Вы не будете возражать, если при нашей беседе будут присутствовать мои заместители — вице-директор Бломе и Цизель? — осведомился он.

— Разумеется, нет!

В просторный кабинет, обставленный темной тяжелой дубовой мебелью, вошли два типичных бюргера в старомодных костюмах. Представившись американскому гостю, они чинно уселись у самого стола, накрытого зеленым сукном.

Вошла секретарша с подносом, на котором красовались фарфоровые чашки, кофейник, бутылка шнапса и четыре малюсенькие рюмочки. Поставив все это на стол, она молча вышла.

Герр Шиллинберг собственноручно наполнил чашку дымящимся кофе и, протягивая ее Василию, спросил, не пожелает ли мистер Кочек рюмочку шнапса?

— Пожалуй, не откажусь! — Василий глотнул отдающий сивухой напиток и даже не поморщился. Кофе оказался суррогатом. «Если уж в таком богатом учреждении пьют суррогат вместо кофе, — подумал Василий, — значит, в Германии найдутся покупатели на настоящий бразильский кофе!..»

Начались деловые разговоры. Шиллинберг сообщил уполномоченному компании «Стандард ойл», что «Фламме» готово значительно увеличить закупки горючего в Америке, в особенности авиационного бензина, при условии, что компания предоставит обществу долгосрочные кредиты и построит в Германии современные бензохранилища.

Василий, зная мнение Адамса по первому вопросу, ответил, что компания не считает

возможным предоставлением долгосрочных кредитов, речь может идти только о коммерческом, то есть кратковременном, кредите, и тут же спросил: на какое количество предполагается увеличение закупок?

— При наличии кредита мы могли бы покупать у вас до двухсот пятидесяти тысяч тонн бензина и тридцати тысяч тонн смазочных материалов в год, — ответил генеральный директор.

— Я хоть сегодня готов заключить контракт на поставку такого количества бензина и масел.

— А кредит?

— Как я уже сказал, компания предоставит вам коммерческий кредит под векселя акционерного общества на срок от четырех до шести месяцев из расчета полтора процента годовых. Что касается бензохранилищ, то вряд ли мы можем взять на себя такие обязательства... Впрочем, я готов запросить компанию, если вы будете на этом настаивать. — Василий говорил спокойно, уверенно, и у руководителей «Фламме» создалось впечатление, что они имеют дело с представителем, наделенным большими полномочиями.

— Ваше предложение мы обсудим на совете директората и уведомим вас о его решении, — сказал Шиллинберг.

— Пожалуйста, я вас не тороплю!.. Не смогли бы вы оказать мне небольшую услугу — помочь подыскать помещение под мою контору не очень далеко от вас?

Вице-директор Бломе тут же взялся помочь мистеру Кочеку.

Василию обязательно нужно было связаться с Гансом Вебером. У него были и адрес и номер домашнего телефона, но являться к нему домой не следовало: это вызвало бы подозрение и могло повредить Веберу. Оставалось одно — позвонить по телефону. Василий не знал, насколько удобно и это, — он не сомневался, что в Берлине все телефонные разговоры подслушиваются. Он попросил Лизу пойти на железнодорожную станцию Потсдам, оттуда, по телефону-автомату, позвонить Веберу домой и, на правах старой знакомой, назначить ему свидание.

— Он человек толковый, — сказал Василий, — и когда ты назовешь себя, поймет, о чем идет речь. Больше того, я уверен, что он сам ждет нашего звонка, зная, что мы должны приехать сюда.

— Если Вебер захочет встретиться со мной, — где, в каком месте назначить ему свидание? — спросила Лиза.

— Где-нибудь поблизости отсюда. Ну, скажем, на той же станции Потсдам. Погуляйте немного и, если убедитесь, что слежки нет, приходите сюда. Ночь сегодня темная, и вряд ли кто вас узнает.

— Скажи, ты абсолютно уверен в Вебере? Представляешь, что будет, если мы ошибемся в нем!..

— Абсолютно уверенным ни в чем нельзя быть!.. Но Вебер всегда производил на меня хорошее впечатление. К тому же его рекомендовал Сарьян, в честности которого сомневаться не приходится. Потом, ведь Вебер привел к нам фрау Браун.

— А если все это игра? Продуманная во всех деталях игра?

— Без определенного доверия к людям нам нельзя! Тогда мы с тобой в разведчики не годимся, вот и все...

Вебер оказался дома; судя по тону голоса, обрадовался звонку и тут же изъявил желание встретиться. Через полчаса Лиза издала узнала Вебера по его высокой, худой фигуре, пошла ему навстречу, взяла под руку и повела в парк.

— Мы пойдем к нашему дому, тут недалеко. Муж ждет вас! — сказала она.

Встретились Василий с Вебером сердечно. Вебер словно бы ожил, увидев господина Кочеку.

— Наконец-то вы приехали!

Василий усадил его на диван, придвинул столик, достал шотландское виски и наполнил рюмки.

— После такого холода не мешает немножко согреться, — сказал он, — да и за встречу стоит выпить!

Лиза сказала, что ей нужно готовить ужин, и вышла, оставив мужчин одних.

— Рассказывайте, дружище, что нового у вас, как устроились? — Василий сел рядом с Вебером на диван.

— Рассказать нужно о многом, не знаю, с чего начать!.. Прежде всего, я очень рад вашему приезду. Живу я неплохо, работаю теперь в консульском отделе министерства иностранных дел, занимаю скромную должность референта.

— Как вы нашли Германию?

— Что вам сказать?.. Даже не верится, что это моя родина, — настолько все изменилось, в особенности — люди. Они боятся сказать друг другу лишнее слово, живут в постоянном страхе.

— Неужели все смирились с существующим строем и никто не делает попыток бороться?

— Бороться?.. Трудно, очень трудно. — Вебер опустил голову и некоторое время молчал, потом взглянул на Василия. — Конечно, есть честные люди, ведущие посильную борьбу, но все это капля в море...

— Но ведь реки берут начало от маленьких ручейков, — сказал Василий.

— Конечно... Но случается и так, что ручейки высыхают, не успев влиться в большой поток...

— Бывает и так, — согласился Василий. — И все же, несмотря на тысячи препятствий, все в жизни стремится к конечной цели. Я понимаю, что небольшому числу честных людей неимоверно трудно бороться против гигантской государственной полицейской машины. Но даже сам факт сопротивления значит много, — по крайней мере, весь мир будет знать, что не все немцы одобряют нацизм!

— Исходя из этих принципов, мы и действуем. Нас немного, но члены нашего кружка — верные, порядочные люди. Делаем мало, но это все, что мы можем пока... Нам нужна помощь! — закончил он, понизив голос.

— Придет время, мы поговорим об этом, — сказал Василий. — Сейчас мне нужна ваша помощь. Я приехал сюда как американец и представляю в Германии нефтяную компанию «Стандард ойл». Я открою в Берлине контору, мне потребуются сотрудники. Не можете ли вы порекомендовать юрисконсульта, дельного бухгалтера, писмоводителя, знающих языки, а лично для меня сторожа-садовника и служанку? Поймите меня правильно: нужны не борцы-антифашисты, а просто порядочные люди, не связанные с гестапо, — вот и все!

— Думаю, что сумею подыскать вам таких людей, Должны ли они знать, что мы с вами знакомы?

— Откровенно говоря, это нежелательно... Найдите юрисконсульта или бухгалтера и присылайте их ко мне сюда, сказав, что узнали от кого-то: американскому дельцу нужны, мол, работники.

— Как вы узнаете, что человек пришел к вам именно от меня? — спросил Вебер.

— Хотя бы по тому, что никто еще не знает, что мне нужны сотрудники, — следовательно, никто ко мне и не обратится.

— У меня на примете есть один юрист... Глауберг, Альберт Глауберг. Если вы не возражаете, он явится к вам сюда завтра вечером, в семь часов.

— Как вы думаете, он не находится под подозрением у гестапо?

— Дорогой Кочек, сейчас в Германии нет людей, не подозреваемых гестапо, — в полицейском государстве иначе не бывает. Насколько мне известно, Глауберг никогда не участвовал в политической борьбе, он человек скромный, малозаметный.

— По-вашему, ему можно доверять?

— Как вам сказать... До определенных пределов, но не больше...

— Понятно! Скажите этому Глаубергу, — пусть приходит ко мне!

Лиза пригласила Вебера к столу, но тот, сказав, что после восьми часов ничего не ест, поблагодарил и отказался.

— Не буду вам мешать! — сказал он, вставая.

— Скажите, а как в дальнейшем мы сможем связываться с вами? — спросил Василий.

— Мадам Марианна всегда может позвонить по телефону ко мне домой. Но, учитывая, что у нас подслушиваются все разговоры, лучше всего говорить в интимном плане... Вполне естественно, что я захочу встретиться с интересной дамой, назначу ей свидание... Кстати, у меня есть конспиративная квартира, где мы с вами могли бы изредка встречаться.

— В той квартире вы можете встречаться с миссис Кочековой, но не со мной. Немедленно возникнет подозрение: почему муж той женщины, за которой ухаживает Вебер, очутился у него... Я думаю, лучше всего показать, что мы с вами знакомы еще с Парижа: случайно встретиться на улице, на людях, громко изъявить свою радость. Тогда я смогу звонить вам по телефону, изредка встречаться с вами, даже приглашать вас к себе в гости или в ресторан поужинать.

— Это, конечно, можно, но...

— Что вас смущает?

— Как только в гестапо станет известно, что мы знакомы, меня немедленно вызовут туда...

— Ну и что?

— И прикажут следить за вами, сообщать обо всем, что я узнаю о вас. Не забудьте, вы американец, следовательно, подозрительны...

— В этом я тоже не вижу ничего страшного. Вы знаете, что я человек аполитичный, что цель моей жизни — делать деньги, и больше ничего!.. Вот об этом вы и сообщите гестапо...

— Не хотелось бы иметь с ними дело, — Вебер брезгливо поморщился. — Ну да ничего... Как говорят, с волками жить — по-волчьи выть. Пойдем и на это...

Уже провожая гостя, Василий, как бы невзначай, спросил, не знает ли он, где сейчас фрау Браун, и встречает ли он ее?

— Эльза Браун работает стенографисткой в иностранном отделе нацистской партии...

— Вот как! — От этой новости у Василия даже дух захватило.

— В отличие от Парижа, здесь, в Берлине, она ведет скромный образ жизни, нигде не показывается, избегает встречи со мной, — сказал Вебер.

— Не посоветуете, как нам установить связь с нею?

— По-моему, она не захочет этого...

— Понятно, что не захочет!.. Но зато нам очень хочется повидаться с нею и продолжить полезное знакомство. Нет, дорогой, как бы Браун ни отпиралась, нам нужно связаться с нею во что бы то ни стало!.. Шутка ли, иностранный отдел нацистской партии! Там ведь и плетутся все интриги.

— По-моему, Браун легче всего встретить на улице, — не слишком охотно сказал Вебер. — Со свойственной ей педантичностью, она выходит из дома ровно в половине девятого, спускается в метро, без пятнадцати девять выходит недалеко от рейхстага и идет к себе на работу... По вечерам ее иногда задерживают, и потому она не всегда возвращается домой в одно и то же время...

Василий проводил Вебера до самой калитки. Вернувшись, он застал Лизу стоящей у окна.

— На улице так темно, что хоть глаз выколи! — сказал он.

Лиза резко повернулась к нему:

— Скажи, Василий, какое впечатление ты вынес сегодня от Вебера?

— Самое благоприятное!

— Это правда?

— Правда. Но почему ты спрашиваешь об этом? Разве ты заметила в нем что-нибудь подозрительное?

— Нет, не заметила. Но поняла, что отныне мы целиком в его руках, если он ловкий провокатор, и нам не выбраться отсюда!

— Успокойся, дорогая! Раз и навсегда выкинь из головы такие мысли. Вебер никакой не провокатор, он интеллигент-антифашист. Разумеется, не такой борец, чтобы завтра свергнуть в Германии фашистский режим, но поверь моему опыту: он честный и порядочный человек, к тому же очень осторожный. Я сегодня окончательно убедился в этом.

— Дай-то бог, как говорится, чтоб было так!

— А тебе придется выполнить одну довольно неприятную работу, — Василий испытующе посмотрел на Лизу.

— Нужно так нужно!.. Я понимаю, что мы приехали сюда не для того, чтобы совершенствоваться в немецком языке... Что я должна сделать?

— Повидаться с фрау Браун. Не только повидаться, но и уговорить ее сотрудничать с нами по-прежнему. Ты только подумай, какие перед нами откроются перспективы, если она начнет давать нам информацию о тех кознях, которые подготавливают гитлеровцы против своих соседей и в конечном итоге против нас!

— Посоветуй, как к ней найти подход, и я постараюсь...

— Думаю, что с первой встречи ничего у тебя не получится. О поведении Браун могу рассказать тебе со всеми подробностями, как по открытой книге!.. Она будет отпираться, отказываться, просить, умолять оставить ее в покое и даже угрожать, что пойдет в гестапо и все расскажет. Причем все это, за исключением угрозы, она сделает искренне, из боязни разоблачения. Ну, а у нас с тобой имеются основания думать, что мы все же уговорим ее работать с нами!

— Противное и опасное дело! — как бы про себя прошептала Лиза.

— Не бойся, Браун шума не поднимет и в гестапо не пойдет. Но дело здесь мы затеваем действительно опасное! — согласился Василий...

Вскоре на фасаде четырехэтажного дома на оживленной улице, в самом центре Берлина, появилась новая вывеска — «Стандарт ойл компани» — Берлинское отделение».

Контора состояла из четырех комнат — кабинет представителя компании, или директора Берлинского отделения, как обычно именовали мистера Кочека, большая приемная, комната, где сидели бухгалтер и делопроизводитель, и кабинет юрисконсульта. Василий приказал убрать старую мебель, оставшуюся от прежнего хозяина, и купить новую. Через несколько дней все четыре комнаты были обставлены с большим вкусом. Люди тоже подобрались, при помощи Вебера, неплохие: флегматичный, медлительный, малоразговорчивый, но отлично разбирающийся в запутанных статьях гражданского и коммерческого кодекса юрист Глауберг. Опытный бухгалтер Шульце, носивший усы, как у Вильгельма Второго, работавший в одной еврейской экспортно-импортной фирме и потому теперь не пользующийся доверием у хозяев-арийцев. Пожилой, седоволосый делопроизводитель Колвиц, свободно владеющий несколькими европейскими языками, но не добившийся успеха в жизни из-за пристрастия к спиртным напиткам, и, наконец, секретарша фрейлейн Лотта, рыжеволосая, голубоглазая девица с ангелоподобным лицом, умеющая печатать на машинке и стенографировать, — вот и весь персонал конторы.

Во всех комнатах установили телефоны, а в кабинете шефа — даже три аппарата, открыли текущий счет в немецком национальном банке, заказали штампы, бланки, печать, и контора начала функционировать.

Василий сообщил в письме Адамсу о проделанной работе и о предложении генерального директора «Фламме» Шиллинберга об увеличении в значительных размерах закупок горючего, главным образом авиационного бензина, при условии предоставления долгосрочного кредита в размере трех миллионов долларов и строительства за счет компании больших бензохранилищ в

районе Гамбургского порта. Отправив письма в Нью-Йорк срочной почтой, Василий стал ждать ответа. Он посетил генерального консула Америки и попросил его отправить Адамсу письмо через дипломатическую почту или шифрованную телеграмму о том, что он, Кочек, не рекомендует соглашаться на предоставление «Фламме» долгосрочного кредита, так как Германия, усиленно занятая увеличением воздушного флота и постройкой подводных лодок, сильно нуждается в горючем и «Фламме» увеличит закупки и при наличии обычного коммерческого кредита из расчета полутора процентов годовых. Что же касается строительства емкостей в районе Гамбурга, то он рекомендовал бы компании построить для начала три — пять бензохранилищ, с неизменным условием, что они будут принадлежать компании. О'Кейли записал все, что говорил Василий, и обещал в тот же день передать его просьбу Адамсу. Откинувшись на спинку кресла, О'Кейли сказал:

— Я считаю, что ваши рекомендации правильны. Чего-чего, а уж горючее они закупят за наличные денюжки. На днях военно-морское министерство спустило на воду три подводных лодки и в верфях Гамбурга начато строительство двух крейсеров. По нашим сведениям, фирма «Мессершмитт» ведет серийное производство бомбардировщиков и самолетов-корректировщиков. Гитлер взял курс на вооружение и перевооружение, а горючего у него нет. Почему же вашей компании не использовать это обстоятельство?

— Поверьте, что мы сумеем использовать эту ситуацию! — с улыбкой ответил Василий.

После якобы случайной встречи с Вебером на улице Василий пригласил его в ресторан поужинать. Вечером, когда над Берлином низко опустились свинцовые тучи и пошел мокрый снег, они втроем — Василий, Лиза и Вебер — сидели за отдельным столиком в ресторане «Дрезден» и под грохот джаза, на глазах у многочисленных посетителей, беседовали о своих делах.

— Через несколько дней я приглашу вас к себе в гости — приезжайте, нам нужно поговорить, — сказал Василий.

— С удовольствием, но учтите: мои опасения оправдались. Меня вызывали в гестапо и долго выпытывали, кто вы и откуда я вас знаю. В заключение велели поддерживать с вами связь и обо всем докладывать. Разумеется, я без колебаний изъявил готовность исполнить свой патриотический долг...

— Ну и прекрасно, — весело ответил Василий.

— Нам до зарезу нужна бумага и типографский шрифт, — не сможете ли помочь? — спросил Вебер.

— Нужно подумать. Вы, должно быть, намереваетесь печатать газету или прокламации?

— Начнем с прокламаций. Бумага продается, но закупка ее в больших количествах вызовет подозрение.

— Печатать прокламации — дело серьезное, легко провалиться... Хорошенько продумайте все: подберите надежных печатников и распространителей, разыщите подходящее помещение. И вот что: кроме вас, никто, ни один человек, не должен знать меня и мое имя. Только при строгом соблюдении этого условия я готов сотрудничать с вами и помогать в пределах моих возможностей. — Василий поднял бокал с вином, чокнулся с Лизой, Вебером и выпил.

Джаз заиграл модный фокстрот. Вебер поднялся с места и пригласил Лизу. Вскоре они кружились в толпе танцующих.

Возвратившись на место, Вебер продолжил прерванный разговор:

— Сейчас никто, кроме меня, не будет знать о вас ничего. Но со временем возникнет необходимость, чтобы еще один человек из наших познакомился с вами. Мало ли что может случиться...

— Это правильно, и мы к этому вопросу еще вернемся. Ставлю вас в известность, Вебер, что в самое ближайшее время мы попытаемся связаться с фрау Браун...

— Раз вы считаете это необходимым...

— Да, считаю!.. На какое количество бумаги вы рассчитываете? — спросил Василий.

— Чем больше, тем лучше!

— Я понимаю и постараюсь через своих друзей достать вам килограммов сто — сто двадцать бумаги. Продумайте способ получения и транспортировки. Скажете мне, когда приедете в гости...

Они не спеша пили вино, довольствуясь скудным ужином, состоящим из крошечных кусков мяса и вареной картошки, посыпанной мелко нарезанным зеленым луком и сыром. Василий и Вебер по очереди приглашали Лизу танцевать.

Было уже за полночь, когда они попрощались у дверей ресторана.

Прежде чем встретиться с Эльзой Браун, Лиза в течение двух дней наблюдала, как она выходит из станции метро и, стуча каблучками по асфальту, направляется на работу.

На третий день Лиза пошла навстречу Браун и, поравнявшись с нею, сказала:

— Здравствуйте, фрау Браун, как поживаете?

— Вы... здесь? — От неожиданности немка чуть не выронила сумочку из рук.

— Что в этом удивительного? Я же говорила вам, что у моего брата здесь дела!

Эльза Браун ускорила шаг, чтобы как можно скорее отделаться от назойливой знакомой.

— Фрау Браун, нам нужно с вами поговорить. Где мы могли бы это сделать?

— Нам не о чем разговаривать!.. Оставьте меня в покое, — срывающимся шепотом проговорила стенографистка.

— Напрасно вы так думаете! — Лиза заметила, что они приближаются к входу в иностранный отдел нацистской партии, и вынуждена была сказать: — До свидания, фрау Эльза! До новой встречи...

Браун торопливо скрылась за тяжелой дверью.

Чтобы иметь больше времени для разговора, Лиза на следующий день поджидала фрау Браун недалеко от дома, в котором та жила... Не успела стенографистка выйти из парадного, как Лиза подошла к ней.

— Опять вы!.. — воскликнула фрау Браун. — И адрес мой узнали!..

— В Берлине адресные столы работают весьма исправно!.. Итак, фрау Браун, нам все-таки нужно поговорить. Я пришла сюда, чтобы узнать, где бы мы могли встретиться? — говорила Лиза, шагая рядом с нею.

— Я же сказала, нам не о чем говорить!..

— Я это слышала. Но подумайте — вы будете иметь много денег, гораздо больше, чем в Париже. Если захотите, можете получать и продукты, которые здесь не достать. Поймите, речь идет о совершенно невинных вещах, и для вас никакой опасности нет...

— Уходите, мадам, и оставьте меня в покое! Иначе я позову полицейского, — в голосе фрау Браун звучала скорее мольба, чем угроза.

— Ну, этого вы никогда не сделаете! — спокойно сказала Лиза.

— Почему вы так думаете?

— Какой смысл вам губить себя?

— Вы тоже погибнете со мной.

— Нет, погибнете только вы. Мне, иностранке, больше чем высылка из страны, ничто не грозит.

Они молча спустились вниз, в туннель метро.

— Ну так где бы мы могли поговорить? — снова спросила Лиза.

— Я уже ответила вам!..

— Не следует так обращаться с доброй старой знакомой! Мы просто поговорим с вами и, если не договоримся, расстанемся навсегда!

— Знаю я это «навсегда»!.. Не хочу иметь с вами никакого дела!..

Подошел поезд, фрау Браун бросилась к вагону...

Василий посоветовал Лизе не отчаиваться, сделать перерыв на день или два и дать фрау Браун возможность успокоиться, прийти в себя, обдумать создавшееся положение.

И действительно, когда Лиза через три дня снова подстерегла фрау Браун у подъезда ее дома, немка держала себя по-другому. Может быть, ее соблазнили деньги, а может быть, она поняла, что Лиза все равно от нее не отстанет. Протянув Лизе записочку, фрау Браун сказала:

— Сегодня в восемь часов вечера приезжайте ко мне по этому адресу. Такси не нанимайте, вообще постарайтесь, чтобы за вами никто не проследил...

— Что это за адрес? — поинтересовалась Лиза.

— Квартира моей подруги... Она позволяет мне изредка встречаться там с поклонниками...

С нелегким сердцем отправилась Лиза по этому адресу. Всего ведь можно было ожидать — засады, любой провокации. Она условилась с Василием, что он будет поджидать ее в своей машине за квартал от дома и, если в назначенное время Лиза не вернется, тотчас обратится к О'Кейли. Добраться до дома подруги фрау Браун Лиза должна была одна.

Дом этот, оказалось, находился довольно далеко — почти на окраине города, за несколько кварталов от строящейся автострады Берлин — Лейпциг. Лизе пришлось ехать туда и на метро, и на автобусе, а конец пути проделать на трамвае. Найдя без особого труда дом, Лиза поднялась на последний, четвертый этаж.

Дверь открыла сама фрау Браун, вид у нее был мрачный. Не обращая на это внимания, Лиза любезно поздоровалась с ней, спросила о здоровье, сняла пальто, повесила на вешалку и прошла в маленькую комнату.

— Думаю, нам нет смысла тратить время на пустяки, — сказала она, усевшись на диван, — лучше сразу обсудим дело, ради которого я приехала сюда, в такую даль.

— Я вас слушаю. — Браун сидела в кресле у окна, не поднимая головы и стараясь не встретиться взглядом с Лизой.

— Вы будете иметь три тысячи марок ежемесячно. Другими словами, в три раза больше, чем получали в Париже. Встречаться с вами будем не чаще двух раз в месяц и, чтобы не привлекать к себе внимания любопытных, постараемся видаться каждый раз в другом месте.

— Что от меня потребуется?

— То же самое, что в Париже. На этот раз — правдивая информация о планах иностранного отдела национал-социалистской партии. Разумеется, не о мелких и общеизвестных фактах, а о

крупных, значительных и секретных.

— Это все?

— Все.

— Тогда послушайте мои условия. — Браун встала и села рядом с Лизой. — Никаких расписок в получении денег — это раз. Второе — ни с кем, кроме вас, встречаться не буду.

— Считайте, что ваши предложения приняты и строго будут соблюдаться, — ответила Лиза.

— Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что здесь не Париж. Там, в случае чего, можно было исчезнуть, скрыться в любой другой стране. Здесь же, в случае разоблачения, дорога одна — на тот свет. В лучшем случае — в концентрационный лагерь, тоже смерть, только медленная. Нужно соблюдать величайшую осторожность. Дайте мне слово, что мое имя нигде, ни при каких обстоятельствах не будет упоминаться!..

— Фрау Эльза, поверьте, что я дорожу своей безопасностью не меньше, чем вы своей. Можете быть уверены, что, как бы ни сложились дела, вы будете в стороне и ни одна душа, кроме меня, ничего знать о вас не будет. А теперь получите, пожалуйста, первый аванс, — Лиза вынула из сумочки три бумажки по тысяче марок и положила их на журнальный столик перед фрау Браун, — и скажите, есть ли у вас что-либо интересное?

— Есть кое-что... Итальянцы готовятся к войне с Абиссинией и, кажется, получили согласие нашего правительства на поддержку... Последнее время шли интенсивные переговоры между руководителями нашего ведомства и представителями Италии. О результатах этих переговоров каждый день докладывали лично фюреру. На прошлой неделе приезжали к нам руководители нацистской партии Австрии: Зейс-Инкварт, Тавс и Леопольд. Они вели переговоры о разработке «плана Отто», который держится в строгом секрете. Часто приезжает глава фашистской партии судетских немцев Гейнлейн. В последний его приезд ему посоветовали подготовить требования о предоставлении Судетской области автономии... — Все это фрау Браун проговорила быстро, шепотом.

— Спасибо, фрау Эльза! Я очень рада, что мы с вами снова нашли общий язык! — Лиза встала.

— Если вам нужно будет встретиться со своими поклонниками, можете воспользоваться этой квартирой за небольшую плату, — сказала фрау Браун. — Моя подруга может уступить ее вам на время или на ночь. Больше того, она может подыскать для вас приличных кавалеров, если вы этого пожелаете...

— Спасибо. В случае нужды дам вам знать...

— Если вам не трудно, захватите, пожалуйста, с собою в следующий раз коробочку французской пудры рашель, губную помаду и пачку натурального кофе. Привыкла в Париже пить настоящий кофе, никак не могу примириться с суррогатом!..

Надоедливые, морозящие без перерыва днем и ночью дожди прекратились, словно по команде. Небо очистилось от туч, засияло солнце. Началась весна, тревожная весна 1935 года.

Из Нью-Йорка пришли очередные телеграммы. В одной из них Адамс одобрял деятельность Василия в Германии. В другой бухгалтерия извещала, что на текущий счет мистера Кочка в немецкий национальный банк переведено десять тысяч долларов на покрытие организационных расходов. Еще одной телеграммой коммерческий отдел компании извещал своего уполномоченного, что танкер с горючим прибудет в порт Гамбург десятого апреля под панамским флагом. Василию предлагалось выехать туда, связаться с капитаном танкера, мистером Бемом, оформить сдачу горючего и масла акционерному обществу «Фламме» и подобрать постоянного представителя компании в Гамбурге.

Василий посетил генерального консула О'Кейли, сообщил ему о своем отъезде и взял у него рекомендательное письмо на имя мистера Меллона, американского консула в Гамбурге.

— Желаю успеха, мистер Кочек! По возвращении расскажите, как там, в Гамбурге, дела, — сказал О'Кейли на прощание и добавил: — Кажется, ваш совет не предоставлять акционерному обществу «Фламме» долгосрочных кредитов не будет принят во внимание... После переговоров Гибсона с Гитлером госдепартамент посоветовал руководителям банков, фирм, компаний и трестов, имеющих деловые связи с Германией, предоставлять долгосрочные кредиты немецким фирмам. Федеральное правительство будет гарантировать эти кредиты.

— Что же, с горы виднее... Мое дело маленькое — информировать компанию о положении дел в Германии, а им решать, как быть!

— Да, мы всего лишь исполнители, — согласился О'Кейли. — Но чтобы лучше исполнять порученное, необходимо быть в курсе большой политики и действовать наверняка, со знанием дела.

— Вероятно, вы правы, хотя должен вам заметить, что никогда не интересовался политикой и вот все же добился в жизни кое-чего! — улыбнулся Василий.

— Времена были другие!

— Возможно... В чем же суть этой большой политики, если, конечно, не секрет?

— Секрета никакого нет. Просто наши государственные деятели считают, что Германия — единственная реальная сила в Европе, могущая помешать распространению коммунизма. Следовательно, Америка заинтересована в укреплении позиции Гитлера. Разумеется, до каких-то

пределов!..

— Кто может определить их? — спросил Василий.

О'Кейли молча развел руками...

За два дня до отъезда Василий попросил своего юрисконсульта поехать в Гамбург, забронировать там в гостинице хороший номер и постараться выяснить, с кем из чиновников таможи Гамбургского порта можно найти общий язык. Василий был уверен, что Глауберг успешно справится с этим деликатным поручением. Несмотря на свою медлительность и флегматичность, он оказался проницательным и ловким юристом, — во всяком случае, отлично разобрался в обстановке, умел при случае использовать и человеческие слабости...

Вечером Василий позвонил Веберу и сказал, что миссис Марианна и он будут рады предложить госпоже и господину Веберу у себя в особняке чашку чая. О госпоже Вебер было сказано из того расчета, что если телефонный разговор подслушают, то гестаповцы узнают, что мистер Кочек не настолько близок с Вебером, чтобы знать, женат он или нет.

— К сожалению, я холост, — ответил Вебер.

— Мы рады будем видеть вас у себя!

Вебер спросил адрес, хотя отлично знал его, и приехал около восьми часов. Предстоял откровенный разговор, и Лиза, зная об этом, под благовидным предлогом вышла из гостиной.

— Дорогой Вебер, мне кажется, настало время поговорить нам с вами совершенно откровенно, — начал Василий, как только они остались вдвоем. — Прежде всего хочу сообщить вам, что я никакой не словак и не американец, тем более не коммерсант по призванию. Но, будучи решительным врагом фашизма, помогаю и впредь буду помогать всем борющимся с фашизмом, независимо от их убеждений и политических взглядов. Надеюсь, в этом наши интересы полностью совпадают. До сих пор я не спрашивал вас о ваших политических убеждениях, не интересовался также и целями, которых вы добиваетесь здесь, в Германии. Перед нами стоит главная и единственная задача — всеми силами бороться против фашизма. Раз это так, давайте заключим союз, объединим наши усилия... Согласны со мной?

— Вполне, — ответил Вебер, внимательно слушавший Василия.

— В таком случае разрешите задать вам несколько вопросов и кое-что уточнить. Разумеется, вы ответите на них только в том случае, если сочтете возможным.

— Пожалуйста...

— Хорошо ли проверены антифашисты-подпольщики, действующие с вами?

— В настоящее время нас наберется человек тридцать — тридцать пять, если учесть и сочувствующих. Мы из осторожности задерживаем рост нашей организации, — при желании могли бы значительно расширить ее. В Германии антифашистов немало... Мы все давно знаем друг друга и стараемся не допускать в свою среду случайных людей...

— Есть ли у вас четко выработанная программа или конкретные цели, которых вы добиваетесь?

— Программы у нас нет, а наша цель — уничтожить диктатуру Гитлера и национал-социалистов, восстановить в Германии демократические порядки.

— Разрешите узнать, в каких политических партиях состояли раньше члены вашей организации?

— Я вынужден огорчить вас: среди нас нет ни коммунистов, ни социалистов. Впрочем, нам известно, что существует еще одна подпольная антифашистская организация, состоящая из коммунистов и социал-демократов. Она, по-видимому, больше нашей, в ней много рабочих... Может быть, вам желательно связаться именно с той группой и работать с ними? Если так, скажите мне откровенно, и я постараюсь найти пути к ним...

— Нет, друг мой, такая постановка вопроса сама по себе неправильна, — не мне работать с ними, а вам, вашей группе. Распыляя силы, которых и так мало, вы ничего не добьетесь. Вам нужно понять еще и то обстоятельство, что сегодня успешно бороться с фашизмом без коммунистов невозможно. Позвольте дать вам дружеский совет: установите контакт с той группой и хотя бы координируйте свои действия, если не хотите объединяться с ними и желаете сохранить организационную самостоятельность.

— Лично я считаю, что вы правы. Но прежде чем принять решение, мне нужно посоветоваться с друзьями. Думаю, что они тоже поймут целесообразность контакта с той группой подпольщиков, — такая мысль у нас уже возникала. В то же время считаю своим долгом предупредить вас заранее, что наши не пойдут на объединение: мы преследуем разные цели!..

— Это называется делить шкуру неубитого медведя... Вы сперва победите фашизм, а потом уж говорите о конечных целях. Впрочем, дело ваше!.. Мне хотелось бы посоветовать вам — до мельчайших подробностей продумать методы конспирации и четкую организацию работы вашей группы, с таким расчетом, чтобы, в случае провала одного звена, уцелели другие. И наконец, еще одно — для успешной борьбы с национал-социалистами нужно быть в курсе их планов, ближних и дальних, во всех аспектах — внутренних и внешних, политических и экономических. А для этого необходимо располагать широкой информацией. Постарайтесь иметь своих людей везде, где только

представится возможность, — в окружении Гитлера, Геббельса, Геринга, Гесса, Розенберга, Бормана и других главарей фашистов, в генеральном штабе и гестапо, в министерстве иностранных дел, в правлении банка и в полицейском участке... Я понимаю, достигнуть этого невозможно в один или два дня, нужно время и терпение. Но если вы хотите бороться с фашистами всерьез, необходимо набраться терпения, ни в чем не допускать поспешности, рисковать только в случае крайней необходимости. В деле расстановки людей вы можете пользоваться моей помощью и моими деньгами. Но помощь должна быть взаимной: вы, в свою очередь, должны делиться со мной добытой информацией. Обещаю вам, что то же самое буду делать и я. Подумайте обо всем, что я вам сказал. После моего возвращения из Гамбурга мы снова встретимся и уточним детали нашей совместной работы.

— Когда вы предполагаете вернуться?

— Через неделю, самое позднее через десять дней. Дам вам знать, как только вернусь.

— Хорошо, к тому времени я тоже кое-что подготовлю... Да, я нашел для вас подходящего сторожа-садовника, — сказал Вебер.

— Кто он?

— Хороший садовник и убежденный антифашист. Умный, осторожный человек. Он ничего не будет знать о вас, кроме того, что вы обыкновенный денежный мешок... Во всяком случае, я старался внушить ему это. Если вы согласитесь нанять его, он переедет с семьей к вам в сторожку и, по возможности, будет красть у вас бумагу...

— Что ж, пришлите его ко мне хоть завтра.

— Я советую вам прибегнуть к другому, более сложному, но зато совершенно безопасному способу: дайте объявление в вечерней газете, что вам требуется садовник-сторож. В числе других, желающих занять эту должность, придет и мой знакомый, вы его и выберете. Фамилия у него самая простая — Мюллер!..

Гамбург — морские ворота Германии — показался Василию и Лизе более оживленным и веселым, чем Берлин. Порт и все, что было связано с ним, накладывало своеобразный отпечаток на жизненный уклад этого большого города. На каждом шагу встречались иностранцы, матросы из самых отдаленных уголков земли. Каждый второй гамбуржец знал хоть один иностранный язык. В Гамбурге сосредоточилось множество увеселительных заведений, публичных домов, нравы здесь были проще, чем в других городах Германии. В ресторанах кормили лучше — подавали отлично приготовленную рыбу, мясо. В магазинах тоже было больше продовольственных и других товаров, чем в столице. В Гамбурге в невиданных размерах процветала спекуляция, — на черном рынке можно было купить все что угодно, начиная от потребительских товаров и кончая иностранной валютой, золотом и драгоценными камнями. В этом шумном многоязычном городе дышалось как-то свободнее.

Глауберг встретил патрона с женой на вокзале и повез их в лучшую гостиницу под названием «Гамбург», где был забронирован трехкомнатный люкс.

Было еще рано, и, чтобы не терять драгоценное время, Василий быстренько привел себя в порядок и отправился к американскому консулу.

Мистер Меллон, немолодой американец с седеющими висками, оказался в высшей степени любезным, неглупым человеком. Он объяснил, что местная обстановка мало чем отличается от той, которая господствует ныне во всей стране, — те же фашисты с их крикливой демагогией... Что касается человека для постоянного представительства фирмы, то у него есть на примете один немец, и, если мистер Кочек скажет, где он будет завтра в одиннадцать утра, человек этот явится к нему с запиской консула.

— Кто такой он, этот немец, — внушает ли он доверие? Я хочу сказать, не связан ли он с нацистами? — спросил Василий.

— Ах, дорогой мой! Разве сейчас можно разобраться, кто из немцев внушает доверие, а кто нет? Все они, в той или иной степени, заражены шовинизмом и, как только выпьют кружку пива, горланят, что Германия превыше всего!.. Человек, которого я собираюсь вам рекомендовать, кажется вполне приличным, а там кто знает, что у него на душе. Поговорите с ним поподробнее, выясните все, что вас интересует, — посоветовал консул.

— Очень вам признателен, пусть придет ко мне в гостиницу часам к десяти... Мне хотелось бы спросить вас еще об одном деликатном деле. Не скажете ли вы мне, что из себя представляют дешёвые таможенные чиновники?

— Сплошные жулики и взяточники!

— С ними можно иметь дело?

— Если хорошо платить, то можно. Учтите, с недавних пор во главе таможни находится один ярый национал-социалист, любитель выпить и большой мерзавец. Если дело у вас крупное, то лучше всего связаться с ним. Действуйте смело и ничего не бойтесь. Немцы не пойдут на провокацию против уполномоченного могущественной американской нефтяной компании. Сегодня они в нас

нуждаются и поэтому всячески будут обхаживать вас. Что будет завтра, не знаю!..

В номере гостиницы Глауберг доложил патрону, что он успел познакомиться с несколькими руководителями гамбургской таможни — не с самыми, конечно, крупными — и пришел к заключению, что они сговорчивые люди и с особым уважением относятся к американцам. Не зная, о чем конкретно идет речь, он, Глауберг, лишен был возможности вести с ними предметный разговор, но, по предварительным его впечатлениям, таможенные чиновники пойдут навстречу любым желаниям мистера Кочека, разумеется при условии приличного вознаграждения.

— Ну, это понятно — не даром же они будут стараться! А нельзя ли, герр Глауберг, встретиться с ними? — спросил Василий.

— Почему бы нет? По-моему, лучше всего сделать это в отдельном кабинете ресторана при вашей гостинице. Я буду с ними ужинать, а вы зайдете к нам как бы невзначай, и я познакомлю вас со всеми. Их будет трое.

— Предложение в принципе принимается, о своем решении и о сроке скажу вам позднее...

Утром, в назначенный час, явился гренадерского вида краснощекий немец с добродушным лицом и хитроватыми глазами. Он отрекомендовался Карлом Бремером и протянул Василию записку от консула.

— Садитесь и коротко расскажите о себе, — Василий указал на кресло.

— Что же вам рассказать?.. — Бремер пожал плечами. — Родился здесь, в Гамбурге, в тысяча восемьсот девяносто четвертом году. Потомственный моряк, — мой отец, дед, как и я, были моряками. Окончил морское училище и службу свою начал в тысяча девятьсот пятнадцатом году на военном корабле гардемаринном. Два года проторчал во французском плену, — наш линкор торпедировала французская подводная лодка, и я уцелел в числе немногих немецких матросов. После войны служил помощником капитана на торговом пароходе, потом перешел в управление порта боцманом. Накопив немного денег, решил заняться коммерцией, но во время кризиса разорился и потерял все. В настоящее время выполняю отдельные поручения американских фирм и компаний. Мечтаю о постоянной работе, — закончил свою короткую исповедь бывший моряк и посмотрел на Василия, ожидая решения своей судьбы.

— В каких партиях или политических организациях состояли?

— Политикой никогда не занимался и заниматься не собираюсь!

— Герр Бремер, скажите мне совершенно откровенно: как вы относитесь к национал-социалистам?

— Могу сказать, — и, надеюсь, вы меня поймете, — вполне положительно, хотя и не все одобряю в деятельности наци. Как истинный немец, я люблю свою прекрасную родину и должен вам сказать, что единственный человек, кто сумел вывести Германию из того унижительного положения, в котором она находилась после Версаля, был Гитлер, — за это честь и хвала ему!.. Мы — великая нация, и все попытки держать нас в подчиненном положении напрасны!..

— Благодарю вас за откровенность. Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос: знакомы ли вы с руководителями порта и работниками таможни?

— Почти со всеми.

— В таком случае я познакомлю вас с вашими основными обязанностями и кое с чем еще... — Василий подробно, не жалея времени, рассказал Бремеру обо всем, что касалось работы того как местного представителя компании, и спросил, сможет ли он выполнять некоторые деликатные поручения, связанные с таможней.

— Смогу! Скажите, что нужно.

— Наш юрисконсульт, герр Глауберг, приглашает завтра вечером нескольких таможенных чиновников на ужин. Примите, пожалуйста, участие в этом товарищеском ужине и постарайтесь договориться с ними о деле.

— Вам известны фамилии приглашенных?

— Нет. Я познакомлю вас с Глаубергом, и он расскажет обо всем. — Василий пришел к заключению, что лично ему не к чему знакомиться с таможенниками.

Судя по всему, юрисконсульт и бывший моряк знали свое дело. На следующий день после встречи за ужином с таможенниками они вдвоем явились к Василию и сообщили условия соглашения: чиновникам таможни платить натурой в размере десяти процентов от всех товаров. Следовательно, из ста мешков кофе оставлять им десять мешков, кроме того, пропускать через таможню тридцать процентов товара и оплачивать полагающуюся пошлину. Это на тот случай, если вдруг возникнет необходимость предъявить квитанции таможне.

Василий принял эти условия и засадил Карла Бремера за работу.

Точно в условленный день и час танкер под панамским флагом вошел в порт Гамбург, имея в своих трюмах десять тысяч тонн бензина и тысячу тонн смазочных масел. Василия, как уполномоченного нефтяной компании «Стандард ойл», беспрепятственно пропустили на борт танкера. Начальник порта сообщил, что мистер Кочек может посещать танкер в любое время дня и ночи, — по этому поводу охране даны соответствующие указания.

Капитан танкера Фрэнк Бем, коренастый морской волк, пригласил Василия к себе в каюту, запер

дверь на ключ, передал ему пакет и попросил после прочтения вернуть его обратно.

Василий, не понимая, в чем дело, удивился такой таинственности. В пакете было личное письмо Адамса. Шеф сообщал конфиденциально, что, в случае военного конфликта между Италией и Абиссинией, сенат, возможно, примет закон о нейтралитете и запретит американским компаниям поставлять стратегическое сырье воюющим странам. Напоминая, что нефть, бензин и смазочные масла относятся к стратегическим материалам, наряду с вооружением, сталью, свинцом, каучуком и прочим, мистер Адамс предлагал своему уполномоченному продумать возможность обхода этого закона при поставке горючего Италии в больших размерах и срочно сообщить свои соображения. Далее шеф ставил Василия в известность, что компанией принято решение построить в Гамбурге несколько сборных бензохранилищ, общей емкостью в сто тысяч тонн. Детали этих хранилищ будут поставляться компанией из Америки, а сборку поручено вести акционерному обществу «Фламме».

В конце письма Адамс любезно осведомлял Василия, что, согласно договоренности, посылает ему сто мешков бразильского кофе и сто ящиков сигарет высших сортов. Стоимость этого товара будет удерживаться бухгалтерией компании из полагающегося мистеру Кочечу гонорара.

Капитан сжег письмо в присутствии Василия.

— Если хотите ответить мистеру Адамсу, садитесь за мой письменный стол и пишите. По возвращении в Нью-Йорк я вручу ваше письмо ему лично, — сказал капитан.

Василий сообщил Адамсу, что, учитывая благожелательное отношение немцев к планам дуче, нетрудно будет получить разрешение перекачивать бензин прямо из американских танкеров в итальянские в порту Гамбург. В том случае, если об этом не удастся договориться в верхах, то он, Кочек, возьмется наладить дело на месте при небольших затратах и без всякого шума. Василий также спрашивал шефа; где и с кем из итальянцев ему следует встретиться, чтобы уточнить план действий?

Спрятав письмо в карман белоснежного кителя, капитан достал из буфета бутылку виски, содовую, бокалы и предложил выпить за успехи компании и его, мистера Кочека. После первого бокала поговорили о новостях, о жизни в фашистской Германии, а после второго Василий обратился к Бему:

— Скажите, капитан, могу я рассчитывать на вашу помощь, если возникнет надобность?

— Всегда и во всем! — с готовностью согласился капитан и все же поинтересовался — о чем может идти речь?

— Пересылать через вас моему компаньону, Джо Ковачичу, в Париж следуемые ему деньги или его отцу, мистеру Ковачичу, в Нью-Йорк, а также письма, которые не к чему вскрывать на почте...

— Всего-то!.. Кстати, я знаком с мистером Ковачичем — когда-то работал у него. Прижимистый старик. В то время Джо учился еще в колледже...

Они выпили еще по одному бокалу, и Василий, сославшись на дела, вернулся в город.

Пока перекачивали бензин из танкера в хранилища общества «Фламме», помощники Василия успешно завершили операцию в таможне и перевезли девяносто мешков кофе и столько же ящиков сигарет на склад, арендованный предусмотрительным Бремером для этой цели.

Василий подписал с представителями «Фламме» акт о сдаче бензина и смазочных масел и собирался возвратиться в Берлин, когда к нему в номер позвонил по телефону бухгалтер Шульце и зачитал телеграмму, полученную от мистера Ковачича из Нью-Йорка. В телеграмме говорилось, что с пароходом «Олимпик», плывущим под греческим флагом, отправлено для мистера Кочека триста мешков кофе, двести ящиков сигарет и сто ящиков сгубленного молока. Мистера Кочека просили встретить пароход «Олимпик», обеспечить приемку товара и перевести на текущий счет фирмы «Ковачич и компания» десять тысяч долларов в виде аванса — в целях обеспечения дальнейших поставок товара.

Василию пришлось задержаться в Гамбурге еще на несколько дней. Он дал указание Бремеру реализовать часть товара на месте по ценам черного рынка, а остальную часть, на которую имелись квитанции об оплате пошлины, отправить в Берлин.

— Вы можете превратить марки, вырученные за кофе и сигареты, в доллары? — спросил Василий бывшего моряка.

— Разумеется!

— Тогда действуйте — и доллары привезите мне в Берлин. За труды будете получать вознаграждение из расчета три процента от выручки.

Предварительные подсчеты показали, что, за вычетом всех расходов и стоимости кофе и сигарет, можно заработать кругленькую сумму около тридцати тысяч долларов. Таким образом, на долю каждого компаньона приходилось по пятнадцать тысяч долларов.

Василий был уверен, что Джо останется доволен.

На обратном пути в Берлин, в узком коридоре спального вагона, Василий увидел человека в форме оберштурмбанфюрера. Это был типичный ариец — высоченный блондин с развитой грудной

клеткой, с резкими чертами лица, глубоко посаженными серыми глазами. Он курил у окна, загораживая своей массивной фигурой весь проход. Василий попросил разрешения пройти, тот посторонился, посмотрел на пассажира из соседнего купе, глаза их встретились. Почему-то Василию захотелось познакомиться с этим человеком. Он остановился рядом с оберштурмбанфюрером и так же, как он, стал смотреть в окно.

— Отличная погода для ранней весны, не правда ли? — спросил Василий через некоторое время.

— Да, погода стоит замечательная, — согласился немец.

Они поговорили о каких-то пустяках. Василий, как бы невзначай, между прочим, сообщил оберштурмбанфюреру, что он американец и представляет в Германии крупнейшую нефтяную компанию, но его специальность — торговля кофе.

— О, кофе великолепный напиток! К сожалению, настоящий кофе давно исчез, — посетовал немец и в свою очередь откомендовался: — Отто Лемке.

Он рассказал, что вступил в партию национал-социалистов еще в 1928 году в Мюнхене, когда фюрер только-только собирал вокруг себя единомышленников.

— Единственный народ на земном шаре, заслуживающий уважения кроме нас, немцев, — это американцы! — разглагольствовал Лемке. — Американцы, как и мы, люди дела, — не то что изнеженные, вымирающие французы, одряхлевшие англичане и славянские племена вроде чехов, югославов, поляков и другой мелочи!..

Позднее Василий пригласил оберштурмбанфюрера пообедать вместе в вагоне-ресторане, сказав, что у Него есть несколько бутылок отличного виски.

Отто Лемке не заставил себя долго уговаривать, и они пошли в вагон-ресторан. Лиза, сославшись на нездоровье, осталась в купе.

В вагоне-ресторане народу было мало. Отто Лемке заявил, что терпеть не может спиртных напитков, разбавленных водой, глушил чистое виски и, порядком захмелев, болтал без умолку. Под большим секретом он сообщил Василию, что служит в охране имперской канцелярии и имеет доступ к высшим кругам партии.

— Наши партийные вожди доверяют мне самые большие секреты, а Рудольф Гесс души не чает во мне... Для этого у него есть все основания. Я всегда был верен фюреру, даже в «ночь длинных ножей»... Американцы — наши друзья, и мне незачем скрывать от вас все это!

К концу обеда они так сдружились, что оберштурмбанфюрер Отто Лемке говорил Василию «ты» и покровительственно похлопывал его по плечу.

Утром, подвезжая к Берлину, Василий подарил ему пачку кофе, бутылку виски и дал свой служебный телефон, сказав, что всегда будет рад встретиться со своим другом Отто Лемке.

Дома Василий и Лиза обнаружили, что у них побывали некие посторонние лица и покопались в вещах, хотя все было аккуратнейшим образом положено на место. Это обстоятельство немного встревожило Василия, несмотря на то что он прекрасно знал, что в фашистской Германии подозревают всякого, тем более будут подозревать его, иностранца.

Негласный обыск в доме послужил Василию предупреждением, а то за последнее время он вел себя излишне самоуверенно, забывая, что малейший неосторожный шаг может привести к катастрофе.

Еще с юношеских лет Василий проявлял большие способности к языкам. Почти самоучкой овладел он французским, позже изучал английский и научился довольно бегло говорить. Хуже обстояло с немецким, — этот язык Василий знал слабо и взялся за него вплотную только после того, как «отец» сказал, что, возможно, придется ехать в Германию. Живя в Берлине, Василий быстро освоил разговорную речь, но грамматику знал слабо. Он решил пригласить учительницу, настоящую немку, и сказал об этом юрисконсульту Глаубергу. Тот с готовностью согласился подыскать квалифицированную учительницу.

После этого разговора прошло порядочно времени, Василий не возвращался к нему, не вспоминал о разговоре и Глауберг.

В вечерней газете Василий поместил объявление о том, что требуется сторож-садовник. В контору стали приходиться садовники с солидными рекомендациями, некоторые предъявляли даже дипломы об окончании специальных училищ по садоводству и декоративному растениеводству. Василий записывал адреса претендентов, обещал известить их о своем решении, поджидая садовника, рекомендованного Вебером. Наконец, тот явился. Это был немногословный, крепкий старичок, по фамилии Мюллер. На вопросы Василия он отвечал коротко и, в отличие от многих других претендентов на должность садовника, заискивавших перед богатым американцем, держался весьма независимо.

— Если вам нужен настоящий садовник, то лучше меня не найдете во всем Берлине! — сказал он. — Я окончил специальное училище по садоводству и декоративному растениеводству, имею диплом. По своей специальности работаю более тридцати пяти лет. Вывел новые сорта тюльпанов и роз. В данное время работаю у генерала Вахмахера и согласен перейти к вам только потому, что вы предоставляете жилье.

— Вы что же, собираетесь переехать ко мне в сторожку со всем семейством? — спросил Василий.

— Нет, зачем же. Я буду жить у вас с женой, — она мне помогает в работе. Дети мои останутся в старой квартире.

Договорились об условиях. Мюллер сказал, что переедет в Потсдам дня через три.

Видимо побоявшись, что шеф прибежит к такому же способу найма учительницы, юристконсульт представил патрону миловидную даму — беленькую, пухленькую, голубоглазую, лет тридцати восьми. Ее звали Катрин Хигель. Держалась она скромно, по с достоинством. Сообщила, что работает в школе — преподает немецкий язык в старших классах. Была замужем, сейчас живет со своей престарелой матерью. Договорились, что фрау Хигель будет заниматься с мистером Кочекком три раза в неделю, по два часа, в его служебном кабинете после работы.

Василий давно искал удобный предлог для встречи с Вебером. Звонить ему домой или на работу не хотелось. И вдруг сам Вебер позвонил ему в контору и сказал, что хотел бы повидаться с ним.

— Пожалуйста! — ответил Василий. — Для старых друзей мои двери всегда открыты. Приезжайте когда хотите.

— Если не возражаете, я зайду к вам сейчас на несколько минут, — сказал Вебер.

Почему он так неосторожен? Позвонил по служебному телефону, отважился появиться среди белого дня? Василию стало как-то беспокожно после этого звонка.

Не прошло и получаса, как явился Вебер. Опустившись в кресло, вытер платком вспотевший лоб, сказал, что сегодня душно, как в июле, потом спросил:

— Никто не может подслушать наш разговор?

— Я часто проверяю кабинет, нет ли где аппарата подслушивания. Но такая возможность не исключена, — тихо ответил Василий.

— Как же быть? Мне нужно поговорить с вами.

— Если у вас есть время, пойдемте в парк. В это время там, кроме старух и детишек, никого не бывает, — предложил Василий.

Несколько минут они посидели, поболтали, потом Вебер поднялся с кресла. Василий предложил проводить друга. Они вместе вышли на улицу и направились по Шарлоттенбургскому шоссе к знаменитому «Функтуруму». Там, в отдаленном и пустынном уголке парка, сели на скамейку.

— После вашего отъезда меня еще раз вызвали в гестапо, — сказал Вебер, — и предложили сообщить о вас все, что я знаю и о чем мы разговаривали с вами в последнюю нашу встречу. Я повторил, что вы типичный бизнесмен, что все ваши помыслы сосредоточены только на одном: как бы нажать побольше денег. Поинтересовались вашим отношением к режиму. Я ответил, что у нас не было разговора на эту тему, но мне кажется, что вы, как и большинство янки, человек ограниченный и вряд ли интересуетесь политикой. Кажется, я убедил их в этом, но все же они решили установить за вами слежку. Один из них высказал мысль, что следовало бы завербовать одного из ваших служащих. Будьте осторожны, они не оставят вас в покое!

— Благодарю за предупреждение. Они уже копались в наших вещах... Пусть следят сколько им угодно, я их не боюсь. — Василию хотелось внушить своему собеседнику уверенность.

— Смотрите, с гестапо шутки плохие! — ответил Вебер. — Теперь — о другом: мы решили не сливаться со второй подпольной группой. Не потому, что преследуем разные цели, — нет, сейчас у всех нас цель одна: бороться с фашизмом. Но такое объединение может быть опасным. Нам неизвестно, насколько хорошо они законспирированы. Мне кажется, что будет целесообразно, если вы познакомитесь с руководителем той группы и, если сочтете нужным, лично будете поддерживать с ним связь.

— Кто же он, этот таинственный руководитель, и как я смогу связаться с ним, если захочу? — поинтересовался Василий.

— Зовут его Герман, фамилию я не знаю. Он работает в трамвайном депо мастером по ремонту. Насколько мне известно, в прошлом был коммунистом. Встретиться с ним вы можете в одной из конспиративных квартир, которыми мы располагаем. Назначьте время, и я приведу Германа.

— Вы говорили ему обо мне и изъявил ли он желание встретиться со мной?

— Говорил, не называя вашей фамилии. Сказал, что есть такой человек, и только. Он сам попросил меня свести его с вами.

— Ну что же, давайте устроим встречу. На следующей неделе в понедельник, часам к девяти вечера, — устроит?

— Вполне.

— Скажите адрес.

Василию очень хотелось связаться с подпольной группой, в которой действовали коммунисты и социал-демократы. Вебер назвал адрес, Василий повторил его про себя.

— У вас все? — спросил он.

— Нет, не все. — Вебер посмотрел по сторонам и, убедившись, что поблизости нет никого, сказал: — Один из членов нашей группы говорил мне, что в генеральном штабе работает некий

инженер-майор... У него тяжело больна единственная дочь. Он истратился на врачей, на лекарства и сейчас остро нуждается в деньгах. К тому же он вообще недолюбливает нацистов, и, по мнению нашего товарища, можно попытаться подкупить его. Как вы думаете, стоит ли нам сделать это? Майор, хотя и занимает скромную должность в генеральном штабе, имеет доступ к важным делам...

— Не зная всех обстоятельств, мне трудно что-либо сказать. Ясно одно: иметь своего человека в таком учреждении, как генеральный штаб, крайне важно, и поэтому стоит рискнуть, соблюдая величайшую осторожность. Очень прошу поставить меня в известность о результатах ваших переговоров с этим майором.

— Ну, разумеется!.. И еще один вопрос: учитывая, что мы с вами не можем часто встречаться, я подумал — не стоит ли вам стать членом берлинского спортивного клуба, где состою и я. Там мы могли бы вместе играть, незаметно поговорить или хотя бы назначить свидание.

— Хорошо, я наведу справки через своих «соотечественников»-американцев и при их помощи вступлю в спортивный клуб. А если не удастся стать членом клуба, постараюсь добыть разрешение на постоянную игру.

— Вообще-то нам не мешало бы иметь связного, — сказал Вебер. — По-моему, Мюллер, ваш садовник, вполне подходит для этой цели.

— Может быть. Дайте мне время познакомиться с ним поближе. Скажите, Вебер, как у вас в организации с деньгами, не нужно ли помочь?

— Как вам сказать? — Вебер смущенно замялся. — У нас больших расходов нет... К тому же все члены нашей группы работают и живут более или менее сносно. Среди нас есть даже один владелец трикотажной фабрики. Он зарабатывает приличные деньги поставкой подшлемников для солдат фюрера...

— В таком случае послушайте меня. Кроме того, что я являюсь представителем нефтяной компании, я еще торгую дефицитными товарами — кофе и сигаретами. Это приносит мне немалые дополнительные доходы, и я без труда могу помочь вам деньгами. Вы платите за конспиративные квартиры, собираетесь печатать листовки, вступить в переговоры с майором — да мало ли что еще! Все это требует денег. У меня в бумажнике около трех тысяч марок, я их дам вам сейчас, а при следующей встрече принесу еще. — Василий достал деньги и положил их на скамейку между собой и Вебером. Тот взял их и быстро спрятал в карман.

Они расстались у выхода из парка. Василий в такси, Вебер в трамвае вернулись в город.

Василий сказал Веберу правду: дела у него шли хорошо. В Гамбургский порт прибывали один за другим танкеры с нефтью, пароходы с оружием, авиационными моторами, цинком, оловом и другими остродефицитными материалами. Многие из них привозили товар и для мистера Кочека. Большую часть кофе и сигарет Карл Бремер реализовал на месте, меньшую часть отправлял в Берлин. Бремер уже два раза приезжал к Василию и привозил выручку в долларах, получая три процента комиссионных. В свою очередь, Василий отправлял Джо Ковачичу в Париж его долю. В ответ вице-консул присылал Василию благодарственные письма.

Для того чтобы обратить внимание властей на свои побочные занятия, Василию пришлось арендовать небольшой склад в самом Берлине и перевезти туда полученные из Гамбурга товары, завести клиентуру, сбывать кофе и сигареты. Понятно, что в Берлин поступал товар, прошедший таможенную и снабженный квитанциями об уплате полагающихся пошлин.

Лето было в разгаре, город задыхался от бензинной гари и духоты. Зато в потсдамском особняке — благодать: чистый воздух, прохлада. Мюллер и в самом деле оказался прекрасным садовником. Вскоре господин Кочек стал обладателем превосходного сада и цветника. Старый садовник каждое утро присылал Лизе букеты свежих роз.

Как-то вечером Василию позвонил О'Кейли и попросил его утром заехать в консульство. «Хочу передать вам кое-какие поручения от вашего патрона и сообщить некоторые новости», — сказал генеральный консул.

Утром, не заезжая в контору, Василий отправился прямо в американское консульство.

О'Кейли принял его с подчеркнутой приветливостью, поинтересовался, как идут дела, и только после этого протянул Василию запечатанный конверт, сказав, что письмо получено через дипломатическую почту.

Василий хотел было спрятать конверт в карман, чтобы прочитать письмо позже, но О'Кейли вежливо остановил его:

— Я прошу вас прочитать письмо здесь и вернуть его мне. Извините, но существует такой порядок: бумаги, полученные через дипломатическую почту, выносить из консульства не полагается.

Письмо было от Адамса. Он уведомлял Василия, что его предположения относительно возможного военного столкновения между Италией и Абиссинией подтверждаются полностью. Великие державы, по-видимому, займут позицию невмешательства. В американском сенате подготовлен проект постановления, воспрещающего подданным Соединенных Штатов продавать вооружение и стратегическое сырье воюющим странам. Шеф предлагал своему представителю выехать в Женеву с таким расчетом, чтобы прибыть туда не позже десятого августа, остановиться в отеле «Савой». Там его разыщет представитель итальянской нефтяной компании, синьор Мачарелли,

с которым необходимо договориться и уточнить все детали поставки нефтепродуктов итальянской компании. «Мы не намерены вмешиваться в политику, — писал мистер Адамс, — наше дело коммерция — ею мы и будем заниматься». В заключение он предостерегал: «Надеюсь, вы понимаете, мистер Кочек, что все это должно храниться в строгом секрете и о результатах ваших переговоров с синьором Мачарелли и о дальнейших ваших действиях никто не должен знать».

Записав в своем блокноте дату поездки в Женеву, название отеля и фамилию итальянца, с которым ему предстояла встреча, Василий вернул письмо О'Кейли и, поймав на себе его вопросительный взгляд, сказал:

— Мистер Адамс предлагает мне поехать в Женеву, встретиться там с представителем итальянской нефтяной компании и уладить с ним некоторые деловые вопросы. Надеюсь, моя поездка не встретит препятствий?

— Какие могут быть препятствия? Я сегодня же пой звоню швейцарскому консулу и попрошу его выдать вам постоянную визу. Вы можете оставить свой паспорт у меня, мы сами позаботимся обо всем!

Василий сказал, что он, пожалуй, возьмет с собой в Швейцарию жену и, если мистер О'Кейли не будет возражать, принесет оба паспорта на следующий день.

— Пожалуйста, как вам угодно! — согласился тот и, немного помедлив, добавил: — Вами интересовался секретарь нашего посольства, мистер Петерсон. Больше того, он просил привезти вас к нему. Если вы не очень заняты, мы могли бы поехать к нему хоть сейчас!..

— Что ж, я рад, — с готовностью согласился Василий. Ему было известно, что Петерсон хотя и числился только секретарем американского посольства в Берлине, но, как очень состоятельный человек, пользовался немалым влиянием в политических кругах Вашингтона. В отличие от других американских дипломатов, Петерсон один занимал трехэтажный особняк, держал множество прислуги, устраивал многолюдные приемы.

За руль машины сел О'Кейли, Василий устроился рядом, и они долго кружили среди новостроек, пока не доехали до Шарлоттенбурга, где жил Петерсон.

Высокий, поджарый, тридцатипятилетний мужчина, он скорее напоминал спортсмена, чем дипломата. Оказался он веселым, словоохотливым человеком и радушным хозяином. Повел гостей в домашний бар, наполнил бокалы «для начала» итальянским вермутом, предложил крошечные сэндвичи с паштетом и черной икрой и хрустящие пирожки с мясом. Выпили, закусили. Когда Петерсон заговорил о делах, от его веселости не осталось следа, он стал воплощением деловитости, приветливое лицо его стало жестким.

— Мистер Кочек, я слышал о вас много хорошего. И то, что мой друг, мистер Адамс-младший, дает вам деликатные поручения, говорит о многом, — в частности о том, что вы человек верный и вам можно доверять. Мне хотелось просить вас, чтобы вы ни с кем не делились планами вашей компании снабжать Италию горючим и в дальнейшем, может быть даже обходя закон о нейтралитете. Вы представляете, какой разразится скандал, если это станет достоянием газетчиков, и какой ущерб понесет ваша компания?.. Еще одно, дорогой мистер Кочек, — мы живем с вами в мире, где все может случиться: сегодняшней ваш друг и союзник завтра может стать вашим врагом номер один. Учитывая такую возможность, необходимо проявлять мудрую предусмотрительность. Живя здесь, поставляя немцам авиабензин и смазочные масла, которых нет в Германии, вы, разумеется, догадываетесь, что нацисты поспешно вооружаются... Нам, американцам, безынтересно знать об этом поподробнее. Вот я и хотел вас спросить: не согласитесь ли вы сотрудничать с нашим авиационным атташе? Вы, представитель компании, поставляющей бензин для «Люфтваффе», легко можете найти предлог, чтобы побывать на военных аэродромах, установить дружественные отношения с военными летчиками. Больше того, если вы пожелаете, мы можем представить вас шефу «Люфтваффе», господину Герингу... Что вы скажете на это?

Василий застыл в кресле с бокалом вермута в руке. Конечно, ему было бы очень интересно узнать побольше о немецкой авиации, познакомиться и с самим всемогущим Герингом, открыть тем самым себе широкие перспективы для успешной деятельности. Но, с другой стороны, вряд ли имело смысл раньше времени подвергать себя такой опасности и ради журавля в небе упускать из рук синицу.

— Я вам очень благодарен за доверие! Готов помочь лично вам и нашим соотечественникам всем, чем только смогу... Но для той роли, которую вы мне предлагаете, я совершенно непригоден, — твердо ответил Василий.

— Не бойтесь, вам не грозит никакая опасность! — улыбаясь, сказал секретарь посольства. — А в случае чего всегда, при любых обстоятельствах мы сумеем вас защитить!

— Нет, я на это не пойду. Сообщать вам через мистера О'Кейли, если узнаю что-либо интересное, — это я готов делать. Но специально заниматься добыванием сведений не могу и не хочу!

— Ну что же, очень жаль! Насиловать чью бы то ни было волю не в моих правилах. Буду рад, если вы сообщите нам интересные новости, — сказал Петерсон и, пожимая руку Василию, дал понять, что разговор окончен.

— Скажите, мистер О'Кейли, вы знали, зачем меня пригласил секретарь посольства? — спросил Василий, когда они ехали обратно.

— Точно не знал, но догадывался.

— И как вы думаете, я правильно поступил?

— Пожалуй, да. Какой смысл вам, преуспевающему бизнесмену, связывать себя с разведкой? Потом от них не избавишься... Но все же каждый из нас обязан выполнять свой патриотический долг, и, если у вас появятся интересные сведения о немецкой авиации, сообщите мне, — дружески сказал О'Кейли.

К удивлению Василия, в приемной конторы его ждал оберштурмбанфюрер, с которым он ехал из Гамбурга.

— О, господин Лемке! Какими судьбами? — Василий приветствовал его, как старого знакомого.

— Я пришел поблагодарить вас от своего имени и по поручению моей жены. Последние две недели мы с Элизабет наслаждались натуральным кофе! — сказал Лемке, садясь по приглашению Василия в кресло.

— Очень рад, что сумел доставить вам и вашей жене маленькое удовольствие. Готов служить вам и в дальнейшем чем только смогу! — Василий рассыпался в любезностях перед эсэсовцем, напряженно стараясь разгадать цель, ради которой тот пожаловал в его контору.

— Вы меня весьма обяжете... — Лемке ерзал в кресле, видимо желая что-то сказать, но не решаясь. — У меня к вам небольшая просьба... Но если она вас затруднит, скажите прямо, я не обижусь... У нас с женой есть небольшие сбережения, и нам хотелось бы поместить их в каком-нибудь надежном американском банке. Вы не могли бы оказать нам в этом содействие?

— Разумеется, могу! Но почему именно в американском банке, а не в Швейцарии? Эта страна давно зарекомендовала себя как надежная хранительница денег не только частных лиц, но и целых государств!

— Разве в Швейцарии лучше?.

— Без сомнения. Она не участвовала и не будет участвовать ни в каких войнах. Больше того, в случае войны враждующие страны будут кровно заинтересованы сохранить нейтралитет Швейцарии, чтобы иметь возможность действовать через нее. Таким образом, деньги ваши уцелеют при всех возможных международных конфликтах.

— Швейцария так Швейцария... Пожалуй, я соглашусь и на нее, при условии, что вы поможете мне и там... Вы деловой человек и должны понимать, что об этом разговоре не должна знать ни одна душа, — добавил Лемке.

— Ну, разумеется!.. На днях я как раз собираюсь ехать в Женеву и, если хотите, наведу там справки и по приезде расскажу вам подробно, как можно положить деньги в швейцарский банк, соблюдая секретность. А о какой сумме идет речь? — спросил Василий.

— Я же говорил, что сбережения у нас небольшие, — пожалуй, не больше восьмидесяти тысяч марок... Кроме того, мне хотелось бы сдать в банк на хранение немного драгоценных камней, золотых безделушек — приданое моей жены.

Василий понимал, что и деньги и драгоценности оберштурмбанфюрер просто-напросто украл при обыске в богатых еврейских домах или вымогал их под угрозой, но спокойно, как ни в чем не бывало посоветовал:

— Лучше, если вы превратите ваши марки в твердую валюту — скажем, в американские доллары. Вы обезопасите себя от возможной девальвации марки. Драгоценности можно сдать в банк на хранение по акту или, если пожелаете, можно арендовать небольшой сейф... Между прочим, должен вам заметить, дорогой герр Лемке, что сумма ваших сбережений далеко не соответствует вашему высокому званию. Вы — почти генерал СС, а денег всего восемьдесят тысяч марок. По официальному курсу это составит менее восьми тысяч долларов!..

— Что подделаешь, больше не сумел скопить, — вздохнул Лемке.

— Ничего, при большом желании, да при вашем высоком звании всегда можно заработать хорошие деньги!..

— Как это?

— Об этом поговорим после моего возвращения из Швейцарии, — пообещал Василий. — Может быть, я сумею помочь вам кое в чем... В случае надобности вы ведь смогли бы поехать в Женеву на несколько дней?

— Что за вопрос!.. Я, кажется, говорил вам, что пользуюсь у руководства неограниченным доверием и уже несколько раз побывал за границей с ответственными поручениями.

— Надеюсь, не откажете в любезности передать от меня фрау Элизабет немного кофе и принять отличные американские сигареты? — Василий достал из шкафа пачку кофе в изящном пакете, блок сигарет и протянул их оберштурмбанфюреру.

— Право, не знаю... Мне так неудобно, — бормоча так, Лемке достал из кармана газету и аккуратно завернул в нее кофе и сигареты. — Большое вам спасибо!.. Надеюсь, в недалеком будущем я тоже сумею оказать вам услугу.

— Дело не в услугах, просто вы приятны мне!.. Приезжайте к нам как-нибудь в гости, с женой. У

меня есть отличное виски и даже русская водка, — знакомый капитан привез из Одессы.

Лемке поблагодарил и некоторое время молчал, потупившись. Потом сказал:

— Раз мы собираемся подружиться с вами, то хочу сообщить вам кое-что, о чем вам не мешает знать... В гестапо интересовались вами. Туда несколько раз приглашали некоего Ганса Вебера, чиновника министерства иностранных дел, знающего вас еще по Парижу. Он не смог или не захотел дать о вас никаких порочащих сведений — назвал вас типичным американским бизнесменом, интересующимся только наживой. Недавно вызвали туда и вашего юрисконсульта Глауберга с целью завербовать его как осведомителя. Чем кончился у них разговор, пока не знаю. Не говорите ничего такого, чего не хотели бы доверить чужим ушам, и при фрейлейн Лотте, — она давно состоит платным осведомителем в гестапо.

— Спасибо за сообщение!.. Но, честно говоря, мне нечего опасаться. Я делаю деньги, и ничто другое меня действительно не интересует! — ответил Василий, прощаясь с оберштурмбанфюрером.

В свое время, прежде чем навсегда покинуть Францию, Василий условился с «отцом» о связи. Писать из Берлина в Чехословакию по прежнему адресу было нельзя: Василий стал американцем и никаких родственников, тем более отца, иметь там уже не мог. Для отправки корреспонденции, если в том появится крайняя необходимость, наметили три адреса: в Париже — фрау Шульц, в Софии — владелец бензиновой колонки некто Стамбулов и в Женеве — пансионат «Глория» мистера Дэвиса.

Решив, что лучшего места для свидания с «отцом», чем Женева, не найти, Василий написал в два адреса — Стамбулову и Дэвису — о том, что предполагает быть в Женеве не позже десятого августа. Останется он в отеле «Савой» и очень бы хотел встретиться с «отцом» для обсуждения некоторых весьма важных вопросов. Он был убежден, что «отец» непременно явится на свидание.

«Савой», где поселились Василий и Лиза, оказался очень дорогим отелем: в нем останавливались главы правительств и министры иностранных дел многих государств, приезжающие в Женеву для участия в работе Лиги наций. Но сейчас, по случаю перерыва в заседаниях этой международной организации, отель пустовал.

На второй день после приезда, утром, в номере Василия раздался телефонный звонок. Портье сообщил, что мистера Кочека желает видеть синьор Мачарелли. Василий попросил портье передать синьору Мачарелли, что будет рад видеть его у себя в номере.

Через несколько минут в номер вошел пожилой мужчина с солидным брюшком, большим горбатым носом. Круглые очки в роговой оправе с толстыми стеклами надежно прятали его бегающие глаза.

Отрекомендовавшись на сносом английском языке представителем итальянской нефтяной компании, синьор Мачарелли протянул Василию пухлую руку.

— Нужно полагать, что вы были предупреждены о моем визите, не так ли?

— Разумеется! — ответил Василий.

От предложения выпить что-либо синьор Мачарелли отказался, и они сразу перешли к деловым вопросам.

— Наши бензохранилища в Гамбурге, из которых вы могли бы без помех выкачивать бензин в свои танкеры, будут готовы к концу года, в лучшем случае — в середине ноября, — сказал Василий. — Учитывая это, я предлагаю вам следующий способ получения горючего: наши танкеры с горючим причалят к коммерческой пристани Гамбурга по договоренности с портовыми властями. Ваши станут рядом и по ночам, чтобы не привлекать внимания любопытных, будут перекачивать бензин. Разумеется, можно было бы сделать то же самое в открытом море — подальше от территориальных вод Германии, — по вы понимаете, что это опасно, особенно в штормовую погоду...

— Такой способ перекачки бензина нас не устраивает, — сказал синьор Мачарелли.

— Что же вы предлагаете? — Василий был несколько озадачен этим заявлением итальянца в самом начале переговоров.

— По прибытии ваших танкеров в Гамбург переадресуйте их в один из итальянских портов, которые мы укажем! — ответил тот.

— А это, к сожалению, не устраивает нас! — довольно резко сказал Василий. — Вы хотите причинить нашей компании немало неприятностей, афишируя, что мы продолжаем поставлять Италии горючее даже тогда, когда начнется военный конфликт между вашей страной и Абиссинией и сенат Соединенных Штатов примет закон о нейтралитете и невмешательстве?.. Нет, это невозможно!

— Ну, кто может знать об этом? Перепишите судовые документы. Можно поменять даже флаг, под которым ваши танкеры придут в Гамбург, и делу конец, — настаивал Мачарелли.

— Танкер не куриное яйцо, — его не перекрасишь и в карман не спрячешь. Нет, наша компания на это не пойдет. Мы согласны поставлять вам бензин и смазочные масла даже во время военного конфликта, но только Франко-порт Гамбург.

— А цены! Как будет с ценами? Вы представляете, во что обойдется нам галлон бензина, если мы будем фрахтовать танкеры и перекачивать в них бензин? Какую примерно скидку вы могли бы нам предложить?

— Никакой. Вести с вами какие бы то ни было переговоры о ценах я не могу. Не имею на это полномочий. Неофициально могу вам сообщить, что компания не только не собирается терпеть

убытки на незаконной поставке вам горючего, но предполагает заработать на этом. Иначе какой смысл нам рисковать? У нас покупатели найдутся, а вот самолеты дуче не поднимутся в воздух без бензина, а танки не пойдут по просторам Африки. Победа над Абиссинией сулит вам множество выгод, и, если вы хотите их иметь, придется пойти на маленькие жертвы и платить за наш бензин настоящую цену. — Василий говорил все это с тяжелым сердцем: никогда еще, пожалуй, роль торгаша не была ему так противна, — зашибать деньги на войне!..

— В таком случае я должен связаться с Римом и посоветоваться с директорами компании! — сказал Мачарелли.

— Поступайте, как считаете нужным. Единственно, о чем я буду вас просить: в телефонном разговоре с Римом не называть нашу компанию и мою фамилию!

— Не беспокойтесь! — Итальянец замялся. — Мистер Кочек, не лучше ли нам договориться с вами?

— О чем?

— О цене поставляемого бензина.

— Я же сказал вам, что не уполномочен вести переговоры об этом.

— Мы с вами деловые люди и можем говорить деловым языком, — проговорил итальянец, наклоняясь к Василию. — Не имея полномочий вести переговоры о ценах, вы, как доверенное лицо компании, можете повлиять на своего хозяина и добиться для нас некоторых льгот с учетом сложившейся ситуации. Пусть компания сделает нам небольшую скидку или, на худой конец, поставляет бензин по прежней цене. В первом случае вы получите два процента от общей суммы скидки, во втором — полпроцента. Учитывая, что мы собираемся покупать у вас горючее в больших, очень больших размерах, эти проценты составят солидную сумму... Согласны?

— Нет, у нас не принято совершать за спиной патрона какие-либо сделки, да и я достаточно богат, чтобы не прибегать к сомнительным способам наживы.

— Куртажные всегда, во всем мире считались законным заработком, — сказал синьор Мачарелли.

Василий пропустил его слова мимо ушей.

— Итак, вы свяжетесь с Римом и дадите мне окончательный ответ. Когда я могу ждать его?

— Полагаю, завтра в это время.

— Синьор Мачарелли, может быть, сейчас, когда мы закончили деловые разговоры, выпьете что-нибудь? — Василий открыл буфет и достал бутылку вина.

— Благодарю вас, я не имею привычки пить спиртное днем. — Синьор Мачарелли чопорно откланялся и ушел.

Он позвонил на следующий день точно в условленный час и попросил отсрочки для окончательного ответа еще на два-три дня.

В тот же день, вечером, выйдя с Лизой из отеля, Василий увидел «отца» и не успел опомниться, как тот помахал рукой, что-то крикнул и быстро подошел к ним, будто удивляясь и радуясь случайной встрече со старыми знакомыми.

— Вот уже третий час торчу на улице, ожидая вашего выхода, — сказал он, понизив голос.

— Вы бы зашли к нам в номер. — Василий с первого взгляда заметил, что «отец» не совсем оправился после болезни.

— Я считал неудобным так просто заявиться к вам в гостиницу. Вы, мои дорогие дети, должны знать, что Женева стала центром мирового шпионажа еще со времен мировой войны и остается таковым по сей день. Здесь кишмя кишат разведчики всех мастей и рангов, так что осторожность не мешает. Я почти не сомневаюсь, что за тобой следят если не пять пар глаз, то четыре наверняка. Они много дали бы, чтобы узнать, какие переговоры ведет этот американец с представителем итальянской нефтяной компании!

— Вы знаете об этом? — не без удивления спросил Василий.

— Ну, брат, если я не буду знать таких простых вещей, то грош мне цена в базарный день!.. Ладно, не будем больше говорить об этом. Зайдем лучше в какое-нибудь малолюдное кафе, поужинаем, побеседуем без помех, — предложил «отец» и повел Василия с Лизой в кафе недалеко от Дворца наций, где обычно собирались журналисты.

Сели за мраморный столик, «отец» заказал обильный ужин и две бутылки дорогого вина. Когда гарсон подал заказанное, «отец» обратился к Василию и Лизе:

— Ну-с, рассказывайте теперь про свое житье-бытье. Что, кроме желания познакомиться с синьором Мачарелли, привело вас в этот город банков и страховых компаний? Василий, неужели ты так разбогател, что решил поместить свои капиталы в швейцарских банках?

— Не свои капиталы, а деньги оберштурмбанфюрера Отто Лемке, — ответил Василий и рассказал по порядку о всех своих делах в Берлине.

— Раз эсэсовец падок на деньги и счел возможным разоткровенничаться с тобой, — не робей, купи его на корню. Но особых поручений до норы до времени не давай, — он пригодится в будущем!.. Поддерживая связь с Гансом Вебером, обязательно познакомься с руководителем второй группы подпольщиков и помоги ему. По нашим сведениям, та группа действует более целеустремленно и

активно. Майора, о котором ты говорил, попытайся привлечь к делу, если это не вызовет особых осложнений. Пока от тебя не требуется никаких активных действий, — будь осторожен, закрепляйся в Германии так, как сумел это сделать во Франции. Постарайся завоевать доверие властей, в том смысле, чтобы они думали о тебе как о дельце, спекулянте. Будь в курсе событий и информируй нас, но не рискуй, на рожон не лезь... Главное — подготовить надежных людей с тем, чтобы, когда настанет час, — дай бог, как говорится, чтобы такого часа никогда не настало! — ты мог бы перейти к активным действиям, и то только по нашей команде. А пока — информация и еще раз информация, причем надежная, проверенная, а порою и дублированная. Мы должны быть в курсе всех планов фашистов! — Закончив свои наставления, «отец» принялся за еду.

— Вы никогда не задумывались над тем, как мне нелегко? — спросил вдруг Василий.

— Что — нелегко?

— То, что я своими руками помогаю фашистам укреплять их режим, поставляя им столь необходимое для авиации и танков горючее. А теперь еще веду переговоры с представителем дуче о способе поставки итальянским фашистам бензина в случае войны с Абиссинией... Просто бред какой-то!..

— А ты рассуждай трезво, — спокойно сказал «отец». — Допустим, ты не будешь заниматься поставкой фашистам авиабензина, — что от этого изменится? Не ты, так другой будет поставлять им горючее. Лучше уж ты, — по крайней мере, мы будем знать потребность немцев в авиационном горючем и в смазочных маслах и сделаем соответствующие выводы.

— Разумом я тоже все это понимаю, а сердце протестует...

— Уверю тебя, Василий, вы с Лизой делаете куда больше, чем тысяча краснобаев, воюющих с фашизмом на словах. Я уверен, что люди в будущем помянут всех нас добрым словом. Не так ли, Лиза? — «отец» повернулся к ней.

— Может быть, и так, — сказала Лиза. — Но нам тяжело, очень даже тяжело. И этого не скроешь... Мы ведь не день, не месяц и даже не год, а годами находимся в таком двойственном положении... Я бы скорее согласилась на любой опасный для жизни подвиг, чем годами жить так, как мы живем. — Голос у Лизы задрожал, и она замолчала.

— Слов нет, тяжело!.. — просто и как-то даже немного грустно сказал «отец». — То, чем занимаемся мы с вами, — не от хорошей жизни, от горькой необходимости... Раньше люди рисковали головой ради денег, наживы, мы же готовы положить головы на плаху во имя своих идей, убеждений, ради служения своему народу, и сознание этого укрепляет наши силы.

Не могу обещать вам, что вашей тяжелой работе скоро конец. Борьба будет долгой, мучительной, и вы нужны будете здесь, а не где-нибудь в другом месте, потому что вы с порученным вам делом справляетесь хорошо. Наберитесь терпения, мужества и продолжайте, дети, работу... А теперь перейдем к практическим делам. Отныне основным вашим связистом будет Стамбулов из Болгарии. Он часто будет приезжать к вам по торговым делам. Скоро он расширит свою торговлю бензином, маслами и явится к тебе, Василий, как к представителю компании, покупать товар, минуя монополии. Ты окажи ему возможное содействие и дай повод почаще приезжать в Берлин. Стамбулов хороший, проверенный товарищ. К фрау Шульц — больше никаких писем, забудьте ее адрес. По некоторым данным, она на подозрении у Сюртэ Женераль, и ей, бедняжке, скоро придется уехать из Франции, и на этот раз навсегда. В случае особой необходимости можете писать Сарьяну — он, в свою очередь, переправит ваше письмо куда следует. Сарьян честный, благородный человек. Как это ни парадоксально, фашизм способствовал тому, что все честные люди группируются вокруг коммунистов, и этот процесс будет продолжаться по мере усиления борьбы с фашизмом. — «Отец» допил свой бокал, закурил.

— Я вам уже писал, что Вебер просил помочь ему с типографским шрифтом, — сказал Василий. — Мне самому заняться этим рискованно.

— И не надо! Заниматься доставкой шрифтов и красок поручено Стамбулову. Он скоро доставит их тебе. Шрифты подели между обеими подпольными группами. Еще и еще раз советую основательно заняться оберштурмбанфюрером. На первых порах постарайся не пугать его поручениями, а прощупай, к чему его можно приспособить. Раз он в команде по охране имперской канцелярии, значит, человек весьма осведомленный!..

На прощание «отец» сказал, что, может быть, зайдет перед отъездом к ним в отель или позвонит.

Расставаться с «отцом» им, как всегда, было грустно, — он был для них частицей родины, живым воплощением той земли, где они родились и выросли...

Синьор Мачарелли явился наконец к Василию в отель и сообщил, что итальянская нефтяная компания согласна на условия, предложенные мистером Кочекком. Мистер Кочек должен обещать, что компания будет уведомлена заранее о времени прибытия танкеров с горючим в Гамбург, чтобы избежать ненужных и дорогостоящих простоев итальянских танкеров.

Наведя для Лемке справки в швейцарских банках о размещении денег под девизом, Василий посчитал свои дела законченными и возвратился с Лизой в Берлин.

В столице третьего рейха за эти дни ничего не изменилось. По-прежнему под оглушительные звуки духовых оркестров маршировали солдаты в стальных касках, в сапогах, подкованных железом, происходили факельные шествия по ночам, митинговали на площадях фашистские молодчики. И по-прежнему повсюду слышалось: «Хайль, хайль, хайль!»...

В отравленной атмосфере Берлина трудно было дышать, особенно после тихой Женевы. Но Василий, стиснув зубы, напустив на себя веселость и беззаботность, с новой энергией взялся за дела.

Прежде всего через О'Кейли он известил Адамса об итогах своих переговоров с Мачарелли, порекомендовал не делать никаких скидок, наоборот, обосновал целесообразность накинуть, в случае войны, несколько центов на галлон бензина и просил ускорить строительство бензохранилищ в Гамбурге, что значительно облегчило бы перекачку горючего в итальянские танкеры и создало бы видимость, что Италии бензин поставляет Германия.

Через день Василий получил большую зашифрованную телеграмму из Америки, в которой Адамс поздравлял своего уполномоченного с успешным завершением переговоров, уведомлял, что его доля в прибылях от продажи горючего Германии и Италии увеличивается на 0,1 процента, а также, что приняты все меры, чтобы закончить строительство бензохранилищ в ноябре.

О'Кейли, улыбаясь, сказал Василию:

— При постоянном нарастании поставок горючего Германии и Италии вы, мистер Кочек, заработаете кучу денег, участвуя в прибылях компании хотя бы на одну десятую процента! А если учесть еще доходы от продажи кофе и сигарет, то вы станете миллионером.

— А почему бы и нет? Не даром же мне торчать в этом фашистском раю и читать каждый день по утрам хвастливые передовицы «Фолькишер беобахтер» о том, как немцы скоро создадут великую Германию и завоюют весь мир, — шутя ответил Василий.

— По всем джентльменским кодексам, полагалось бы отметить такие успехи! — недвусмысленно намекнул генеральный консул.

— Хоть сегодня вечером — шикарный ужин в ресторане! Или дюжину виски сейчас.

— Лучше уж дюжину виски, а то в немецких ресторанах подадут вместо бифштекса капустные котлеты.

— Будет сделано! — Василий тотчас же заплатил в американской лавке за двенадцать бутылок виски и, сказав продавцу, что проиграл мистеру О'Кейли пари, велел отнести ему покупку.

Генеральный консул был прав: коммерческие дела Василия шли отлично и его доходы росли с каждым днем. За короткое время он успел переслать через капитана танкера Джо Ковачичу около тридцати пяти тысяч долларов — его долю в доходах — и столько же оставить себе. Это — кроме тех процентов, которые перечисляла компания на его текущий счет в нью-йоркский банк. Впрочем, расходы Василия тоже росли, — он вел широкий образ жизни, требующий больших денег, занимал целый особняк, содержал трех слуг, хорошо одевался, выписывал из Парижа наряды Лизе, ежемесячно платил фрау Браун обусловленную сумму, а после встречи с «отцом» оказывал еще существенную материальную поддержку обеим подпольным группам.

По возвращении в Берлин Василий встретился с Вебером на конспиративной квартире, сообщил, что скоро будут типографские шрифты, и попросил о двух вещах: устроить свидание с майором из генерального штаба, представив ему Василия под вымышленной фамилией, и свести его с руководителем второй подпольной группы, мастером Германом. На прощание вручил Веберу десять тысяч марок.

Как уже было сказано, Ганс Вебер отличался аккуратностью и пунктуальностью. На следующий день он познакомил Василия с мастером Германом и, представив их друг другу, сам тут же ушел.

Мастер Герман говорил медленно, как бы обдумывая каждую фразу, и внимательно прислушивался к словам собеседника.

— Мне давно сказали о вашем приезде в Берлин, — начал он, — однако я не сделал никаких попыток связаться с вами, считая это неудобным. Был уверен, что вы сами разыщете меня, если захотите... В нашей группе тридцать пять человек. Все это проверенные и абсолютно надежные люди, — они скорее пойдут на смерть, чем предадут. Кроме активных членов группы у нас еще более ста человек сочувствующих, в той или иной форме помогающих нам. Люди наши разбиты на пятерки, каждый из членов пятерки знает в лицо только своего руководителя. Руководители пятерок, в свою очередь, знают одного из руководящей тройки. Надеемся, что в случае провала одного звена уцелеют другие и организация сможет продолжать работу. К сожалению, делаем мало, но постепенно наращиваем силы для предстоящих битв, потому что уверены — такое время рано или поздно наступит...

Он умолк, и Василий подумал, что мастер Герман во многом отличается от Вебера, хотя оба они честные, убежденные люди, поставившие перед собой одну и ту же нелегкую задачу — избавить Германию от позора, в котором она очутилась. Вебер был куда образованнее и подготовленнее во всех отношениях, чем Герман, но зато у последнего была ясность взглядов, глубокая вера в будущее и решимость.

— Я очень рад знакомству с вами и готов помочь вам всем, чем только смогу, — сказал Василий.

— Уже одно то, что о нашем существовании знают те, с кем связаны вы, — большая поддержка для нас; значит, мы не в одиночестве! — ответил мастер Герман. — Конечно, от помощи мы не откажемся. Наша главная задача — сколотить боевую, хорошо законспирированную организацию. Приближается семнадцатая годовщина Октябрьской социалистической революции в России, нам хотелось бы отметить эту дату — выпустить боевые листовки, распространить их по заводам и фабрикам хотя бы в Берлине, поддержать боевой дух немецкого пролетариата, напомнить, что Октябрьская революция — наша революция. К сожалению, у нас нет ни типографского шрифта, ни бумаги, а времени остается совсем мало. Наша заветная мечта — выпустить подпольную газету, доказать всем — друзьям и врагам, что пролетариат Германии живет и действует. Многое хотелось бы еще сделать, но наши возможности не соответствуют нашим желаниям...

— Скажите, товарищ Герман, как вы относитесь к группе Вебера, не хотели бы вы с ней объединиться?

— Крайне отраден факт существования такой группы, состоящей исключительно из либеральной интеллигенции. Это доказывает, что не только рабочие борются с фашизмом, но и все честные немцы. Мы согласились бы объединиться, — разумеется, на определенных условиях. Но они на это не пойдут — считают себя обособленной группой!.. Лучше уж мы установим с ними более тесную связь и будем действовать согласованно, — ответил мастер.

— Надеюсь, что скоро мои друзья достанут для вас типографский шрифт, а может быть, и бумагу. Не знаю, известно ли вам, что я занимаюсь торговлей и зарабатываю немало денег, — могу помочь вам и деньгами из своих собственных средств. Вот пока небольшая сумма, — Василий достал из кармана пачку денег и положил перед мастером Германом. — Тут десять тысяч марок, они вам безусловно пригодятся.

— Деньги действительно пригодятся... Вы же знаете, какие теперь у нас заработки. Лозунг — пушки вместо масла — продолжает действовать... Спасибо!

— Благодарить не нужно, мы делаем общее дело... Знаете, товарищ Герман, очень важно иметь своих людей на всех заводах и фабриках — особенно работающих на вооружение, на железной дороге, хорошо бы и в воинских частях. Но это — дело будущего. Что касается вашего отношения к группе Вебера, — вам виднее. Я могу сказать только одно: у вас и так мало сил, распылять их не стоит. Подумайте об этом!

Условившись о времени и месте будущих встреч, они разошлись.

В тот же день оберштурмбанфюрер Отто Лемке явился к Василию.

— Все в полном порядке, дорогой Лемке, — поспешил порадовать его Василий, — можете поехать в Женеву, явиться в банк с моей запиской, и там примут ваш вклад под любым девизом, какой вы выберете. Примут на хранение и драгоценности. Я обо всем договорился, не называя вашей фамилии. Если вам по каким-нибудь причинам не удастся поехать в Женеву, то я возьму на себя эту миссию во время своей следующей поездки туда.

— Ну, зачем же мне затруднять вас! Поеду сам — это мне ничего не стоит!

— Перед отъездом не забудьте зайти ко мне — за запиской... А теперь я позволю себе вернуться к нашему прошлому разговору. Скажите откровенно, как другу, — хотите подзаработать денюжат, причем в твердой валюте?

— Кто откажется от заработка! — воскликнул Лемке. — Мы все понемногу стареем. Нужно подумать и о будущем!..

— Золотые слова, каждый разумный человек обязан думать о старости, о потомстве. Таков закон природы! Одними идеями, даже самыми возвышенными, сыт не будешь, в конечном итоге все на свете определяется тем, сколько у тебя в кармане денег... Итак, я даю вам возможность заработать, требуя взамен самую малость — всякого рода информацию. Мне, представителю крупной американской нефтяной компании и коммерсанту, нужно знать все, что делается в мире сегодня и что предполагается на завтра, — иначе попадешь впросак!.. Вам, с вашим высоким положением, ничего не стоит собрать любую информацию — экономическую, международную, политическую. Предлагаю вам для начала триста американских долларов в месяц. Вы знаете, я не политик, — снабжая меня нужной информацией, вы ничем не рискуете. Если же собранные вами сведения будут особо ценными для компании, которую я представляю, гонорар ваш может быть удвоен!..

— Вы, дорогой мистер Кочек, легко убедили меня. Ваше предложение принимается, — ответил Отто Лемке и протянул Василию руку, которую тот крепко пожал с дружеской улыбкой на лице и с чувством гадливости в душе...

В эти дни произошло еще одно любопытное событие в жизни Василия. Преподавательница немецкого языка Катрин Хигель с некоторых пор стала проявлять повышенный интерес к мистру Кочеку. Она кокетничала с ним, а однажды после урока спросила:

— Скажите, мистер Кочек, неужели вы никогда не развлекаетесь?

— Что вы под этим подразумеваете?

— Ну... вечеринки в интимном кругу, где можно немножко выпить, потанцевать, повеселиться, даже поухаживать...

— Вы же знаете, я женатый человек.

— Разве грех изредка встретиться с другой женщиной, немножко встряхнуться? Говорят, жена, какой бы она ни была красивой, со временем приедается!..

— Пока еще я этого не испытал.

Учительница не угомонила и после такого достаточно сухого ответа.

— Можно задать вам еще один нескромный вопрос?

— Пожалуйста!..

— Я вам нравлюсь хоть чуточку?

— Вы отличная учительница.

— И это все? Боже мой! Многие мужчины находят меня очень привлекательной. Живя с мужем непродолжительное время, я сохранила не только фигуру, но и темперамент. Впрочем, могу познакомить вас со своей двоюродной сестрой, — ей всего семнадцать лет, она очень хороша...

— Вы очень любезны, фрау Хигель, но я не смогу воспользоваться вашим предложением. Я принадлежу к категории тех скучных мужчин, которые не изменяют своим женам. Может быть, это смешно, старомодно, но тут уж ничего не поделаешь! — Василий говорил все это мягко, даже дружелюбно и проводил учительницу, как всегда, до самых дверей.

А через месяца полтора заплатил ей до конца года и сообщил, что больше не нуждается в ее услугах. Таким образом, в окружении Василия стало одним агентом гестапо меньше.

Настал день седьмого ноября — дорогой праздник для каждого советского человека, где бы он ни находился. Василий и Лиза представляли себе праздничную Москву. Со всех концов ее стекаются к своим заводам, фабрикам, учреждениям и вузам трудящиеся, студенты, чтобы участвовать в демонстрации. Ровно в девять часов на Мавзолей Ленина поднимутся руководители партии и правительства, раздадутся звуки фанфар и на Красной площади начнется военный парад. На улицах — музыка, танцы, веселье. А здесь они не могут не только как-либо отметить свой праздник, но бояться даже показать вид, что он имеет к ним касательство. Встали они чуть свет и не спускали глаз со стрелки часов. Они мысленно были там — в Москве. Вот сейчас, без пятнадцати девять, прекратится доступ к трибунам Красной площади и на короткое время воцарится тишина. В их ушах звучат аплодисменты, — это на трибунах встречаются руководители партии и правительства, поднимающихся на Мавзолей. Войска давно выстроены. Звонят кремлевские куранты — ровно девять часов. Горнисты дадут сигнал — слушайте все! И из Спасских ворот Кремля выезжает на коне Ворошилов, принимающий парад... Потом — короткая речь, поздравление с праздником и артиллерийский салют. Празднично и торжественно сегодня на Красной площади... А они, — единственное, что могли они сделать для праздника, это надеть лучшие платья, поехать в центр Берлина и там пешком пройтись по Унтер-ден-Линден, мысленно отсалютовать красному флагу с серпом и молотом, развевающемуся над зданием посольства.

Медленно прохаживаясь по противоположной стороне улицы, они видели, как советские граждане, живущие в Берлине, входили в посольство, чтобы принять участие в митинге, посвященном семнадцатой годовщине Великого Октября. Василий и Лиза завидовали каждому, кто свободно, без всякой опаски, открывал массивные парадные двери посольства. Вдруг Василий заметил на глазах у Лизы слезы.

— Нам только этого не хватало, чтобы гестапо заметило, как ты ревешь здесь, напротив советского посольства! — прошептал он, сжимая ее руку.

В ответ Лиза показала глазами на входящих в посольство.

— Какие они счастливые! — шепнула она...

В эти дни начали поступать тревожные сведения из разных источников. Первой об этом сообщила фрау Браун при очередной встрече с Лизой: имеются точные сведения, что фюрер дал согласие Муссолини поддержать его в войне Италии против Абиссинии. Больше того — из трех разных источников стало известно, что в Рим недавно ездил премьер-министр Франции Лаваль и заявил дуче, что французское правительство не станет препятствовать захвату Абиссинии. В иностранном отделе национал-социалистской партии, сообщила Браун, вопрос о нападении Италии на Абиссинию считают предрешенным.

Днем позже к Василию зашел оберштурмбанфюрер Лемке и тоже сказал, что в самое ближайшее время можно ожидать начала войны между Италией и Абиссинией.

— Наш фюрер, чтобы поддержать боевой дух итальяшек, отправил им три эшелона с вооружением и подарил Бенито Муссолини эскадру истребителей. Говорят, итальянцам пришлось основательно раскошелиться, чтобы склонить в свою пользу общественное мнение Франции. Будто бы на подкуп политических деятелей Франции, депутатов парламента и влиятельных журналистов они потратили кругленькую сумму, превышающую сто тридцать миллионов франков. Вот где можно подзаработать! — захлебывался восторгом Отто Лемке.

О предстоящем нападении Италии на Абиссинию сообщил Василию и Вебер. В консульском отделе министерства иностранных дел знали, что война начнется в середине декабря.

Получив подтверждение о предстоящем нападении Италии на Абиссинию из трех источников, Василий через Стамбулова немедленно отправил «отцу» зашифрованное письмо.

Сведения, полученные от Вебера, оказались наиболее точными. В середине декабря 1934 года итальянские войска атаковали абиссинский отряд в оазисе Упа-Упа, расположенном в ста километрах от границы. Создалась реальная угроза военного конфликта. Италия усиленно стягивала войска к абиссинской границе.

Понятно, великие державы имели все возможности положить конец итало-абиссинскому конфликту в самом его зародыше, но они этого не сделали. 3 октября 1935 года вооруженные силы Италии вторглись в Абиссинию. Началась итало-абиссинская война.

Приняв закон о нейтралитете еще 31 августа того же, 1935 года, Соединенные Штаты Америки запретили поставку оружия воюющим сторонам. В резолюции, принятой совместно палатой представителей и сенатом, ничего не было сказано о стратегическом сырье, в том числе и о нефти. Несмотря на это, Василий получил от Адамса указание: отпускать итальянским танкерам авиационный бензин только через гамбургское бензохранилище, которое было готово к этому времени, чтобы не бросалось в глаза увеличение поставок горючего Италии.

Даже после того, как под давлением мирового общественного мнения Лига наций 7 ноября 1935 года была вынуждена признать Италию агрессором, ничего не изменилось.

В феврале 1936 года в Соединенных Штатах был принят новый закон, продлевающий срок нейтралитета и устанавливающий эмбарго на вывоз в воюющие державы стратегических материалов. О нефти и нефтепродуктах и в этом законе ничего не было сказано.

И все же Лига наций оказалась вынужденной приступить к обсуждению вопроса о запрете ввоза нефти в Италию. Представители Лондона и Парижа разволновались не на шутку: им стало известно, что десять государств — членов Лиги наций — дали согласие прекратить поставки нефти Италии. В числе этих государств были СССР, Румыния, Иран и Голландия, на долю которых приходилось около семидесяти пяти процентов поставляемой Италии нефти. Представители великих держав сделали все возможное, чтобы затянуть обсуждение вопроса о «нефтяных санкциях».

Пока под высокими сводами Дворца наций произносились горячие речи, танкеры, груженные американским бензином, держали курс к итальянским берегам, и дуче не испытывал ни малейшего недостатка в нефтяных продуктах.

Фрау Браун известила Лизу, что она печатала расшифрованную депешу, переданную послом Германии из Парижа, в которой говорилось, что 9 декабря 1935 года в Париже подписано секретное соглашение между премьером Франции Пьером Лавалем и английским министром иностранных дел Самуэлем Хором о мирном урегулировании итало-абиссинского военного конфликта. В этом соглашении предлагалось негусу Хайле Селассие уступить Италии значительную часть своей территории — несколько провинций, название которых фрау Браун не запомнила. По словам посла, такая уступка фактически свела бы на нет существование Абиссинии как суверенного государства, поскольку, в дополнение к территориальным уступкам, Абиссиния обязывалась принять к себе на службу итальянских советников и предоставить Италии ряд экономических привилегий. Лаваль и Хор, обходя Лигу наций, фактически продали члена этой международной организации, Абиссинию.

Получив эти сведения, Василий немедленно выехал в Гамбург, куда только что прибыл американский танкер, и через капитана Фрэнка Бема послал письмо Сарьяну с подробным описанием сделки Лавалья — Хора. Он просил журналиста известить «отца», а с сообщаемыми им, Василием, фактами поступить по своему усмотрению.

По-видимому, содержание секретного соглашения между двумя высокопоставленными представителями Франции и Англии просочилось в печать и по другим каналам. Газеты, широко комментируя это соглашение, подняли большой шум. Позорный сговор двух министров вызвал взрыв негодования во всем мире. Тем не менее послы Англии в Риме и Аддис-Абебе настойчиво добивались принятия условий Лавалья — Хора.

Взрыв возмущения скандальным предательством Лавалья был особенно бурным во Франции. В январе 1936 года премьер подал в отставку, получив всего двадцать голосов при голосовании вотума доверия в Национальном собрании. На смену Лавалю пришел Альбер Сарро, министром иностранных дел стал Фландон, и положение во Франции мало изменилось...

Вебер известил Василия, что майор, о котором в свое время шла речь, вернулся из командировки. Зять майора устроит у себя дома небольшую вечеринку, на которой и познакомит своего родственника с богатым американским бизнесменом Хексингом, то есть с Василием. Такой способ знакомства с сотрудником генерального штаба армии — тем более под вымышленным именем — таил в себе известный риск, но Василий согласился. Вечером следующего дня он отправился вместе с Лизой в гости к незнакомому человеку по адресу, полученному от Вебера. Хозяин дома, Иоганн Мейер, принял их, как старых знакомых, и пригласил в гостиную. Вскоре прибыл и майор Кольвиц, высокий, худой человек в очках, с изможденным лицом.

Майор чуть ли не с первых слов, не стесняясь присутствия постороннего человека, стал

жаловаться на свою судьбу: его единственная дочь тяжело больна. Доктора никак не могут поставить правильный диагноз. У каких только светил медицины она не была, — все напрасно, одно разорение и никакого толка!..

Василию стало ясно, что майор знает, с какой целью его познакомили с богатым американцем. Когда мужчины остались одни, хозяин дома сразу перешел к делу:

— Ты хотел поместить дочку в санаторий, а денег на это у тебя нет, не так ли? Вот мистер Хексинг может ссудить тебя деньгами, если, конечно, ты согласишься.

— На что? — насторожился майор.

— Будем говорить откровенно. Ты, Фридрих, не нацист и не сочувствуешь им... Мистера Хексинга, как делового американца, интересуют планы наших генералов, уже поставивших однажды Германию на край гибели...

— Ты понимаешь, Иоганн, о чем говоришь? Это же пахнет виселицей, — тихо сказал майор.

— Не произноси такие страшные слова на ночь глядя! Кто и каким образом может узнать, что ты, встречаясь со знакомым американцем, делишься с ним некоторыми новостями, которые, кстати сказать, через короткое время перестают быть новостями?

— Это, конечно, так, но все-таки... — пробормотал майор.

В разговор вмешался Василий.

— Вообще-то совсем не обязательно, чтобы мы встречались с вами, — сказал он. — Вы можете поделиться новостями со своим родственником, нашим хозяином, а он со мной... Я возьму на себя все расходы по лечению вашей дочери. Надеюсь, три тысячи марок в месяц хватит?

— Да, конечно, — ответил майор и тут же добавил: — Я должен подумать...

— Подумайте, я вас не тороплю. Если надумаете, дайте знать через гетто Мейера, — он меня найдет. Если лечение вашей дочери будет стоить дороже, я все равно приму на себя все расходы! — Василий хотел подчеркнуть, что за деньгами остановки не будет, — вы, мол, только начните работать, господин майор, и, если сведения, которыми вы будете меня снабжать, окажутся стоящими, вознаграждение будет увеличено...

Они поняли друг друга, хотя не произнесли больше ни слова.

В эти бурные дни, когда события в Европе развивались с необыкновенной быстротой, в Берлин из Болгарии приехал Стамбулов.

Его провели в кабинет Василия, и он, назвав себя, сразу заговорил громко и возмущенно:

— Господин директор, войдите, пожалуйста, в мое положение! От этих оптовиков житья не стало, — бензин продаем мы, а деньги загребают они. Разве это справедливо? Нет... больше так не пойдет!

— Не волнуйтесь, — попытался успокоить его Василий, — скажите, чем я могу вам помочь.

— Я привез вам привет от «отца», — сказал Стамбулов, понизив голос, и снова громко заговорил: — Повторяю, больше так не пойдет! Я открыл большую керосиновую лавку, арендовал еще две бензоколонки на самых оживленных улицах столицы, хочу расширить дело и покупать бензин не румынский, а американский!.. Отправьте, пожалуйста, по моему адресу в Софию, несколько цистерн бензина и вагон автола... Где сказано, что мы, болгары, обязаны покупать и продавать только румынский бензин? Правда, они наши соседи, но что из этого? Все равно горючее нам они продают по ценам мирового рынка, да еще через посредников-оптовиков! — И снова тихо: — Я кое-что привез, мне нужно поговорить с вами...

— Хорошо, мы продадим вам бензин. Но оптовики поднимут большой шум... Я думаю, в покупке румынского бензина заинтересованы не только они, но кое-кто посильное. — И тоже понизив голос: — Я вызову юрисконсульта и дам ему указания. Когда закончите все формальности, заходите — поговорим...

Глауберг, получив указания, повел болгарина к себе, а Василий, оставшись один, подумал о том, что «отец» умеет подбирать людей. Стамбулов понравился Василию. Круглолицый, с черными усиками, густыми косматыми бровями, большими серыми глазами, он производил впечатление веселого, темпераментного человека. По-видимому, он был и опытным конспиратором: даже младенцу ясно, что человек, опасющийся полиции, будет вести себя тише воды ниже травы, чтобы не привлекать к себе внимание, а этот шумит, кричит...

Стамбулов вернулся к Василию с сияющим лицом.

— Кажется, все в порядке! — сказал он, развалившись в кресле. — Теперь я покажу своим конкурентам, на что способен Стамбулов! — И понизив голос: — Я привез типографский шрифт, полтонны бумаги. Шрифт в трех чемаданах находится в камере хранения. Нужно, чтобы надежный человек получил по квитанции. За бумагой придется послать машину и приготовить место, куда ее сложить. Лучше всего, если машина будет от какого-нибудь издательства, газеты или журнала. У меня заготовлена доверенность, в нее нужно только вписать фамилию получателя.

— Как вы сумели перевезти через границу шрифт и отправить сюда такое количество бумаги? — спросил Василий.

— Подумаешь, дело какое!.. В фашистской Германии за деньги можно купить не только таможенного чиновника или железнодорожное начальство, но и самого Геринга! — весело сказал

болгарин.

Василий взял у Стамбулова квитанцию камеры хранения, накладные, выданные отправителем бумаги, доверенность и, дав ему номер своего домашнего телефона, попросил позвонить после десяти вечера.

В тот же день он связался с мастером Германом и спросил, сумеет ли тот организовать получение чемоданов со шрифтом, бумаги и есть ли у него место для хранения ее.

— Какие же мы подпольщики, если не сможем получить и надежно спрятать то, что другие сумели провезти из-за тридевяти земель? Не беспокойтесь, все будет сделано! — сказал мастер.

— Часть шрифта и немного бумаги дадите Веберу, я ему обещал, — сказал Василий и попросил позвонить ему из автомата. — Если все будет в порядке, спросите: «Это справочная вокзала?» В случае непредвиденных осложнений зададите вопрос: «Можно заказать билет на Мюнхен?»

— Хорошо, позвоню. Но вы напрасно беспокоитесь, товарищ!

Однако Василий беспокоился, и даже очень. Шагая из угла в угол большой гостиной, он отчетливо представлял себе страшные последствия провала. Только около одиннадцати часов раздался наконец долгожданный звонок. Знакомый голос спросил: «Это справочная вокзала?»

— Нет, вы ошиблись! — весело ответил Василий.

16

Начало 1936 года было отмечено двумя важными событиями. Шестнадцатого февраля, во время выборов в кортесы, реакция в Испании потерпела серьезное поражение и было создано правительство республики во главе с Асаньи, впоследствии ставшим президентом. Два месяца позже, на выборах в Национальное собрание Франции, победили левые и к власти пришло правительство Народного фронта.

В те дни английская консервативная газета «Дейли мейл» писала: «Если зараза коммунизма, распространяющаяся сейчас в Испании и Франции, перекинется на другие страны, то самыми полезными друзьями для нас оказались бы два правительства — германское и итальянское, уничтожившие эту заразу на своей земле». Эти строчки стали как бы сигналом для мировой реакции.

Василий получил озадачившее его телеграфное распоряжение мистера Адамса: срочно переадресовать прибывающие в гамбургский порт танкеры с авиационным бензином в Испанское Марокко и на Балеарские острова. А через день в контору к нему явился Отто Лемке и, объявив о своем скором отъезде в Испанию, сказал:

— Ну, мистер Кочек, можете меня поздравить: я буду участником величайших исторических событий и не исключена возможность, что мое имя будет записано в анналах истории золотыми буквами!.. Мы в Испании уничтожим всех евреев, коммунистов и прочих социалистов и тоже установим новый порядок! Ваша родина, Америка, нам не помеха, — она объявит нейтралитет и ни во что вмешиваться не будет, Англия же целиком на нашей стороне. Остаются французики, но что они смогут сделать одни?

— Откуда вам все это известно? — со скучающим видом спросил Василий.

— Отто Лемке не такой человек, чтобы бросать слова на ветер!

— Все может быть... Не думаю только, что Англия целиком на вашей стороне...

— Не верите? — усмехаясь, спросил Лемке.

— Политик я плохой, не могу этому поверить!

— А если докажу?.. Хотите пари?

— Дорогой Лемке, к чему мне это пари? Да и чем вы сможете подтвердить свои слова?

— Документами, подлинными документами!.. Я представлю вам копию стенограммы недавних бесед представителя Великобритании с нашим фюрером... Вы будете удовлетворены?

— Если только стенограмма будет подлинная.

— Дорогой Кочек, неужели вы...

— Сколько это будет стоить? — перебил его Василий, понимая, что оберштурмбанфюрер затеял весь этот разговор, чтобы предложить ему секретный документ.

— Тысяча долларов! — был ответ.

— Не слишком ли дорого?

— Дорого? В другом месте за такой документ дали бы куда больше, но я уступаю вам по-дружески...

— Согласен. В конце концов, если даже переплачу, — неважно, мы же друзья... Давайте документ и получайте деньги!

Вечером того же дня Лемке явился в особняк Василия и вручил ему один-единственный лист папиросной бумаги, наполовину заполненный машинописным текстом.

— И это все?! — разочарованно воскликнул Василий.

— В документе важно не количество строк, а его содержание. Прочитайте и вникните!.. Дело в том, что в Берлин приехало доверенное лицо премьер-министра Англии Болдуина, сэр Томас Джонс,

чтобы позондировать возможность переговоров между Англией и Германией. Гость беседовал с Риббентропом, а на следующий день был приглашен к фюреру. Теперь поняли, что дело идет не о пустяках? Вы держите в руках не что иное, как копию стенографической записи беседы Джонса с Гитлером. Учтите, стенограмма была перепечатана всего в пяти экземплярах, — у вас пятый экземпляр. — Лемке взял бумагу из рук Василия и стал читать: — «Джонс сказал фюреру, что, по мнению английского правительства и, в частности, по личному мнению премьер-министра его величества, сэра Болдуина, победа Народного фронта во Франции и неизбежность гражданской войны в Испании сделали особо важным сближение позиций Германии и Англии...» Обратите внимание, последние слова подчеркнуты. И далее: «Фюрер ответил собеседнику, что вполне согласен с ним, и заявил, что он, в свою очередь, намерен содействовать осуществлению общего плана».

— А что это значит — «содействовать осуществлению общего плана»? — спросил Василий.

— Что же тут непонятного? Общими силами окончательно и безоговорочно искоренить коммунизм! Для достижения этой цели — прежде всего поднять военный мятеж в Испании и покончить там с республикой, потом справиться с Народным фронтом во Франции. Скажу вам под большим секретом, — как только диктор радиостанции Сеуты скажет: «Над всей Испанией безоблачное небо», — начнется горячее дело, в котором примет участие и ваш покорный слуга, оберштурмбанфюрер Отто Лемке!

Сообщения эсэсовца и документ, проданный им, были настолько важными, что нужно было немедленно поставить в известность «отца». Утром следующего дня Василий поручил юрисконсульту срочно вызвать в Берлин торговца бензином Стамбулова, — пора было всерьез подумать о завоевании болгарского рынка...

Стамбулов не заставил себя ждать, через два дня он уже сидел в кабинете Василия и, слушая его, кивал головой.

— Я вас понял и по приезде немедленно передам... Вот сволочи!.. Значит, решили утопить в крови республику, а англичане опять в своей излюбленной роли, — сказал он, и его жизнерадостное лицо стало озабоченным.

— Похоже на это, — невесело ответил Василий.

— Знаете, с покупкой у вас бензина получилось здорово, — сказал, помолчав, Стамбулов. — Вполне естественно, что коммерсант, расширяя дело, хочет избавиться от посредников и заработать побольше. Вы бы видели, какой переполох поднялся среди наших оптовиков, когда цистерны с американским бензином и вагон автола прибыли на товарную станцию Софии!.. Теперь у меня есть основания приезжать сюда, в Берлин, когда захочу, не вызывая ни у кого ни малейшего подозрения. Нужно же мне отрегулировать дело с поставщиком!

В тот же день Стамбулов уехал.

Оберштурмбанфюрер Отто Лемке говорил правду, — по сигналу радиостанции, передавшей в эфир условный сигнал: «Над всей Испанией безоблачное небо», начался военный мятеж под руководством Санхурхо. Фашисты выступили в Испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах. Начался мятеж и на севере Испании. После гибели Санхурхо во время авиационной катастрофы мятежом стал руководить генерал Франко.

Майор Фридрих Кольвиц передал Василию через своего родственника Иоганна Мейера сведения о том, как и чем помогают Германия и Италия испанским мятежникам. В частности, он сообщил, что дуче поставляет мятежникам десять тысяч винтовок, двадцать тысяч ручных гранат, двести пулеметов и полтора миллиона песет наличными. Гитлер отправил в Испанию, в помощь Франко, воздушный корпус «Кондор», насчитывающий более ста боевых самолетов и четыре тысячи пятьсот человек личного состава. По сведениям майора, генералитет немецкой армии принял решение испытать в Испании пикирующие бомбардировщики и тяжелые танки.

В то время когда фашистская авиация уже четыреста шестьдесят два раза бомбила испанские города, а позже переправила туда двести пятьдесят тысяч итальянских и пятьдесят тысяч немецких солдат и офицеров, великие державы — Англия, Франция и Соединенные Штаты Америки — разыграли постыдный фарс, провозгласив через Лигу нации политику невмешательства, поставив тем самым знак равенства между законным правительством республики и мятежниками, и воспретили продажу оружия и стратегических материалов обеим сторонам.

Кто-кто, а Василий хорошо знал, сколько нефти и нефтепродуктов поставляется генералу Франко в обход закона «невмешательства». Первоначально горючее поставлялось Франко в кредит. В Берлин к Василию явился представитель мятежников, чтобы вести расчеты и выдавать компании векселя. Василию было известно также, что отец Джо, Ковачич-старший, поставляет испанским мятежникам огнестрельное оружие, главным образом пулеметы и пушки, и загребают миллионы на этом.

Социалист Леон Блюм, возглавлявший тогда правительство Франции, проводил трусливую политику, открыто заявляя, что поддержка республиканцев в Испании может привести Францию к войне с диктаторами. Генеральный комиссар испанской республиканской армии, Альварес дель Вайо, бросил Леону Блюму в лицо: «...Если вы будете по-прежнему занимать уклончивую позицию, то

обещаю вам, что всякий раз, когда в окопах падет испанский социалист, его последней мыслью будет проклятье вам. Он сможет сказать: „Мой убийца — Леон Блюм...“

Только Советский Союз да вооруженные интернациональные бригады, стекавшиеся в Испанию со всех концов земного шара, грудью защищали правое дело республики, понимая, что гражданская война на земле многострадальной Испании есть не что иное, как начало большой войны с фашизмом...

Нежданно-негаданно в Берлин приехал Сарьян и первым делом позвонил Василию.

— Алло, мистер Кочек!.. Не узнаете?

— Сарьян?! Неужели?

— Он самый, собственной персоной!

— Где вы, откуда звоните?

— В Берлине. Звоню из отеля «Адлон».

— Спуститесь на улицу. Я сейчас заеду за вами, хочется поскорее обнять вас!

Сидя в автомобиле, по дороге домой, Василий узнал, что Сарьян приехал в Берлин специальным корреспондентом своей газеты с заданием освещать приезд в Германию дуче и прием, который будет оказан ему Гитлером.

— Неужели встреча двух диктаторов такое событие, что газеты посылают специальных корреспондентов? — спросил Василий.

— Дело, разумеется, не во встрече, а в том, что под нею кроется. Есть точные сведения, что Италия присоединится к антикоминтерновскому пакту, заключенному между Германией и Японией в тысяча девятьсот тридцать шестом году. Ну, а Гитлер сделает все, чтобы получить согласие дуче на аншлюс Австрии...

Лиза была искренне рада неожиданному гостю.

— Ах, мсье Сарьян, вы не можете себе представить, как мы тут одиноки и с каким восторгом вспоминаем время, проведенное в вашем доме под Парижем! Как вы поживаете, как Жаннет?

— Благодарю вас, все более или менее в порядке, если можно назвать порядком наше бурное время!.. Мы с Жаннет тоже часто вспоминаем вас и боимся, что те счастливые дни утрачены безвозвратно... — Журналист, всегда оживленный, жизнерадостный, сегодня казался задумчивым, встревоженным; В его волосах прибавились серебряные нити, под черными, как маслины, выразительными глазами обозначились темные круги.

Василий достал из буфета вермут и наполнил бокалы.

— Выпьем за благополучие, за то, чтобы в мире восторжествовал разум! — Он поднял бокал.

— Амины! — ответил Сарьян и выпил.

— Рассказывайте же, что делается в Париже?

— Веселого мало... Вы читали, конечно, о падении кабинета Леона Блюма?.. Предав испанских республиканцев, проводя двусмысленную политику, — я бы сказал, подлую и трусливую, — Блюм сам, своими собственными руками, убил Народный фронт и открыл путь для наступления реакции. Сейчас ни у кого не вызывает сомнения, что новое радикал-социалистическое правительство Шотана — Блюма готово пойти на любые уступки диктаторам, лишь бы избежать войны. Все понимают, что Гитлер в самое ближайшее время собирается захватить Австрию, а потом возьмется за Чехословакию. Но никто ничего не предпринимает, чтобы положить конец домогательствам диктатора. Влиятельный депутат Фланден заявляет во французском Национальном собрании: «Не будем проявлять героизм ради Австрии, — лучше укроемся за нашей линией Мажино». Пацифистски настроенный профсоюз учителей вторит ему: «Мы предпочитаем получить пощечину, чем пулю в лоб!..» Потомки Великой французской революции из-за своей трусости рискуют остаться один на один с вооруженной до зубов, жаждущей реванша и мести Германией!..

— А как ведут себя мои друзья: де ла Граммон, Маринье, художник Борро?

— Де ла Граммона выбрали на дополнительных выборах депутатом Национального собрания. Насколько мне известно, он занимает четкую позицию и возглавляет в парламенте группу последовательных антифашистов. Маринье как был чиновником, так им и остался, хотя и считает себя человеком прогрессивных взглядов. Ненавидя фашизм, он в равной степени ненавидит коммунистов, социалистов и всех, кто представляет интересы простых людей... Молодцом оказался ваш Борро. Весною он выставил свою новую картину под названием «Родина», вызвавшую восторг у истинных патриотов. Борро считается выдающимся прогрессивным художником Франции. Такого не сломаешь и не купишь, — у него твердые убеждения, он будет бороться за Францию до конца!..

На следующий день Сарьян выехал в Мюнхен, чтобы присутствовать на церемонии встречи фюрером Муссолини.

Встреча, обставленная необыкновенно пышно, состоялась 25 сентября, а утром «Фолькишер беобахтер» напечатала на первой странице отчет о ней. Дальше шло описание того, как фюрер и дуче шествовали от вокзала до города, между двумя рядами бюстов римских императоров, преемником которых считал себя Муссолини. Над большой площадью, где толпы людей приветствовали дуче, на высокой колонне возвышалась гигантская буква «М»...

Через два дня фюрер и дуче приехали в Берлин. Василий был свидетелем этого «события».

Муссолини стоял на переднем плане в роскошном открытом автомобиле, Гитлер занимал место позади него. Они торжественно проехали несколько километров по городу — от имперской канцелярии до Олимпийского стадиона.

28 сентября, в семь часов вечера, в Берлине состоялся огромный митинг. Радиостанции всей Германии передавали, как Гитлер приветствовал своего гостя — «одного из величайших людей всех веков, одного из тех редких гениев, которых создает не история, а которые сами творят историю...». В ответ Муссолини тоже не поскупился на громкие слова: «Когда фашизм имеет друга, он идет с ним до конца. Завтра Европа станет фашистской и сто пятнадцать миллионов человек поднимутся как один в несокрушимой решимости...»

Поздно вечером, проводив Сарьяна до калитки, Василий увидел на боковой дорожке листок бумаги и поднял его. У него дрогнуло сердце, когда он понял, что держит в руке газету, размером с листовку, под названием «Красное знамя» — орган подпольной антифашистской организации Германии. А в левом краю, сверху, было набрано мелким шрифтом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Значит, подпольная организация живет и действует, — мастер Герман сдержал слово. Но как подпольная газета оказалась здесь, на садовой дорожке? Подбросил садовник Мюллер, хотел показать богачу-американцу, что рабочий класс Германии жив и действует?..

При очередной встрече с Василием Вебер без обиняков высказал свое недовольство появлением подпольной газеты под старым названием — «Красное знамя».

— Не понимаю, чего можно достичь изданием крошечной газеты определенного направления? Какой смысл дразнить фашистов, навлекать на себя ярость гестапо? — сказал он.

— Дорогой Вебер, не целесообразнее ли нам с вами проявить терпимость и широту взглядов? Пусть каждый борется с фашизмом, как сочтет нужным, — в данном случае хороши все средства! — ответил Василий.

Появление подпольной газеты произвело большое впечатление на рабочих берлинских заводов и фабрик. Газету читали все, даже те, кто был далек от активной борьбы. Агенты гестапо рыскали по заводам и фабрикам, хватали подозрительных лиц, по так и не смогли узнать, где и как печаталась газета.

О том, насколько власти встревожены появлением газеты, сообщил Василию Лемке, недавно вернувшийся из Испании.

— Удивительно живучи эти коммунисты! — возмущался он. — Казалось, всем им конец — упрятали в концентрационные лагеря не только членов этой партии, но и всех им сочувствующих. А они все еще сопротивляются, даже издают газету! Гитлер приказал достать их хоть из-под земли. Иначе, говорит, всех расстреляю!.. Смелые они люди, ничего не скажешь, — неожиданно закончил он.

— О ком это вы, герр Лемке?

— Да о коммунистах! Подумать только, все дрожат от страха, а они издают газету, призывают к сопротивлению. Сегодня весь мир, даже надменные англичане, склоняет головы перед нами, а коммунисты бунтуют и призывают бунтовать других!..

— Почему вы думаете, что газету издали коммунисты, и не увлекаетесь ли вы, дорогой друг, утверждая, что перед вами склоняет голову весь мир? — По лицу Василия пробежала еле заметная улыбка.

— Увлекаюсь? Нисколько!.. Подумайте сами. С Испанией мы справились? Еще как! Перебили в ней всех коммунистов, социалистов, анархистов, евреев и всякую нечисть. А французы и англичане при этом только делали вид, что не одобряют наши действия, а на самом деле радовались нашим успехам в Испании. Сейчас очередь за Австрией и Чехословакией. Покончим с ними, — глядишь, все Балканы будут наши. Отсюда до мирового господства один шаг. Конечно, без Америки, — поправился Лемке, чтобы не обидеть американца.

— Вы считаете, что присоединение Австрии к рейху и захват Чехословакии предрешены?

— Еще бы не считать!.. Разве вы не слышали о приезде в Берлин австрийского канцлера Шушинга? Приняв его в имперской канцелярии, фюрер сказал, что если тот будет и дальше упрямым, то он, Гитлер, прикажет разбомбить главные города Австрии, а некоторые из них стереть с лица земли, как это было сделано в Испании. Ну, Шушинг капитулировал и дал согласие предоставить австрийскому нацисту Зейс-Инкварту важный пост в своем кабинете... Имейте в виду, что это только начало, — восьмая немецкая армия стоит наготове у австрийской границы... Что же касается Чехословакии, то план «Грюн» давно утвержден и Чехословакия как самостоятельное государство перестанет существовать не позже конца этого года!..

— Но разве французы допустят, чтобы вы прикарманили два самостоятельных государства Центральной Европы?

— Дорогой мой, наш фюрер отнюдь не простачок! Он заранее договорился обо всем с англичанами, а французы и пикнуть не посмеют без англичан!.. Мы и Францию раздавим в два счета. Не беспокойтесь, Гитлер все рассчитал заранее, осечки не будет!

— Похоже, что вы правы. Заключать с вами пари я не рискую.

— И хорошо сделаете, тут пахнет явным проигрышем!.. У меня просьба к вам, — Лемке заискивающе улыбнулся. — Не согласились бы вы положить к себе в сейф кое-какую мелочь?.. Мне неудобно держать это дома...

Он достал из кармана брюк плоскую жестяную коробочку и, открыв ее, высыпал на стол бриллиантовые кольца, серьги, колъе.

— Испанская добыча? — сдерживая негодование, спросил Василий.

— Угу, — самодовольно промычал оберштурмбанфюрер.

— Положите коробочку в сейф, пусть лежит... Надеюсь, расписки не потребуется?

— Что вы, конечно нет! — Лемке аккуратно собрал драгоценности в коробочку и положил ее в сейф.

— Герр Лемке, услуга за услугу. Я тоже попрошу вас кое о чем. Вам, конечно, известно, что компания, которую я имею честь представлять, имеет большие интересы в Чехословакии — более шестидесяти процентов нефти и нефтепродуктов, потребляемых этой страной, поставляем мы. Нас крайне интересует все, что касается ее. Попрошу вас собрать подробнейшие сведения о планах Германии в отношении Чехословакии. Само собой разумеется, что за вознаграждением дело не станет.

— Положитесь на меня, для вас я сделаю все, даже невозможное! — ответил Лемке.

Василий, как всегда, решил продублировать сведения, полученные от оберштурмбанфюрера касательно Австрии. Майор Кольвиц из генерального штаба не только подтвердил слова Отто Лемке, но назвал даже точную дату вторжения немецких войск на территорию Австрии — 12 марта 1938 года.

И он не ошибся: в этот день, на рассвете, 8-я немецкая армия вторглась на территорию Австрийской республики и, не встречая никакого сопротивления, быстро оккупировала ее. На следующий день «имперским законом» Австрия была включена в состав рейха, а Гитлер обратился к австрийцам с балкона венской ратуши с речью: «Если из австрийского города, где я родился, провидение призвало меня к руководству рейхом, то оно не могло не возложить на меня миссию возвратить мою дорогую родину германскому рейху...»

В Берлине рейхсмаршал Геринг принимал поочередно послов иностранных государств и каждому говорил: «Отсутствие добросовестности со стороны канцлера Шушинга заставило нас действовать таким образом, как мы только что поступили...»

Посол Англии, Невиль Гендерсон, известный своими прогитлеровскими настроениями, попытался возразить. Он сказал Герингу: «Но, господин маршал, если даже канцлер и был недостаточно благоразумен, разве это основание для того, чтобы Германия совершила столь грубое насилие?»

На что Геринг ответил: «Слишком поздно! Гитлер уже в Вене...»

Фрау Эльза Браун регулярно встречалась с Лизой, охотно принимала от нее разные подношения, жаловалась на горькую судьбу одинокой, всеми покинутой женщины, делилась своими горестями... Боже мой! Гитлер окончательно покончил с понятиями морали и предоставил женщинам такие свободы, о которых они раньше и думать не могли... Сейчас немки, без всякого опасения, что они будут осуждены, ложатся спать с первым встречным мужчиной, а почтенные матроны, матери семейств, считают своим патриотическим долгом заводить молодых любовников из военных и открыто сожительствовать с ними. Нужно же усладить жизнь солдат фюрера!..

— Подумайте, мадам, при таком падении нравов, когда становятся доступными молодые девушки из хороших семей, кому нужна такая пожилая женщина, как я? — Это был не просто вопрос, а крик души фрау Браун...

По ее словам, поступающие за последнее время в иностранный отдел нацистской партии сведения касаются главным образом Чехословакии. По-видимому, во Франции и в Англии примирились с мыслью, что Гитлер рано или поздно захватит если не всю Чехословакию, то значительную часть ее.

Известный французский юрист, Жозеф Бартелеми, писал в газете «Тан»: «Разве есть необходимость в том, чтобы пожертвовать тремя миллионами французов ради сохранения трех миллионов чешских немцев под господством Чехословакии?»

Ему вторила английская газета «Дейли экспресс». В статье под заголовком «Снова чехи» говорилось: «Мы не любим этой братии. Невозможно, чтобы английское правительство взяло на себя обязательство заставить нас сражаться за такое полуразвалившееся государство, каким является Чехословакия».

Эльза Браун рассказывала: в иностранном отделе партии убеждены, что тезис: «Лучше быть побежденным с Гитлером, чем победить с Советами» — пользуется явным, все большим и большим успехом в кулуарах французского парламента...

Двадцать второго мая на чехословацко-германской границе немецкими таможенниками были убиты два словацких мотоциклиста. Оба государства приняли решение о мобилизации. Министерства

иностранных дел Франции и Англии общими усилиями добились от Берлина и Праги отмены принятых мер. Есть основания для ликования, и французы ликуют: впервые объединенные усилия приводят к желательным результатам. Гитлер отступает.

Отто Лемке громко расхохотался, когда разговор коснулся этой темы.

— Ну и чудачки же эти французы, я вам скажу! Они всерьез уверились, что англичане заодно с ними и что фюрер испугался и отступил... Между тем об отступлении и речи быть не может, это только тактический ход со стороны нашего фюрера. Зачем дразнить гусей, когда и так известно, о чем думают англичане?

— О чем же, по-вашему, они думают?

— Англичане просто предупреждают своего партнера, чтобы французы не возлагали особых надежд на немощь Лондона.

— Не может быть!

— В политике все бывает. Неужели вам опять требуется доказательство? — Лемке с видом победителя полез в карман и, достав оттуда бумагу, протянул Василию.

Это была копия конфиденциальной ноты Форин Офис французскому министерству иностранных дел.

Черным по белому было написано: «Чрезвычайно важно, чтобы французское правительство не строило никаких иллюзий в отношении позиции английского правительства в случае, если совместные усилия, направленные на достижение мирного решения чехословацкого вопроса, не увенчаются успехом...»

— Наши ребята из разведки работают отлично, не правда ли? Не успели французы опомниться от шока, получив такую ноту, как ее точная копия была на столе у фюрера. Разве нужно быть большим мудрецом, чтобы понять: совместного выступления в защиту Чехословакии не будет! — сказал Лемке.

— Да, похоже на это, — ответил Василий.

В тот же день, переписанная Василием условным шрифтом, нота эта была переправлена Стамбулову в Софию для вручения «отцу»...

Пришла открытка от мастера Германа с просьбой сообщить: не нужен ли представительству «Стандард ойл» опытный счетовод со специальным образованием?

Такие предложения поступали часто от разных людей и никаких подозрений вызвать не могли. Открытка означала, что мастер Герман хочет встретиться с Василием.

— Мне хотелось показать вам кое-что, — сказал мастер, когда они встретились на конспиративной квартире. Он протянул Василию четвертый номер «Красного знамени», выходящего два раза в месяц. — Послушайте же, что тут написано! — Он надел очки и начал читать обращение к немецкому народу, напечатанное на первой странице.

«Дорогие соотечественники!

Есть люди, которые со слезами изумления на глазах радуются победам фюрера. Как же иначе, ведь он претворяет в жизнь вековые мечты немецких капиталистов и помещиков о великой Германии.

Да, Австрия силой присоединена к рейху, на очереди Чехословакия. У нас еще множество соседей, и они могут стать легкой нашей добычей, если этого мы пожелаем.

Дорогие соотечественники!

Запомните одну простую истину — нация, угнетающая другие народы, не может быть свободной сама. Подумайте о будущем, пока не поздно. Не способствуйте злодеяниям нацистов во главе с Гитлером, не позорьте свою родину, не вызывайте гнев и ненависть к нам других народов. Не забывайте, что рано или поздно наступит час расплаты.

Мы, антифашисты, призываем вас на борьбу с фашизмом. Преградим путь авантюрам, — трудящимся нужен мир, работа, дружба, а не великая Германия, построенная на могилах миллионов.

Долой фашизм! Долой войну! Долой Гитлера!

Да здравствует мир на земле и демократия!

6 июня 1938 года, г.Берлин».

— Ну как? — спросил мастер Герман, закончив чтение.

— Это как раз то, что сегодня и нужно! А что, товарищ Герман, есть у вас надежные связные на заводах и фабриках? Доходит газета до рабочих?

— А как же иначе? Неужели вы думаете, что мы печатаем нашу газету, преодолевая тысячи препятствий, рискуя головой, ради собственного удовольствия? У нас больше полсотни связных. Они успели уже распространить свежий номер. Кое-где газету расклеили на стенах курилок или подбросили в шкафчики рабочих...

...После Мюнхена гитлеровцы решили, что им дозволено все, что в мире нет силы, способной противостоять Германии. Готовясь к большой войне, они усилили репрессии внутри страны. Агенты гестапо арестовывали людей по малейшему подозрению, прямо на улице, и без суда и следствия отправляли их в концентрационные лагеря. Обыскам и арестам не было конца. Усилилась слежка и за иностранцами, — Василий чувствовал это на каждом шагу.

Однажды днем Лиза позвонила ему в контору и сказала, что только что арестовали садовника Мюллера, а теперь агенты полиции требуют, чтобы их впустили в особняк произвести обыск.

— Я заперла двери и отказалась впустить их в дом. Но они не перестают стучать, настаивают, чтобы им открыли, грозятся выломать двери... Не знаю, что делать?

— Прежде всего, не волнуйся. Двери не открывай, — не ломают, не бойся. Я сейчас приеду! — Повесив трубку, Василий позвонил генеральному консулу О'Кейли и помчался домой.

Агенты гестапо топтались у подъезда, не рискуя взломать двери богатого особняка, принадлежащего американцу.

— В чем дело, господа? — сердито спросил Василий. — Почему вы так ведете себя у моего дома?

Офицер сказал, верное, отрапортовал по-военному:

— По нашим сведениям, ваш садовник Мюллер является коммунистом и связан с подпольной подрывной организацией!

— Что же следует из этого?

— Дело в том, что при обыске мы ничего не нашли у него.

— Тем более непонятно, что вам нужно в моем доме!

— Он... я хотел сказать — Мюллер... мог спрятать свои бумаги у вас...

— Странная у вас логика, господин офицер!.. У садовника ничего не нашли и поэтому решили произвести обыск в доме американского подданного, представителя компании, снабжающей вашу страну нефтью. Считая такой поступок с вашей стороны актом совершенно недопустимого произвола и проявлением недружелюбия в отношении ко мне и компании, которую я имею честь представлять, я вынужден буду довести об этом до сведения рейхсмаршала господина Геринга! До получения удовлетворительного ответа временно прекращаю всякие операции!

— Но ведь мы не произвели у вас обыска! — Вид у офицера был растерянный, упоминание американцем имени всемогущего рейхсмаршала произвело на него впечатление.

В это время к калитке сада подкатил лимузин с дипломатическими номерными знаками. Из машины вышел генеральный консул Соединенных Штатов Америки в Берлине О'Кейли. Он отрекомендовался офицеру и осведомился: на каком основании и по чьему приказу полиция ворвалась в дом американского подданного и пытается произвести обыск?

— Вы, уважаемые господа, как видно, не понимаете разницу между подданными Чехословакии и Америки! Раз и навсегда зарубите себе на носу: то, что можно сделать с чехами и прочими народами, нельзя делать с американцами! Мы этого не допустим, понятно? Я вынужден буду официально протестовать против такого произвола! — О'Кейли вел себя предельно грубо.

Офицер повторил историю с Мюллером.

— Странно, вместо того чтобы предупредить мистера Кочек и оградить его от коммунистов, вы хотите произвести у него обыск! Уезжайте отсюда как можно скорее, иначе я вынужден буду позвонить господину Риббентропу.

Полицейские, поджав хвосты, как побитые собаки, ушли. Василий поблагодарил О'Кейли и пригласил его в дом выпить виски.

— Совершенно обнаглели эти немцы! Не понимаю, почему наши так церемонятся с ними, — раздраженно сказал О'Кейли после третьего бокала виски с содовой.

— Вы сами когда-то говорили — из боязни русских! — ответил Василий.

— Говорил... Знаете, чего я боюсь теперь? Как бы немцы не двинулись на нас, вместо того чтобы ударить по русским. Уж очень развязно они стали вести себя. В цирках существует неписанный закон — зверя, вышедшего из повиновения дрессировщику, убивают. Как бы то же самое не случилось здесь!

— Боюсь, что здешний зверь загрызет своего дрессировщика, он ведь давно вышел из повиновения! — сказал Василий...

Садовника Мюллера пришлось выручать при помощи Отто Лемке. Операция эта обошлась Василию в триста американских долларов. Мюллер вернулся дней через десять, худой, постаревший, с ссадинами на морщинистом лице.

— Что они сделали с вами, Мюллер? — участливо спросил Василий.

— Об этом не имею права говорить, я дал подписку, — сказал садовник и, помолчав, добавил: — Впрочем, вам можно доверять... Они били меня три раза в день, иногда и ночью... Все спрашивали про какую-то подпольную организацию, издающую коммунистическую газету... Вами тоже интересовались, мистер Кочек.

— И что же?

— Ничего... Ни о каких организациях я не имею ни малейшего понятия и вообще, скажу вам откровенно, политикой не интересуюсь. Нужно думать, что произошла ошибка — меня спутали с кем-то. Что же касается вас, то, разумеется, кроме хорошего, я ничего сказать им не мог...

— Приятно слышать, что работающий у меня садовник политикой не интересуется, иначе отвечать пришлось бы мне! Все же будьте осторожны и имейте в виду, что я поручился за вас.

— Этого я не знал...

Однажды, уйдя из конторы раньше обычного, Василий вернулся с полдороги обратно, вспомнив, что забыл портфель. У себя в кабинете он застал юрисконсульта Глауберга, — тот рылся в ящиках его письменного стола.

— Что вы тут делаете? — резко спросил Василий.

— Ищу копию последнего нашего письма к фирме «Фламме»... — Вид у юрисконсульта был растерянный.

— Почему вы ищете ее не в канцелярии, а у меня?

— Там ее нет...

— Сейчас проверим! — Василий позвонил и попросил секретаршу позвать делопроизводителя. Когда тот явился, велел ему принести папку с исходящими бумагами. — Мне нужна копия нашего последнего письма компании «Фламме», — если не ошибаюсь, о расчетах. — Он заметил, что Глауберг делает делопроизводителю какие-то знаки, и добавил: — Надеюсь, эта копия имеется у вас в делах, иначе вы немедленно потеряете работу!

Делопроизводитель вернулся через минуту с папкой и показал патрону копию письма.

— Смею вас заверить, — сказал он, — что документы у нас не теряются.

— Благодарю вас. Можете быть свободны.

Отпустив делопроизводителя, Василий снова спросил Глауберга:

— Так что же все-таки вы искали в ящиках моего стола?

Юрисконсульт молчал, на лице его выступили красные пятна.

— Еще один вопрос: откуда у вас ключи от стола?

— Они были здесь... Вероятно, вы забыли...

— Неправда! — Василий достал из кармана связку ключей в кожаном футляре и показал Глаубергу. — Что вы искали в ящиках моего стола и по чьему заданию это делали?

— Извините, этого больше не повторится... — выдавил из себя Глауберг, губы его дрожали.

— Не может повториться потому, что вас здесь не будет! Уходите немедленно и больше не попадайтесь мне на глаза!

Утром он приказал бухгалтеру отчислить Глауберга.

То, что случилось с садовником Мюллером и юрисконсультом Глаубергом, насторожило Василия. Может наступить такое время, когда фашисты ни с чем считаться не будут... «Нужно быть осмотрительней, не давать им ни малейшего повода для подозрений», — внушал себе Василий. Однако они с Лизой живут в фашистском раю не для того, чтобы увеличивать свои сбережения в американском банке, а чтобы заниматься делом. Опасным и нужным.

Отто Лемке, успевший накопить солидный капитал в швейцарском банке при помощи Василия, по-прежнему снабжал его ценной информацией. Неоднократные проверки получаемых от него сведений (для этого использовались фрау Браун и майор генерального штаба Фридрих Кольвиц) всегда подтверждали их правильность.

В конце февраля 1939 года Лемке явился к Василию хмурый, расстроенный. Ему кажется, пробормотал он, что фюрер начал зарываться и что это к хорошему не приведет...

— Что вы, герр Лемке, разве фюрер может зарываться?

— Представьте — может... Он затевает новую игру — хочет захватить всю Чехословакию.

— Но ведь фюрер сам подписал мюнхенское соглашение, гарантирующее неприкосновенность новых чехословацких границ!

— Ах, мистер Кочек, вы наивный человек!.. Какое значение имеет для Гитлера подпись на клочке бумаги? Сам поставил свою подпись, сам же может взять ее обратно... Есть приказ фюрера по армии — быть готовым для вторжения в Чехословакию, с целью полной ее оккупации, не позже 15 марта...

Прежде чем сообщить тревожную весть «отцу», Василий решил проверить ее. И Кольвиц подтвердил, что вторжение в Чехословацкую республику намечено в ночь на 15 марта.

В эту самую ночь, в то время когда немецко-фашистские войска вторглись в Чехословакию, президент республики Гаха сидел в одиночестве в огромном салоне новой имперской канцелярии. На столе перед ним лежал документ с коротким текстом. Время от времени Гаха наклонялся над документом и, морщась как от зубной боли, снова откидывался на спинку кресла. Ему было приказано Гитлером подписать этот документ, в котором говорилось, что «...он, будучи в полном сознании и здравом уме, вручает судьбу чехословацкого народа и всей страны фюреру и германскому рейху...».

Гаха понимал, что подписание такого документа — позорное предательство в отношении своего народа, но води сопротивляться у него не было. Он находился в полуобморочном состоянии.

Ему сделали укол, и в конце концов он поставил свою подпись под документом...

Так перевернулась еще одна печальная страница в трагической летописи тех лет.

На очереди — вопрос о Данциге.

Требую присоединения Данцига к Германии, а также предоставления права на сооружение собственной транспортной магистрали через «Польский коридор», гитлеровцы сулили Польше, в качестве компенсации, часть Советской Украины.

Реакционная клика, определявшая политику тогдашней Польши, отказалась от помощи Советского Союза и стала на путь открытого предательства национальных интересов польского народа.

7 апреля 1939 года итальянские войска вторглись в Албанию. 28 апреля германское правительство заявило о расторжении англо-германского морского соглашения и аннулировании германо-польского пакта о ненападении. 22 марта литовские правители скрепя сердце уступили Германии Мемельскую область с портом Мемель (Клайпеда) на Балтийском море. Днем позже Румыния подписала договор, по которому подчиняла свою экономику интересам германской промышленности. Гитлер заявил также претензии на бывшие немецкие колонии, захваченные Англией и Францией в итоге мировой войны, и предъявил территориальные требования к Польше.

Для отражения немецкой агрессии Советское правительство настойчиво предлагало западным державам организовать систему коллективной безопасности. Английские правящие круги вынуждены были пойти навстречу советским предложениям, главным образом для успокоения общественного мнения своей страны.

Начались длинные и бесплодные англо-франко-советские переговоры...

В это время в Берлин приехал Стамбулов и передал Василию, что англичане ведут переговоры не только с Советским Союзом, но и с Германией, причем немцы хотя и не делают из этого большого секрета, однако содержание переговоров не раскрывают.

— «Отец» просил передать вам, что чрезвычайно важно знать все подробности этих переговоров.

Прежде всего Василий обратился к Веберу. Однако тот занял на этот раз уклончивую позицию и сказал:

— К сожалению, в этом вопросе я не могу быть вам полезным...

— Но вы же работаете в министерстве иностранных дел, хотя и в консульском отделе. Неужели нет у вас друзей, знакомых, через которых вы могли бы узнать, кто из руководящих, государственных деятелей ведет здесь переговоры и о чем? Это крайне важно!

— Нет, не могу, — был ответ.

Отказ Вебера смутил Василия: что это — трусость или желание отойти от опасной политической деятельности?

Фрау Браун и раньше никогда не бралась доставать документы, не проходившие через ее руки. Кольвиц вообще не шел в данном случае в счет: дипломатические переговоры — это не по его ведомству. Оставался один Отто Лемке.

Василий пригласил его к себе.

— Дорогой Лемке, мы с вами давнишние знакомые и имеем все основания доверять друг другу. У меня есть к вам просьба, или, если хотите, назовем это деловым предложением. Моему шефу стало известно, что англичане ведут двойную игру: начали переговоры с русскими в Москве об организации системы коллективной безопасности, что, по существу, направлено против Германии, и одновременно договариваются с руководящими немецкими деятелями о возможностях англо-германского союза. Шеф требует, не знаю, для каких целей, подробной информации. Не могли бы вы помочь мне в этом деле? Понимаю, задача довольно сложная, и перед расходами я не постою.

— Откровенность за откровенность: мне совершенно безразлично, для чего и для кого нужны вам эти сведения! — усмехнулся оберштурмбанфюрер. — Следовательно, не затрудняйте себя объяснениями... То, о чем пишет ваш шеф, соответствует истине. Англичане всегда любили вести двойную игру, но шалишь — нашего фюрера не перехитрить!.. Совсем недавно я слышал, как Розенберг говорил Гессу в приемной Гитлера, что англичане никогда всерьез не думали договариваться с русскими — они боятся большевиков больше, чем черт ладана, — а затеяли эту игру, чтобы поймать нас на удочку. Розенбергу известны все подробности того, что делается и говорится на этих переговорах, из английских же источников... Признаться, я не интересовался переговорами англичан здесь, у нас в Берлине, и уж конечно не располагаю никакими документами. Следовательно, я должен связаться с нужными людьми, понести какие-то расходы...

— Я же сказал вам, что перед расходами не постою, — напомнил Василий.

— Понимаю. Но вы знаете, я люблю во всем ясность. Какую сумму вы могли бы ассигновать на это дело?

— Лучше, если вы сами назовете цифру.

— Три тысячи американских долларов. Без запросов, не правда ли?

— Торговаться не буду, хотя и дороговато... Могу вручить вам сейчас тысячу долларов в качестве аванса, остальные потом. Учтите, что сведения эти нужны мне срочно, — ну, скажем, в течение трех дней. Ведь после того, как опубликуют коммюнике о завершении переговоров, наши с вами сведения никому не будут нужны.

— Коммюнике? Никакого коммюнике не будет! Вы забываете, что англичане продают не только русских, но и своих союзников — французов, Польшу тоже. Что касается сроков, то раньше трех дней ничего не успею сделать.

— Через три дня, вечером, жду вас здесь. А теперь — рюмочку коньяку. Впрочем, нет, лучше дам вам две бутылки отличного греческого коньяка «Метакса», и вы разопьете их с друзьями! — Василию противно было видеть пьяную физиономию эсэсовца у себя дома.

Провожая Лемке, он спросил:

— Кстати, какое впечатление на гестаповцев произвело то, что я прогнал Глауберга?

— Его чуть не посадили за то, что он оказался таким идиотом и вел себя, как мальчишка. После истории с попыткой произвести у вас обыск берлинские гестаповцы получили нагоняй от высокого начальства. Им приказано быть с вами поосторожней. Так что можете спать спокойно!

— Я и так сплю спокойно!

В маленькой угловой комнатке, приспособленной Василием под рабочий кабинет, его ждал Стамбулов.

— Ну как? — спросил он.

— Через три дня получим необходимые сведения, а может быть, и кое-какие документы. Советую вам, во избежание всяких случайностей, эти три дня не выходить на улицу. Живите у нас, отдыхайте...

В назначенное время Лемке сидел в гостиной напротив Василия, пил маленькими рюмками коньяк и рассказывал. Время от времени он доставал из кармана документы, подтверждающие его слова, и передавал их Василию.

— Попытку начать переговоры с нами англичане сделали еще в начале тысяча девятьсот тридцать девятого года. Доверенное лицо британского премьера, Думмонд-Вольф, разговаривая с ответственным сотрудником нашего министерства иностранных дел Рюттером, сказал, что Англия готова отказаться в пользу Германии от большинства своих прав в Восточной и Юго-Восточной Европе и что политика Англии в отношении сотрудничества с Германией не изменилась после Мюнхена... Вот вам краткая запись этой беседы, — с этими словами Лемке положил перед Василием лист бумаги. — Личный секретарь Риббентропа, Кордт, в беседе с помощником заместителя министра иностранных дел Великобритании Сарджентом дал понять, что все усилия английского правительства достичь соглашения с Германией не будут иметь успеха, пока не прекратятся англо-франко-советские переговоры... Вот вам копия донесения нашего посла в Лондоне, — Лемке положил перед Василием еще один документ. — В донесении говорится, что в Англии разработана программа, одобренная Чемберленом, и что с нами будет заключен пакт о ненападении...

Восьмого августа, то есть накануне открытия московских переговоров, английское правительство предложило Гитлеру созвать конференцию пяти держав — Англии, Германии, Франции, Италии и Польши — для обсуждения вопроса о присоединении Данцига к Германии. Конференция должна была состояться без участия Советского Союза. Вот еще копия письма Чемберлена к Гитлеру, где предлагаются двусторонние польско-германские переговоры с последующим участием Англии... Думаю, что хватит!

Лемке налил себе еще одну рюмку коньяку и как бы между прочим сказал:

— Деньги попрошу перевести на мой текущий счет в швейцарском банке... Ваше здоровье, мистер Кочек!

В тот же вечер Стамбулов выехал к себе на родину.

На прощание Василий сказал ему:

— Скажите «отцу», что англичане замышляют новый Мюнхен, на этот раз для того, чтобы пожертвовать интересами Польши и втянуть Советский Союз в войну с фашистской Германией!..

Нового Мюнхена организовать не удалось. Виной тому были сами немцы: они предъявили англичанам требования, затрагивающие коренные экономические и колониальные интересы Великобритании, и тем самым убедили даже твердолобых политических деятелей в том, что договориться с Германией обычным дипломатическим языком невозможно, — для воздействия на Гитлера нужны более эффективные средства. В конце концов таким средством была признана угроза заключения военного союза между Англией, Францией и СССР.

Предложение начать военные переговоры было встречено правительством Советского Союза благожелательно: оно хорошо понимало, что только объединенными усилиями можно остановить немецкую агрессию и предотвратить пожар мировой войны. Английское правительство взяло курс на затягивание переговоров, предписывало своей делегации «обращаться с русскими сдержанно».

Главой английской делегации на переговорах был назначен адмирал в отставке Реджинальд Планкетт Эрл Дракс, а во главе французской стоял малоизвестный генерал Думенк. К тому же они не были снабжены широкими полномочиями.

Опасаясь, что генерал Думенк может поставить вопрос о пропуске советских войск через Польшу, представитель Англии всячески отговаривал его от этого и фактически ориентировал на срыв переговоров.

На запрос, согласна ли Польша пропустить советские войска через свою территорию, был получен отрицательный ответ.

Стало очевидным, что нет никакого смысла продолжать переговоры, тем более что Советское правительство знало: англичане ведут переговоры и с немцами в Берлине.

Вечером 31 августа Василий узнал, что Гитлер принял решение напасть на Польшу 1 сентября. У Василия не оставалось времени, чтобы дать знать «отцу» об этом. Он поехал домой, поужинал и даже лег спать, но сон не шел к нему. Ему казалось, что он совершает преступление, ничего не сообщая «отцу». Он встал, оделся, сел в машину и, доехав до почты, отправил Стамбулову в Софию телеграмму: «Поставка бензина задерживается из-за крупной аварии танкера».

И только 3 сентября, когда немецкая авиация бомбила польские города, сея ужас и смерть, английское правительство, а затем и французское, под давлением общественного мнения, вынуждены были объявить Германии войну.

Жизнь в Германии становилась с каждым днем невыносимей. Василия, основного поставщика горючего, власти ограничили в бензине: тридцать литров в месяц — и ни капли больше. А еще спустя некоторое время военный комендант Потсдама известил его, что занимаемый им особняк предназначается под госпиталь, и предписал освободить дом в течение двадцати четырех часов. Пришлось спешно подыскать квартиру в самом Берлине. По всей Германии были введены карточки на все виды продуктов питания и предметов ширпотреба. Магазин для американцев был закрыт. Благо, у Василия денег было много, кофе и сигареты прибывали из Америки по-прежнему, а цены на них поднялись, он имел возможность доставать все необходимое.

За иностранцами, проживающими в Германии, была установлена строжайшая слежка. Стоило Василию выйти из дома, как возле него словно из-под земли вырастали двое агентов и сопровождали его повсюду. Телефонные разговоры подслушивались, письма перлюстрировались, телеграммы проходили через строгую цензуру.

За Лизой тоже ходили по пятам, и ей стало нелегко встречаться с фрау Браун, — приходилось всячески изворачиваться, назначать свидания в самых различных местах.

Один Отто Лемке, пользуясь своим высоким положением, ничего не боялся и по-прежнему посещал Василия в конторе. Напустив на себя веселость и беззаботность, он сообщал новости с фронтов войны, хвастался тем, что фюрер поставил на колени всю Европу, а в минуты откровенности вздыхал и сетовал, что конца войны не видно и вряд ли она окончится победой немецкого оружия... Василий держался с ним сдержанно, старался не говорить ничего лишнего, но деньги платил ему по-прежнему аккуратно.

В эти тяжелые дни связь с «отцом» продолжала действовать безотказно: Стамбулов находил десятки способов, чтобы поддерживать эту связь. Радостно было еще и то, что, несмотря на невероятные трудности, подпольщики не снижали активности. В начале войны группе мастера Германа удалось выпускать даже листовки с призывом саботировать войну, бороться всеми силами против авантюристов, толкающих Германию в пропасть. От мастера Германа Василий узнал и о причине странного поведения Ганса Вебера.

— Вебер — типичный немецкий интеллигент, воспитанный в чисто немецком духе. Он считает, что бороться против ненавистных нацистов и маньяка Гитлера нужно. Это даже благородно — рисковать головой ради своих убеждений. Но открывать иностранцу, даже другу, государственную тайну — это уже измена. Не думайте о нем плохо — Ганс Вебер по-своему честен, и ему вполне можно доверять!..

На второй год войны Бельгия, Люксембург, Голландия и большая часть Франции оказались под пятой немецких солдат.

Василий написал письмо Джо Ковачичу, ставшему консулом в Париже, с просьбой оказать покровительство его друзьям — журналисту Сарьяну и художнику Борро. Через некоторое время он получил от них ответ через того же Ковачича.

Сарьян писал, что он перешел на нелегальное положение, всеми силами помогает движению Сопротивления. «Я верю в непокорный дух французского народа и знаю, что он победит, а предателей своих пригвоздит к позорному столбу», — заканчивал он свое письмо. Из письма Борро было видно, что он тяжело переживал унижение своей родины. «Нет, что ни говорите, мы, французы, ничему не научились, и, пока нас не побьют основательно, мы не встряхнемся. Но уж когда встряхнемся, тогда покажем, на что мы способны. В том, что в конечном итоге мы побьем немцев, у меня нет ни малейшего сомнения, другой вопрос — каких жертв это будет нам стоить...»

В ноябре 1940 года к Василию пришел Отто Лемке. Он устало развалился в кресле и мрачно сказал, что у него паршивые новости.

— Стоит ли огорчаться, дорогой Лемке, — вся наша жизнь состоит из неприятностей! —

попробовал пошутить Василий, но эсэсовец только махнул рукой.

— Есть сведения, что фюрер приказал генеральному штабу разработать план нападения на коммунистическую Россию, — сказал он.

— Что? — вырвалось у Василия.

— То, что слышали!.. Такой план вообще давно существовал, но ему особого значения не придавали... Только подумайте: не закончив войну на Западе, помышлять о войне с русскими!.. И вообще скажу вам доверительно, что воевать нам с русскими нельзя: коммунисты — фанатики, их не поставишь на колени... Знающие люди говорят, что они будут драться до последнего...

— Думаю, что на сей раз ваши опасения напрасны. Гитлер достаточно умен, недаром ведь он подписал с русскими пакт о ненападении.

— Чепуха! Нашему фюреру ничего не стоит порвать любые пакты и договоры, — он перед пустыми формальностями не остановится. Осведомленные люди утверждают, что фюрер отменил план вторжения на Британские острова. Поговаривают и о том, что готовится поездка в Англию одного из помощников Гитлера для переговоров с английским правительством, чтобы в войне против России заполучить Англию в качестве союзника.

— Нет, это невероятно!

— Вы удивительный человек, Кочек! Ничему не верите, вам обязательно подавай доказательства, не так ли?

— Да, именно так. Факты всегда нужны. А в особенности они нужны для подтверждения невероятных с точки зрения простой логики слухов, о которых вы только что рассказали!..

— Можно и факты! — процедил сквозь зубы Лемке, вытащил из внутреннего кармана кителя тоненькую книжечку в мягкой обложке и протянул Василию. — Скажите, пожалуйста, если страна не готовится к войне с русскими, тогда зачем это?

Василий держал в руках солдатский разговорник, рассчитанный на то, что фашистские войска вскоре будут на территории Советского Союза. Перелистывая странички, Василий читал: «Руки вверх», «Сдавайся, буду стрелять», «Где правление колхоза?», «Ты коммунист?», «Как зовут секретаря райкома?», «Давай хлеб, сало»...

— Похоже на то, что фюрер действительно затевает страшную игру, — сделав над собой усилие, как можно спокойнее сказал Василий. — А как же газеты сообщают о приезде в Берлин советской правительственной делегации, чуть ли не с Молотовым во главе?

— Подумаешь, делегация!.. Постараются заговорить русским зубы и поскорее выпроводить. Наши давно набили себе руку в такого рода делах. Кстати, Кочек, я решил бросить работу в иностранном отделе гестапо и, возможно, буду руководить нашей агентурой в нейтральных странах... Чего доброго, война может принять такой оборот, что потеряешь не только все накопленное, но и голову сложишь...

— Разумное решение!.. Слушайте, Лемке, вы не могли бы оставить у меня этот разговорник?

— Не знаю... — Лемке замялся.

— Сколько? — прямо спросил Василий.

— Тысяча долларов!

— Ну, это вы перехватили! Тысячу долларов за такую чепуху!.. Триста долларов, и ни цента больше. — Василий торговался с эсэсовцем, чтобы у того не сложилось впечатление, что американец чрезмерно заинтересовался разговорником. Немного подумав, он добавил: — Если хотите знать, нам выгодно, чтобы Гитлер ввязался в войну с русскими. Во-первых, русские охладят немного его пыл; во-вторых, а это главное, мы избавимся от залежей товаров!..

— Триста так триста, — сказал Лемке, пропуская мимо ушей рассуждения Василия, — только на этот раз наличными — может быть, скоро поеду в Швецию и Швейцарию!

Василий отсчитал эсэсовцу триста долларов и спрятал разговорник в сейф.

Он был сильно встревожен. До сих пор он собирал сведения о планах гитлеровцев в отношении других стран — Франции, Австрии, Чехословакии, Польши. Полученные же от Лемке сведения касались непосредственно его родины, — было от чего прийти в отчаяние. Живя столько лет в Германии, он близко узнал фашистов и отчетливо представлял себе, что будет, если им удастся вступить на советскую землю.

Нужно было действовать, — действовать безотлагательно, энергично и в то же время осмотрительно. Узнать все о планах Гитлера в отношении Советского Союза и как можно подробнее и вовремя известить «отца». Он решил пойти на риск и повидаться с Кольвицем. Работая в генеральном штабе, тот, безусловно, знал об этих планах. Нужно было заставить заговорить и фрау Браун, заплатить ей любые деньги.

Кольвиц ни за что не соглашался встречаться с кем-нибудь, кроме самого «мистера Хексинга», — это он оговорил в самом начале их сотрудничества. Встреча американца с работником генерального штаба, конечно, могла вызвать подозрения. Василий боялся не столько за себя, сколько за Кольвица, — если б того арестовали, то связь с генеральным штабом оборвалась бы. Кроме того, Кольвиц мог выдать подпольщиков, да и самого Василия. Но другого выхода не было. Василий с превеликим трудом связался с Вебером и попросил устроить ему свидание с Кольвицем.

Свидание состоялось поздно вечером. Василий рассчитался с Кольвицем за три последних месяца и только было хотел спросить о планах войны с Россией, как тот опередил его.

— Я знаю, зачем вы меня вызвали и что вас интересует, — сказал Кольвиц. — Да, это правда, есть директива разработать детальный план нападения на Советскую Россию. Но это вовсе не значит, что война является неизбежной. Специалисты считают, что воевать с русскими — безумие, тем более что придется воевать на два фронта, и они, конечно, будут всеми силами сопротивляться...

— А когда предполагается нападение на Россию?

— Этого я вам сказать не могу, просто не знаю.

— Герр Кольвиц, вы хорошо понимаете, как важно для компании, которую я представляю, знать это своевременно. Я заплачу вам любые деньги, если вы узнаете о предполагаемых сроках и известите меня.

— Допустим, я узнаю, но как вам сообщить? Скажу откровенно, встречаться нам с вами рискованно...

— Вы пришлете мне открытку. Но письмо, а именно открытку от имени хозяйки прачечной, куда мы обычно сдаем белье в стирку, и сообщите, что с меня следует столько-то марок. При умножении этой цифры на три должен получиться год. Скажем, вы напишете: «С вас следует 647 марок 23 пфеннига». При умножении этой суммы марок на три получится 1941, это год. Пфенниги означают месяц — февраль — и день — третий. Значит, третье февраля тысяча девятьсот сорок первого года. Надеюсь, вы освоили эту нехитрую комбинацию с цифрами? Повторяю, за деньгами остановки не будет, только сообщите мне вовремя!..

Сообщения газет подтвердились. 12 ноября 1940 года в Берлин прибыла специальным поездом советская правительственная делегация во главе с Молотовым. Вечером следующего дня делегация была принята Гитлером.

Василия мало интересовало содержание переговоров, он неустанно думал лишь об одном: как вручить кому-либо из членов делегации солдатский разговорник и сообщение о разработке немецким генеральным штабом плана нападения на Советский Союз.

Василий и Лиза пришли к заключению, что есть один только способ: Лиза проникнет в советское посольство и вручит одному из ответственных работников конверт для главы делегации.

Разработали детальный план, подумали и о мерах безопасности на тот случай, если вдруг агенты гестапо задержат Лизу. Лиза заготовила заявление на имя советского посольства с просьбой дать ей визу для поездки в Ленинград, навестить больную родственницу, — иначе почему она посетила советское посольство? Если ей зададут вопрос — почему же заявление осталось у нее? — она ответит: не приняла. Василий должен был остановиться со своей машиной в переулке, недалеко от Бранденбургских ворот, начать копать в моторе и ждать возвращения Лизы. Если все обойдется благополучно, она должна держать сумочку в правой руке, если нет — в левой. Если же она вообще не явится в течение часа, то Василий поедет в американское консульство, чтобы принять меры для ее освобождения с помощью О'Кейли.

Ровно в десять часов утра, на Унтер-ден-Линден появилась элегантная дама и не спеша направилась к зданию советского посольства. В вестибюле открылось стеклянное окошко, и дежурный спросил, что ей угодно.

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь из ответственных работников посольства, — ответила Лиза.

— По какому делу? — последовал новый вопрос.

— По чрезвычайно важному делу.

Окошко закрылось, и Лиза увидела, как дежурный поднял телефонную трубку и набрал номер. Она не слышала через толстое стекло, о чем говорит дежурный. Положив трубку, он открыл окошко и попросил Лизу подождать.

— Сейчас к вам выйдут, — сказал он.

Минут через пять у дверей, ведущих во внутренние помещения, появился молодой человек в отлично сшитом костюме. Он поклонился посетительнице.

— Вы хотели видеть сотрудника посольства? Я вас слушаю, — сказал он по-немецки.

— Здесь? В вестибюле...

— А где же еще?

— У меня важное, очень важное дело, — не личное, конечно... Не могли бы вы принять меня в своем кабинете?

— Пойдемте! — Молодой человек открыл перед Лизой дверь, провел ее в небольшой кабинет, усадил в кресло и сам сел напротив нее.

— Я вас слушаю, — повторил он.

— Простите... Но вы действительно ответственный работник? — спросила Лиза.

Хозяин кабинета улыбнулся:

— Я третий секретарь посольства.

— В таком случае примите этот конверт, — Лиза достала из сумочки конверт, протянула его

секретарю, — вручите его как можно скорее главе советской правительственной делегации. Здесь сообщение о том, что Гитлер поручил генеральному штабу разработать план нападения на Советский Союз, и немецко-русский солдатский разговорник.

— Откуда у вас такие сведения и как к вам попал этот разговорник?

— Это вам не обязательно знать... Сведения абсолютно верные. Что же касается разговорника, то ведь он у вас в руках, — чего же больше?

— Ну что же... Кажется, вы правы. Благодарю вас!.. Будьте уверены, конверт будет вручен товарищу Молотову сегодня же... Скажите хотя бы свою фамилию...

— Фамилия моя ничего вам не скажет... Поверили мне — и хорошо!.. Скажите, меня не задержат гестаповцы, когда я выйду от вас?

— Нет, не посмеют. Особенно сейчас, во время пребывания здесь советской правительственной делегации. Вы только проследите, чтобы вас незаметно не сфотографировали!

— До свидания! — Лиза поднялась.

Секретарь посольства проводил ее до приемной. Здесь Лиза не выдержала и сказала по-русски:

— Товарищ, разрешите вас поцеловать!

Он молча нагнулся и поцеловал ей руку. Лиза коснулась губами его лба.

Когда она вышла, дежурный открыл свое окошко и, приложив палец к виску, повертел несколько раз, — у дамочки, мол, не все дома!

— Нет, брат, ошибаешься!.. Тут другое дело, — серьезно и задумчиво сказал ему третий секретарь.

Никто Лизу не задержал, и она, с сумочкой в правой руке, прошла мимо Василия, все еще копавшегося в моторе.

Это была последняя работа, выполненная Василием и Лизой в Германии. Они не знали тогда, что еще один экземпляр разговорника принес в советское посольство в Берлине немецкий рабочий-печатник...

О'Кейли пригласил Василия к себе и вручил ему телеграмму от Адамса. Шеф предлагал ликвидировать дела компании в Германии в течение десяти — пятнадцати дней, выехать в Женеву и там ждать дальнейших указаний.

— Чем это вызвано? — спросил Василий.

— Если быть откровенным до конца, то должен сказать вам, что это мы посоветовали мистеру Адамсу поступить так по ряду причин. Во-первых, за последнее время немцы стали усиленно интересоваться вашей личностью, — вот мы и сочли за благо выпроводить вас отсюда, пока не поздно... Во-вторых, мы вообще сворачиваем свои дела в Германии и рекомендуем всем американским гражданам постепенно, чтобы не вызывать ненужных подозрений у немцев, покинуть страну. Поезжайте в Женеву и ждите нас, мы тоже скоро приедем туда!

Ликвидируя дела нефтяной компании, Василий позаботился и о том, чтобы сохранить надежную связь с друзьями в Берлине.

В середине декабря 1940 года Василий и Лиза покинули негостеприимную землю третьего рейха.

Лига наций давно прекратила свое существование, и теперь великолепные дворцы ее, как старый, так и новый, построенный перед войной, пустовали. Под сводами их больше не велись горячие и бесплодные дебаты и напыщенные дипломаты не переливали из пустого в порожнее, с соблюдением всех правил риторики...

Но Женева по-прежнему полна была иностранцами. Много было американцев, много немцев, французов, англичан, итальянцев и даже японцев. Представители стран Латинской Америки орудовали в Швейцарии под видом корреспондентов различных газет и агентств, существующих и несуществующих торговых и финансовых фирм, акционерных обществ и страховых компаний.

Все отели и многочисленные пансионаты были битком набиты, и Василию не без труда удалось найти отдельную меблированную квартиру из четырех комнат на одной из тихих окраинных улиц.

Женева стала центром мирового шпионажа и разнузданной спекуляции. Разведчики стран следили друг за другом, на ходу ловили слухи, новости, сенсации, вербовали информаторов и осведомителей из среды дипломатического и военного персонала противников, создавали хитроумные способы связи. Представители фирм и компаний покупали и продавали все: стратегическое сырье, редкие металлы, готовые изделия и дефицитные товары. Агентам воюющих стран ничего не стоило купить сталь, нефть, подшипники, стальные тросы, навигационные приборы для самолетов, предметы ширпотреба и продукты питания. Все это открыто, на глазах у швейцарских властей, объявивших строгий нейтралитет. Василий слышал, как один делец говорил другому: «Чему вы удивляетесь, это же бизнес! При желании здесь, в Швейцарии, можно купить целую эскадру боевых самолетов и любое количество дальнобойных пушек, — были бы только деньги!..»

Чтобы всерьез обосноваться здесь и быть полезным делу, которому он служил, Василию нужно было заняться достаточно масштабной коммерческой деятельностью. Осмотревшись, взвесив все возможности, он написал обстоятельную докладную записку Адамсу с целым рядом деловых предложений. Василий сообщил, что здесь можно сбывать нефть и нефтепродукты нейтральным и «невоюющим» странам, не нарушая закон о нейтралитете, утвержденный американским сенатом, или же организовать дочернюю компанию в одной из латиноамериканских стран и действовать от ее имени.

«Мистер Адамс, вы хорошо понимаете — торговля будет и после войны, — писал он, — особенно такими товарами, как нефть и нефтепродукты, без чего не может обойтись в современных условиях ни одна страна, будь она маленькой или большой. Следовательно, о закреплении за собой рынков сбыта нужно думать уже сейчас. Зачем, например, нам терять такой выгодный рынок, как испанский, и не попытаться завоевать португальский? Почему нам не воспользоваться затруднениями англичан и не вытеснить их с рынков Швеции и Швейцарии? Буду ждать ваших указаний. Заверяю вас, что сделаю все, что будет в моих силах, чтобы способствовать процветанию нашей компании. Я пишу „нашей“, потому что моя судьба тесно связана с судьбой компании, которую возглавляете вы, мистер Адамс...»

Не дожидаясь ответа из Нью-Йорка, Василий написал письмо в Париж, Джо Ковачичу, и сообщил ему, что, при некоторой смекалке, энергии и предприимчивости, в Женеве можно сколотить миллионы. «Организуем через своего старика поставку мне в возможно больших количествах: чая, кофе, сигарет, сгущенного молока, свиной тушенки, различных лекарств. Условия остаются прежними — чистая прибыль пополам. Здесь нет проблемы с валютой, — швейцарские марки котируются везде.

Надеюсь, вы учитываете, что я не предлагаю поставлять сюда что-либо имеющее хоть какое-нибудь отношение к войне. Упаси меня бог от этого! Мы будем торговать только товарами, облегчающими людям жизнь, что особенно важно в наш жестокий век...»

Через десять дней Адамс известил Василия, что его предложения принимаются. Ему поручается организация отделения компании в Швейцарии, а сам мистер Кочек назначается уполномоченным с окладом в размере пяти тысяч долларов в месяц кроме отчислений процентов от реализации.

Джо Ковачич ответил предельно лаконичной телеграммой: «Вы умница, старик дал согласие, скоро товар поступит. Желаю успеха».

За последние годы Василий набил себе руку в коммерции, — он и в Женеве легко справился с организационными делами. И вот уже на фасаде его конторы красовалась вывеска с золотыми буквами: «Стандарт ойл компани», а внизу — «Швейцарское отделение. Торговля нефтью и нефтепродуктами».

Из Америки поступили первые партии товаров, отправленные Ковачичем-старшим. Работа закипела.

Новый, 1941 год пришлось опять встречать на чужбине и вдвоем. Ровно без десяти двенадцать Василий и Лиза сели за стол и наполнили бокалы шампанским. Василию очень хотелось переключить радио на московскую волну, но это было не совсем безопасно, — могли подслушать соседи. И все же он, настраивая радио, поймал на несколько секунд Москву, — оттуда передавали праздничный концерт.

— Опоздали! — Василий с досадой махнул рукой. — Ну, старушка, выпьем за благополучие нашей родины, за наш народ, чтобы черные тучи миновали нас... С Новым годом!

— С Новым годом! — ответила Лиза, высоко поднимая пенящийся бокал.

Они и не предполагали, что новый, 1941 год станет для их родины началом неслыханных страданий...

В Женеву приехал оберштурмбанфюрер Отто Лемке, и Василий пригласил его к себе в контору.

Лемке явился в назначенный час. Он был в штатском костюме и потому потерял половину своей представительности, — то ли дело черная форма эсэсовца, с черепом на фуражке!..

Опустившись в кожаное кресло, Лемке, тяжело вздохнув, закурил.

— Вы начали курить? — удивился Василий.

— От такой жизни не то что закуришь, — завоешь, пожалуй! — ответил тот, затягиваясь табачным дымом.

— Чем же вы огорчены? Вы всегда такой бодрый, жизнерадостный и вдруг скисли...

— Ах, дорогой Кочек!.. Я принес вам такие сведения... Двенадцатого декабря фюрер подписал директиву номер двадцать один, озаглавленную «план Барбаросса»... Кажется, я имел случай говорить вам, что первоначально он фигурировал под шифром «план Отто».

— Что это за директива, подписанная фюрером? — спросил Василий.

— Буду говорить с вами начистоту... То, что я сейчас сообщу вам, настолько важно, что, скажи я об этом русским, они осыпали бы меня золотом с ног до головы. Но я, Отто Лемке, не желаю иметь никаких дел с коммунистами! Да и вам давать эти сведения даром не резонно. Короче, с вас, как со старого знакомого, возьму всего лишь пять тысяч долларов. Согласны?

— Согласен, если только сведения действительно стоящие!

— Еще бы не стоящие!.. Согласно этой директиве, генеральный штаб должен разработать план нападения на Советскую Россию. Копию директивы достать не удалось, хотя я ее читал и даже успел списать начало. Вот оно. — Эсэсовец достал из бумажника лист бумаги, сложенный вчетверо, развернул. — «Германские вооруженные силы должны быть готовы еще до окончания войны против Англии разбить Советскую Россию в стремительном походе, — прочитал он вслух. — Для этого армия должна пустить в действие все находящиеся в ее распоряжении соединения, за исключением лишь тех, которые необходимы, чтобы оградить оккупированные районы от каких-либо неожиданностей. Приготовления должны быть закончены до 15 мая 1941 года. Особое внимание следует уделить тому, чтобы подготовку этого нападения было невозможно обнаружить...» Ну как, достаточно?

Василий молчал, стараясь изо всех сил не показать свое волнение.

— А как же с Англией? — спросил он как можно спокойнее. — Неужели ваши все же отважатся воевать на два фронта?

— Фюрер предполагает, что если он нападет на Советскую Россию, то Англия согласится на переговоры и в конечном итоге будет помогать войне против коммунистов... Ходят слухи, что скоро начнутся переговоры с англичанами. Как и предполагалось раньше, кто-то из руководителей партии поедет в Англию...

— Ну что же... Это не только важные, но и устрашающие сведения!

— Я же и говорю: война с коммунистами — это вам не легкая прогулка по странам Европы. Боюсь, что русские себя покажут!..

— Вы оставите мне копию начала директивы?

— Могу, но... — Лемке замялся.

— Да, да, понимаю! Нужно сперва рассчитаться с вами... Вот вам чек на пять тысяч долларов. — Василий подписал чек и дал его Лемке. — Еще одна просьба к вам: в Берлине вы найдете моего бывшего садовника Мюллера и передадите ему письмо, а когда будете возвращаться, привезете ответ.

— Пожалуйста, это не составит мне большого труда! — Настроение у Лемке заметно улучшилось после получения чека.

— Когда вы собираетесь снова побывать здесь? — спросил Василий.

— Примерно через месяц.

— А если я возьму на себя все ваши дорожные расходы, могли бы вы прибыть недели через две?

— Пожалуй, могу. Сегодня пятое января, буду у вас пятнадцатого. Это вас устроит?

— Вполне... Завтра я напишу Мюллеру письмо...

Перед своим отъездом из Берлина Василий имел беседу с садовником Мюллером, который, после того как Василий вызволил его из гестапо, стал относиться к нему с большим доверием. Они договорились, что в случае крайней необходимости Мюллер будет служить своего рода почтовым ящиком.

Пожимая на прощанье большую волосатую руку эсэсовца, Василий сказал:

— Пригласил бы вас в ресторан пообедать, но, откровенно говоря, в ваших интересах, чтобы нас не видели вдвоем!..

Лемке ушел, а Василий долго сидел за письменным столом, обхватив голову руками. Кажется, совершилось худшее, чего можно было бы ожидать. Гитлер решил напасть на Советский Союз!.. «Нужно действовать, немедленно известить „отца“. И отсюда, из Швейцарии, это сделать легко», — говорил сам себе Василий, а другой голос нашептывал ему: «Не горячись, следуй правилу — прежде чем сообщить „отцу“ такие важные сведения, сперва проверь их, дублируй из нескольких источников...»

Василий терзался до тех пор, пока не появился через десять дней оберштурмбанфюрер. Вручив письмо Мюллера, он вопросительно посмотрел на Василия.

— Вы хотели бы получить деньги за ваши путевые издержки, — сколько? — спросил Василий.

— Мелочь, триста долларов...

Сведения Лемке подтверждались. Правда, Фридрих Кольвиц указывал несколько сроков нападения на Советский Союз — 20 апреля, 18 мая, 22 июня и даже 6 апреля. Но он давал понять, что эти сроки названы, чтобы ввести в заблуждение противника. Главное же — Кольвиц подтверждал существование самой директивы. И еще Мюллер писал, что здоровье фрау Эльзы ухудшается с каждым днем и врачи не надеются на улучшение. Сама она думает, что жить ей осталось не более полугода.

Яснее не скажешь: полгода — те же сроки, что установил Гитлер на подготовку армии для нападения на Советский Союз...

Теперь нельзя было терять ни минуты. Василий заперся у себя в кабинете, составил зашифрованную телеграмму на имя «отца» и отправил адресату.

Через день он получил телеграмму «молнию» с предложением немедленно выехать с женой в

Москву через нейтральную Швецию. Это означало ехать или морем, где рыскали немецкие подводные лодки и топили все, что попадалось им на глаза, или же через Финляндию, которая фактически была оккупирована Германией. Времени для размышлений не оставалось. Василий в тот же день посетил советского консула и получил визу на поездку в Москву — «по делам американской нефтяной компании „Стандард ойл“».

В гостинице «Националь», где обычно останавливались иностранцы, был забронирован номер с видом на Манеж для двух американцев — мужа и жены.

Лиза часами могла стоять у окна, не в силах оторвать глаз от улицы, от кремлевской стены, от прохожих. Она радовалась всему: московскому морозцу, снегу на крышах домов, детворе, играющей во дворе соседнего дома, студентам, спешащим в университет...

Не успели они распаковать чемоданы, как раздался телефонный звонок. Василий снял трубку.

— Мистер Кочек, если у вас нет неотложных дел, то просим вас зайти к нам. Адрес вам известен, пропуск будет заказан.

Через полчаса Василий стоял перед молодым, но весьма ответственным работником, даже не предложившим ему сесть.

— Скажите, Максимов, вы прислали «отцу» эту телеграмму? — сухо спросил тот, держа в руке расшифрованную телеграмму Василия.

— Я прислал.

— И вы утверждаете, что немцы собираются напасть на Советский Союз?

— По крайней мере, об этом говорят те неопровержимые сведения, которыми я располагаю.

— Сведения, сведения!.. Похоже, вам даже в голову не приходило, что такие, с позволения сказать, сведения могли вам подсунуть те, кто заинтересован в том, чтобы дезориентировать нас, ввести в заблуждение или даже спровоцировать...

— Я не мальчик, чтобы мне могли подсунуть ложные сведения. То, о чем я сообщил «отцу», соответствует действительности. Прошу вас в этом не сомневаться! — Василий побледнел от гнева и горького недоумения.

— Поссорить нас с Германией хотят прежде всего англичане, — надеюсь, это вам известно? Да, англичане! — Ответственный работник поднялся из-за письменного стола, и Василий отметил про себя, что он маленького роста и, несмотря на сравнительно молодые годы, успел отрастить порядочное брюшко. «Спортом не занимается», — подумал Василий. Между тем ответственный работник продолжал: — Одно из двух — или вас ввели в заблуждение, подсунув вам фальшивку, или...

Василий не дал ему закончить.

— Вы не смеете так говорить со мной! — тихо сказал он, повернулся и вышел из кабинета.

Он отметил пропуск у секретаря, спустился на улицу. День был морозный, на чистом небе сияло солнце, дышалось легко. Василий вдохнул холодный воздух всей грудью, расправил плечи и не спеша пошел в гостиницу. В голове было пусто. Что это — дурной сон или недоразумение? После стольких лет тяжелой работы на чужбине — и вдруг: «или вас ввели в заблуждение...» Он хотел, наверно, сказать или «подкупили»... Василий внутренне содрогнулся, словно получил пощечину...

— Ну что? — спросила Лиза и, заметив его напряженный взгляд, осеклась.

— Нашелся человек, к тому же ответственный работник, для которого вся наша с тобой десятилетняя работа ничего не стоит! — с горечью проговорил Василий. — И оказывается, я вообще мальчишка, которого каждый дурак может обмануть...

— Ты не волнуйся, главное — не волнуйся!.. Недоразумение какое-нибудь... Что он сказал? — Лиза не знала, как успокоить Василия.

— Язык не поворачивается, чтобы повторить его слова!..

— Что он, с ума сошел?

— Нет, Лиза, он просто дурак и чинуша!.. Общая направленность политики заключается на сегодня в том, чтобы не давать немцам повода для преждевременных конфликтов, всеми средствами выиграть время. Вот он и не хочет верить, что существуют факты, противоречащие этой концепции, — не хватает у него широты взгляда! И вообще — нельзя же идти против общего течения, даже если это крайне необходимо...

У Василия была удивительная способность: при крупных неприятностях он ложился в постель и мгновенно засыпал. Так и на этот раз — лег и заснул.

Проснувшись, он как ни в чем не бывало пригласил Лизу в шашлычную.

— Поедим с тобой настоящего шашлычка, выпьем бутылочку цинандали, а там — будь что будет!.. У нас с тобой в жизни бывало всякое... Не вешай голову, старушка, одевайся, и пошли.

В шашлычной у Никитских ворот они просидели допоздна. Там было тепло и по-своему уютно. Ни на одну минуту их не покидало сознание того, что они у себя дома, на родной своей земле. Потом они пешком прошли на Красную площадь, молча постояли у Мавзолея, послушали бой кремлевских курантов. В гостиницу вернулись в двенадцатом часу. Дежурная по коридору, протягивая Василию

ключи от номера и записочку, сказала по-английски:

— Просили вас позвонить по этому телефону, как только вернетесь.

Василий поблагодарил дежурную, но звонить не стал. В номере он сказал Лизе:

— Поздно, и я не совсем в форме... Позвоню утром, авось до утра ничего особенного не случится.

Утром его опередили. Позвонил по телефону помощник того ответственного работника, у которого Василий был. Он попросил как можно скорее прийти. Тон помощника был вежливый, даже предупредительный.

Когда Василий вошел в кабинет, ответственный работник сказал, не глядя на него:

— Вас вызывает к себе товарищ Сталин...

Василий молчал — ему показалось, что он ослышался.

— Вы должны быть у товарища Сталина ровно в одиннадцать часов.

Только теперь до Василия дошел смысл этих слов.

— Я должен сходить в гостиницу и переменить хотя бы рубашку. Это много времени не отнимет.

Услышав в голосе Василия решительные нотки, ответственный работник махнул рукой:

— Идите, но чтобы одна нога там, другая здесь. Будьте у меня ровно в десять тридцать, живым или мертвым!

— Постараюсь все-таки живым, — ответил Василий и быстро вышел из кабинета.

В приемной Сталина дежурный секретарь поставил галочки против фамилий приглашенных и попросил подождать. А когда стрелки круглых настенных часов показали ровно одиннадцать, двери кабинета открылись и человек в полувоенной форме негромко сказал:

— Попрошу товарища Максимова.

Василий прошел через небольшой коридор в кабинет Сталина. Ответственный работник остался в приемной, — его не пригласили.

Сталин стоял у камина с трубкой в руке.

— Здравствуйте, товарищ Максимов. Садитесь вот сюда, — Сталин показал рукой на свободное кресло.

— Спасибо, я постою...

— Почему так? Говорят, в ногах правды нет! — Сталин улыбнулся.

— Я не могу сесть... Вы ведь стоите, товарищ Сталин.

Сталин пропустил мимо ушей слова Василия и, вытряхнув пепел из трубки в камин, сказал:

— Вы писали, товарищ Максимов, о директиве Гитлера генеральному штабу немецкой армии?..

— Да, товарищ Сталин, писал.

— Откуда стало вам известно о наличии такой директивы?

— Узнал из надежных источников.

— Не допускаете, что это провокация, подстроенная немцами специально для нас?

— Такое предположение совершенно исключается.

— Вы уверены в этом?

— Да, товарищ Сталин, уверен.

— Нельзя ли допустить другое — вся эта история, связанная с директивой Гитлера, организована англичанами и стараниями их разведки попала к вам?

— Нет, такой вариант тоже исключается.

— Почему вы говорите так уверенно, товарищ Максимов?

— По очень простой причине. Люди, доставившие мне эти сведения, проверены и перепроверены не раз и не два. С ними я работаю давно, и не было случая, чтобы они пытались обмануть меня. Потом, у нас есть неписанный закон: прежде чем сообщать о таких важных делах, мы проверяем дважды и трижды полученные сведения через разные источники. Кроме того, у меня имеются еще и косвенные доказательства, подтверждающие правильность сообщенных мною сведений. Немецкий солдатский разговорник тоже говорит кое о чем. Не знаю, докладывали ли вам о том, что во время пребывания в Берлине советской правительственной делегации мы передали ей через наше посольство экземпляр этого разговорника...

Сталин молча кивнул головой.

— И еще — на первый взгляд маловажный, но на самом деле весьма существенный факт. В Берлине, на улице Унтер-ден-Линден, находится самое большое и самое роскошное фотоателье Гофмана. Его считают придворным фотографом Гитлера. С начала войны на Западе стало обычным явлением, что этот самый Гофман, осведомленный о планах фюрера, вывешивает на одной из витрин большую карту той страны, куда нацелен очередной удар фашистской армии. Совсем недавно мне стало известно, что Гофман вывесил на витрине большую карту Советского Союза...

— Значит, они не боятся ни бога и ни черта, — сказал Сталин и после минутного раздумья подошел к Василию. — Вы понимаете, товарищ Максимов, рассуждая логично, кажется совершенно невероятным, чтобы Гитлер рискнул ввязаться в войну с Советским Союзом, не закончив кампанию на Западе, оставив у себя в тылу англичан. С другой стороны, ваша твердая уверенность заставляет

думать, что такая директива существует на самом деле. Совсем уж другой вопрос — с какой целью она, эта директива, составлена... — Он снова помолчал. — Гитлер, составляя директиву, мог преследовать разные цели. По этой причине нам нужно действовать по мудрой народной пословице — семь раз отмерь, один раз отрежь... Немедленно возвращайтесь обратно в Женеву. Еще и еще раз проверьте все и доложите лично мне. Отныне вы должны неустанно следить за всеми происками фашистов, быть в курсе их планов, в особенности против нас. Нельзя жалеть ни сил, ни средств!.. Вы кажетесь человеком толковым — опытным, наблюдательным. Будем надеяться, что вы успешно справитесь с этой сложной, но благородной задачей и не дадите ни немецкой, ни английской, ни каким-либо другим разведкам обмануть себя.

— Постараюсь, товарищ Сталин, — ответил Василий.

— Желаю успеха! — Сталин протянул Василию руку.

В приемной Василию пришлось подождать: сопровождавший его ответственный работник был приглашен к Сталину.

Сталин сказал ему:

— Очевидно, этот Максимов толковый человек и хорошо знает свое дело.

— Да, товарищ Сталин, Максимов очень серьезный и толковый человек, — поспешил подтвердить ответственный работник, хотя только что был о Василии противоположного мнения.

— Однако и он мог ошибиться... — И, как бы думая вслух, не глядя на собеседника, Сталин продолжал: — Невероятно, просто невероятно, чтобы Гитлер решился напасть на нас, не покончив с Англией!.. Только маньяк или законченный авантюрист отважился бы на подобный; шаг... — И опять к ответственному работнику: — Всячески помогите Максиму, создайте ему все условия, чтобы он мог справиться с нелегкой задачей, которую мы ему задали...

Вечером к ним в номер пришел «отец». Он заметно сдал. Волосы совсем поседели, на лбу и вокруг глаз появились глубокие морщинки.

— Ну, как жизнь молодая? — спросил он с деланной веселостью. — Надеюсь, все в порядке?

— Как вам сказать? Сейчас, пожалуй, в порядке, чего не мог бы сказать вчера в это же время...

— Знаю, дорогой, все знаю! — «Отец» дружески обнял его за плечи. — Не обращай внимания на мелочи жизни!.. Сказано ведь, что дураков не сеют, не жнут — они сами рождаются. Тут уж ничего не сделаешь!.. Я тому вельможе доказывал, что ты не такой человек, чтобы сообщать непроверенные сведения, — все напрасно!..

— Это верно, что дураков не сеют и не жнут, — сказал Василий. — Но, имея большую власть, они могут таких дров наломать, что потом костей не соберешь!

— Будем мужественны и не станем обращать внимания на случайные жизненные невзгоды. Нам нужно беречь свои нервы, впереди еще много работы! — «Отец» старался уйти от неприятного разговора, но ему помешала в этом Лиза:

— Хороши мелочи и жизненные невзгоды!.. И потом, «отец», — почему о своих нервах должны заботиться только мы сами?

— Что я могу сказать, Лиза? Вы абсолютно правы, и если мои личные извинения что-нибудь значат для вас, то я приношу их вам и еще раз прошу — не сердитесь! И главное — не опускайте руки... А теперь перейдем к нашим делам. Учитывая, что события принимают довольно неприятный оборот и у вас будет много работы и немало трудностей, я решил отдать вам Стамбулова. Он опытный конспиратор и предприимчивый малый, может оказаться вам очень полезным. Надеюсь, Василий, ты найдешь для него подходящее прикрытие?

— Разумеется, найду! Это вы хорошо придумали: Стамбулов подходящий помощник...

— И еще хочу я связать вас с одним местным антифашистом, — продолжал «отец», — фамилия его Дикман, он коренной швейцарец. Дикман сам явится к тебе, Василий, и в случае необходимости будет вам полезен. По-моему, помощь местного человека никогда не помешает. Не так ли?

— Разумеется, особенно в условиях Женевы, когда вокруг тебя вертятся подозрительные люди и не знаешь, кто из них в какой разведке работает, — ответил Василий.

— Сейчас ваша задача заключается главным образом в том, чтобы иметь точную информацию о всех шагах Гитлера — не только совершенных, но и намечаемых. Твой оберштурмбанфюрер — ценная находка, особенно сейчас, когда он работает в заграничном отделе гестапо и имеет возможность посещать Женеву. Ты его озолоти, только не выпускай из рук. Мюллер человек верный, но не совсем подходящий почтовый ящик: он уже однажды побывал в гестапо, и думается мне, подозрение с него не снято. Будет целесообразно, если мастер Герман выделит вам запасное для почтового ящика, — мало ли что может случиться... Немецкие подпольщики со временем смогут оказывать вам неоценимую помощь. И Кольвицу и фрау Браун плати сполна по-прежнему, независимо от того, делают они что-либо для вас или нет. Они пригодятся еще. Кажется, я сказал вам все... Может быть, у вас есть вопросы?

— Есть, — сказал Василий. — Нельзя ли нам съездить в деревню, тут недалеко. Мы бы управились дня за два. Хочется повидаться с братом, сестрою... Кто знает, когда я теперь приеду домой!

— Как ни печально, Василий, но тебе не удастся повидаться с родными. Дорог каждый день, каждый час... Я уже забронировал для вас билеты на самолет Москва — Стокгольм на завтра. Оттуда вы доберетесь до Женевы.

— Может быть, я смог бы съездить к ним сегодня ночью, а завтра вернуться или послать за ними, чтобы они сами приехали сюда?

— Ни того, ни другого делать не советую, — сказал «отец». — Я уверен, что не одна пара глаз следит за каждым твоим шагом. И естественно, что у тех, кто заинтересован тобою, возникнет вопрос: зачем этому американцу, приехавшему в Москву по делам американской нефтяной компании, вдруг понадобилось посетить русскую деревню?.. Вслед за тобой полетят телеграммы в американскую разведку с предложением проверить личность мистера Кочека, неведение которого в Москве показалось подозрительным... Надеюсь, ты этого не хочешь? Кстати, завтра, до отъезда, обязательно побывай в Нефтеэкспорте и для отвода глаз повидайся с товарищем Щукиным, заместителем управляющего объединением. Он предупрежден и будет ждать тебя.

— Хорошо, побываю в Нефтеэкспорте, — сказал Василий.

— А вы сами не собираетесь в наши края? — спросила Лиза.

— Не знаю, это зависит не от меня...

— Скажите, как вы думаете, «отец», — будет война с немцами или директива Гитлера генеральному штабу дана совсем из других соображений? — спросил Василий.

— Трудно сказать... Лично мне кажется, что каждый, кто внимательно читал «Майн кампф», не может не понимать, что войны с фашистской Германией нам не миновать! Претендовать на мировое господство и оставить по соседству такого злейшего врага фашизма, как Советский Союз, — нельзя. Гитлер, по-видимому, рассчитывает, что, нападая на нас, он найдет сочувствие на Западе, сумеет заключить почетный мир с Англией и присвоить себе все, что уже завоевано, — другими словами, стать единоличным хозяином Европы. Он, конечно, ошибается в своих расчетах, но крови прольется много!

— Я тоже пришел к такому заключению, — сказал, помолчав, Василий.

Когда «отец» собрался уходить, Василий спросил его:

— Вы ничего не знаете о моих парижских друзьях и знакомых?

— Кое-что знаю, — ответил «отец». — Маринье, твой партнер по спортивному клубу, успел удрать в Англию и там принимает активное участие в работе комитета Сопротивления. А вот другому твоему партнеру, де ла Граммону, не повезло: он попал в руки гестапо и сейчас находится в одном из концентрационных лагерей в Германии. Твой друг Сарьян исчез, и мы никак не можем напасть на его след — то ли он глубоко законспирировался, то ли погиб в застенках гестапо...

— А художник Борро?

— Борро молодец! Он возглавляет боевую группу антифашистов парижского района, и его бойцы причиняют немало хлопот. Словом, работают они здорово!

— Я рад, что не ошибся в нем, — сказал Василий.

В Женеве жизнь шла своим чередом. Швейцарское отделение нефтяной компании «Стандард ойл» работало с предельной нагрузкой: желающих купить бензин и смазочные масла было много, — успевай только выполнять заказы. Неплохо шли и личные коммерческие дела мистера Кочека. Из Америки в его адрес нескончаемым потоком поступали товары. Он уже считался в известной мере монополистом: лучших кофе и тушенки ни у кого, кроме мистера Кочека, достать было нельзя. Коммерческие и финансовые круги Женевы считали его солидным дельцом и относились к нему с уважением.

С приездом в Женеву Стамбулова работать стало легче. Василий зачислил его в штат своей конторы на должность консультанта по финансовым вопросам. Прежде всего Стамбулову предстояло проверить, соответствуют ли действительности слухи о том, что на советско-польской границе происходит концентрация немецких войск.

— Я знаю, что это нелегко, но делать нечего — нужно! — сказал ему Василий. — Примитесь за дело со всей свойственной вам энергией и находчивостью, но зря не рискуйте. Денег не жалейте!

— Понимаю, шеф, не беспокойтесь! — ответил Стамбулов со своей неизменной улыбкой.

В Женеву снова приехал Отто Лемке. Он казался усталым, чем-то подавленным.

— Все же скажу вам, наши зря затевают эту страшную войну с русскими, — сказал он Василию, — кадровые военные утврждают в один голос, что нам не справиться с ними. К сожалению, сомневающимся немедленно отстраняют от активных дел и выдвигают на их место сторонников опасной теории, что Советская Россия — гигант на глиняных ногах... Хороши глиняные ноги, когда они в свое время одолели чуть ли не весь мир, устанавливая у себя власть, а совсем недавно набили морду япошкам у Халхин-Гола!..

— Не понимаю, вам-то чего тревожиться? На русский фронт вас не пошлют, — вы не молоды и нужны в тылу. Больше того: как бы война ни кончилась, вы лично внакладе не будете, станете состоятельным человеком, — попробовал его успокоить Василий.

— Странно вы рассуждаете, мистер Кочек!.. Что же я — не немец и все, что относится к Германии, ко мне не имеет отношения? Признаюсь вам чистосердечно, будет очень жаль, если мы потеряем все то, что завоевали в столь короткий срок!

— Вынужден вас огорчить, герр Лемке, — сказал Василий, — история доказывает на многочисленных приметах, что еще ни одному народу не удавалось построить свое благополучие на страданиях других народов. Не удастся этого и современной Германии!.. Мой вам дружеский совет: думайте о себе и не упускайте из виду ту простую истину, что в конечном итоге все в этом брэнном мире решается деньгами. Будут у вас деньги — вы на коне и после войны, не будут — всем вашим заслугам и наградам грош цена. Возьмите пример с меня, я не спеша делаю деньги и знаю твердо, что победителем в этой войне буду я!

— Вы забываете, что у вас другие возможности!..

— А что мешает вам расширить свои возможности? При вашем положении вы могли бы заработать значительно больше, чем сейчас!

— Не вижу таких возможностей!..

— Было бы желание, а возможности найдутся! Могу порекомендовать вам, например, такой способ: в оккупированной вами Франции есть немало людей, готовых заплатить хорошие деньги любому, кто поможет им выехать за границу. А еще больше можно заработать, освобождая некоторых узников концентрационных лагерей.

— Это трудно! — сказал Лемке.

— А кто вам сказал, что зарабатывать деньги легко? — спросил Василий. — Хотите, подыщу для вас клиентов?

— Вывозить людей из Франции, пожалуй, еще можно, а насчет освобождения из лагерей — не знаю. Во всяком случае, я не возьмусь за это!..

— Ну что же, займитесь пока вывозом людей из Франции, а там будет видно!..

— Возьмусь, но при условии, что, кроме вас, я ни с кем другим никаких дел иметь не буду.

— Согласен!.. Могу быть вашим маклером за десять процентов комиссионных!..

Договорились о цене — две с половиной тысячи долларов за человека. Василий написал Джо Ковачичу в Париж письмо с просьбой найти через художника Борро журналиста Сарьяна и узнать у него — не хочет ли он покинуть пределы Франции легальными путями? А также осведомиться у Борро — не знает ли он людей, которым необходимо выехать из Франции? Пусть сообщит их фамилии для получения официальных пропусков. Письмо к Джо удалось отправить в Париж, как всегда, дипломатической почтой.

Спустя несколько дней в кабинете Василия появился с видом победителя Стамбулов.

— Все в полном порядке! — заявил он.

— Что именно в порядке? Рассказывайте!..

— Мне удалось установить связь с двумя железнодорожниками, — сказал Стамбулов. — Один из них пожилой поляк, работает весовщиком на бывшей пограничной с Германией станции, а второй хоть и немец, но антифашист, бывший социал-демократ, диспетчер на узловой станции. Теперь мы будем иметь точные сведения о движении воинских эшелонов на восток.

Связь с «отцом» поддерживалась через специальных курьеров, приезжавших в Женеву. Им регулярно передавались сведения о воинских эшелонах, направляющихся на восток. Этих эшелонов становилось все больше и больше. И все они были нагружены военной техникой, танками, орудиями, боеприпасами, а главное — солдатами. Василий с тревогой наблюдал за всем происходящим. Создавалось впечатление, что там, дома, никто всерьез не принимает приготовлений немцев!..

Вскоре Джо Ковачич сообщил Василию адрес Сарьяна. Журналист соглашался выехать из Франции вместе с женой, а Борро переслал список семей участников Сопротивления, которым грозила смертельная опасность. Он сообщал через американского консула, что он и его товарищи были бы чрезвычайно благодарны, если бы удалось вывезти указанных в списке лиц.

Нежданно-негаданно в Женеву приехал О'Кейли. Василий пригласил его на ужин в один из самых дорогих ресторанов — «Отель де Берг».

Они сели в дальнем углу и, попивая терпкое венгерское вино, вели неторопливую беседу. Василий сразу заметил, что настроение американского генерального консула в Берлине резко изменилось. Он несколько раз повторил, что Гитлер совсем обнаглел. «Если русские не остановят Гитлера, тогда вся Европа окажется под пятой Германии!..»

— Разве войну Гитлера с русскими вы считаете предрешенной? — спросил Василий.

— Без сомнения!.. Впрочем, дальнейший ход событий всецело будет зависеть от позиции англичан.

— Какое отношение позиция англичан имеет к войне Германии с русскими?

— Гитлер собирается заключить мир с Англией. Даже младенцу ясно, что это его очередной маневр: он думает покончить с русскими без помех, а потом обрушиться на Британию. При таком варианте мир разделится на три сферы влияния: в Европе — Германия, на Дальнем Востоке — Япония и за океаном — Соединенные Штаты Америки. Это опасно, этого допустить нельзя! — сказал О'Кейли, и его лицо стало жестким, озабоченным. — Настанет день, и Германия, объединившись с

Японией, повернет оружие против нас. Тогда — всему конец, вы понимаете? Вот вам ключ к бредовым мечтам Гитлера о мировом господстве!

— Неужели вы допускаете, что англичане пойдут на мировую с Гитлером, после того как он обманул их не раз и не два?

— Во многом это будет зависеть от позиции, которую займет наше правительство. Если мы ввяжемся в войну на стороне англичан, они не пойдут на мировую с Гитлером. А по всем признакам, мы ввяжемся в войну...

— У меня все перепуталось в голове!.. Вступая в войну на стороне англичан, мы, американцы, тем самым будем помогать коммунистической России. Неужели это возможно? Вы когда-то говорили, что единственная сила, способная противостоять коммунистической заразе, — это Германия во главе с таким фанатиком, как Гитлер...

— Дорогой мой, в политике все возможно!.. Если бы Гитлер, ограничившись захватом Чехословакии и присоединением Австрии, повернул бы свои войска против русских, мы бы его всячески поддерживали. Но когда он замахнулся на всю Европу, и не только на Европу... Сейчас очень важно, чтобы он сломал зубы на русских. Как бы ни кончилась война с Россией, обе стороны будут основательно обессилены. Русские легко не покорятся немцам — они станут драться до последнего. Вот тогда мы и сможем навязать миру свою волю! — О'Кейли подался вперед и, понизив голос, сказал: — Наша разведка узнала, что Гитлер решается на рискованный шаг — он хочет отправить в Англию в первой половине мая, до начала кампании о русских, своего ближайшего помощника, Рудольфа Гесса, для переговоров. Гесс полетит туда якобы по собственной инициативе. Расчет простой: если англичане примут его и согласятся вести переговоры, Гесс получит соответствующие полномочия; если нет — немцы объявят его изменником, и делу конец!.. Однако хватит нам разговаривать на такие темы, давайте лучше выпьем!.. Расскажите, как вы устроились здесь, что подельваете?

Василию было не до пустых разговоров. Ему хотелось как можно поскорее закончить ужин, что он вскоре и сделал. Он отвез О'Кейли в его отель, а сам поспешил в пансионат, где жил Стамбулов. Стамбулова он не застал. Оставалось одно — набраться терпения и ждать до утра. Он лег в постель, но сон не шел к нему. Рудольф Гесс — второе лицо в партии национал-социалистов и официальный преемник Гитлера... Может быть, сейчас он направляется на аэродром, чтобы улететь в Англию, а на польско-советской границе фашистские полчища готовятся к наступлению на Советскую страну. Нет, он спать не будет...

Василий встал, на цыпочках, чтобы не разбудить Лизу, пошел в столовую и позвонил Стамбулову в пансионат. Ему ответили, что «мсье Стамбулов уже спит». Василий попросил разбудить мсье Стамбулова и позвать к телефону.

— Говорит Кочек, — сказал он, услышав в трубке сонный голос болгарина, — извините за поздний звонок. Прошу вас сейчас же приехать ко мне на квартиру. Есть важное дело. Я вас буду ждать на улице.

Василий оделся, бесшумно открыл дверь и спустился вниз. Ночь была теплая, звездная. Тишина. Во всех окнах давно погасли огни. Женева погрузилась в спокойный сон... А в просторных кабинетах немецкие генералы, склонившись над картами, готовили его родному народу смерть...

Звук шагов оборвал размышления Василия. Взяв Стамбулова под руку и прохаживаясь с ним по пустынному переулку, Василий рассказал ему об услышанном.

— Надеюсь, вы понимаете — медлить нельзя. Нужно, чтобы эти сведения были у «отца» не позже одиннадцати часов утра! — сказал Василий.

— Не знаю, что и делать... Курьер уехал, а другой приедет не раньше чем дней через пять. Рискнем зашифровать телеграмму?

— Нет, это рискованно. Немцы могут перехватить ее...

— Нашел! — воскликнул Стамбулов. — Я знаю одного местного радиолюбителя-коротковолновика, он работает по ночам. Однажды я уже использовал этот канал связи... Поеду к нему и вызову Москву. Получив ответ, продиктую радиограмму для «отца». Пока агенты немецкой разведки очухаются и организуют перехват, все будет кончено, — они не успеют записать и двух фраз, как радиограмма будет в Москве.

— Этот ваш радиолюбитель надежный человек? Он согласится передать в Москву такую радиограмму?

— Что за вопрос! Иначе Стамбулов не стал бы поддерживать с ним знакомство... Не будем терять время — быстренько составьте текст шифровки. Мы должны успеть до рассвета!..

Утром, в конторе, на вопросительный взгляд Василия болгарин ответил еле заметным кивком головы. Это означало, что все в порядке — в Москве уже знают о планах Гитлера.

Василий облегченно вздохнул и весело взялся за текущие дела...

Двенадцатого мая сообщение О'Кейли подтвердилось полностью: всему миру стало известно, что десятого мая Рудольф Гесс, лично пилотируя самолет «Мессершмитт-110», вылетел из Аугустбурга, взяв курс на Даунгавел Касл, Шотландия. Он намеревался попасть в имение лорда Гамильтона, чтобы через него начать переговоры с английским правительством. Гесса постигла

неудача: кончилось горючее. Он выбросился с парашютом. Незваного гостя задержали местные жители и передали властям.

Английские власти интернировали Гесса, а гитлеровцы, поняв, что игра не удалась, объявили его душевнобольным, сняли со всех постов и даже репрессировали его родственников...

Прослушав сообщение об этом по немецкому радио, Василий подумал, что дома историю с Гессом узнали вовремя. Но факты доказывали правильность и второй части сведений — о готовящемся нападении фашистской Германии на Советский Союз. Война стучалась в дверь.

Василий потерял покой, ходил хмурый, задумчивый, по ночам не мог уснуть, а чуть свет с тревогой включал радиоприемник. Скупал все газеты, какие только продавались в киосках.

Двадцать второго июня, рано утром, немецкое радио, после бравадного марша, сообщило, что немецкие войска вторглись в пределы Советской России и, преодолевая упорное сопротивление противника, заняли множество сел и городов.

Так началась для Василия и Лизы Отечественная война.

Первой мыслью Василия было: немедленно вернуться домой и с оружием в руках защищать родину. Он написал об этом «отцу» и в ответ получил нагоняй. «Отец» писал, что никак не ожидал от него такого легкомыслия. «А где ты находишься, разве не на самой передовой?» — спрашивал он и заканчивал письмо словами, звучавшими как приказ: «Выкинь из головы эти мысли, запасись терпением и жди. Информировать нас обо всем, что удастся тебе узнать, не гнушайся даже мелочами, — на войне мелочей не бывает. Если на первых порах не удастся сделать много, не огорчайся и жди своего часа...»

Начались тягостные будни. Немецкое радио передавало на дню по пять — семь раз военные сводки. Гитлеровские пропагандисты неудержимо хвастались победами на Восточном фронте. Совинформбюро каждый день сообщало об оставлении таких-то населенных пунктов и городов. Тоска делалась невыносимой, у Василия все порой валилось из рук... И так дни, недели, месяцы...

К осени фашистские полчища стояли под Москвой, и немецкие генералы хвастливо заявляли, что им видны в бинокль башни Московского Кремля.

И вдруг, словно по команде, телеграфные агентства и радиостанции всего мира заговорили о небывалом упорстве русских. Газетные полосы были полны сообщениями о героизме Советской Армии, а некоторые военные обозреватели высказались в том смысле, что немецким победам первых месяцев войны приходит конец и, как видно, последнее слово останется за русскими. Сами немцы стали сетовать на трудности войны на Востоке — на плохую погоду, холод, бездорожье.

И как гром среди ясного неба было сообщение о переходе Советской Армии в наступление, о разгроме большой немецкой группировки под Москвой. Всем стало ясно: русские развеяли миф о непобедимости немецкой армии.

Ранней весной 1942 года в Женеву приехал Лемке — постаревший и еще более мрачный.

— Мистер Кочек, у меня к вам серьезный разговор, — сказал он, как только поздоровался с Василием и плотно прикрыл за собой двери кабинета. — Скажите, могу ли я рассчитывать на вашу помощь? Нет, это не то слово, — на ваше покровительство, но, — поправился он, — если в этом Явится необходимость... Я сотрудничаю с вами с первого дня вашего приезда в Германию и помогал вам чем только мог...

— Я всегда высоко ценил вашу помощь, дорогой Лемке. — Василий сразу понял, куда клонит эсэсовец.

— Будем говорить откровенно и называть вещи своими именами, как это подобает мужчинам, — сказал Лемке. — Не знаю, как для других, а для меня лично вопрос совершенно ясен: раз мы не смогли с ходу разгромить русских и занять Москву, значит, войну мы проиграли... Ведь весь расчет Гитлера был основан на молниеносной войне, а этого не получилось. Я не молодой человек и хорошо помню восемнадцатый год, поражение, позор, Версаль, оккупацию, наказание военных преступников и прочее... Уверен, что то же самое повторится теперь, но в более крупных масштабах. Вряд ли русские простят нам все то, что мы натворили у них. Я дважды был на Восточном фронте по делам нашего отдела и видел своими глазами сожженные города и села, массовое уничтожение мирного населения... А англичане напомнят нам Дюнкерк, Лондон, Ковентри... И американцы... Почти весь мир против нас... Чтобы уцелеть после этой войны, нужно иметь покровителей!..

— Скажите, Лемке, вы всерьез считаете, что проиграли войну?

— Не проиграли, а проиграем, — тут есть небольшая разница...

— В таком случае я твердо обещаю засвидетельствовать перед победителями ваши заслуги и обеспечить вам покровительство американских властей. А пока, надеюсь, вы еще активнее будете сотрудничать со мной. Кстати, как обстоит дело с вывозом некоторых семей из Франции?

— Все в полном порядке. Если мне согласятся платить и дадут адреса, я добьюсь пропусков на выезд. Сами понимаете, сейчас, больше чем когда-либо, я обязан заботиться о своем будущем...

Василий дал Лемке пять тысяч долларов и адрес Сарьяна.

— Это проба. Если дело кончится благополучно, то будут другие, — пообещал он Лемке.

Дни шли за днями. Василию приходилось заниматься главным образом мелочами —

систематизировать полученную из разных источников информацию и передавать «отцу». Лиза работала не покладая рук — она просматривала за день множество газет на немецком, английском и французском языках и на основании пустяковых на первый взгляд заметок и сообщений делала выводы, передавала их Василию для просмотра и отправки домой.

Приезд в Женеву Сарьяна и Жаннет был для Василия и Лизы настоящим праздником. Перебивая друг друга, Сарьяны рассказывали обо всем пережитом ими в оккупированной Франции.

— Французам полезно было увидеть фашистов вблизи, — сказал Сарьян. — Сейчас редкий француз может сотрудничать с оккупантами, даже самые правые стали антифашистами, а большинство участвует в движении Сопротивления.

Радость быть в обществе друзей продолжалась недолго. Сарьян был слишком активным человеком и не мог сидеть сложа руки.

Вскоре он перебрался в Лондон, чтобы принять участие в освобождении Франции.

Из семи друзей Борро удалось переправить в Португалию только четырех, остальных арестовало гестапо...

После разгрома немецких войск под Сталинградом — Василий и Лиза отметили у себя дома это событие как большой и радостный праздник — многие реальные политики на Западе, да и в самой Германии, вынуждены были пересмотреть свои позиции.

В очередной приезд Отто Лемке привез письмо от мастера Германа, переданное через Мюллера. Письмо было со множеством намеков и неясных фраз. После внимательного изучения этого послания Василий понял, что в письме говорилось о немецких генералах, считающих, что Гитлер приведет Германию к катастрофе.

Немецкие генералы против Гитлера! В этом было что-то новое, необычное. Эти сведения стоили того, чтобы о них немедленно поставить в известность «отца».

По ответному письму «отца» было видно, что он хорошо оценил ситуацию, предлагая узнать подробнее, кто эти генералы, какие цели они ставят, чего добиваются. Если они намерены выступить, нужно оказать им всяческое содействие во всем, даже в невозможном.

Василию, при помощи того же всемогущего оберштурмбанфюрера, пришлось командировать в Берлин Стамбулова: тот должен был повидаться с руководителями подполья и по возможности помочь им.

Стамбулов возвратился из Берлина очень быстро. Как ему удалось установить, в дело вмешалась американская разведка. Узнав о существовании группы недовольных генералов и их связи с немецкими подпольщиками-антифашистами, агенты американской разведки в Берлине решились на неслыханный провокационный шаг: чтобы иметь возможность самостоятельно направлять действия недовольных генералов в угодном им направлении, они выдали гестапо группу Ганса Вебера. О второй группе подпольщиков американские разведчики ничего не знали.

Из тридцати трех подпольщиков спаслись только четверо; двадцать девять человек, во главе с Вебером, были расстреляны без суда и следствия.

Когда окончательно стало ясно, что генеральским бунтом стала руководить американская разведка, Василий получил от «отца» указание не вмешиваться в дела недовольных генералов...

Как раз в это самое время Василию стало известно, что немцы через шведских представителей зондируют почву для сепаратных переговоров с Америкой. Действительно, вскоре в Женеву зачастили высокопоставленные немецкие военные в штатском и, по «случайному» совпадению, туда же приехал из Берна посол Соединенных Штатов Америки в Швейцарии. Василий с помощью вездесущего Стамбулова знал о каждом шаге американского посла.

Потом в Женеву пожаловал сам мистер Даллес-младший, а из Берлина приехали несколько немецких генералов под видом частных лиц.

Даллес привез с собой целую армию советников и десятка два дюжих детективов. Они заняли целый этаж в отеле «Савой» и закрыли туда доступ посторонним, даже сменили часть служащих этажа. Впрочем, сам Даллес вел себя скромно, нигде не показывался, ни с кем не встречался.

По поводу приезда Даллеса в Женеву ходили разные слухи. Говорили — и этому способствовали сами американцы, — что мистер Даллес, устав от чрезмерно напряженной работы, решил отдохнуть у Женевского озера. Разумеется, никто не верил этой версии. Василий хорошо знал о подлинных причинах приезда в Швейцарию шефа американской разведки. «Отец» тоже не дремал — еще задолго до приезда Даллеса он предупредил Василия о возможных сепаратных переговорах между представителями Германии и Америки, за спиной союзников. «Отец» настоятельно требовал сделать все возможное, чтобы знать не только всех участников переговоров, но и содержание их бесед.

Легко сказать — «сделать все возможное»! А как это осуществить, когда американцы забаррикадировались на третьем этаже отеля «Савой» и местные полицейские власти бдительно их охраняют?

Прежде всего Василий начал изучать окружение Даллеса и, к своему удивлению, обнаружил среди его советников француза — Жан-Поля Маринье, старого своего знакомого по Парижскому спортивному клубу.

Попытка связаться с ним по телефону не увенчалась успехом: портье отеля отказался сообщить номер его телефона. Тогда Василий оставил портье свой телефон с просьбой передать его мсье Маринье.

Попутно Василий выяснил еще одно любопытное обстоятельство: охрана немецкой делегации в Женеве была поручена оберштурмбанфюреру Отто Лемке и его помощникам.

Сверх всякого ожидания, Маринье позвонил Василию в тот же день, вечером, домой и изъявил желание встретиться.

— Если не возражаете, мы могли бы прогуляться с вами по набережной и поговорить, — сказал он.

Они встретились в девять часов вечера возле лодочной станции. После взаимных любезностей по случаю встречи Василий предложил Маринье покататься по озеру на лодке.

— Так будет лучше — подальше от любопытных глаз и нескромных ушей, — добавил он.

Маринье согласился.

Отдалившись от берега на порядочное расстояние, Василий перестал грести и обратился к французам:

— Рассчитывая на вашу скромность, я позволю себе говорить с вами без обиняков — к этому меня вынуждают обстоятельства. Я живу здесь как американский гражданин — представляю интересы нефтяной компании «Стандард ойл». Это мое официальное положение, главное же заключается в том, что я, как, вероятно, и вы, страстно желаю поражения Германии и освобождения моей родины. Не секрет, что сегодня фактически воюют с гитлеровцами русские — они приближают день окончательной победы над фашизмом. Между тем, насколько я знаю, американцы, в лице мистера Даллеса, собираются вести переговоры с немцами за спиной русских...

— Откуда вам это известно? — перебил его Маринье.

— Разве это имеет значение и меняет суть дела?

— Нет, конечно... Я спросил потому, что миссия Даллеса держится в строгом секрете...

— На свете не бывает секретов, о которых не знали бы другие!.. Мне хотелось бы знать ваше мнение — честно ли поступают американцы в отношении своих союзников, русских?

— Нет! — коротко ответил француз.

— В таком случае могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

— Какую?

— Узнать через вас содержание этих переговоров.

— У меня тоже есть к вам вопрос: не скажете ли, мсье Кочек, для чего вам это нужно?

— Для пользы дела!

— Кому будут предназначены эти сведения?

— Могу заверить вас в том, что они будут использованы во имя справедливости! — уклончиво ответил Василий.

Наступила долгая пауза. Василий понимал, что идет на большой риск, разговаривая с Маринье откровенно. Но уже одно то, что Маринье не отказал ему сразу, кое-что значило.

— Я должен подумать о вашем предложении, — наконец ответил Маринье.

— Я только прошу вас учесть при этом, что речь идет о жизни миллионов, о свободе народов! — сказал Василий и взялся за весла.

Прощаясь с Василием на набережной, Маринье обещал позвонить ему на следующий день вечером.

Ждать пришлось всего двадцать четыре часа, но какими длинными они показались Василию! Он с тревогой думал: а вдруг Маринье откажется? Однажды он уже отказал — там, во Франции... Неужели жизнь ничему не научила его?..

Чтобы не тратить даром времени, он разыскал эсэсовца.

— Какие же мы с вами друзья, герр Лемке? Приехали в Женеву и даже не показываетесь!..

— Я очень занят — охраняю драгоценную жизнь целой оравы начальников, — оправдывался оберштурмбанфюрер. — К тому же не сомневаюсь, что за мною установлена слежка, — я-то хорошо знаю наши порядки!.. Ходить к вам без особой надобности не имеет смысла, — начнутся вопросы, догадки, предположения...

— Дорогой Лемке, не скажете ли мне, зачем приехали сюда начальники, которых вы охраняете?

— Мистер Кочек, я уверен, что вы знаете это не хуже меня!

— Хочу от вас получить подтверждение...

— Пожалуйста, подтверждаю: они приехали сюда, чтобы вести переговоры с американцами. Наши руководители наконец-то поняли, что дело идет к катастрофе и единственный выход из создавшегося положения — заключить мир с Западом и со всей силой обрушиться на русских. Если не победить, то хотя бы остановить их и не пускать к себе...

— Вижу, вы стали большим стратегом, Лемке! — Василий усмехнулся.

— Поневоле станешь, когда вокруг одни только твердолобые дураки!

— Будете ли вы присутствовать при переговорах?

— Нет, конечно, — меня дальше фойе отеля «Савой» не пустят.

— Окажите мне дружескую услугу — назовите фамилии и звания генералов, участвующих в переговорах.

Лемке долго молчал, потом махнул рукой и назвал пятерых немецких генералов.

Выдав Лемке в награду бутылку рома и три блока сигарет, Василий отпустил его.

Позвонил Маринье и снова назначил свидание на набережной у лодочной станции.

Маринье был взволнован, — Василий понял это с первых его слов, как только они сели в лодку и отчалили от берега.

— Я не спал всю ночь, — заговорил француз, — все думал о вашем предложении... Не знаю почему, но я решил помочь вам. Во всей этой истории для меня есть одно оправдание: американцы действительно поступают нечестно, собираясь предавать своих союзников. Надеюсь, потомство не осудит мой поступок и не сочтет меня изменником...

— Я думаю, что все честные люди отдадут вам должное, — сказал Василий.

Они условились, что Маринье будет делать короткие записи о ходе переговоров, а Василий придумает способ получения этих записей, поскольку частое появление Маринье на улицах или в ресторанах может вызвать у американцев подозрение.

Василий и Стамбулов долго ломали голову над тем, как получать записи Маринье. Решили, что лучше всего, если Маринье будет делать свои записи на папиросной бумаге, потом положит их в пустую коробку из-под сигарет и в условный час, прогуливаясь, бросит ее в мусорный ящик за углом отеля. Спустя короткое время свой человек достанет коробку из ящика.

— Но для этого нужно иметь своего мусорщика, — сказал Стамбулов.

— Подумаем и о своем мусорщике!

Василий вспомнил о здешнем антифашисте Дикмане, о котором говорил ему в свое время «отец», и отправился к нему. Дикман оказался упитанным, краснощеким человеком средних лет с гладко причесанными волосами. Он работал в конторе туристской фирмы.

— Ну что ж, придется вам помочь, — сказал Дикман, выслушав Василия. — Мы найдем надежного человека, наденем на него форму мусорщика, и в определенный час он подкатит ручную тележку к тому ящику, который вы укажете...

Стамбулов установил, что мусорные ящики опоражниваются три раза в день — в семь часов утра, в три часа дня и в девять часов вечера. Дикман, встретившись с Василием вторично, сообщил ему, что человек для роли мусорщика найден, форма и тележка имеются. Выбрав утренние часы, они сделали пробу, — все обошлось гладко.

Маринье записывал во время переговоров самое важное, а рано утром, положив свои записи в пустую коробку из-под сигарет, бросал ее в мусорный ящик. Чуть позже они попадали к Василию.

Переведя записи Маринье на русский язык, Василий шифровал их, а ночью Стамбулов передавал шифровку через своего знакомого радиолюбителя по условным позывным в Москву.

В Москве знали о содержании всех переговоров мистера Даллеса с немецкими генералами...

Весна 1945 года. Небывалая война, кровавая, изнурительная, приближалась к концу. Советские войска вели бои на земле фашистской Германии. Час расплаты приближался...

Василий, отличавшийся железным здоровьем, начал сдавать. Сказались годы напряженной, полной опасности работы. Его одолевали головокружения, мучила слабость, бессонница. Лиза настаивала, чтобы он хоть немного отдохнул. Василий долго сопротивлялся, но здоровье его с каждым днем ухудшалось, и он вынужден был просить у компании отпуск. Он и Лиза поехали в Швейцарские Альпы, надеясь, что чистый воздух в горах поможет Василию лучше всяких лекарств, врачей и санаториев.

Однажды, после длительной лыжной прогулки и сытного завтрака, они сидели у окна гостиной маленького пансиона, в котором остановились. Искрился на солнце нетронутый снег, к маленькой, затерянной в горах деревушке вели лыжные следы. Вокруг тишина — ни единого звука, словно все притихло, замерло в мире и нет в нем ни грохота пушек, ни крови, ни смерти, ни пожарищ...

Лиза негромко сказала:

— Наши бойцы приближаются к Берлину, а мы сидим здесь, наслаждаемся отдыхом... Господи, чего бы я не отдала, чтобы быть с ними, с ними войти в Берлин!.. Шагать по знакомым улицам и быть собой, а не какой-то миссис Кочек. Вслух думать, что справедливость восторжествовала... Знаешь, Василий, временами меня мучает стыд: я не могу не думать, что все эти годы я отсиживалась в тылу, а люди воевали по-настоящему...

Василий нахмурился, помолчал, чтобы не заговорить слишком резко, потом сказал:

— От тебя, друг мой, я не ожидал услышать такое!.. Разве мы с тобой не на самом переднем крае борьбы? Неужели тебе нужно объяснять, что есть частица и нашей с тобой работы в том, что бойцы Советской Армии стоят у стен Берлина?

— И все-таки...

— Никаких «все-таки»! Мы скоро вернемся домой, вернемся с высоко поднятой головой. Пусть нам не устроят торжественной встречи и не увенчают наши головы лавровыми венками. По мы-то с

тобой знаем, каково нам приходилось, знаем, что мы сделали все, что могли. А сделать это было, честное слово, трудно, чертовски трудно!..

Он положил свою большую сильную руку на руку Лизы, и она смущенно улыбнулась ему в ответ...

Эпилог

В августе 1945 года к зданию советской военной комендатуры в Берлине подкатил роскошный лимузин. За рулем сидел хорошо одетый мужчина атлетического телосложения, а рядом с ним красивая женщина.

Мужчина вышел из машины и, хлопнув дверцей, уверенно прошел в комендатуру.

— Мне нужно видеть господина коменданта, — обратился он к дежурному старшине на чистейшем русском языке.

— Кто вы и откуда? — поинтересовался старшина.

— Я американец, и у меня очень важное дело к коменданту, — ответил мужчина.

Старшина пошел докладывать и, возвратись, сказал:

— Комендант очень занят и принять вас сейчас не может.

— Да поймите вы, у меня важное, неотложное дело! Пожалуйста, попросите господина коменданта уделить мне пять минут.

Старшина вновь пошел к коменданту.

— Товарищ полковник, этот американец пристал как банный лист, говорит, у него важное, неотложное дело.

— Некогда мне возиться с ним! — ответил комендант, не отрываясь от бумаг, лежащих перед ним.

— Товарищ полковник, он — представитель союзной нам нации, по виду симпатичный и говорит по-нашему не хуже нас с вами!

— Ладно, — раз симпатичный, зови!

Американец вошел в кабинет с двумя чемоданами, большим и маленьким. Поставив их на пол, он сказал:

— Товарищ комендант, в этих чемоданах иностранная, валюта. Прошу вас вызвать представителя советской разведки, чтобы я мог сдать ему эти деньги.

Комендант удивленно посмотрел на посетителя:

— Скажите сперва — кто вы?

— По паспорту я — гражданин Соединенных Штатов Америки и зовут меня Ярослав Кочек. А по-нашему — просто товарищ Василий... Еду домой, не таскать же мне с собой такую кучу денег в иностранной валюте. Спокойнее сдать деньги представителю нашей разведки и взять с собой квитанцию.

Комендант понимающе кивнул, пригласил гостя сесть и вызвал к себе майора из разведки. Когда тот явился, комендант, улыбаясь, представил ему Василия.

— Прошу принять у меня иностранную валюту и дать расписку, — сказал Василий майору. — Вот в этом чемодане, — Василий указал рукой на большой, — сто тридцать пять тысяч американских долларов и двести восемьдесят тысяч швейцарских франков, а в маленьком — пять тысяч пятьсот долларов. Живя за границей более четырнадцати лет, я занимался коммерческой деятельностью и заработал эти деньги. Каждый месяц я брал себе определенную сумму на жизнь и вел запись. Из этого расчета откладывал три процента для уплаты членских партийных взносов.

— Партийные взносы принять не могу, — машинально ответил майор.

— И не надо! Вы дайте мне только квитанцию с указанием суммы, а в остальном дома разберутся!..